

Лаппо-Данилевскій
2

А. С. Лаппо-Данилевскій Кудряшов
А. С. Лаппо-Данилевскій.

Методологія исторіи.

Часть I.

Теорія историческаго знанія.

Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ студентамъ С.-Петербургскаго
университета въ 19⁰⁹/10 уч. году.

ИЗДАНИЕ

Студенческаго Издательскаго Комитета
при Историко-Филологическомъ Факультетѣ
С.-Петербургскаго Университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразова и К^о. Васильев. Остр., Большой пр., 61.
1910.

D16
L 424
ch.1

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Понятіе о методологіи исторіи и ея значеніе.

Теорія познанія лежить въ основѣ методологіи науки: безъ теоріи познанія нѣтъ возможности обосновать систему принциповъ научнаго мышленія и его методовъ. Въ самомъ дѣлѣ, теорія познанія устанавливаетъ то значеніе, какое наше сознаніе должно придавать нашему знанію, его апріорнымъ и эмпирическимъ элементамъ; тѣ конечныя основанія, въ силу которыхъ мы признаемъ его достовѣрнымъ и общезначимымъ, а не ложнымъ и случайнымъ; то объединяющее значеніе, какое оно имѣетъ для нашихъ разрозненныхъ представленій; то научное значеніе, какое мы приписываемъ нашему знанію объ общемъ и объ индивидуальномъ, и т. п. Между тѣмъ, въ зависимости отъ того, а не иного рѣшенія вышеуказанныхъ проблемъ, мы, въ сущности принимаемъ и тѣ, а не иные принципы, значить и обусловленные ими методы науки, т. е. построаемъ соотвѣтствующую ея методологію.

Итакъ, методологія науки конструируется съ теоретико-познавательной, а не съ психогенетической точки зрѣнія. Изученіе генезиса нашего знанія можетъ, конечно, пригодиться и для выясненія его основаній, но не придаетъ имъ силы: и великая истина, и великое заблужденіе имѣютъ свой генезисъ; но о познавательномъ значеніи ихъ нельзя судить по ихъ генезису. Съ такой точки зрѣнія нельзя смѣшивать теорію познанія съ изученіемъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль въ ге-

1133(188) 402504

незисѣ нашего знанія, напрымѣрь, творческаго воображенія, „случайности“ и т. п.; для анализа научныхъ понятій психогенетическое ихъ изученіе имѣеть лишь вспомогательное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зависимости отъ данной теоретико-познавательной, а не генетической точки зрѣнія мы, въ сущности, принимаемъ и тѣ, а не иные принципы и методы изученія даннаго матеріала, хотя и развиваемъ ихъ въ зависимости отъ объектовъ, которые насъ интересуютъ.

Въ виду тѣсной связи между теоріей познанія и методологіей науки послѣдняя можетъ развивать, исправлять или дополнять общую теорію познанія и такимъ образомъ оказываетъ ей существенныя услуги, хотя бы размышленія подобнаго рода и не представляли ничего цѣннаго для спеціально научныхъ изысканій. Теорія познанія, напрымѣрь, долгое время строилась слишкомъ односторонне: она принимала во вниманіе одно только естествознаніе и стояла въ зависимости отъ одного только изученія „природы“; за послѣднее время, однако, теорія познанія обогатилась новою отраслью—теоріей историческаго знанія, возникшей благодаря тому, что мыслители конца прошлаго вѣка обратили серьезное вниманіе на логическую структуру собственно историческаго знанія.

Методологія науки имѣеть, однако, значеніе и для обоснованія, а также для построенія данной ея отрасли. Наше сознаніе, характеризуемое систематическимъ единствомъ всѣхъ нашихъ понятій, требуетъ такого же единства и въ нашемъ знаніи, особенно въ наукѣ; но безъ методологическихъ размышленій нельзя достигнуть нѣкотораго единства въ области научныхъ представленій; лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрѣнія, которая всего болѣе удовлетворяетъ такому требованію нашего сознанія, мы можемъ пользоваться соответствующими принципами и методами для того, чтобы обосновать наше знаніе, объединить извѣстныя данныя нашего опыта, придать единство нашему научному построенію и выработать систему научныхъ понятій, а не довольствоваться разрозненными научными представленіями. Во всякомъ случаѣ, методологія науки должна принимать во вниманіе принципы такого единства, хотя бы въ

области данной отрасли знанія. Установить принципъ значить, однако, опознать ту истину (аксіому), на которой онъ основанъ, значить продумать его въ собственномъ сознаніи; но установить одинъ принципъ независимо отъ другого нельзя: методологія не можетъ ограничиться изученіемъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; она стремится выяснить систему общихъ понятій, ибо только такимъ образомъ каждое изъ нихъ получаетъ надлежащее значеніе: она пользуется однимъ или нѣсколькими наиболѣе общими понятіями, субсуммируетъ подъ нихъ менѣе общія и т. д. Даже въ математикѣ, наукѣ наиболѣе сложившейся, вопросы подобнаго рода обсуждаются довольно оживленно; методологическія разсужденія въ области математики привели въ послѣднее время къ сближенію между логикой и математикой и къ критическому разсмотрѣнію основныхъ принциповъ самого математическаго знанія *). Методологическія разсужденія имѣютъ тѣмъ большее значеніе примѣнительно къ наукамъ, логическія особенности которыхъ далеко еще не выяснены, а къ нимъ надо причислить и исторію. Методологія исторіи также обсуждаетъ основанія историческаго знанія и способствуетъ выработкѣ обоснованной системы историческихъ понятій; спеціальныя изслѣдованія не могутъ дать такой системы: они только готовятъ матеріалъ для нея, но система согласованныхъ между собою историческихъ понятій устанавливается путемъ разсмотрѣнія и формулировки основныхъ принциповъ историческаго знанія и методическаго ихъ раскрытія, возможно болѣе послѣдовательно проводимаго сквозь всю историческую науку.

Методологія данной отрасли науки нуждается, однако, еще въ дополнительныхъ понятіяхъ, безъ принятія которыхъ нельзя построить ея и выяснить особенности ея метода. Съ такой точки зрѣнія и методологія исторіи должна имѣть въ виду, кромѣ вышеуказанной общей цѣли, свою специфическую задачу: она стремится обосновать историческое знаніе, т. е. возвести его къ основнымъ принципамъ познанія, обусловливающимъ (въ до-

*) В. Russel, *The Principles of Mathematics*, Cambridge U.—P., 1903.
L. Couturat, *Les principes des Mathématiques*, Par., 1905.

гическомъ смыслѣ) самую возможность всякаго знанія, а, значитъ, и историческаго; но такъ какъ историческое знаніе не ими одними обусловлено, то она устанавливаетъ и производные принципы или положенія, которые въ комбинаціи съ основными дѣлаютъ возможнымъ изученіе данныхъ нашего опыта съ исторической точки зрѣнія и придаютъ систематическое единство историческому знанію; въ силу вышеуказанной связи между принципами и методами, та же методологическая дисциплина, кромѣ принциповъ историческаго знанія, выясняетъ и тѣ методы мышленія, которые зависятъ отъ нихъ и благодаря которымъ извѣстная точка зрѣнія прилагается къ данному матеріалу; такимъ образомъ она отбѣняетъ и общее значеніе историческаго метода, — что получаетъ особенно большой вѣсъ въ глазахъ тѣхъ историковъ, которые готовы признать „исторію“ въ сущности и прежде всего методомъ — и главныя его особенности, зависящія также отъ объектовъ историческаго изученія.

Если принять предложенное выше понятіе о методологій науки вообще и методологій исторіи въ частности, то на него можно будетъ опереться и для того, чтобы отразить возраженія, которыя высказываются противъ нея, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интуитивизма.

Въ своихъ возраженіяхъ противъ значенія размышленій надъ принципами и методами познанія ученые интуитивисты часто слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе только что указанное различіе между основаніями историческаго знанія и его генезисомъ: нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что каждый интуитивно уже пользуется извѣстными принципами и развиваетъ методы изслѣдованія въ самомъ процессѣ работы. Само собою разумѣется, что методъ развивается въ процессѣ специально-научной работы; но теоретическое обоснованіе его нельзя смѣшивать съ его развитіемъ или съ частными его приложеніями; между тѣмъ, достигнуть такого обоснованія, т. е. установить общіе принципы, лежащіе въ основѣ даннаго метода и его оправдывающіе въ логическомъ смыслѣ, можно только путемъ методологическихъ разсужденій; а ясное сознаніе ихъ значенія регулируетъ научное мышленіе изслѣдователя.

— 3 —

Въ зависимости отъ такого смѣшенія понятій о теоріи познанія и объ его генезисѣ, противники методологическихъ разсужденій примѣняютъ, напримѣръ, то, что можно сказать о научномъ творчествѣ, къ научному методу: подобно тому какъ творческое воображеніе не создается, а зависитъ отъ особенностей данной индивидуальности и есть ея индивидуальный актъ, такъ и научный методъ создается, по ихъ мнѣнію, интуитивно и не нуждается въ особыхъ разсужденіяхъ, которыя давали бы его обоснованіе. Само собою разумѣется, что творческое воображеніе не создается никакою методологіей; но послѣдняя даетъ понятіе о критеріяхъ, въ силу которыхъ должно признать пользованіе имъ правильнымъ или ошибочнымъ. Человѣкъ, не обладающій достаточною силою творческаго воображенія, конечно, не можетъ сдѣлаться настоящимъ ученымъ, не будетъ и настоящимъ историкомъ. Историкъ долженъ, напримѣръ, воспроизводить въ себѣ состоянія чужого сознанія, иногда очень далекія отъ привычныхъ ему состояній, и ассоціировать между собою идеи, кажущіяся его современникамъ чуждыми другъ другу; онъ долженъ обладать богатымъ и страстнымъ темпераментомъ для того, чтобы интересоваться разнообразнѣйшими проявленіями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересуетъ, глубоко погружаться въ чужіе интересы, дѣлать ихъ своими и т. п.; онъ долженъ быть также способнымъ вообразить себѣ и болѣе или менѣе смѣлую гипотезу, пригодную для объясненія фактовъ или для построенія изъ нихъ цѣлыхъ группъ или серій и т. п. Безъ такого творчества историкъ, конечно, не построитъ какого-либо крупнаго историческаго цѣлаго, а наличность у историка его собственнаго индивидуальнаго творчества есть фактъ, который нельзя создать никакимъ историческимъ методомъ. Тѣмъ не менѣе историкъ долженъ сознавать и тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ пользуется извѣстными принципами и методами изслѣдованія; историкъ-ученый не можетъ признать результаты интуитивно-синтетической строительной работы правильными, не выяснивъ, какіе именно принципы лежали въ ея основѣ и каково ихъ значеніе, а также не подвергнувъ методовъ, да и самыхъ результатовъ изслѣдова-

нія предварительной провѣркѣ. Историкъ, широко практикующій подобнаго рода „дивинацію“, все же часто прибѣгаетъ къ помощи научнаго анализа, прежде чѣмъ окончательно завершить свое построение; но въ такихъ случаяхъ онъ или пользуется имъ слишкомъ мало, или выходитъ изъ своей роли историка-художника и удовлетворяется болѣе скромною ролью историка-ученаго: послѣдній постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего построительнаго воображенія и т. п. и думаетъ достигнуть цѣли не путемъ исключительно интуитивно-синтетической дивинаціи а путемъ научно-синтетическаго построения. Слѣдовательно, вышеуказанное возраженіе, что историкъ работаетъ интуитивно, при помощи творческаго воображенія и т. п., нисколько не умаляетъ значенія методологіи исторіи.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія понятій о синтезѣ и анализѣ, ученые интуитивисты легко подыскиваютъ и другое возраженіе, проистекающее изъ смѣшенія понятія о логическомъ ихъ соотношеніи вообще съ понятіемъ о генетическомъ преемствѣ въ исторіи наукъ нѣкоторыхъ синтетическихъ операцій вслѣдъ за аналитическими. По мнѣнію многихъ ученыхъ, анализъ долженъ предшествовать синтезу; значить, и разсужденія объ общихъ принципахъ и методахъ наукъ, отличающіяся синтетическимъ характеромъ, преждевременны. Въ разсужденіяхъ подобнаго рода ученые упускаютъ изъ виду тѣсную связь, въ какой вышеуказанныя понятія находятся между собою, и, въ сущности, говорятъ не о наиболѣе общихъ формахъ или синтетическихъ принципахъ нашего мышленія вообще, а о спеціальныхъ научныхъ обобщеніяхъ въ данной области нашего опыта. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же производить какого-либо анализа безъ какихъ-либо руководящихъ принциповъ синтетическаго характера, хотя бы примѣненіе ихъ къ болѣе конкретному содержанію и развивалось во времени. Съ этой точки зрѣнія и разсужденія о принципахъ и методахъ исторической науки нельзя считать преждевременными: такія понятія сознательно или „безсознательно“ болѣе или менѣе обуславливаютъ научно-историческое изслѣдованіе, хотя содержаніе ихъ и можетъ измѣняться во вре-

мени, въ зависимости отъ дѣйствительнаго развитія самой исторической науки, и получаютъ болѣе точную, специфически научную формулировку.

Аналогичное смѣшеніе между двумя, по существу различными, точками зрѣнія—теоретико-познавательной и эволюціонной—также позволяетъ противникамъ методологіи наукъ сослаться еще на одно соображеніе: въ исторіи наукъ методологическія разсужденія обыкновенно слѣдовали за великими открытіями, а не предваряли ихъ. Съ генетической точки зрѣнія методологія науки дѣйствительно не предшествуетъ ей, а слѣдуетъ за нею, ибо научное творчество не создается методологіей (см. выше); но, не говоря о томъ, что наука слагается не сразу, и послѣдующее ея развитіе зависитъ также отъ степени разработки ея методологіи, можно сказать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о значеніи методологіи для науки, а не о ея развитіи: съ аналитической точки зрѣнія методологія науки логически предшествуетъ ея выводамъ, систематическому ея единству.

Итакъ, лишь различая теоретико-познавательную точку зрѣнія отъ психогенетической, можно избѣжать того смѣшенія понятій, благодаря которому отрицательное отношеніе къ методологіи исторіи становится возможнымъ.

Впрочемъ, возраженія противъ методологіи исторіи можно отразить и съ точки зрѣнія требованія обоснованности и систематическаго единства исторической науки. Возражая противъ значенія такой дисциплины, историки-интуитивисты забываютъ, что предварительное знаніе принциповъ и пріемовъ научно-историческаго построенія, почерпаемое изъ методологіи исторіи, имѣетъ существенное значеніе для научно-исторической работы: лишь въ томъ случаѣ, если историкъ, стремящійся къ исторической правдѣ, опозналъ тѣ принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться въ процессѣ работы, онъ можетъ ясно поставить себѣ извѣстную познавательную цѣль, придавать систематическое единство своему знанію исторической дѣйствительности, не смѣшивая разныхъ понятій, и производить свою работу систематически, путемъ изслѣдованія, постоянно контролируя его ходъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, помимо чисто теоретическихъ соображеній, и въ дѣйствительности тѣ, которые возражаютъ противъ значенія методологическихъ разсужденій, разумѣется, пользуются извѣстными принципами познанія и методами изученія: только они не выдѣляютъ ихъ сознательно изъ общаго потока своего мышленія. Одинъ изъ великихъ ученыхъ прошлаго вѣка, на примѣръ, назвалъ свой знаменитый трудъ „теоріей явленій электродинамическихъ, основанной единственно на опытѣ“; онъ, значить, думалъ, будто для построенія своей теоріи онъ не прибѣгалъ ни къ какой гипотезѣ; а между тѣмъ онъ пользовался цѣлымъ рядомъ „гипотезъ“; только онъ дѣлалъ это, самъ того не замѣчая *). Въ такихъ случаяхъ многіе рискуютъ, однако, смѣшать разныя теоретико - познавательныя точки зрѣнія или употреблять принципы и методы, точно не выяснивши себѣ ихъ значенія; и все же съ теченіемъ времени сами ученые признаютъ необходимымъ разобраться въ нихъ; достаточно припомнить здѣсь, на примѣръ, имена Лобачевскаго и Riemann'a, Poincaré и Russell'я—въ математикѣ, Helmholtz'a, а также Hertz'a и Mach'a—въ механикѣ и физикѣ, Ostwald'a — въ химіи, Du Bois Reymond'a и Cl. Bernard'a въ естествознаніи. Историки позднѣе другихъ принялись за ту же работу; насколько, однако, они въ настоящее время увлекаются методологическими спорами, видно хотя бы изъ той полемики, которая загорѣлась между Lamprecht'омъ, Tönnies'омъ, Barth'омъ и Meyer'омъ, Vernheim'омъ, Below'омъ, а также между многими другими учеными.

Такимъ образомъ, и отвлеченныя соображенія, и дѣйствительное развитіе науки указываютъ на то, что методологическія разсужденія имѣютъ положительное значеніе.

Обсужденіе методологическихъ вопросовъ не всегда, конечно, имѣетъ видимыя практическія послѣдствія, но тѣмъ не менѣе оно можетъ быть весьма полезнымъ: такое обсужденіе оставляетъ въ умѣ привычку къ систематическому, методически

*) Н. Poincaré, *La science et l'hypothèse*, 1 éd., p. 260; рѣчь идетъ объ Амперѣ и его сочиненіи: „*Théorie des phénomènes électrodynamiques uniquement fondée sur l'expérience*“.

правильному мышленію, а оно, разумѣется, продолжаетъ дѣйствовать и въ сферѣ специальныхъ изслѣдованій: оно всегда отражается на методѣ изслѣдованія (напримѣръ, на точкѣ зрѣнія, съ которой данный объектъ изучается), хотя бы такое отраженіе явно и не обнаруживалось въ самомъ изслѣдованіи или въ его результатахъ.

Впрочемъ, изученіе методологіи науки можетъ приводить и къ болѣе замѣтнымъ, видимымъ практическимъ послѣдствіямъ; оно имѣетъ значеніе и для построенія науки, и для ея развитія, т. е. для дальнѣйшей ея разработки.

При отсутствіи методологическаго обсужденія основныя понятія превращаются въ своего рода *praenotiones*, покоящіяся на традиціи: они или вовсе не опредѣляются, или опредѣляются неправильно, а, при отсутствіи строго выработанной терминологіи, и различно понимаются собесѣдниками; что сказать о формулѣ, элементы которой каждымъ изъ обсуждающихъ ее опредѣляются различно? Далѣе, придавая нашему мышленію въ любой области возможно большее единство, послѣдовательность и согласованность, изученіе методологіи дѣлаетъ наши заключенія гораздо болѣе убѣдительными и для себя, и для другихъ: лишь при единствѣ основанія, т. е. выдержанности основной точки зрѣнія, послѣдовательности въ разсужденіи и согласованности выводовъ между собою, можно разсчитывать, при высказываніи своихъ мыслей, на дѣйствительную убѣдительность ихъ и для себя, и для другихъ. Наконецъ, очищая индивидуальное мышленіе отъ случайныхъ *praenotiones*, оно даетъ возможность болѣе быстро пониманія другъ друга, благодаря которому люди или приходятъ къ соглашенію, или убѣждаются въ принципиальномъ разногласіи своихъ построеній; сколько времени и силъ тратится на праздные споры только потому, что спорящіе взаимно не понимаютъ своихъ исходныхъ теоретико-познавательныхъ точекъ зрѣнія!

Изученіе методологіи имѣетъ практическое значеніе не только для построенія науки, но и для ея развитія. Хотя научное открытіе есть актъ индивидуальнаго творчества, тѣмъ не менѣе въ веденіи историческихъ работъ тотъ, кто знакомъ съ методами изученія данныхъ объектовъ, съ большимъ успѣхомъ и

меньшею затратою силъ приведетъ ихъ къ окончанію, чѣмъ тотъ, кто будетъ руководиться только „чутьемъ“, „здравымъ смысломъ“ и т. п.; тотъ, кто что-либо открылъ (напр., новую точку зрѣнія на какую-нибудь эпоху и т. п.), долженъ будетъ въ разработкѣ открытаго уступить первенство тому, кто получилъ методологическую сноровку: вѣдь знаніе методологіи даетъ возможность ясно опредѣлить основную точку зрѣнія, придаетъ выдержанность данному направленію мысли, оказываетъ вліяніе на самый ходъ изслѣдованія и вообще ограждаетъ изслѣдователя отъ увлеченій его темперамента. вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь придерживаясь теоретически продуманнаго метода, историкъ (въ особенности начинающій) будетъ въ состояніи соблюсти должную экономію въ своемъ мышленіи, можетъ избѣжать излишней траты силъ на самостоятельное разысканіе точекъ зрѣнія и путей, уже ранѣе установленныхъ, и т. п. Обобщеніе метода работы также облегчаетъ взаимное согласіе и содѣйствуетъ развитію взаимопомощи между историками; оно внушаетъ довѣріе даннаго изслѣдователя къ работамъ другихъ, что даетъ ему возможность, не продѣлывая всего собственными силами, пользоваться чужими работами. Самый добросовѣстный историкъ, при работкѣ мало-мальски обширной темы, не можетъ обойтись безъ дополнительныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ имъ изъ вторыхъ рукъ; въ противномъ случаѣ, наука не могла бы идти впередъ: каждый историкъ сызнова долженъ былъ бы исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы съ успѣхомъ пользоваться чужими выводами, надо имѣть какой-нибудь критерій достовѣрности; послѣдній состоитъ въ томъ, что формальная корректность мышленія, методологическія требованія соблюдены; но пользованіе подобнымъ критеріемъ, очевидно, предполагаетъ со стороны пользующагося предварительное знаніе подобныхъ требованій, а знаніе ихъ онъ можетъ почерпнуть изъ методологіи исторіи. Такимъ образомъ, знаніе методологіи даетъ возможность историку систематически провѣрять чужіе выводы относительно историческихъ фактовъ съ точки зрѣнія ихъ метода и, лишь послѣ удовлетворительныхъ результатовъ такой провѣрки, опираться на эти выводы, поскольку они оказываются въ методологическомъ смыслѣ правильными.

Вышеприведенныя разсужденія объ утилитарномъ значеніи методологіи науки, конечно, тѣмъ болѣе примѣнимы, чѣмъ менѣе установлены исходныя ея положенія. Хотя они и въ естествознаніи далеко не вполне выяснены, но еще болѣе спорны въ такой области научнаго знанія, какъ исторія, а потому здѣсь чувствуется особенная нужда въ теоретико-познавательныхъ и методологическихъ разысканіяхъ.

Несмотря на то, что вопросъ о возможности и желательности преподаванія методологіи легко рѣшить уже на основаніи вышеприведенныхъ разсужденій въ утвердительномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе противъ такого преподаванія можно еще высказать слѣдующее соображеніе: только знаніе, самимъ пріобрѣтенное, основанное на собственномъ опытѣ, только знаніе, которое не можетъ быть выучено и передано, но создано, пережито и открыто,—только такое знаніе достовѣрно. Съ этой точки зрѣнія преподаваніе методологіи наукъ можетъ показаться бесполезнымъ.

Систематическое обоснованіе принциповъ науки и методовъ ея изученія едва ли достижимо, однако, путемъ одного только практическаго примѣненія ихъ къ рѣшенію частныхъ случаевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что преподаваніе методологіи науки вообще и исторіи въ частности полезно лишь въ томъ случаѣ, когда ея выводы перевоспроизводятся каждымъ изъ насъ въ примѣненіи къ матеріалу, собранному собственнымъ наблюденіемъ, и переживаются на собственномъ опытѣ. Въ самомъ дѣлѣ, задача высшаго образованія состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дать методологическія указанія, которыми каждый могъ бы руководствоваться для того, чтобы самому разобраться въ собственныхъ мысляхъ и получить научныя средства для дальнѣйшей работы мысли.

Вообще значеніе преподаванія методологіи исторіи и теоретической и, въ особенности, технической теперь уже сознается многими. Въ университетахъ курсы по исторіи комбинируются съ курсами по методологіи исторіи. Въ Collège de France при курсѣ „всеобщей исторіи“ курсъ методологіи исторіи читался нѣсколько разъ (каѳедра „Histoire et Morale“). Въ началѣ прошлаго вѣка (съ 1819 года), на примѣръ, Дону (Daupou) началъ

читать тамъ лекціи, въ которыхъ онъ выяснялъ своимъ слушателямъ принципы и методы исторической критики и историческаго построения. Вслѣдъ за нимъ Мишеле въ 1842—1843 гг. излагалъ принципы философіи и методологіи исторіи и затѣмъ примѣнялъ ихъ къ исторіи XVI, XVII и XVIII ст. А въ 1905 г. въ томъ же Collège de France былъ учрежденъ (на пятилѣтіе, да и то благодаря пожертвованію частнаго лица) дополнительный курсъ „всеобщей исторіи и историческаго метода“, открытый 6 декабря Моно. Во многихъ университетахъ курсы по методологіи исторіи сводятся, однако, главнымъ образомъ къ преподаванію методологіи технической, а сама методологія смѣшивается съ „вспомогательными историческими науками“. Такимъ образомъ, получается: или каѳедра (а иногда только курсъ) по исторіи и преимущественно исторіи среднихъ вѣковъ, въ связи съ курсомъ по „вспомогательнымъ наукамъ исторіи“ (Geschichte des Mittelalters und historische Hilfswissenschaften)—курсы подобнаго рода читаются, напр., Бернгеймомъ въ Грейфсвальдѣ, Редлихомъ въ Вѣнѣ, Зелигеромъ въ Лейпцигѣ, Шульте въ Боннѣ, Биттерауфомъ въ Мюнхенѣ и т. п.—или курсы по „вспомогательнымъ наукамъ“ (Historische Hilfswissenschaften), читаемые, напримѣръ, Танглемъ въ Берлинѣ, Ланглуа въ Парижѣ, Симонфельдомъ въ Мюнхенѣ и проч., или же, наконецъ, занятія по какимъ-либо специальнымъ отраслямъ наукъ, напримѣръ, нумизматикѣ, дипломатикѣ и т. п. (Ecole pratique des hautes études à la Sorbonne, Ecole nationale des Chartes въ Парижѣ, проф. Lane Poole въ Oxford'ѣ и др.). Только въ самое послѣднее время нѣкоторые историки начали читать особые курсы по „историческому методу“, напримѣръ, Сеньобосъ въ Парижскомъ университетѣ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что преподаваніе методологіи исторіи въ томъ или иномъ видѣ уже практикуется; только тѣсная связь между теоріей познанія и методологіей этой науки, между ея принципами и ея методами все еще не всегда ясно сознается, что и препятствуетъ выдѣленію особой отрасли научно-историческаго знанія—методологіи исторіи.

§ 2. Теорія историческаго знанія и методы историческаго изученія.

На основаніи соображеній, изложенныхъ выше, легко придти къ заключенію, что методологія науки преслѣдуетъ двѣ задачи: основную и производную; основная состоитъ въ томъ, чтобы установить тѣ основанія, въ силу которыхъ наука получаетъ свое значеніе, т. е. выяснитъ значеніе ея принциповъ; производная— сводится къ тому, чтобы дать систематическое ученіе о тѣхъ методахъ, которыми что-либо изучается. Подобно методологіи всякой другой отрасли науки, и методологія исторіи, разумѣется, ставитъ себѣ тѣ же задачи; соотвѣтственно имъ она и распадается на двѣ части; я назову ихъ теоріей историческаго знанія и ученіемъ о методахъ историческаго мышленія.

Теорія историческаго знанія занимается установленіемъ принциповъ историческаго знанія, основныхъ и производныхъ, на примѣръ: съ какой теоретико-познавательной точки зрѣнія исторія изучаетъ данныя нашего опыта? какое значеніе историкъ долженъ придавать принципамъ причинно-слѣдственности и цѣлесообразности въ историческихъ построеніяхъ? каковы критеріи исторической оцѣнки, на основаніи котораго историкъ производитъ выборъ матеріала? въ какомъ смыслѣ онъ пользуется понятіями „эволюція“, „прогрессъ“, „регрессъ“ и т. п.? Такіе вопросы рѣшаются различно. Въ теоріи историческаго знанія я и попытаюсь выяснитъ, какую познавательную цѣль ставятъ себѣ историческія школы разныхъ направленій и какой характеръ получаетъ историческая наука въ зависимости отъ того, будетъ ли она съ номотетической или съ идиографической точки зрѣнія изучать историческій матеріалъ, и каковы основные принципы каждаго изъ этихъ построеній.

При обзорѣ методовъ историческаго мышленія послѣдніе можно, конечно, разсматривать съ формально-логической точки зрѣнія, внѣ ихъ зависимости отъ сочетаній, пригодныхъ для изученія собственно историческихъ фактовъ; сюда надо отнести, на примѣръ, размысленія о роли анализа и синтеза, дедукціи и

индукціи въ историческихъ наукахъ и т. п.; но можно излагать методы историческаго мышленія, взятые въ относительно частныхъ сочетаніяхъ, поскольку послѣднія обусловлены познавательными (научными) цѣлями, преслѣдуемыми ученымъ при изученіи историческихъ фактовъ. Съ послѣдней точки зрѣнія, болѣе соответствующей задачамъ собственно исторической методологіи, я и буду разсуждать о методахъ историческаго изученія. Ученіе о методахъ историческаго изслѣдованія исходитъ изъ той познавательной точки зрѣнія, которая обосновывается въ теоріи историческаго знанія и, не вдаваясь въ разсужденіе объ историческомъ значеніи историческихъ фактовъ, имѣетъ въ виду болѣе скромную цѣль: оно выясняетъ то соотношеніе, которое существуетъ между принятой въ немъ познавательной точкой зрѣнія и даннымъ объектомъ историческаго знанія, т. е. зависимость данной комбинаціи принциповъ и методовъ отъ уже принятой познавательной точки зрѣнія, а также отъ свойствъ объектовъ, подлежащихъ историческому изслѣдованію; въ связи съ принципами оно даетъ систематическое понятіе преимущественно о методахъ, благодаря которымъ историкъ занимается изученіемъ исторической дѣйствительности.

Такое ученіе обнимаетъ „методологію источниковѣдѣнія“ и „методологію историческаго построенія“. Методологія источниковѣдѣнія устанавливаетъ принципы и приемы, на основаніи и при помощи которыхъ историкъ, пользуясь извѣстными ему источниками, считаетъ себя въ правѣ утверждать, что интересующій его фактъ дѣйствительно существовалъ (или существуетъ); методологія историческаго построенія устанавливаетъ принципы и приемы, на основаніи и при помощи которыхъ историкъ объясняя, какимъ образомъ произошло то, что дѣйствительно существовало (или существуетъ), построитъ историческую дѣйствительность.

Само собою разумѣется, что методы историческаго изученія нельзя отождествлять съ техническими приемами изслѣдованія; послѣдніе основаны не столько на принципахъ, сколько на правилахъ работы и находятся въ ближайшей зависимости отъ свойствъ изучаемыхъ объектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя съ гене-

тической точки зрѣнія методологическіе принципы развиваются вмѣстѣ съ техническими приѣмами изслѣдованія; однако, на основаніи выше сдѣланныхъ замѣчаній, легко заключить, что принципъ и техническое правило не одно и то же: принципъ требуетъ своего обоснованія путемъ опознанія заключающейся въ немъ истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется въ виду той утилитарной цѣли, которая ставится изслѣдователемъ; правила подобнаго рода преимущественно и лежатъ въ основѣ собственно техническихъ приѣмовъ работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе должны находиться въ возможно болѣе тѣсной зависимости отъ свойствъ изучаемыхъ объектовъ, т. е. отъ особенностей историческихъ фактовъ; подобно тому какъ физикъ пользуется инструментами для производства своихъ работъ, и историкъ стремится придумать наилучшія орудія для обработки даннаго рода историческихъ источниковъ или явленій и событій. Общій курсъ методологіи исторіи не можетъ, однако, задаваться цѣлью изложить ученіе о техникѣ историческаго изслѣдованія: въ сущности она всего лучше усваивается въ работѣ надъ соотвѣтствующими видами сырого матеріала.

§ 3. Краткій очеркъ развитія методологіи исторіи въ прошлой и современной литературѣ.

Въ развитіи методологіи исторіи легко замѣтить нѣсколько періодовъ. На первыхъ порахъ писатели находились подъ обаяніемъ классическихъ образцовъ и разсуждали о такихъ методахъ, главнымъ образомъ, въ связи съ приѣмами ораторскаго искусства, а также съ правилами художественно-литературнаго изображенія исторіи и историческаго стиля; значить, они имѣли въ виду не столько методологію исторіи, сколько „искусство писать исторію“, и разсматривали его въ связи съ ораторскимъ или поэтическимъ искусствомъ. Такой взглядъ на исторію сталъ мѣняться со времени Возрожденія, когда гуманисты приступили къ научному изученію классической древности, а также благодаря возраставшему ихъ интересу къ политическимъ наукамъ и къ исто-

рії культури: тогда и методологія історіи, отличаема отъ ораторскаго искусства и поэтики, стала приобрѣтать болѣе научно-образный характеръ и самостоятельное значеніе. Вслѣдъ за тѣмъ, подъ вліяніемъ философіи, углубляя и расширяя понятіе о своей наукѣ, историки начали соотвѣтственно видоизмѣнять постановку ея задачъ и методовъ. Наконецъ, еще позднѣе ученые, принимая во вниманіе новыя теченія въ области теоріи познанія, стали приближаться къ болѣе точному пониманію основныхъ цѣлей собственно историческаго знанія, благодаря которому они или съ номотетической, или съ ідіографической точекъ зрѣнія и приступили къ выработкѣ методологіи історіи*). Обратимся къ краткой характеристикѣ каждаго изъ четырехъ вышеуказанныхъ періодовъ въ отдѣльности.

Писатели классической древности оставили намъ много образцовъ изображенія історіи, но очень мало разсужденій о методахъ ея построенія; ихъ приходится разыскивать преимущественно въ сочиненіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ ораторскому искусству. Впрочемъ, важнѣйшіе составители подобнаго рода сочиненій, на примѣръ, Цицеронъ и Лукіанъ требовали отъ исто-

*) Библиографическія указанія на литературу предмета см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *N. Lenglet du Fresnoy*, Méthode pour étudier l'histoire (1713), Préface и приложенный къ изданію 1714 г. (rev. et augm. par J. V. Mencke Lpz., pp. 5—12) „Catalogue des principaux historiens“ etc. *P. E. F. Daunou*, Cours d'études historiques, t. VII. *E. Bernheim*, Lehrbuch der Historischen Methode, 6 Aufl. 1908 (особенно Kap. II, § 3). *R. Flint*, The philosophy of history in France; The philosophy of history in Germany; есть франц. пер. L. Carrau, Par. 1878 въ 2-хъ тт. *Th. Barth*, Philosophie der Geschichte als Soziologie, Lpz. 1897, Bd. I. (есть рус. пер.). *М. Петровъ*, Пропедевтика (введеніе къ лекціямъ по історіи новаго времени); послѣднее (посмертное) изданіе съ добавленіями редактора. *Н. Карповъ*, Основные вопросы философіи історіи, изд. 3-е и др. Свѣдѣнія о текущей литературѣ, касающейся методологіи історіи, см. въ „Jahresberichte der Geschichtswissenschaft“ (съ т. XII, 1889 г.), а также въ историческихъ журналахъ, особенно въ Rev. de synthèse historique (до 1909 г., tt. I—XVIII) и въ Hist. Zeit. (до 1909 г. Bb. 1—103 и др.); отдѣльныя монографіи въ серіи: „Geschichtliche Untersuchungen, herausgegeben von K. Lamprecht“ и др.

рика правдивости и безпристрастія. Цицеронъ формулировалъ извѣстное правило, котораго каждый историкъ долженъ придерживаться: „ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat . . .“ и проч.; при изученіи великихъ дѣяній историкъ долженъ оцѣнивать намѣренія людей, выяснять обстоятельства, при которыхъ дѣйствія ихъ происходили, объяснять причины событій въ ихъ зависимости отъ случайностей и отъ человѣческой мудрости или смѣлости, отмѣчать выдающихся людей, изображать человѣческую жизнь въ легкой и художественной формѣ. Лукіанъ уже отмѣтилъ, что „цѣли“ поэзіи и исторіи различны; поэзія не связана дѣйствительностью; исторія, напротивъ, имѣетъ въ виду „полезное, добываемое изъ истины“, и, строго говоря, не нуждается въ вымышленныхъ украшеніяхъ *). Тѣмъ не менѣе многіе историки того времени излагали прошлое въ виду какой-либо посторонней наукѣ цѣли, т. е. убѣждали читателей въ пріемлемости нѣкоторыхъ разсужденій, или, во всякомъ случаѣ, должны были подчиняться требованіямъ художественно-литературнаго повѣствованія; между тѣмъ, искусство убѣждать кого-либо было тѣсно связано съ ораторскимъ искусствомъ; а для того, чтобы удовлетворить эстетическимъ требованіямъ, историки прибѣгали къ искусственнымъ пріемамъ изложенія; они заставляли, на примѣръ, своихъ героев говорить рѣчи (Фукидидъ), или допускали разныя отступленія, поддерживавшія вниманіе читателя, и т. п., что родило „искусство писать исторію“ не только съ наставленіями моралиста, но и съ искусствомъ оратора или поэта **).

Въ самомъ дѣлѣ, старѣйшія изъ разсужденій о пріемахъ исторической работы и историческаго разсказа сохранились именно въ трактатахъ объ ораторскомъ и поэтическомъ искусствѣ. Въ своемъ разсужденіи Цицеронъ, на примѣръ, указывалъ на то, что „созиданіе исторіи предполагаетъ изученіе пред-

*) *Cicero*, De oratore II, 15. *Lucian*, Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν, ed. F. Fritzsche, 1860, §§ 8, 42. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Лукіанъ пишетъ, что единственное дѣло историка—сообщать о случившемся и о томъ, какъ оно случилось; но авторъ не останавливается на развитіи послѣдней мысли; см. §§ 39, 44.

***) *Tacit.*, Dial. de orat., cc. 29, 39: „orationes et excessus“.

мета“, его оцѣнку и „искусство изложенія“. Лукіанъ, извѣстный риторъ, также требовалъ отъ историка политической прозорливости и искусства излагать событія (δύναμις ἐρημνευτική); затрагивая понятіе о построеніи „гармоническаго“ цѣлаго, онъ облачаетъ его въ форму требованія художественнаго повѣствованія: рассказъ историка, по его словамъ, не долженъ представляться совокупностью случайно собранныхъ рассказовъ; нить его должна быть непрерывной; элементы его должны быть также тѣсно связаны между собою; теченіе его должно быть естественнымъ, быстрымъ и т. п. Въстѣ съ тѣмъ Лукіанъ разрѣшаетъ историка хвалить и порицать историческихъ дѣятелей, впрочемъ, въ возможно болѣе краткихъ и умѣренныхъ выраженіяхъ, вставлять въ уста своихъ героевъ публичныя рѣчи и такимъ образомъ обнаруживать всю силу своего ораторскаго искусства, а также при удобномъ случаѣ (напримѣръ, изображая сраженіе) прибѣгать и къ поэтическому искусству*).

Такое же направленіе легко усмотрѣть и въ позднѣйшей литературѣ: писатели Возрожденія часто находились, конечно, подъ вліяніемъ вышеназванныхъ авторитетовъ классической древности и, преувеличивая требованія своихъ учителей, иногда слишкомъ мало различали искусство историка отъ искусства оратора или поэта. Смѣшеніе подобнаго рода, разумѣется, особенно долго держалось въ изложеніи правилъ историческаго рассказа или построенія: подъ „искусствомъ историка“ чаще всего разумѣли искусство писать исторію, и такое искусство смѣшивали съ искусствомъ оратора или поэта. Въ XV в., напримѣръ, Понтанъ признаетъ историковъ своего рода ораторами и приписываетъ историческому знанію поэтической характеръ, а въ связи съ такими взглядами излагаетъ и правила, „какъ писать исторію“. Въ слѣдующемъ столѣтіи Виперано въ трудѣ, озаглавленномъ „De scribenda historia“, называетъ историческую науку „rerum gestarum ad docendum rerum usum, sincera illustrisque nar-

*) *Lucian*, Op. cit. §§ 45, 58, 59 и др. Діонисій Галикарнасскій также предъ-
являетъ историка требованія, довольно сходныя съ правилами Цицерона, и дѣлаетъ въ
немъ правдивость и умѣніе удачно выбрать сюжетъ своего рассказа.

ratio“; отсюда видно, что онъ сводитъ историческое построение къ откровенному и блестящему разсказу дѣяній; но онъ же допускаетъ въ немъ рѣчи и отступленія и уподобляетъ его произведенію, составленному по правиламъ ораторскаго искусства. Маскарди, бывший профессоромъ риторики въ Римѣ и издавшій свой объемистый трактатъ (*Ars historica*) въ 1630 г., въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „*Struttura dell'istoria*“, устанавливаетъ естественную связь между искусствомъ историка и искусствомъ оратора или поэта. Въ довольно серьезномъ трудѣ объ историческомъ искусствѣ (*Ars historica*, 1623) Фоссъ также вполнѣ допускаетъ для историка употребленіе „рѣчей“ и „отступленій“ и готовъ поступиться второй половиной извѣстнаго правила: „*ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat*“. Даже въ концѣ того же вѣка авторъ трактата „объ исторіи“ (*De l'histoire*, 1670), отличавшагося довольно видными достоинствами. Лемуанъ (*Le Moine*) еще указываетъ на то, что историкъ долженъ быть поэтомъ: безъ поэтическаго дара онъ не будетъ въ состояніи дать художественное изображеніе прошлаго въ историческомъ разсказѣ. Съ такой точки зрѣнія естественно было сводить методологію историческаго построенія къ правиламъ „объ искусствѣ писать исторію“ и связывать его съ искусствомъ оратора или поэта.

Со времени Возрожденія, когда ученые стали интересоваться остатками классической культуры и древними текстами. ихъ редакціями и т. п., естественно начинать новый періодъ въ развитіи историческаго метода, а, значить, и въ исторіографіи сочиненій, посвященныхъ научному изложенію методологіи исторіи. Приверженцы этого направленія, правда, все еще иногда смѣшивали методологію исторіи съ „искусствомъ писать историческія сочиненія“ и риторически-поэтическими правилами историческаго стиля, что видно изъ вышеприведенныхъ фактовъ; но въ произведеніяхъ многихъ ученыхъ научное настроеніе уже начинало крѣпнуть. Въ своемъ извѣстномъ трактатѣ Фоссъ, напримѣръ, выдѣляетъ особую научную дисциплину: *ιστορική*, которая выясняетъ понятіе объ исторіи и даетъ сводъ правилъ о томъ, какимъ образомъ устанавливать достовѣрность источниковъ и избѣгать ошибокъ, а

также какіе періоды различать въ исторіи государства, какимъ образомъ сочинять историческій рассказъ, какихъ стилистическихъ правилъ держаться и т. п.; впрочемъ, онъ сообщаетъ мало новаго *). Дальнѣйшее обособленіе наукообразной исторіи отъ литературы художественной произошло частью подъ вліяніемъ развитія методологіи источниковѣдѣнія и, въ особенности, исторической критики, частью благодаря возраставшему вниманію историковъ къ той связи, въ какой исторія находится съ юридическими и политическими науками, и усилившемуся ихъ интересу къ внутренней культурной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, требованія, предъявляемыя исторической критикой, т. е. стремленіе установить подлинность и достовѣрность источниковъ, замѣтно усилившееся въ новое время, часто могло оказываться въ противорѣчьи съ приѣмами ораторскаго или поэтическаго искусства. Рапенъ, на примѣръ, указывалъ на то, что употребленіе „рѣчей“ въ рассказѣ далеко не всегда совмѣстимо съ требованіями его достовѣрности, а потому къ нимъ можно прибѣгать лишь съ большою осторожностью; онъ высказывается и противъ „отступленій“. Съ такой же точки зрѣнія Даламберъ, требуя отъ историка фанатической преданности истинѣ, остроумно замѣчаетъ, что сами историки сочли бы очень обиднымъ для себя, если бы читатели повѣрили, что рѣчи, приводимыя ими, были дѣйствительно сочинены тѣми героями, которымъ они приписываютъ ихъ составленіе; онъ же высказывается противъ употребленія такого приѣма въ историческомъ рассказѣ, долженствующемъ отличаться строгой достовѣрностью; подобнаго рода требованія, конечно, шли въ разрѣзъ и съ поэтическими вольностями, допускаемыми прежними историками. Вмѣстѣ съ тѣмъ историки начали обнаруживать больше интереса къ внутренней жизни государствъ: они стремились поставить изученіе исторіи въ связь съ характеромъ данной націи (Бодень),

*) *Gerh. Joh. Voss, Ars historica sive de historiae natura et ejus conscribendae praeceptis*, Leyden, 1623: вмѣстѣ съ изданіемъ собранія сочиненій Vossius'a изданіе 1653 г. Lugduni Batavorum считается наиболѣе полнымъ и лучшимъ; ср. выше.

съ юридическими и политическими науками (Бодуэнъ въ XVI в., позднѣе Вольтеръ, Вегелинъ и др.) и съ общей исторіей культуры (Лемуанъ, Вольтеръ и др.); они стали обращать большее вниманіе не только на прагматическое изложеніе (Рапенъ и др.), но и на процессъ культурнаго развитія челоуѣчества (Гердеръ и др.).

Съ такой точки зрѣнія и прежнія разсужденія объ „искусствѣ писать исторію“ и о тѣсной его связи съ приѣмами ораторскаго или поэтическаго искусства становились недостаточными. Уже Бодуэнъ (XVI в.), а затѣмъ и Бени (P. Béni, „De scribenda historia“, 1614) проводятъ различіе между искусствомъ историка и искусствомъ оратора или поэта. Рапенъ ставитъ историческій родъ даже возможно далѣе отъ поэтическихъ родовъ.

Не останавливаясь на перечисленіи другихъ сочиненій подобнаго рода, вышедшихъ въ то время, я только замѣчу, что уже въ XVII в. методологія исторіи получила дальнѣйшее развитіе въ специальныхъ трудахъ Мабильона, Конринга и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей. Двѣ попытки того времени изложить и общую методологію исторіи заслуживаютъ вниманія, а именно, трактаты Ленглэ и Мабли; въ нихъ обнаружилось дальнѣйшее развитіе наукообразнаго пониманія методологіи исторіи, главнымъ образомъ, методовъ историческаго изученія. Ленглэ преимущественно обратилъ вниманіе на методологію источниковѣдѣнія, Мабли—на методологію историческаго построенія.

Въ началѣ XVIII-го вѣка нельзя не замѣтить довольно скептическаго отношенія ученыхъ къ достовѣрности нѣкоторыхъ историческихъ источниковъ, а, значитъ, и построеній, особенно въ области древне-римской исторіи. Этотъ скепсисъ вызвалъ со стороны нѣсколькихъ историковъ попытки выяснитъ степень достовѣрности историческихъ знаній и указать на способы пользоваться ими; авторъ одного изъ лучшихъ сочиненій того времени по методологіи исторіи, Ленглэ, и преслѣдовалъ такую именно цѣль *). Въ своей книгѣ авторъ частью выясняетъ

*) *N. Lenglet du Fresnoy, Méthode pour étudier l'histoire, 1713*

принципы, частью и главнымъ образомъ формулируетъ правила исторической методологіи, соблюденіе которыхъ придаетъ достовѣрность историческимъ знаніямъ; смѣшивая методологическіе принципы съ правилами исторической техники, онъ включаетъ въ свое разсмотрѣніе и педагогику исторіи, т. е. излагаетъ приемы наиболѣе рациональнаго ознакомленія съ исторіей (священной, древней и „новой“, а также съ отдѣльными отраслями исторіи—политической и культурной).

Въ виду условій, при которыхъ книга возникла, Ленглэ обращаетъ вниманіе преимущественно на методологію источниковѣдѣнія. Въ его трактатѣ можно встрѣтить намеки на то, что одни источники (напр., хартіи, надписи, медали) стоятъ ближе къ историческимъ фактамъ, т. е. „современны дѣйствіямъ, объясненіе которыхъ можно найти въ нихъ“ (р. 339), другіе—дальше отъ изображаемыхъ въ нихъ фактовъ (что, на примѣръ, часто наблюдается даже въ мемуарахъ и т. п., р. 307 и сл.). Согласно съ вышеуказанной цѣлью книги, авторъ мало останавливается на исторической интерпретаціи: онъ затрагиваетъ ее, на примѣръ, рассуждая о вспомогательныхъ наукахъ, къ которымъ онъ относитъ не только географію и хронологію, но и знанія о религіи и нравахъ. Главное содержаніе методологической части его трактата сводится, однако, къ изложенію основаній исторической достовѣрности; она заключается въ личномъ наблюденіи (autopsie), въ невызывающихъ сомнѣнія документахъ, которымъ авторъ придаетъ особенное значеніе, и въ согласіи показаній заслуживающихъ довѣрія лицъ. Критеріи довѣрія сводятся къ оцѣнкѣ автора, сочиненіемъ котораго мы пользуемся; ему можно довѣрять, если онъ самъ наблюдалъ событіе, или получилъ свѣдѣнія о немъ отъ очевидцевъ, если онъ отличается безпристрастіемъ и точностью разсказа. Впрочемъ, Ленглэ принимаетъ въ расчетъ вліяніе разныхъ обстоятельствъ (характера, состоянія и проч.) на правдивость автора, а также условія, вызвавшія искаженія въ передачѣ извѣстій о давно минувшихъ собы-

(ссылки относятся къ лейпцигскому изданію 1714 г. съ дополненіями J. V. Mencke); см. еще и „Suppléments“ къ тому же сочиненію, 1740.

тіяхъ, и различіе между оригиналомъ и копіями съ него; онъ сверхъ того указываетъ и на опасность „гиперкритики“ и скепсиса.

Методологія историческаго построения въ книгѣ Ленглэ почти не затронута; но, въ зависимости отъ общаго пониманія задачи исторіи, онъ и историческое построение сводитъ къ установленію причинно-слѣдственной связи между побужденіями и дѣйствіями людей. „Изучать исторію, по его словамъ, значитъ изучать мотивы, мнѣнія и страсти людей, чтобы проникнуть во всѣ тайныя пружины его дѣятельности, всѣ его пути и изгибы его души, наконецъ, чтобы узнать всѣ иллюзіи, которыя овладѣваютъ его духомъ и неожиданно для него самого волнуютъ его сердце; однимъ словомъ, чтобы добиться познанія самого себя въ другихъ“. Та же мысль (за исключеніемъ послѣдней фразы) почти дословно встрѣчается въ сочиненіи аббата С. Реаля *). Въ концѣ своего трактата Ленглэ припечаталъ его разсужденіе. С. Реаль разсуждаетъ въ немъ о томъ, что иногда маловажныя причины порождаютъ важныя слѣдствія (событія), что дѣйствія человѣка объясняются почти всегда зложелательствомъ его удовольствій („par la malignité de nos plaisirs“) или тщеславіемъ, что большинство „добродѣтельныхъ“ дѣйствій не всегда вызвано добродѣтелью, что общественное мнѣніе регулируетъ дѣйствія людей, даже дѣйствія самыхъ разумныхъ изъ нихъ.

Мабли, одинъ изъ послѣднихъ историковъ XVIII вѣка, сочинившій трактатъ объ „искусствѣ писать исторію“, также обнаружилъ тенденцію придать ея методологіи болѣе наукообразный характеръ, и, главнымъ образомъ, пытался установить болѣе научныя приемы историческаго построения **).

*) *Abbé de S. Réal, De l'usage de l'histoire, Paris, 1672.* Авторъ признаетъ, что „знаніе вообще состоитъ въ знаніи причинно-слѣдственной связи, ибо знать—значитъ знать вещи по ихъ причинамъ; также знать исторію—значитъ знать людей, которые (своими дѣйствіями) и даютъ содержаніе историческому процессу, судить объ этихъ людяхъ, изучать исторію... и т. д., почти дословно, какъ у Ленглэ, который, однако, въ данномъ мѣстѣ не ссылается на соч. С. Реаля.

***) *G. V. de Mably, De l'art d'écrire l'histoire (1773); см. Oeuvres complètes, Toulouse, t. XIX, 1793.* Нѣм. перев. Т. R. Salzman'a съ ученымъ предисловіемъ А. L. Schlözer'a. Другое сочиненіе того же автора, извѣстное подъ

Дѣйствительно, подѣ влияніемъ вышеуказанныхъ новыхъ требованій исторической науки Мабли приближается и къ болѣе научному пониманію приѣмовъ историческаго метода. Вообще, признавая, что историкъ долженъ стремиться къ правдивости разсказа, авторъ трактата проводитъ различіе между ораторомъ или поэтомъ, которые задаются цѣлью увлечь читателя, и историкомъ, который является какъ бы свидѣтелемъ, обязаннымъ давать правдивыя показанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ требуетъ отъ историка знанія естественнаго права и политики, благодаря которымъ онъ можетъ правильно оцѣнивать начала и формы правленія, государственную дѣятельность правительствъ и т. п. Уже замѣтно интересуясь исторіей культуры и права, Мабли съ такой точки зрѣнія рекомендуетъ историку соблюдать единство построенія и совѣтуетъ ему изучать права, законы и управленіе данной націи, привязывая къ нимъ подробности, которыми факты связаны между собой.

Впрочемъ, въ своихъ трудахъ объ изученіи исторіи и искусствѣ писать ее Мабли еще не пришелъ къ опредѣленному пониманію главной цѣли исторической науки, а потому и въ пониманіи задачъ историческаго построенія онъ допускаетъ довольно значительныя колебанія. Все же тѣсно связывая, на примѣръ, понятіе о законосообразности въ исторіи съ практической пользою почерпаемаго нами изъ исторической науки, Мабли высказываетъ соображенія, не лишеныя значенія для пониманія ея принциповъ и методовъ. Въ номотетическомъ, обобщающемъ смыслѣ исторія, по его словамъ, должна служить школой морали и политики; но уже съ такой точки зрѣнія надо разбираться въ массѣ историческихъ фактовъ, а не всецѣло подчиняться имъ; съ политической точки зрѣнія исторія представляетъ интересъ, если она даетъ правителю указанія на „основныя начала благоденствія или паденія государствъ“, на причины, влияю-

заглавіемъ „De l'étude de l'histoire“—трактатъ, составленный имъ для молодого принца, сдѣлавшагося потомъ герцогомъ Пармскимъ и Пьяченскимъ въ 1765 г.— см. Oeuvres complètes, Toulouse, t. XVIII, 1793. Русск. пер. Е. Чилева „Объ изученіи исторіи“, въ 3-хъ частяхъ, СПб.

щія на общественную жизнь, на средства, при помощи которыхъ можно ускорять или замедлять ихъ дѣйствіе, и т. п.; изъ исторіи правитель почерпаетъ также понятіе о томъ, что „одни и тѣ же законы, однѣ и тѣ же страсти, одни и тѣ же нравы, однѣ и тѣ же добродѣтели, одни и тѣ же пороки постоянно производили одни и тѣ же послѣдствія“. Съ послѣдней точки зрѣнія задача историческаго построенія, значитъ, сводится къ установленію болѣе или менѣе общихъ законосообразностей историческаго процесса.

Мабли не удерживается, однако, на такой точкѣ зрѣнія: онъ уже предчувствуетъ и новые приемы историческаго построенія. Для того, чтобы судить о человѣкѣ, оказавшемъ воздѣйствіе на народную массу, надо, по его мнѣнію, не упуская изъ виду характера націи, къ которой онъ принадлежитъ, опредѣлить „страсть“ (passion), образующую основу его характера, господствующую его добродѣтель или главенствующій его порокъ (ср. faculté maîtresse Тэна), и тогда построить его характеръ, а затѣмъ объяснить изъ него и особенности его воздѣйствія на общество. Мабли уже останавливается и на приемахъ построенія историческаго цѣлаго: историкъ, по его мнѣнію, долженъ соблюдать единство въ своемъ построеніи и выбирать важнѣйшія дѣла, оказавшія рѣшительное вліяніе на исторію, какъ бы центрами, въ отношеніи къ которымъ онъ и будетъ располагать остальные факты, но и не пренебрегать характерными подробностями.

Тѣмъ не менѣе Мабли все еще сохраняетъ нѣкоторыя изъ особенностей стариннаго пониманія историческаго построенія; онъ полагаетъ, на примѣръ, что исторія безъ „рѣчей“ не можетъ быть поучительной.

Послѣ появленія трактата Мабли объ „искусствѣ писать исторію“ методологія исторіи вообще значительно оживилась, благодаря цѣлому ряду спеціальныхъ работъ въ области приложенія историческихъ методовъ къ изученію лѣтописнаго и документальнаго матеріала; стоитъ только припомнить имена Шлецера и Гаттерера *). Въ концѣ того же столѣтія Шенеманнъ

*) *H. Wesendonck*, Die Begründung der neuen deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung und Gang derselben von diesen, Lpz. 1876.

издаетъ уже цѣлую „энциклопедію историческихъ наукъ“, а черезъ два десятилѣтія Вакмутъ пытается дать новый обобщающій трудъ по части методологіи исторіи *).

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые писатели новѣйшаго времени все еще находились подъ вліяніемъ старинныхъ традицій и продолжали придавать большое значеніе разсужденіямъ объ „искусствѣ писать исторію“.

Съ такой точки зрѣнія къ ближайшимъ преемникамъ Мабли можно причислить извѣстнаго Дону; съ 1819 г. онъ началъ читать свои лекціи по методологіи исторіи въ Collège de France и за исключеніемъ курса объ исторической критикѣ, всѣ остальные посвятилъ, главнымъ образомъ, изложенію того отдѣла, который я называю методологіей историческаго построенія, присоединивъ къ нему соображенія о приемахъ историческаго повѣствованія **).

Дону—представитель стараго направленія: онъ почитатель классической школы древности, „экспериментальной философіи Бэкона“ и „просвѣщенія“ XVIII вѣка; онъ не признаетъ никакой идеально или апріори построенной исторіи, хотя съ похвалой отзывается о трактатѣ Канта объ идеѣ всеобщей исторіи человѣчества; онъ отрицательно относится къ эклектизму и къ романтизму, борется со взглядами Кузена и Гизо и т. п.

Дону имѣетъ довольно расплывчатое понятіе объ исторіи; онъ формулируетъ его подъ вліяніемъ моральныхъ и эстетическихъ требованій, предъявляемыхъ историческому изображенію. Исторія, по его словамъ, есть „разсказъ о частныхъ поступкахъ и въ особенности о публичныхъ событіяхъ“; она даетъ картину судебъ одного человѣка или цѣлаго народа, одного или нѣсколькихъ вѣковъ; она регистрируетъ приключенія и революціи, среди которыхъ человѣчeskій родъ распространялся, цивилизовался или подвергался нравственному паденію (t. VII, p. 8). Авторъ не прочь отгнать, что и выборъ сюжета также зависитъ отъ эсте-

*) *C. Schönemann*, Grundriss einer Encyklopaedie der historischen Wissenschaften, Göttingen, 1799; о Вакмутѣ см. ниже.

**) *P. F. C. Daunou*, Cours d'études historiques, tt. I--XX, Par. 1842—1849.

тических требований: сюжетъ, выбираемый историкомъ, долженъ обладать единствомъ и разнообразіемъ; онъ также долженъ отличаться гармоніей, а не монотоніей (т. VІІ, р. 36). Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ изучаетъ примѣненіе исторіи, т. е. значеніе историческихъ знаній для моральныхъ и политическихъ наукъ. Впрочемъ, Дону подробно излагаетъ въ своемъ трудѣ приемы исторической критики и историческаго построенія, а именно, изучаетъ средства размѣщать факты въ пространствѣ (историческая географія—т. II, 293—525) и во времени (историческая хронологія—томы 3 и 4); затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію „искусства писать исторію“ (т. VІІ). Авторъ признаетъ значеніе „точныхъ методовъ“, примѣненію которыхъ въ области моральныхъ и политическихъ наукъ онъ и приписываетъ ихъ успѣхи, и усматриваетъ связь между исторіей и такими науками; но въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ имѣетъ въ виду изложить лишь приемы „сочиненія исторіи“ (т. XII, р. 51), т. е. правила сочиненія историческихъ произведеній, причемъ исходитъ изъ извѣстныхъ четырехъ „законовъ“, изложенныхъ еще Цицерономъ въ его разсужденіи „объ ораторѣ“, и изучаетъ „искусство художественно изображать факты въ разсказахъ“. Авторъ придаетъ существенное значеніе художественному изображенію исторіи: слишкомъ мало доказывая то, что онъ описываетъ, историкъ принужденъ замѣнять научность своего изложенія художественностью изображенія; вмѣстѣ съ тѣмъ предметы историческихъ изысканій имѣютъ моральный характеръ и требуютъ „чистыхъ и граціозныхъ формъ, а иногда и богатыхъ красокъ“; наконецъ, сама по себѣ исторія—живописна и драматична, а потому и историческій „стиль“ долженъ быть „живописнымъ“ (pittoresque) (т. VІІ, pp. 17, 20, 23). Старинное пониманіе задачъ историческаго изображенія легко замѣтить и въ подробныхъ разсужденіяхъ автора объ отступленіяхъ отъ общаго хода историческаго изложенія (maximes, digressions etc). Въ слѣдующихъ томахъ своего курса Дону иллюстрируетъ такія правила на частныхъ примѣрахъ (Геродотъ, Фукидидъ и др. греческіе и римскіе историки классической древности; см. тт. VІІІ—XIX).

Трудъ Дону, разумѣется, значительно устарѣлъ. Нельзя со-

гласиться ни съ его пониманіемъ исторіи и ея задачъ, ни съ его методологическими разсужденіями; въ сущности онъ и не устанавливаетъ ни принциповъ, ни методовъ научно-историческаго построения, а лишь выясняетъ правила, пригодныя, по его мнѣнію, для сочиненія историческихъ произведеній, а также правила историко-литературнаго, художественнаго изображенія и стиля. Впрочемъ, Дону уже сознавалъ, что историкъ долженъ быть знакомъ съ философскими системами; онъ излагаетъ ихъ главнѣйшія направленія—идеалистическое или „созерцательное“ и реалистическое или „экспериментальное“ (ст. XX). Хотя Дону съ похвалою отзывается о попыткѣ Канта свести исторію человѣчества въ систему, онъ все же относится скептически къ такимъ построениямъ и предпочитаетъ „экспериментальный методъ“, но ему не удалось закончить свой трудъ и подробнѣе выяснить приложеніе „экспериментальнаго метода“ къ построению историческаго процесса—„цѣпи причинъ и слѣдствій“.

Въ то время, однако, философія уже начинала оказывать нѣкоторое вліяніе и на развитіе методологіи исторіи: еще мало замѣтное до середины восемнадцатаго вѣка, оно значительно укрѣпилось въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, Декартъ съ его рационализмомъ не могъ питать большого интереса къ исторіи и ея „случайностямъ“, да и Бэкону не удалось рѣшительнымъ образомъ измѣнить такое настроеніе: занимаясь „классификаціей наукъ“, онъ, правда, отводилъ въ ней извѣстное мѣсто и исторіи; но онъ производилъ свою группировку преимущественно съ психологизирующей точки зрѣнія; въ основѣ ея лежала извѣстная теорія о „способностяхъ“ души; изъ трехъ основныхъ „способностей“ („разума“, „памяти“ и „воображенія“) историческое знаніе онъ ставилъ въ зависимость отъ „памяти“*). Естественно, что теорія подобнаго рода не могла оказать большого вліянія на развитіе исторической науки: сами историки обыкновенно оставляли теорію историческаго знанія въ сторонѣ и разсуждали только о спеціальныхъ методахъ изученія матеріала, или еще чаще о приемахъ историческаго повѣствованія.

*) См. ниже, отд. II, гл. 1.

Важнѣйшіе моменты въ развитіи философской мысли XVIII—XIX ст. не замедлили, впрочемъ, отразиться и на методологіи исторіи. Съ такой точки зрѣнія въ предѣлахъ послѣднихъ полутора-раста лѣтъ можно различать два періода, а именно: время вліянія идей, связанныхъ съ старѣйшими философскими системами, преимущественно, съ нѣмецкимъ идеализмомъ, и время вліянія новѣйшихъ теченій въ области собственно теоріи познанія на методологію исторіи.

Въ теченіе старшаго изъ указанныхъ періодовъ и главнымъ образомъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Лейбница, Канта и Гегеля возникли и старѣйшія изъ попытокъ построить методологію исторіи; въ качествѣ важнѣйшихъ иллюстрацій можно указать на труды Хладенія, Ваксмута, Гервинуса и Дройзена.

Хладеній былъ современникомъ Вольфа. Первоначально заинтересовавшись теоріей историческаго знанія преимущественно съ богословско-полемиической и церковно-исторической точекъ зрѣнія, онъ вслѣдъ за тѣмъ сталъ разсуждать о „познаніи исторіи“ и съ теоретико-познавательной точки зрѣнія. Вообще, разумѣя подъ „Vernunftlehre“ все то, что нашъ разумъ (Verstand) долженъ соблюдать при познаніи истины, Хладеній признавалъ особою частью такого ученія и правила историческаго знанія; разсуждая въ духѣ Лейбница, уже указавшаго на то, что старое понятіе о „Vernunftlehre“ слишкомъ узко и должно быть расширено въ противоположность рационалисту Вольфу, виттенбергскій профессоръ пришелъ къ заключенію, что общепринятая „Vernunftlehre“, съ ея ученіемъ объ общихъ понятіяхъ страдаетъ существеннымъ пробѣломъ: она не содержитъ ученія о понятіяхъ, противоположныхъ общимъ, т. е. о понятіяхъ индивидуальных (die individuelle Begriffe). Логическая связь между общими понятіями и историческая связь между дѣйствительно случившимися фактами, напримѣръ, существенно различны: въ исторіи нельзя логически вывести послѣдующее изъ предшествующаго, подобно тому какъ мы выводимъ частное изъ общаго; задача историка, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, какимъ образомъ то, что онъ знаетъ о происшедшемъ въ качествѣ послѣдующаго, слѣдовало изъ предшествующаго въ той мѣрѣ, въ какой онъ

также знаетъ его; кромѣ того, историкъ имѣетъ дѣло и съ „случайными вещами“ и т. п. Съ указанной точки зрѣнія Хладеній старается выяснитъ особенности объекта историческаго познанія. Справедливо указывая на то, что подъ „исторіей“ мы разумѣемъ и случившееся въ дѣйствительности происшествіе, и наше представленіе о немъ, авторъ признаетъ объектомъ историческаго знанія „вещи, которыя существуютъ или случаются“. Впрочемъ, онъ вскорѣ приходитъ и къ болѣе узкому пониманію такого объекта: историкъ, въ сущности, высказываетъ „историческія сужденія“ о перемѣнахъ дѣйствительно происшедшихъ въ мірѣ и разсматриваемыхъ сами по себѣ; но всякая перемѣна предполагаетъ „субъектъ“, къ которому она относится, а субъектъ перемѣны можетъ имѣть разное значеніе: онъ можетъ быть не только единичнымъ существомъ (напримѣръ, Цезарь), но и собирательнымъ лицомъ (напримѣръ, римская свобода). Историческое сужденіе и состоитъ частью въ познаніи субъекта, частью въ познаніи случающейся съ нимъ перемѣны; но историкъ не можетъ довольствоваться изученіемъ такихъ перемѣнъ, отдѣльно взятыхъ; онъ долженъ имѣть въ виду рядъ перемѣнъ; послѣдній и называется исторіей. При построеніи такихъ понятій историкъ обыкновенно переноситъ на цѣлую группу то заключеніе, какое онъ дѣлаетъ на основаніи наблюденій надъ нѣкоторыми ея членами, и, опускаая множество „индивидуальныхъ обстоятельствъ“, преимущественно обращаетъ вниманіе на чрезвычайныя поступки и событія; смотря по тому, какіе изъ нихъ онъ будетъ выбирать, какіе будетъ считать „справедливыми“ или „несправедливыми“, и „исторія“ получитъ тотъ, а не другой видъ. Вмѣстѣ съ разсужденіями о теоріи историческаго знанія Хладеній высказываетъ не мало соображеній и касательно методовъ историческаго изученія. Можно сказать, что Хладеній впервые попытался обосновать методологію источниковѣдѣнія: сами происшествія, по его мнѣнію, мыслимы и безъ наличности того, кто наблюдаетъ за ними; но нельзя сказать того же относительно знанія о такихъ происшествіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при „познаніи событія и вытекающихъ изъ него разсказовъ“, слѣдуетъ относиться съ такимъ же вниманіемъ

дальнѣйшаго движенія работу. Демократическая монархія Цезарей взяла на себя организацію міра въ единое народно-хозяйственное цѣлое, связанное общими законами и учрежденіями, облеченное эллино-латинскою цивилизаціею. Сначала (I и II вв. по Р. Хр.) инициатива государства какъ-бы поддерживалась обществомъ: пробудившіеся средніе классы стали обнаруживать увеличивающуюся производительную дѣятельность и питать ея плодами объединявшійся подъ руководствомъ государства громадный комплектъ странъ и народовъ. Подъ вліяніемъ установленной имперіею новой формы воздѣйствія Рима на міръ и въ западныхъ варварскихъ областяхъ, казалось, загорались новые очаги культурнаго лучеиспусканія. Но эта работа задѣвала только поверхностные слои населенія, не проникая глубоко въ толщу народной массы. Государству не удалось сплотить постояннымъ сознательнымъ тяготѣніемъ отдѣльные міры („созвѣздія“) въ одну могучую („солнечную“) систему. Прогрессивное движеніе отъ центра (Рима) къ периферіи (провинціямъ) слабѣло въ интенсивности именно благодаря экстенсивному распространенію. Мѣстныя группы, связанныя воедино столицею, не развили въ себѣ активной способности обратнаго дѣйствія на главный центръ; не установилось равновѣсія между центробѣжными и центростремительными процессами. Провинціальныя міры скоро (уже въ III вѣкѣ) проявляютъ склонность замкнуться въ тѣсномъ кругѣ областныхъ интересовъ. Государство также начинаетъ обособляться въ своихъ интересахъ, противопоставляя ихъ общественнымъ: оно вырабатываетъ деспотическія формы устройства (начало IV в.), давитъ на подданныхъ принудительною опекою (закрѣпощеніе общества государствомъ) и тѣмъ отталкиваетъ его отъ себя (борьба перваго со вторымъ). Сила спѣвленія расшатывается, потокъ общей крови, связывавшій части съ цѣлымъ, сохнетъ; падаетъ значеніе объединяющаго (цивилизующаго) начала; зарождается и растетъ процессъ выдѣленія изъ разлагающаго большого организма малыхъ тѣлъ, съ новымъ строеніемъ, болѣе подходящимъ къ соціальному уровню большинства; вновь образующіяся живыя единицы должны прорвать слишкомъ тонкій общій культурный покровъ, который лишь меха-

нически держать ихъ вмѣстѣ. Это—уже „варваризація“, и подобную картину представляетъ римская имперія IV и V вв.

Какая же форма союзности можетъ замѣнить непосильное населенію міровое единство? Уже во время ресублики сложились могущественные, опирающіеся на крупное землевладѣніе „магнатскіе дома“; ихъ упорною эксплуатаціею завоеваннаго міра и бѣдныхъ классовъ гражданства вызванъ былъ кризисъ, приведшій къ торжеству принципата. Имперія должна была разбить ихъ крѣпкую замкнутую организацію и содѣйствовать свободному общенію трудящихся элементовъ общества (возрождать крестьянъ-владѣльцевъ, поддерживая союзы ремесленниковъ), не допуская порабощенія однимъ классомъ другихъ. Но государство не справилось съ земельною знатью, оказалось не въ силахъ демократизировать общество. Уже во II в. оно опиралось на аристократію, и послѣдняя сохраняла въ рукахъ главную массу земель и власть надъ сельскими классами. Государство легализируетъ крѣпостныя отношенія, *колонатъ*. Въ IV—V вв. внутри имперіи занимало первенствующее мѣсто *крупное барское помѣстье* (*latifundium*). Именно этотъ „малый (соціальный) организмъ“ разбѣдалъ „большое (государственное) тѣло“ (см. картину экономического и соціального строя падающей римской имперіи въ послѣдней части книги И. М. Гревса: „Очерки римскаго землевлад.“, т. I, СПб., 1899, и указ. тамъ литературу). Широта и сила воздѣйствія „господской вотчины“ растетъ пропорціонально ослабленію могущества государства. Она уже раньше пріобрѣла независимость отъ органовъ муниципальнаго управленія; теперь ея господинъ сильнѣе и представителя центральной власти въ области. Онъ обладаетъ громаднымъ мѣстнымъ значеніемъ и притягиваетъ къ себѣ въ патронатную зависимость (*patrocinium*) отдѣльныя захудалыя личности съ ихъ имуществами, цѣлыя сельскія группы и отчасти городскія общины (*patrocinia vicorum, patroni civitatum*). Крупные господа (*potentes, δυνατοι*, „властели“) присваиваютъ себѣ рядъ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ функцій государства, фактически освобождаются отъ податей и облагаютъ отдавшееся имъ подъ опеку населеніе оброками и барщинами. Для обороны отъ

внѣшнихъ враговъ, при безсиліи имперской арміи, они организуютъ отряды изъ собственныхъ слугъ, которые въ силахъ отстоять ихъ и отъ притязаній государства. Областной сепаратизмъ разлагаетъ имперію, вотчинный—провинціи. Вотчина (латифундія) стремится къ „самодовлѣнію“; господинъ ея теряетъ пониманіе гражданской связи съ имперскимъ цѣлымъ; онъ ощущаетъ только свои интересы, раститъ свое соціальное могущество на счетъ политическаго единства. При такомъ суженномъ кругозорѣ падаютъ общественность и культурные запросы, слабѣетъ, вслѣдствіе застоя жизни и возрожденія поработительныхъ тенденцій, хозяйственная энергія, и вслѣдъ за нею понижается богатство. Это—несомнѣнно феодализирующіе процессы, развившіеся въ западномъ римскомъ мірѣ, какъ послѣдствіе истощенія культурныхъ силъ, упадка цивилизующихъ движеній. „Феодализация“ разбивала крѣпость имперіи, въ то время какъ сознание ея жителей „варваризовалось“. Моммзенъ („Abriss d. röm. Staatsrechts“) справедливо говоритъ, что не варвары разрушили имперію, а ея собственное разложеніе. Всѣ основные элементы феодальнаго варварства мы въ зародышахъ находимъ уже въ римскихъ провинціяхъ (въ частн., въ Галліи), какъ результатъ соціально-политическаго регресса, когда тамъ утверждаются германцы (см. Fustel de Coulanges, „Hist. des inst. de l'anc. Fr.“, тт. II, IV и V; онъ первый обнаружилъ съ необычайной яркостью и полною достовѣрностью феодальную подпочву въ общественномъ строѣ падающей римской имперіи. Систематическія указанія литературы вопроса см. у E. Beaudouin, „Les grands domaines dans l'empire romain“, II, 1900).

2) *Прогрессъ феодализаціи въ франкскомъ королевствѣ Меровинговъ (прекарій и бенефиціи; комментація; иммунитетъ).* Такая слабая форма политическаго объединенія, какъ государство Меровинговъ, не могла заглушить (съ VI в.) дальнѣйшаго роста феодальныхъ началъ въ Галліи. Римская по своимъ учрежденіямъ, заимствованнымъ у имперіи, абсолютная, бюрократическая монархія преемниковъ Хлодовеха отражала въ себѣ германскіе нравы и обычаи. Не смотря на нѣкоторое усиленіе королевской власти сначала, Меровинги не побѣдили тѣхъ фак-

торовъ разложенія, которые раньше проникли въ социальную жизнь римскихъ провинцій. Напротивъ, чисто варварскій взглядъ на власть и территорію, какъ на ихъ частную собственность, приводилъ королей къ раздѣламъ государства между сыновьями (удѣльное распадѣніе), и это вновь ослабляло единство внутри земель, завоеванныхъ Хлодовехомъ. Съ другой стороны, раздаваніе королевскихъ доменовъ служилымъ людямъ подрывало единственный финансовый фундаментъ государства, не сумѣвшего организовать постоянные доходы. Руководить административно-судебными органами, перенятыми отъ имперіи, франкскіе государи также не научились. Вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія указанныхъ условій, сила сосредоточилась въ рукахъ фактически могущественныхъ элементовъ общества.

а) Въ социальной средѣ, которая тянетъ къ обособленію, основу матеріальной силы составляетъ *земля*, какъ орудіе, обеспечивающее потребленіе замкнуто (натурально) хозяйствующихъ группъ. Сосредоточеніе работы на сельскихъ промыслахъ, доставляющихъ все насущное, даетъ окраску такой системѣ экономическаго строя. Стало быть, и феодализирующееся общество должно быть *земледѣльческимъ* (это существенный его признакъ). Значеніе челоуѣка или класса опредѣляется въ немъ степенью и формою ихъ связи съ землею. Въ римской имперіи, вмѣстѣ съ преобладаніемъ латифундій, совершается феодализація отношеній—ослабленіе центральной власти, своеволие магнатовъ, упадокъ мелкой собственности и даже средней, развитіе союзовъ частнаго подчиненія и вообще закабаленіе работающихъ на землѣ низшихъ классовъ владѣющими ею высшими.

Итакъ, феодализирующееся общество является кромѣ того *крупно-землевладѣльческимъ* и *аристократическимъ* (господствуетъ земельная знать). Найдя въ Галліи подобные порядки, варвары (франки и др.) не могли измѣнить ихъ. Число переселенцевъ-завоевателей было незначительно сравнительно съ массою кореннаго галло-римскаго населенія. Испомѣстились они въ пережку съ послѣднимъ, на началахъ раздѣла съ туземцами или занятія опустѣлыхъ полосъ. Древне-германское общинное владѣніе и свободное крестьянство утвердились лишь на окраинахъ

страны, гдѣ пришельцы садились болѣе плотно, а также островами внутри Галліи; да и вообще они разлагались подъ давленіемъ болѣе выработанныхъ формъ римскаго аграрнаго права. Галло-франкскіе магнаты (потомки римскихъ сенаторовъ), сохранившіе свои имѣнія и быстро приспособившіеся къ новымъ условіямъ, а вмѣстѣ съ ними и новые крупные собственники изъ среды франковъ, приближенныхъ короля (и тѣ, и другіе пользовались одинаковыми правами въ государствѣ, скоро потерявшемъ слѣды завоевательнаго происхожденія), вели упорную борьбу съ менѣе сильными за расширеніе власти надъ землею. Они давили на мелкихъ собственниковъ, которыхъ легко могли тѣснить при недостаткѣ защиты со стороны правительства. Последнимъ не оставалось ничего, какъ уступать крупному сосѣду свои земли съ тѣмъ, чтобы остаться на нихъ въ видѣ съемщиковъ изъ милости (прекаристовъ) новыхъ господъ, на условіи уплаты умѣреннаго сбора и личныхъ услугъ и подъ защитою отъ посягательствъ другихъ сильныхъ людей и отъ алчности королевскихъ чиновниковъ. Такое движеніе, обезземеливавшее массу, укрѣплявшее крупную собственность и устанавливавшее въ предѣлахъ послѣдней *прекарное землепользованіе*, было господствующею чертою аграрной эволюціи въ меровингской Галліи (VI—VIII вв.). Цѣлью интенсивнаго земельного стяжанія со стороны территоріальныхъ магнатовъ не было стремленіе къ богатству въ прямомъ смыслѣ. При возрожденіи натурального хозяйства и омертвѣніи обмѣна исчезло побужденіе къ усиленному производству, такъ какъ почти не было сбыта; крупный собственникъ франкскаго королевства оказывался гораздо бѣднѣе современнаго средняго капиталиста и даже вельможи римскаго времени (это—также признакъ варваризаціи, ведущей къ огрубѣнію потребностей и паденію культурности быта). Сила въ эпоху развитія феодализма заключается не въ богатствѣ, а въ социальномъ могуществѣ; власть надъ землею обезпечиваетъ господство надъ людьми, а соединеніе того и другого сулитъ независимость отъ государства. Благодаря тому, что на обширныхъ вотчинахъ (*аллодахъ*—наслѣдствен. земляхъ) магната сидитъ цѣлое племя скромныхъ бѣдняковъ, съемщиковъ по прекарнымъ

грамотамъ, доставляя продукты и трудъ, господинъ могъ кормить на своемъ барскомъ дворѣ толпу слугъ; это придаетъ блескъ его жизни и внушаетъ страхъ агентамъ власти. Поэтому онъ не любилъ, чтобы пустовали его владѣнія, и самъ звалъ безземельныхъ занимать свободныя мѣста за оброкъ (чаще всего натуральный) и за службу, на неопредѣленно долгое время, фактически—обыкновенно до смерти; мало-по-малу устанавливался даже обычай, что и дѣти оставались на тѣхъ же клочкахъ. „Прекарное землепользованіе“ расло внутри франкского общества, {обращаясь въ особый видъ вѣчной аренды (*эмфитевзисъ*), юридическія основанія которой черпались въ римскомъ правѣ. Соціальное протяженіе магнатскихъ вотчинъ захватывало все большія пространства. Желая привязать къ себѣ лицъ и изъ болѣе высокаго круга, магнаты уступали тѣмъ изъ нихъ, которыя колебались въ своемъ благосостояніи и готовы были идти въ частную службу, въ видѣ *бенефиция* (благодѣянія), помѣстья, выкроенныя изъ магнатской территоріи, также обычно въ пожизненное пользованіе, взамѣнъ обѣщанія „помощи“ и „дружбы“. Такъ устанавливались подчиненныя отношенія высшей категоріи. При *прекариі* земля обеспечивала человѣка за „черную“ работу и прямой сборъ въ пользу господина; при *бенефициі* старшій ожидалъ отъ младшаго службы „чистой“, носившей болѣе почетный характеръ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ „знатнаго барина“ и „зависимаго крестьянина“, во второмъ — „свободныхъ людей“, стоящихъ только на различныхъ ступеняхъ соціальной независимости. Сущность развитія аграрнаго строя въ меровингской Галліи заключалась, такимъ образомъ, въ образованіи *условнаго землевладѣнія*, въ раздвоеніи идеи собственности на право верховнаго обладанія (пожалованія, отобранія, обложенія земли), *dominium directum*, и право фактической эксплуатаціи подъ надзоромъ господина, *dominium utile*. Въ сферѣ обоихъ понятій возникаютъ градаціи—болѣе, впрочемъ, обычныя, чѣмъ правовыя — въ эпоху упадка юридическаго быта.

б) Рядомъ съ перерожденіемъ земельныхъ отношеній перестраивались и *отношенія между личностями*. Отдача земли

подъ высокую руку, какъ и полученіе ея отъ господина, сопровождалась установленіемъ для уступившаго или пожалованнаго извѣстной зависимости отъ покровителя или пожалователя. Это—*коммѣндація*. Въ низшихъ слояхъ такъ слагалась *кабала*, *крѣпостничество*, въ высшихъ — *вѣрность* (признаніе надъ собою власти частнаго человѣка). Ученые спорили, какому изъ двухъ процессовъ — земельному (Фюстель де Куланжъ) или личному (Флакъ) — отдать хронологическое и реальное первенство въ феодализаци. На самомъ дѣлѣ оба явленія (коммѣндація земель и лицъ)—только двѣ стороны общей соціальной эволюціи при ослабленіи государственной охраны частныхъ интересовъ: земля укрывалась въ лонѣ другой земли, личность искала защиты другой личности за невозможностью собственными силами отстаивать свободу противъ притѣсненій чиновниковъ, насилій лихихъ людей и угнетенія знатю; отношенія къ землѣ давали основу для существованія каждой личности, а отношенія „коммѣндаціи“ организовали группировку ихъ между собою. Оба явленія развивались одновременно. Ихъ параллелизмъ укрѣплялъ результаты процесса, выраженіемъ котораго они служили. Конечно, могло происходить образованіе личной зависимости (отдачи себя во власть господина) и внѣ сферы землевладѣнія (отдавшійся могъ быть и остаться безземельнымъ, прикрѣпиться ко двору господина), но подобные случаи были исключеніями; обычно оба явленія сливались одно съ другимъ.

При сильномъ развитіи всякихъ формъ *патроната* уже въ древнѣйшемъ бытѣ всѣхъ трехъ племенныхъ элементовъ, изъ какихъ сложился франкскій (потомъ французскій) народъ, такая индивидуализація соціальной союзности находила удобные образцы для воплощенія: кельтскіе *ambacti*, римскіе *clientes*, *suscepti*, германцы, искавшіе безопасности подъ опекою (*mundium*) сильныхъ семейныхъ главарей или подъ защитою (*mundeburdis*, *trustis*) племенныхъ вождей (*liti*, *bucellarii*, *gasindi*, *comites*)—все они стали предками будущихъ вассаловъ или, ниже, кабальныхъ людей феод. эпохи.

Вопросъ о патронатѣ у кельтовъ, германцевъ и римлянъ и о коммѣндаціи во франкскомъ государствѣ превосходно разрабо-

танъ Фюстель де Куланжемъ („Les origines du syst. féodal“) и Флакомъ („Les origines de l'ancienne France“, т. I).

в) Описанныя теченія совершались въ кругу частныхъ отношеній, какъ бы внѣ сферы воздѣйствія госуд. власти; но само государство имъ подчинялось. Франкскіе короли устраивали свое хозяйство по образцу частнаго. Они сами сажали на свои земли по прекарнымъ контрактамъ мелкихъ людей, чтобы собрать на своихъ доменахъ возможно больше рабочихъ рукъ; они дарили бенефиціи болѣе крупнымъ людямъ для усиленія своего могущества и обезпеченія необходимыхъ службъ. Чувствуя истощеніе своего земельного богатства, короли, однако, не могли обойтись безъ раздачъ, ибо желали привлечь къ содѣйствію государству знатныхъ людей. Они стремились только установить понятіе, что королевскій бенефиціей есть лишь жалованье за службу, награждающее за нее, пока она исполняется, и требовали особой клятвы въ „вѣрности“ отъ лицъ, которыя занимали мѣста въ администраціи, несли воинскія обязанности, а въ случаѣ измѣны или нерадѣнія послѣднихъ старались отнимать розданныя земли вмѣстѣ съ должностями. Такимъ образомъ, короли какъ бы легализировали „бенефициальную систему“, т. е. появленіе условнаго владѣнія за подчиненіе и услуги. Они же освѣщали своимъ примѣромъ развитіе патронатныхъ отношеній (*trūstis regia*), выдѣляя изъ общаго состава подданныхъ (*subiecti*) специальныхъ королевскихъ кліентовъ (*antrustiones*), низшаго и высшаго типа. Этимъ атрофировалось понятіе общаго подзаконнаго подчиненія всѣхъ живущихъ на территоріи государства верховной власти, стоящей во главѣ его. Практика королевскихъ бенефиціевъ, ослабляя недвижимый фондъ государства, отнимала у власти реальное основаніе силы; практика королевскихъ коммѣндацій подрывала идею общаго подданства. Публичное право уступало мѣсто частному даже въ области государственныхъ отношеній. *Договоръ* (вольный или невольный) между личностями (со включеніемъ короля) постепенно вытѣснилъ *законъ*, связывающій государя съ народомъ.

г) Большое сплоченное государство можетъ существовать только при наличности въ обществѣ потребности широкаго взаимо-

дѣйствія. Если она исчезаетъ, размѣры политическаго союза должны падать; онъ крошится на мелкія территоріальныя группы, соотвѣтствующія понизившимся соціальнымъ инстинктамъ. Вырваться изъ-подъ опеки верховной власти стремятся, прежде всего, главари подобныхъ группъ. Франкскіе земельные магнаты являлись, такимъ образомъ, носителями обособленія: ихъ борьба съ властью разбивала мертвѣвшую политическую связь. Короли сначала фактически распустили свои общія державныя права по рукамъ такихъ мѣстныхъ державцевъ, а потомъ легализировали за ними узурпированныя функціи публичной власти. Последнее достигалось путемъ такъ называемыхъ *иммунитетовъ*. Отчасти не имѣя силы справиться съ крупными землевладѣльцами, отчасти не довѣряя даже собственнымъ намѣстникамъ (графамъ), короли освобождали первыхъ отъ обязанности повиноваться вторымъ. Графамъ запрещалось переступать границы помѣстій магнатовъ, получавшихъ иммунитетную привилегію. Сборъ податей и войска, полиція и судъ внутри помѣстій предоставлялись самимъ собственникамъ. Они должны были дѣлать это отъ имени короля и въ его пользу, замѣняя обычные административные органы; но фактически они часто дѣйствовали самостоятельно и въ своихъ интересахъ. Такая привилегія предоставлялась особенно часто духовной знати (епископамъ и аббатамъ), которая раньше другихъ, покровительствуемая королями, обезпечила особыми хартіями высвобожденіе своихъ земель изъ сферы, подвѣдомственной областному управленію. Такимъ же путемъ, хотя и медленно, превращались въ мѣстныхъ государей и свѣтскіе крупные владѣльцы. Желая расширить пріобрѣтаемыя прерогативы политическаго характера и утвердить ихъ за потомствомъ, магнаты вступали въ соглашенія другъ съ другомъ для отстаиванія партикулярннстическихъ тенденцій. Такая борьба стала выдающимся явленіемъ исторіи франкскаго королевства уже во второй половинѣ VII в. Слѣдствіемъ ея было превращеніе майордома изъ назначавшагося королемъ завѣдующаго центральнымъ управленіемъ (*palatium*) въ выборнаго отъ знати представителя ея сословныхъ интересовъ. Полному торжеству диссоціирующихъ теченій препятствоваль, однако, инстинктъ самосо-

храненія, не терявшійся вполнѣ въ грубѣвшемъ сознаніи хищнической знати: онъ оживился въ VIII в., подъ угрозою новыхъ внѣшнихъ опасностей со стороны надвигавшихся изъ внутренней Германіи саксовъ и вторгавшихся изъ Испаніи арабовъ. Въ силу необходимости взаимной защиты крупные владѣльцы франкскаго королевства (свѣтскіе и духовные), не находя опоры въ обѣднѣвшихъ и ослабѣвшихъ короляхъ, сплотились все въ единый военно-оборонительный союзъ. Нуждаясь въ руководителяхъ, они присягнули постепенно на вѣрность могущественной фамиліи „австразійскихъ Пипинидовъ“, которые, владѣя огромными помѣстьями во всѣхъ областяхъ королевства, особенно на востокѣ его, представляли собою внушительную воинскую силу и политическій авторитетъ. Сдѣлавшись избранными знатью общими майордомами, съ титуломъ „вождя и правителя франковъ“, Пипиниды естественно должны были пріобрѣсти королевскую власть (754 г.). Это вызвало остановку въ прогрессѣ территориальнаго раздробленія и содѣйствовало временному возрожденію монархическаго единства. Но Каролинги (Пипиниды) должны были считаться съ общественнымъ строемъ, въ которомъ аристократизмъ и партикуляризація достигли уже неразрушимыхъ успѣховъ.—См. Fustel de Coulanges: а) „La monarchie franque“, б) „Les origines du régime féodal“; „Waitz, „Deutsche Verfassungsgesch.“ (3 изд. II т.); Brunner, Schröder, „Deutsche Rechtsgeschichte“.

3) *Окончательное феодализированіе обществ. строя въ эпоху Каролинговъ (секуляризація, сеніоратъ, патримоніальность госуд. службъ, распаденіе Франціи на земли къ концу X в.).* Каролингское преобразование, вызванное потребностью обороны, сумѣло организовать большую военную силу; съ помощью ея оно завоевало громадную территорію и содѣйствовало могучему обновленію государственной крѣпости и правительственнаго авторитета. Общество, видя внѣшнюю опасность, отказалось отъ внутреннихъ смуть, подчинилось единоличной власти, поддержало образованіе государства съ характеромъ міровой имперіи и выдѣлило изъ себя элементы, способные стать органами для централизующей работы. Но такой приливъ соціального единенія не могъ быть продолжителенъ. Населеніе монархіи Карла

Великаго было слишком проницанно навыками политическаго обособленія и экономически замкнутого быта; уровень духовной культуры настолько опустился, что возстановлявшіяся государством римскія традиціи не могли быть восприняты. Когда перестала ощущаться вражеская сила извнѣ и исчезла могучая инициатива геніальнаго руководителя, процессъ феодализаціи возродился съ удесятеренною энергіею. Государство во времена Каролинговъ уже не было простымъ союзомъ подданныхъ, подчиненныхъ государю; оно являлось комплексомъ территориальныхъ господъ, готовыхъ для отдѣльнаго политическаго существованія и только признавшихъ надъ собою верховную волю общаго вождя (общество въ имперіи Карла Вел.—это централизованные, но уже феодальные міры). Далѣе, въ самомъ характерѣ имперскаго управленія сказывались уже тогда приемы, обнаруживавшіе феодализацію нравовъ. Это подтверждается всего лучше военнымъ устройствомъ. Уже Карлъ Мартелль и Пипинъ Короткій „секуляризаціею“ церковныхъ имѣній сильно „территориализовали“ воинскую службу. Они построили на конфискованныхъ земляхъ систему королевскихъ бенефициевъ, владѣльцы которыхъ (уплачивая прекарный оброкъ духовенству) обязаны были выставлять, по требованію государства, отряды вооруженной конницы (таково самое вѣроятное объясненіе цѣли и сущности указанной мѣры). Эти специально подчиненные воинской повинности землевладѣльцы (бенефициалы) носили уже названіе *vassi*. При Карлѣ Вел., въ видахъ лучшаго пополненія арміи, установился порядокъ, въ силу котораго несли военную службу не одни королевскіе бенефициалы: каждый, владѣвшій известною площадью земли (не менѣе 4 или 3 манзовъ), обязанъ былъ являться въ войско лично и на свой счетъ. Такою реформою утверждено было въ сознаніи населенія понятіе, что воиномъ (*miles, caballarius*) человекъ становится не въ силу подданства, а въ силу владѣнія землею. Реорганизуя военное устройство, Карлъ Вел. не могъ уничтожить выработавшихся уже *сеніоріальныхъ* отношеній, т. е. положить конецъ группировкѣ народной массы около частныхъ господъ на началахъ комментаціи. Онъ только тѣснѣе сплотилъ вокругъ себя этихъ „сеніоровъ“ клятвенными обязанностями по

отношенію къ государству. Не надѣясь, что областнымъ графамъ удастся подчинить своему авторитету сильныхъ господъ земли, онъ поручилъ послѣднимъ самимъ приводить на войну ополченія съ своихъ земель и съ участковъ своихъ „вассовъ“ и командовать ими; они сами должны были также представлять „своихъ людей“, виновныхъ въ какомъ-нибудь преступленіи, къ королевскому или графскому суду. Видно, что живыя силы общества организовались въ особые мірки. Мощная рука Карла Вел. задерживала взаимное отталкиваніе между элементами, пользуясь для общегосударственныхъ цѣлей силами мѣстныхъ группъ. Огражденные иммунитетами отъ воздѣйствія органовъ правительства, магнаты готовы стать государями, какъ только распадется имперское единство: внутренняя организація ихъ суверенитета почти сложилась. Умножавшіеся иммунитеты выключали изъ вѣдѣнія нормальной системы управленія все большее количество земель, содѣйствуя прогрессу децентрализаціи. Къ аналогичнымъ послѣдствіямъ приводило усиленіе привилегій членовъ церковной іерархіи. Епископы не только добились отъ верховной власти иммунитетовъ въ качествѣ какъ-бы предиката ихъ званія, являясь въ своихъ земляхъ надъ своими людьми такими же сеніорами, какъ свѣтскіе магнаты: они получили еще особыя судебныя права, прежде всего надъ клириками, гдѣ-бы послѣдніе ни обитали; ихъ юрисдикція (въ формахъ мировой, третейской и дисциплинарной) распространялась во многихъ случаяхъ и на мірянъ. Подобныя политическія права выдвигали духовенство изъ рамокъ обычныхъ учреждений, ставили его часто какъ-бы выше государства. Итакъ, внутри имперіи Карла Вел. продолжали жить и усиливаться опасныя начала разложенія, которыя роковымъ образомъ вели къ диссоціаціи великаго цѣлаго. Внѣшнимъ симптомомъ ихъ вліянія и вмѣстѣ съ тѣмъ условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ недуга явилось фактическое распадѣніе имперіи на части. Въ 843 г. (Верденскій договоръ) обособились три государства—франкское (французское), германское и италянско-бургундо-лотарингское—съ сохраненіемъ лишь теоретическаго принципа единства имперіи. Позднѣйшую эволюцію феодализма приходится изучать отдѣльно въ различныхъ частяхъ раздро-

бывшейся Карловой монархіи. Указанное „тридѣленіе“ Священной римской имперіи не закончило ея распадeнія. Къ концу IX в. образовалось уже семь государствъ съ королевскими титулами, и быстро шло впередъ дробленіе на княжества наиболѣе крупныхъ изъ нихъ. Соперничество между государствами ослабляло авторитетъ ихъ государей. Въ частности, и франкскому (французскому) государству Карла Лысаго не удалось сохранить внутренняго единства. Мелкіе собственники, крестьяне, ремесленники, спасаясь отъ государственнаго тягла, опять съ новою силою стремились укрыться подъ опекою сеніоровъ. Послѣдніе, почувствовавъ себя болѣе могущественными, чѣмъ падающее государство, отказывали ему въ повиновеніи, либо ссылаясь на легально предоставленныя имъ иммунитетныя привилегіи, либо насильственно присваивая себѣ сеніоратъ и фактически распоряжаясь политическою жизнью населенія, осѣвшаго на ихъ частныхъ территоріяхъ. Желая утвердиться во власти и нуждаясь въ защитѣ отъ нападeній сосѣднихъ сеніоровъ, такихъ-же своихъ, несдерживаемыхъ центральнымъ правительствомъ, они возводили на своихъ земляхъ цукрѣпленія (*castella, firmitates*), не смотря на королевскія строжайшія запрещенія (эдиктъ 864 г.). Подъ стѣнами этихъ *замковъ* (*châteaux forts, fertés*), выросшихъ повсюду во Франціи, ютилась въ минуты опасности распавшаяся на мѣстныя группы народная масса, и только здѣсь получая охрану, привыкала считать ихъ господъ своими единственными государями, подчинялась ихъ суду, сражалась въ ихъ войскѣ, платила имъ оброки: ассоціаціи изъ слабыхъ и сильныхъ служили одновременно безопасности первыхъ и могуществу вторыхъ. Государство само требовало, чтобы каждый свободный человекъ нашель себѣ сеніора (эдиктъ 847 г.). Расчлененіе государства франкскаго совершалось и поддерживалось еще съ другого конца. Во времена Меровинговъ административныя должности являлись временными полномочіями по назначенію королей. При Каролингахъ IX в. званіе областныхъ намѣстниковъ (графовъ) нерѣдко стало предоставляться пожизненно особенно довѣреннымъ или могущественнымъ лицамъ. Часто сыновья получали должности отцовъ: эта система во второй половинѣ IX в. становится

очень распространенную (практика наследственности графских функций констатируется кьерсйским капитуляриемъ Карла Лысаго, изданнымъ въ 877 г., хотя и нельзя утверждать, что она сложилась уже къ тому времени какъ опредѣленный, общій и легализованный порядокъ. См. E. Bourgeois, „Le capitulaire de Kiersy-sur-Oise“, II, 1885). Государственные должности постепенно превращались, такимъ образомъ, въ частную собственность. Процессъ этотъ развивался отчасти самъ собою, спокойно и медленно, какъ естественное слѣдствіе своеобразной эволюціи системы управленія при невозможности для королей вознаграждать своихъ слугъ иначе, чѣмъ отчужденіемъ въ ихъ руки своихъ державныхъ правъ; отчасти образование патримоніальности должностей являлось результатомъ узурпаціи сильныхъ вельможъ. Последнее имѣло мѣсто, напри- мѣръ, въ Бретани и Аквитаніи. Когда какое-нибудь лицо назначалось на мѣсто графа, въ качествѣ „кормленія“ ему присваивалась въ пользованіе, на бенефициальномъ правѣ, часть королевскихъ доменовъ данной области. Эти земли (къ тому же расширявшіяся захватами) приростали къ должностямъ, какъ ихъ неотъемлемая принадлежность, и почти отрывались отъ государства. Такъ возникли самыя крупныя княжества Франціи. Къ началу X в. территориальная и политическая цѣлость страны крошится все больше и больше и сверху, и снизу. Государство уже не организуетъ единое общество; послѣднее распадается на мѣстныя группы, жизнь которыхъ обособляется. Королевская власть, раздавленная переросшимъ ее могуществомъ князей и сеніоровъ, отнявшихъ у нея земли, перестаетъ быть органомъ общаго управленія; она переходитъ въ руки частныхъ крупныхъ владѣльцевъ, воплощающихъ въ себѣ сущность новаго (*феодалнаго*) строя. Разлагающееся социальное-политическое тѣло еще не вполне замѣчено, однако, другими: „разложеніе“ (*décomposition*) торжествуетъ, „возсозданіе“ (*reconstitution*) совершается еще слабо. Сильные больше борются другъ съ другомъ, отстаивая узко понятыя личные интересы, чѣмъ соединяются для взаимнаго общенія; слабые болѣе утѣняются, чѣмъ покровительствуются. Господствуетъ „сеніоріальная анархія“, когда, по

словамъ хроникера-современника Рихера, „пріобрѣтать чужую собственность было главнымъ стремленіемъ всѣхъ“. Въ самыхъ формахъ устанавливавшася феодализма не было еще ничего устойчиваго: сеніоріальныя территоріи разбросаны (ослаблены черезполосицею) и переплетены другъ съ другомъ, сеніоріальныя права сбивчивы (неизвѣстно, кто повелѣваетъ, кто повинуется); личныя отношенія перебиваютъ земельныя. То какая-нибудь раньше обособившаяся земля сливается съ другою, болѣе крупною, и владѣлецъ ея подчиняется господину послѣдней; то изъ крупныхъ доменовъ выдѣляется новая самостоятельная единица. Среди описываемыхъ порядковъ и теченій для королевской власти не могло сохраниться мѣста, потому что они всѣ питались на ея счетъ. Она должна была таять въ разливѣ дезорганизующихъ силъ. Исхуданіе королевскихъ доменовъ было наглядною иллюстраціею паденія монархіи въ эпоху, когда сила вообще измѣрялась широтою власти надъ землею. Трудно сказать, до чего бы дошло измельчаніе, если бы опять инстинктъ самосохраненія не вызвалъ въ носителяхъ разложенія и смуты потребности сплотиться для взаимной защиты. Франція въ IX и X в. снова терпѣла потрясенія отъ жестокихъ ударовъ внѣшнихъ враговъ: съ сѣвера—норманновъ, съ юга—сарацинъ, съ востока венгровъ, которые не только наводили ужасъ на окраины, но пересѣкали страну съ разныхъ сторонъ до самаго ея сердца. Это заставило населеніе вернуться къ нѣкоторому сплоченію въ формахъ „союзовъ вѣрности“, а въ концѣ X в. привело къ окончательному сложенію и укрѣпленію *большихъ титулованныхъ сеніорій*, государи которыхъ приняли на себя роль возстановителей общественной жизни внутри нѣсколькихъ главныхъ центровъ. Ихъ было около двухъ десятковъ. Болѣе мелкіе сеніоры, очень многочисленные, волею или неволею признавали высшее покровительство (сюзеренитетъ) первыхъ. Это были первыя попытки политической группировки мѣстныхъ организмовъ въ болѣе значительныя цѣлыя. Онѣ поставили препятствія безграничному прогрессу дробленія земель и разсѣянія соціальныхъ силъ. Образовавшіяся соединенія были еще очень непрочны (соціальныя матеріалы еще не кристаллизовались, масса осталась полурасплав-

ленною), но потребность связи оживилась въ главныхъ вождяхъ неустойчиваго общества. Князья (герцоги, графы, архіепископы) чувствовали необходимость союза между собою: признакомъ такого сознанія явилось сохраненіе монархіи, съ передачею ея прерогативъ въ руки несравненно болѣе могущественныя, чѣмъ захирѣвшіе Каролинги—въ родъ Капетинговъ, выросшій изъ среды феодализированныхъ міровъ (987). Не слѣдуетъ думать, что съ воцареніемъ короля Гуго все герцоги и графы Франціи присягнули ему въ вассальной вѣрности, признавъ его общимъ сениоромъ и высшимъ владѣльцемъ всей территоріи, а свои земли—бенефиціями короны. Они считали себя совсѣмъ самостоятельными государями, а короля—лишь руководителемъ военнаго союза князей во время дѣйствія противъ внѣшнихъ враговъ. Къ моменту воцаренія Капетинговъ основные элементы феодальнаго строя уже сложились, и теперь можно предпринять ихъ описаніе, а затѣмъ прослѣдить ихъ взаимодѣйствіе, развитіе, перерожденіе и, наконецъ, упадокъ. См. для временъ послѣднихъ Каролинговъ и первыхъ Капетинговъ А. Luchaire, „Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens“ (2 изд., 1891); F. Lot, „Les derniers Carolingiens“ (П., 1891); Pfister, „Etude sur le règne de Robert le pieux“ (П., 1885); G. Waitz, „Deutsche Verfassungsgesch.“ (2 изд., IV т.); Kalckstein, „Gesch. d. französischen Königthums unter den ersten Capetingern“; ст. О. П. Юрьевой, „Очерки по исторіи феодализаціи монархіи во Франціи“ („Ж. М. Н. Пр.“, 1902, февр.). Полезно обращаться къ атласу F. Schrader, „Atlas de géographie historique“ (П., 1896, карты 20, 21).

В. Расцвѣтъ феодализма и описаніе его элементовъ отдѣльно и во взаимодѣйствіи (преимущественно на примѣрѣ Франціи).

Феодализмъ, первоначально образовавшійся внутри монархіи Карла Вел., проявился во всѣхъ ея частяхъ, но въ каждой изъ нихъ сочетаніе его элементовъ принимало своеобразныя формы, и черты его неодинаково распространялись вширь и вглубь. Осо-

рического знанія и о методахъ историческаго изученія. Въ числѣ подобнаго рода трудовъ я пока ограничусь указаніемъ на общія руководства Бернгейма, Мейера и Ланглуа-Сеньобоса.

Бернгеймъ склоняется къ индивидуализирующей точкѣ зрѣнія, съ которой онъ выясняетъ отношеніе между разными науками (въ томъ числѣ народной психологіей, а также соціологіей) и исторіей. Авторъ возстаетъ противъ смѣшенія естествознанія съ исторіей: въ послѣднемъ изданіи своей книги онъ уже находится подъ вліяніемъ новѣйшихъ ученій и проводитъ болѣе рѣзкое различіе между познавательными цѣлями естествознанія и историческаго знанія, между обобщеніемъ и индивидуализированіемъ, а, значитъ, и между образуемыми ими понятіями; съ такой точки зрѣнія онъ и приходитъ къ заключенію, что историческое знаніе есть знаніе „всѣхъ единичныхъ происшествій, какъ связанныхъ между собою моментовъ эволюціонныхъ рядовъ, которые слагаются въ предѣлахъ взятаго въ его совокупности соціальнаго развитія человѣчества“. Тѣмъ не менѣе Бернгеймъ даетъ общую характеристику историческаго знанія, главнымъ образомъ, въ его зависимости отъ объекта историческаго изученія: имѣя въ виду цѣлеполагающую дѣятельность человѣка и придавая большое значеніе психологическому объясненію историческихъ фактовъ, исторія изучаетъ явленія, обусловленныя „психическою каузальностью“ (SS. 133—144). Слѣдовательно, исторія не можетъ ограничиться изученіемъ массовыхъ или коллективныхъ явленій; она должна принимать во вниманіе значеніе отдѣльныхъ личностей и событій въ историческомъ процессѣ; занимаясь выясненіемъ причинъ историческихъ явленій, историкъ долженъ помнить, что историческій процессъ есть взаимодействіе двоякаго рода факторовъ—индивидуальныхъ и коллективныхъ. Съ такой точки зрѣнія Бернгеймъ и отгвняетъ, что объектомъ историческаго изученія слѣдуетъ признать „человѣка“ въ той мѣрѣ, въ какой онъ дѣйствуетъ „въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ“, какъ соціальное существо. Авторъ вноситъ тѣ же понятія и въ свое опредѣленіе исторіи; она „изучаетъ и изображаетъ“ временно и пространственно ограниченныя факты развитія людей въ ихъ (единичной, а также типической и коллективной) дѣя-

тельности, какъ социальныхъ существъ, въ соотношеніи, имѣющемъ характеръ психофизической причинной связи“ (SS. 5, 9). Хотя опредѣленіе Бернгейма вызвало возраженія со стороны не только противниковъ, но и приверженцевъ того же индивидуализирующаго направленія (напр., со стороны Below'a), однако всѣ признають за его учебникомъ крупныя достоинства: онъ даетъ обстоятельное обозрѣніе исторіи развитія исторической науки, а также излагаетъ приемы исторической критики и интерпретаціи, историческаго построенія и повѣствованія. Не останавливаясь здѣсь на подробномъ разборѣ этого почтеннаго труда съ массой библиографическихъ указаній, я только замѣчу, что авторъ все же мало обосновываетъ свою теоретико-познавательную точку зрѣнія и смѣшиваетъ теоретическіе принципы съ техническими правилами. По методологіи источниковѣдѣнія Бернгеймъ сообщаетъ много цѣннаго. При разборѣ вопроса о степени соответствія между „источниками“ и „дѣйствительностью“, на примѣръ, авторъ не разъ касается свойствъ самихъ источниковъ, какъ „Geistesprodukten“. Вслѣдъ за Дройзеномъ онъ пытается установить систему главнѣйшихъ разновидностей источниковъ, т. е. проводить различіе между остатками культуры (все, что непосредственно осталось отъ происходившаго и сохраняется) и преданіемъ (все, что посредствомъ передается намъ о происходившемъ). Впрочемъ, Бернгеймъ слишкомъ мало интересуется основаніями такого дѣленія и не примѣняетъ его принципа къ систематикѣ болѣе конкретныхъ группъ историческаго матеріала. Нельзя не замѣтить, что и дальнѣйшая система его изложенія вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Бернгеймъ помѣщаетъ, на примѣръ, интерпретацію источниковъ въ отдѣлъ историческаго построенія; но безъ пониманія источника, въ сущности, нельзя подвергать его надлежащей критикѣ; излагая приемы послѣдней въ зависимости отъ разновидностей критикуемаго матеріала, онъ довольно слабо развиваетъ свою мысль и не вполне удовлетворяетъ компетентныхъ судей. При изложеніи методологіи историческаго построенія Бернгейму слѣдовало бы выяснитъ методы построенія историческаго факта и исторической связи, примѣненіе статистики и психологіи, а также социальныхъ наукъ къ

исторіи, приємы построєнія еволюціонныхъ серій, періодизаціи и т. п.; но авторъ, въ сущности, обходитъ такіе вопросы молчаніємъ, ограничиваясь изложеніємъ (кромѣ методовъ интерпретаціи, см. выше) ученія о „комбинаціяхъ“ фактовъ во времени и по мѣсту или по матеріямъ, о репродукціи и фантази, и объ „общихъ факторахъ“ историческаго процесса, а также ученія объ аксіологическихъ (оцѣночныхъ) сужденіяхъ и о „масштабахъ“ въ исторіи *).

Впрочемъ, кромѣ вышеуказаннаго общаго руководства, можно отмѣтить еще трудъ извѣстнаго историка „древности“ — Мейера, и „введеніе“ Ланглуа и Сеньобоса: Мейеръ преимущественно разсуждаетъ о „принципахъ исторической науки“, а Ланглуа и Сеньобосъ обратили главное свое вниманіе на методы историческаго изученія.

Мейеръ придерживается индивидуализирующей точки зрѣнія на исторію: въ противоположность обобщеніямъ естествознанія она занимается изученіємъ „индивидуумовъ“. Историкъ стремится установить дѣйствительно бывшіе единичные факты, возникающіе путемъ случайнаго скрещиванія и совпаденія во времени многихъ причинно-слѣдственныхъ рядовъ; столь же существеннымъ „моментомъ“ онъ признаетъ и дѣйствіе свободной цѣлеполагающей воли человѣка; но и въ случаяхъ подобнаго рода онъ усматриваетъ „каузальность“, только проявляющуюся инымъ способомъ, чѣмъ въ „законосообразныхъ процессахъ“ (S. 185); вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ историческимъ фактомъ онъ разумѣетъ „фактъ, дѣйствіе котораго не исчерпывается моментомъ его появленія, но который продолжаетъ дѣйствовать и въ послѣдую-

*) *E. Bernheim*, *Lehrbuch der historischen Methode*, 1 Aufl., 1889 г.; 5—6-te Aufl., 1908 г.; послѣднее изданіе, сравнительно съ предшествующими и, въ особенности, съ первымъ, значительно переработано и дополнено. Въ краткомъ руководствѣ „*Einleitung in die Geschichtswissenschaft*“, Lpz., 1905 г. (Sammlung Göschen) тотъ же авторъ даетъ сокращенное изложеніе главнаго своего труда, снабженное, впрочемъ, нѣкоторыми дополненіями и предназначенное для начинающихъ: оно содержитъ главы о „сущности задачи исторической науки“, объ „области исторической науки“ и о „методикѣ исторической науки“; рус. пер. подъ ред. проф. С. Е. Сабина, М., 1908 г.

щее время“ (S. 186), т. е. судить о значеніи факта по его дѣйственности. Далѣе Мейеръ разсуждаетъ о неисторическихъ и историческихъ прогрессирующихъ народахъ, о культурной и политической исторіи и о томъ значеніи, какое „индивидуальные факторы“ имѣютъ въ культурной исторіи, а „общіе факторы“ — въ политической (SS. 195—196). Онъ также говоритъ о томъ цѣломъ (государствѣ и системѣ государствъ), которое изучается историкомъ; объ историческомъ методѣ, т. е. объ объясненіи, исходящемъ изъ даннаго слѣдствія, восходящемъ къ его причинамъ и принимающемъ форму заключенія по аналогіи; о значеніи „отрицательныхъ событій“ (того, что не случилось въ данномъ мѣстѣ и въ данное время) для объясненія дѣйствительно случившагося; объ исторической критикѣ; объ историческомъ изображеніи, долженствующемъ отличаться индивидуальными красками; объ историческихъ источникахъ (памятникахъ, актахъ и преданіяхъ) и т. п. Такимъ образомъ, въ книгѣ много цѣнныхъ частныхъ замѣчаній методологическаго характера, что уже видно изъ предшествующаго обзора ея содержанія; но есть и нѣсколько недостатковъ. Мейеръ, напримѣръ, не останавливается на обоснованіи своей теоретико-познавательной точки зрѣнія и, довольно слабо установивъ ее, не развиваетъ ее систематически; не входя въ разсмотрѣніе ученія о цѣнности (cf. SS. 186), онъ ограничивается общими и бѣглыми замѣчаніями о томъ, что историческими мы называемъ факты по ихъ дѣйственности, хотя самъ же разсуждаетъ о „внутренней цѣнности“ фактовъ (см. SS. 189, 191). Далѣе авторъ орудуетъ понятіями о случаѣ и о свободной волѣ, не установивши ихъ (см. о разныхъ значеніяхъ понятій „случай“ и „свобода воли“ — ниже), а потому и его утвержденіе, что въ такихъ „моментахъ“ слѣдуетъ тоже усматривать „дѣйствіе причинности“, только проявляющееся „другимъ способомъ, чѣмъ въ законосообразныхъ процессахъ“, остается невыясненнымъ; на изученіи понятія объ историческомъ цѣломъ и методовъ его построенія онъ также мало останавливается. Вообще, отдѣлъ „элементовъ“, озаглавленный „исторія и историческая наука“, не обладаетъ единствомъ содержанія: на ряду, напримѣръ, съ довольно отрывочными разсужденіями

о сущности исторіи, объ историческомъ методѣ и объ историческомъ повѣствованіи, объединенными одной и той же познавательной точкой зрѣнія, авторъ особо трактуетъ о хронологіи, главнымъ образомъ, о различныхъ способахъ лѣтосчисленія, объ исторіографіи и ея развитіи и, въ особенности, о нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ обзорѣнію древней исторіи *).

Нѣкоторое увлеченіе теоріей историческаго знанія, обнаружившееся въ новѣйшихъ трудахъ по методологіи исторіи, успѣло уже вызвать противодѣйствіе со стороны Ланглуа и Сеньобоса. Въ своемъ краткомъ руководствѣ Ланглуа и Сеньобосъ даютъ понятіе не столько о теоріи историческаго знанія, сколько о методахъ историческаго изученія, а также о техникахъ историческихъ работъ; легко замѣтить, что авторы даже мало заботятся о томъ, чтобы обосновать принципы исторической методологіи, и скорѣе преподаютъ правила историческихъ изслѣдованій, впрочемъ, весьма полезныя для всякаго, въ особенности для начинающаго работника. Такимъ образомъ, съ теоретической точки зрѣнія пособіе Ланглуа и Сеньобоса мало удовлетворяетъ читателя; авторы высказываютъ пренебреженіе къ „метафизикѣ“ и, повидимому, смѣшиваютъ ее съ теоріей познанія, а принципы и методы историческаго знанія — съ техническими правилами; слишкомъ мало выясняя мѣсто, занимаемое въ системѣ наукъ исторіей и настаивая на случайности историческаго знанія, авторы высказываютъ довольно противорѣчивыя положенія относительно ея метода: они полагаютъ, напримѣръ, что „исторія не наука наблюденія“ (р. 44), и вмѣстѣ съ тѣмъ ниже они утверждаютъ, что исторія, подобно всякой

*) *E. Meyer*, *Geschichte des Altertums*, 2 Aufl., Bd. I, Erste Hälfte; Einleitung—„Elemente der Anthropologie“, Stuttgart u. Berlin, 1907. Въ 1902 г. авторъ напечаталъ трудъ подъ заглавіемъ: „Zur Theorie und Methodik der Geschichte“, Halle; но главное его содержаніе, въ „исправленномъ“, хотя и болѣе краткомъ видѣ, вошло въ „Элементы антропологіи“. Въ числѣ аналогичныхъ трудовъ съ болѣе специальнымъ содержаніемъ можно еще указать на сочиненія *A. Grottenfelt'a*—*Die Wertschätzung in der Geschichte*, Lpz., 1903; *Geschichtliche Wertmasstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein*, Lpz., 1905.

наукѣ, основанной на наблюдѣніи, не имѣетъ права, пользуясь единичнымъ наблюдѣніемъ, приходитъ къ какому-либо научному заключенію и что въ лучшемъ случаѣ „историческое утвержденіе ничто иное, какъ наблюдѣніе, довольно плохо сдѣланное и нуждающееся въ подтвержденіи путемъ другихъ наблюдѣній“ (рр. 145, 167). Въ своемъ изложеніи методовъ историческаго изученія Ланглуа и Сеньобосъ даютъ гораздо больше цѣнныхъ замѣчаній; но и оно не свободно отъ возраженій. Авторы раздѣляютъ свое произведеніе на двѣ главныя части: *opérations analytiques* (ср. методологію источниковѣдѣнія) и *opérations synthétiques* (ср. методологію историческаго построенія). Такая терминологія едва-ли удачна: она подчеркиваетъ не различіе познавательныхъ цѣлей, а различіе операцій; но разныя операціи могутъ служить для достиженія одной и той же цѣли: синтетическія встрѣчаются и въ источниковѣдѣніи (напр., понятіе о творчествѣ даннаго автора). аналитическія—въ историческомъ построеніи (напр., анализъ причинно-слѣдственной связи). Въ своемъ курсѣ Ланглуа и Сеньобосъ не даютъ, однако, яснаго понятія о томъ, что собственно нужно разумѣть подъ источникомъ; допуская колебанія въ своемъ взглядѣ на исторію, какъ „науку наблюдѣнія“, они упускаютъ изъ виду весьма важный отдѣлъ источниковъ — остатки культуры, а такой пробѣлъ приводитъ ихъ къ чрезмѣрному скепсису касательно достовѣрности источниковъ (р. 167). Въ дальнѣйшемъ своемъ построеніи авторы зачисляють интерпретацію источниковъ въ критику, придавая послѣдней слишкомъ широкое значеніе. Ланглуа и Сеньобосъ разсуждаютъ также объ историческихъ объясненіяхъ (причинно-слѣдственной связи), заключеніяхъ и обобщеніяхъ, и объ условіяхъ, при соблюденіи которыхъ такіе выводы могутъ получить достовѣрность; но они слишкомъ мало обосновываютъ свое ученіе о группировкѣ историческихъ фактовъ по разновидностямъ, о построеніи эволюціонныхъ серій и т. п. Тѣмъ не менѣе руководство Ланглуа и Сеньобоса можетъ быть полезно начинающему работнику и пригодится всякому интересующемуся техникой историческихъ работъ *).

*) *Ch.-V. Langlois et Ch. Seignobos, Introduction aux études historiques, 1-re éd. Par. 1898, 2-me éd., Par.:* рус. пер. В. Денисова.

Впрочемъ, въ настоящее время можно указать и на такихъ историковъ, которые пытаются комбинировать обобщающую точку зрѣнія съ индивидуализирующей; представители такого смѣшаннаго направленія не всегда ясно различаютъ вышеуказанныя теоретико-познавательныя цѣли, что приводитъ не столько къ соединенію, сколько къ смѣшенію ихъ между собою.

Въ числѣ новѣйшихъ историковъ, напримѣръ, придерживающихся смѣшаннаго направленія, Линднеръ занимаетъ довольно видное мѣсто. Въ своемъ трудѣ по „философіи исторіи“, не останавливаясь на логическомъ различіи между обобщеніемъ и индивидуализированіемъ, онъ разсуждаетъ только о постоянствѣ и объ измѣненіи въ исторіи, а также о „коллективныхъ“ и „индивидуальныхъ“ факторахъ историческаго процесса; онъ полагаетъ, что всякое становленіе (Werden) — индивидуально, а историческое теченіе „коллективно“. Съ указанной точки зрѣнія авторъ разсуждаетъ объ историческомъ процессѣ, объ историческихъ факторахъ (идеяхъ, „массѣ“, „великихъ людяхъ“) и характеризуетъ важнѣйшія историческія группы („народы“ и „націи“), изъ которыхъ главное значеніе онъ приписываетъ монголамъ, семитамъ и индо-германцамъ; онъ высказываетъ также нѣсколько соображеній объ условіяхъ жизнедѣятельности народовъ, о государствѣ, церкви и т. п., и объ историческомъ развитіи въ совокупности его культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ проявленій *).

Въ русской литературѣ можно также отмѣтить трудъ, авторъ котораго—Е. Н. Щепкинъ, кажется, стремится въ нѣкоторой мѣрѣ примирить оба направленія **). Авторъ пытается исходить изъ „теоріи познанія, господствующей среди представителей критическаго эмпиризма“, и придаетъ употребляемымъ имъ терминамъ „тотъ смыслъ, который укрѣпился въ литературѣ критическаго эмпиризма“. Дѣйствительно, авторъ разсуждаетъ о „коллективномъ опытѣ“, о „функціональной зависимости“

*) *Th. Lindner*, *Geschichtsphilosophie, Einleitung zu einer Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*, Stuttgart, 1901.

***) *Е. Щепкинъ*, *Вопросы методологіи исторіи*. Одесса, 1905 г.

въ смыслѣ причинно-слѣдственной, объ „экономичномъ описаніи“ явленій въ смыслѣ ихъ объясненія и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, авторъ находится подъ замѣтнымъ вліяніемъ Вундта, ученіе котораго, разумѣется, нельзя отождествлять съ эмпирио-критицизмомъ: соотвѣтствующій отдѣлъ въ его ученіи о методахъ, по словамъ автора, все еще остается „лучшимъ“ очеркомъ логики исторіи. Тѣмъ не менѣе автора нельзя назвать и строгимъ послѣдователемъ Вундта: „такъ какъ число причинныхъ рядовъ, сходящихся для обоснованія (sic) событія, по его словамъ, можетъ доходить до безконечности, то объекты исторіи и носятъ болѣе или менѣе единичный, иногда не повторяющійся даже приблизительно характеръ. Только въ этомъ смыслѣ неповторяемости тождествъ всѣ явленія могутъ быть названы случайными, хотя ни одно изъ нихъ не разрываетъ нитей причинности“. Съ такой же точки зрѣнія, едва ли, впрочемъ, отличающейся опредѣленностью (ср. выраженія „можетъ“, „болѣе или менѣе“ и „всѣ явленія“), авторъ разсуждаетъ и о личности. Вопреки Вундту, онъ вообще какъ-будто склоняется къ отрицанію собственно историческихъ законовъ. Впрочемъ, въ своей брошюрѣ Е. Н. Щепкинъ останавливается лишь на двухъ вопросахъ, а именно: онъ выясняетъ, въ чемъ состоитъ психологическое истолкованіе историческихъ фактовъ и значеніе идей въ исторіи; въ послѣдней статьѣ онъ разсуждаетъ о „нравственныхъ и этическихъ идеяхъ“ съ психологической точки зрѣнія.

Въ числѣ представителей того же теченія можно, наконецъ, указать и на Моно. Судя по его статьѣ, озаглавленной „Методъ въ исторіи“, онъ стремится въ извѣстной мѣрѣ сочетать оба вышеуказанныя направленія—обобщающее съ индивидуализирующимъ. Моно, на примѣръ, пишетъ, что „исторія есть коллективная психологія“ (р. 350); но въ то же время онъ, подобно Мишелэ, признаетъ „воскресеніе прошлаго“ наивысшей задачей историка и, подъ вліяніемъ Ксенополя, разсуждаетъ объ исторіи, нисколько не отождествляя ее съ науками обобщающими: она изучаетъ факты послѣдовательности и, вмѣсто формулировки законовъ, группируетъ факты въ серіи и, устанавливаетъ между ними причинно-слѣдственныя отношенія. Съ указанной точки зрѣ-

нія авторъ признаеть идеальной цѣлью исторіи „реконструкцію въ серіи временъ жизни человѣчества во всей ея совокуности“. Впрочемъ, придерживаясь такой теоретико-познавательной точки зрѣнія, Моно едва ли, однако, съ должною опредѣленностью и ясностью формулируетъ ее. Аналогичное колебаніе замѣтно и въ другихъ его разсужденіяхъ: понимая подъ закономъ и „предварительную гипотезу, разсматриваемую какъ истинную, пока она кажется намъ пригодной для объясненія всѣхъ извѣстныхъ намъ явленій одного и того же порядка“, авторъ какъ-будто склоняется къ мысли, что историкъ можетъ достигать такихъ же обобщеній; историческій фактъ, подобно всякому другому явленію природы, имѣетъ свою причину въ предшествующемъ фактѣ; съ такой точки зрѣнія можно съ гораздо большею надеждою на успѣхъ объяснять, комбинировать и обобщать факты, чѣмъ „воображая, что въ свободной волѣ человѣка кроется автономная причина, въ каждый данный моментъ способная видоизмѣнить ходъ исторіи“; но нѣсколько ниже авторъ поставляетъ историку въ обязанность различать въ человѣческихъ дѣйствіяхъ ту долю индивидуальнаго творчества, которую нельзя заранѣе предвидѣть и опредѣлить. Съ такой же двойственной точки зрѣнія Моно разсуждаетъ и объ объектѣ историческаго знанія: исторія изучаетъ „постоянные элементы“, передаваемые въ человѣчествѣ путемъ наслѣдственности, традиціи, подражанія и привычки, и придающіе непрерывность историческому процессу, и тѣ „элементы измѣненія и обновленія“, которые человѣческое творчество ежеминутно вноситъ въ тотъ же процессъ и которые „опредѣляютъ собою эволюцію“. Въ вышеприведенныхъ довольно отрывочныхъ замѣчаніяхъ Моно не обосновываетъ предлагаемаго имъ пониманія исторіи и не разъясняетъ, какимъ образомъ можно примирить вышеуказанныя направленія въ области историческаго знанія. Въ остальной части своего труда Моно даетъ нѣсколько болѣе обстоятельную характеристику „анализа“ и „синтеза“ въ исторіи. Подъ „анализомъ“ Моно разумѣетъ „критику источниковъ“ и „критику фактовъ“. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Критика источниковъ“, онъ, не соблюдая единства въ принципѣ дѣленія, безъ достаточныхъ основаній различаетъ три главныхъ

вида источниковъ, а именно: произведенія (ouvtages, къ которымъ онъ относитъ и лѣтописи, и произведенія литературы), „акты“ и „памятники“ и даетъ очень краткое понятіе о критикѣ подлинности и о критикѣ достовѣрности источниковъ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ изложенію критики фактовъ, онъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, на значеніе для нея понятій о степени согласованности изучаемаго факта съ остальными фактами даннаго періода. Подъ „синтезомъ“ Моно разумѣтъ „историческое построеніе и обобщеніе“, оцѣнку, психологическое истолкованіе и философію исторіи. „Построеніе“ находится въ тѣсной связи съ оцѣнкой фактовъ: она состоитъ въ опредѣленіи того значенія, какое данный фактъ имѣетъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Далѣе, психологія играетъ видную роль въ исторіи: вѣдь историкъ въ сущности имѣетъ дѣло съ дѣйствіями людей, а дѣйствія людей—своего рода жесты, которыми историкъ интересуется лишь въ той мѣрѣ, въ какой внутренняя жизнь обнаруживается черезъ ихъ посредство. Наконецъ, философія исторіи выясняетъ, главнымъ образомъ, понятіе о прогрессѣ, впрочемъ, въ различныхъ областяхъ жизни весьма различнымъ; такое понятіе не можетъ имѣть значеніе закона и даже не всегда играетъ роль руководящаго принципа: прогрессъ въ области наукъ имѣетъ совсѣмъ иной „характеръ“, чѣмъ прогрессъ въ области нравственности и искусства. Итакъ, можно сказать, что въ своей статьѣ Моно даетъ не столько теорію историческаго знанія, сколько краткое обзорѣніе методовъ историческаго изученія, благодаря чему и его общее обзорѣніе послѣднихъ страдаетъ нѣкоторой неясностью основныхъ положеній и отсутствіемъ объединенной системы понятій; но оно можетъ служить для предварительнаго ознакомленія въ самыхъ общихъ чертахъ съ такими методами; изложеніе далеко не всегда отличается ясностью и точностью, что легко замѣтить и изъ вышеприведенныхъ разсужденій автора о задачахъ исторіи или о прогрессѣ и т. п. *).

*) *G. Monod*, La méthode en histoire; первоначально въ „Revue politique et littéraire“, 1908, t. I, pp. 449—455 и 486—493; вслѣдъ за тѣмъ, безъ существенныхъ измѣненій, въ сборникѣ „La méthode dans les sciences“, изд. подъ ред. P. F. Thomas, Par., 1909, pp. 319—362.

Само собою разумѣется, что вышеуказанныя направленія въ области методологіи исторіи отразились и во многихъ другихъ произведеніяхъ философской и исторической литературы; они отчасти еще будутъ приняты во вниманіе при изученіи генезиса номотетическаго и идиографическаго пониманія исторіи, а также при изложеніи методовъ историческаго изученія *).

*) Въ числѣ краткихъ общихъ руководствъ, кромѣ указанныхъ выше, можно еще отмѣтить: *Ch. et V. Mortet*, *La Science de l'histoire*, Par., 1894 (отдѣльный оттискъ изъ „*La Grande Encyclopédie*“, t. XX); *A. Meister*, *Grundriss der Geschichtswissenschaft zur Einführung in das Studium der Deutschen Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit*, Lpz., 1906 и сл. *L. Bréhier et Desdevizes du Dezert*, *Le travail historique*, Par., 1907.

Часть I.

Теорія исторического змачія.

ГЛАВНѢЙШІЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ТЕОРІИ ИСТОРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

Съ теоретико-познавательной точки зрѣнія научное знаніе характеризуется его систематическимъ единствомъ. Подобно нашему сознанію, отличающемуся единствомъ, и наука должна быть объединеннымъ знаніемъ: въ такомъ смыслѣ всякое знаніе, претендующее на названіе науки, должно представлять единое цѣлое нашего познанія, приведенное на основаніи извѣстныхъ его принциповъ въ систематическій порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, наука стремится соблюсти единство точки зрѣнія, послѣдовательно провести ее въ области нашего знанія, выдержать установленныя благодаря ей основныя положенія въ ихъ послѣдовательномъ раскрытіи и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ наука есть объединенная система понятій, охватывающихъ возможно больше данныхъ нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятій, въ каждое изъ которыхъ укладывалось бы возможно большее число представленій о фактахъ. Такія же требованія соответственно предъявляются и къ отдѣльнымъ наукамъ: и естествознаніе, и исторія одинаково стремятся выработать системы понятій, которыя отличались бы единствомъ и обнимали бы все объективно-данное ихъ содержаніе.

Достиженіе абсолютнаго единства всѣхъ данныхъ нашего опыта сопряжено, однако, съ величайшими затрудненіями. Вѣдь если бы человѣческому сознанію и удалось формулировать единый законъ, по которому міръ существуетъ, нельзя было бы вывести изъ такого закона самый фактъ дѣйствительнаго его существованія. вмѣстѣ съ тѣмъ наука не можетъ получить единство въ явный ущербъ полнотѣ нашего знанія: она должна удовле-

творять нашъ интересъ не только къ общему, но и къ индивидуальному; она должна выяснитъ значеніе для насъ и общихъ понятій, и самой дѣйствительности.

При такихъ условіяхъ наука не можетъ объединить всѣ данныя нашего опыта и достигнуть единства въ нашемъ знаніи однимъ и тѣмъ же путемъ: она объединяетъ его и съ обобщающей точки зрѣнія, образуя общія понятія, подъ которыя можно подводить частныя, и съ индивидуализирующей точки зрѣнія, устанавливая понятіе о единомъ цѣломъ и выясняя отношеніе къ нему его частей. Въ самомъ дѣлѣ, одну и ту же вещь можно изучать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или по скольку въ ней есть нѣчто общее съ другими вещами, или по скольку она представляется намъ частью нѣкоего цѣлаго и въ такомъ смыслѣ единственной въ своемъ родѣ и индивидуальной. Въ первомъ случаѣ мы изучаемъ вещь съ номотетической точки зрѣнія, во второмъ—съ идиографической. Эта терминологія, кажется, въ достаточной мѣрѣ выражаетъ упомянутое выше противоположеніе*). Слова „номотетическая точка зрѣнія“, очевидно, даютъ понять, что знаніе, построенное съ такой точки зрѣнія, стремится къ законамъ и притомъ „полагаетъ“, т. е. построаетъ ихъ; слова „идиографическая точка зрѣнія“ указываютъ на то, что знаніе подобнаго рода интересуется индивидуальными фактами и состоитъ въ ихъ описаніи.

*) *W. Windelband, Geschichte und Naturwissenschaft, Strassburg, 1900, S. 12.* Предлагая здѣсь эту терминологію, авторъ понимаетъ вышеуказанные термины въ нѣсколько иномъ смыслѣ, о чемъ см. ниже. Терминъ „идиографическій“, которымъ предлагаютъ замѣнить терминъ „номотетическій“, представляется мнѣ еще менѣе удобнымъ: νομογραφέω — пишу, издаю законы; да и во второй своей части онъ плохо выражаетъ задачу обобщенія и совпадаетъ съ терминомъ „идиографическій“, гдѣ то же слово употребляется уже въ другомъ смыслѣ. Терминъ „номологическій“ также оказывается не совсемъ удобнымъ: номология—въ буквальномъ смыслѣ званіе о законахъ (въ смыслѣ законодательства); тотъ же терминъ употребляется однимъ изъ современныхъ мыслителей для обозначенія особой „теоретической“ науки, предметъ которой — понятіе о законѣ, не смѣшиваемое съ понятіемъ о типѣ и т. п.; она изучаетъ „отношенія зависимости, сами по себѣ взятыя“, и т. д. См. *A. Naville, Nouvelle classification des sciences, Par., 1901, pp. 40—44.* Бартъ предлагаетъ другую терминологію; см. *Th. Barth,*

Мѣсто, отводимое въ системѣ наукъ исторіи, будетъ различно, смотря по тому, какой изъ вышеназванныхъ точекъ зрѣнія придерживаться.

Мыслители, занимавшіеся систематикой наукъ съ номотетической точки зрѣнія, различали ихъ или по большей или меньшей степени ихъ абстрактности (Контъ, Спенсеръ), или по характеру изучаемыхъ ими процессовъ и предметовъ (Бентамъ, Амперъ, Вундтъ); преимущественно съ послѣдней точки зрѣнія они стали располагать науки въ одинъ рядъ и дѣлить ихъ на науки о природѣ и науки о духѣ („Naturwissenschaften“ и „Geisteswissenschaften“). Впрочемъ, вскорѣ пришли къ заключенію, что для построенія наукъ о духѣ нужны еще добавочные принципы, которыми естествознаніе не пользуется, но безъ которыхъ нельзя установить понятіе о явленіяхъ духовнаго порядка: для ихъ пониманія приходится путемъ размышленія догадываться о наличности особаго рода факторовъ, дѣйствіемъ которыхъ такія явленія и объясняются (Вундтъ); вмѣстѣ съ тѣмъ отличію ихъ отъ явленій природы можно придавать разный смыслъ въ зависимости отъ того, принимать ли теорію взаимодействія души съ тѣломъ или теорію психофизическаго параллелизма (Зигвартъ, Вундтъ и др.). Только что указанная схема дѣленія наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ получила особенно широкое примѣненіе и къ построенію исторіи; въ числѣ наукъ о духѣ почетное мѣсто было отведено психологіи: она была положена въ основу всѣхъ остальныхъ наукъ о духѣ, а, слѣдовательно, и соціологіи, и исторіи; въ системахъ подобнаго рода, значить, соціологія и исторія, преслѣдуя однѣ и тѣ же обще-научныя цѣли, т. е. построеніе общихъ понятій и законовъ, отличаются только объектомъ своего изслѣдованія.

Въ позднѣйшее время (особенно съ конца 80-хъ гг.) многіе подъ наукой стали разумѣть научно-объединенное или обоснованное знаніе, хотя бы оно и не состояло изъ обобщеній, т. е. знаніе,

Darstellende und begriffliche Geschichte въ „Vierteljahr. für Wis. Philosophie“. Bd. XXIII, p. 352 и др.; но она кажется мнѣ менѣе удачной, чѣмъ терминологія Виндельбанда.

построемое или съ номотетической, или съ идиографической точки зрѣнія. По теоретико-познавательнымъ точкамъ зрѣнія, цѣлямъ познанія, а не по познаваемымъ „предметамъ“ или „процессамъ“ познанія стали различать науки обобщающія отъ наукъ индивидуализирующихъ. Такимъ образомъ получился двойной рядъ наукъ: однѣ изъ нихъ строятся съ номотетической (натуралистической) точки зрѣнія, характеризующей естествознаніе въ широкомъ смыслѣ; другія—съ точки зрѣнія идиографической (чисто „исторической“); такова исторія въ широкомъ смыслѣ, т. е. исторія природы и человѣчества (Навилль, Виндельбандъ, Риккертъ и др.).

Слѣдуетъ различать, конечно, вышеуказанныя познавательныя точки зрѣнія, съ которыхъ что-либо изучается, отъ изучаемыхъ объектовъ; но историки, и притомъ обоихъ лагерей, легко смѣшиваютъ ту или другую принимаемую ими точку зрѣнія на исторію, напримѣръ, съ понятіемъ о факторахъ историческаго процесса. Историки-соціологи часто разсуждаютъ о методѣ „прежней“ „индивидуалистической“ исторической школы, представители которой преимущественно обращали вниманіе на единичное, на выдающіяся личности, — и о методѣ новѣйшей „коллективистической“ исторической школы, охотно характеризую ихъ различіе не различіемъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, а различною оцѣнкою каждой школой „индивидуальныхъ“ и „коллективныхъ“ факторовъ исторіи (Лампрехтъ и др.). Историки, склоняющіеся къ идиографической точкѣ зрѣнія, также иногда полагаютъ, что споръ между обоими лагерями идетъ, главнымъ образомъ, объ относительномъ значеніи „индивидуальныхъ и коллективныхъ факторовъ въ исторической жизни“ (Гротенфельтъ и др.). Въ разсужденіяхъ подобнаго рода гносеологическое построеніе смѣшивается съ реалистическимъ.

Въ частности, смотря по тому, признавать ли „наукой“ только одно научно-обобщенное знаніе или еще и такое, которое стремится къ индивидуализированію, придется разное пониманіе соотношеніе между двумя науками, по предмету своего изслѣдованія (если не по точкѣ зрѣнія) во всякомъ случаѣ близкими другъ къ другу: я разумѣю соціологию и исторію. Съ точки зрѣ-

нія научно-обобщеннаго знанія между соціологіей и исторіей не должно быть принципиальнаго различія: обѣ стремятся къ обобщенію и разнятся только по ближайшимъ объектамъ изслѣдованія: соціологія обобщаетъ преимущественно явленія постоянно повторяющіяся, а исторія — явленія развитія; въ такомъ случаѣ легко свести соціологію — къ соціальной статикѣ, а исторію — къ соціальной динамикѣ. Съ точки зрѣнія научно-обоснованнаго знанія, принимающаго во вниманіе и нашъ интересъ къ индивидуальному, между соціологіей и исторіей нужно, напротивъ, признавать принципиальное различіе. Соціологія стремится къ построенію общихъ понятій, исторія, напротивъ, къ образованію понятій индивидуальныхъ, напримѣръ, понятія о единомъ цѣломъ, обѣ отношеніи къ нему частей, обѣ историческомъ значеніи индивидуальнаго и т. п.

Значить, и построеніе теоріи историческаго знанія можетъ быть различнымъ, смотря по тому, производится ли оно съ номотетической или съ идиографической точки зрѣнія; въ нижеслѣдующемъ изложеніи я и остановлюсь на разсмотрѣніи каждаго изъ этихъ типовъ построенія научно - историческаго знанія въ отдѣльности.

Отдѣлъ первый.

Построеніе теоріи историческаго знанія съ номотетической точки зрѣнія.

Въ настоящемъ отдѣлѣ, посвященномъ выясненію номотетическаго построенія исторической науки, я нѣсколько остановлюсь и на изученіи его генезиса, и на разсмотрѣніи его основаній.

Обстоятельства, обусловившія появленіе данной теоріи, не могутъ, конечно, служить для ея обоснованія; но, изучая ея развитіе, легче понять ея основанія. Такое различеніе ближайшихъ задачъ нашего изслѣдованія оправдывается еще тѣмъ, что номотетическая теорія историческаго знанія до сихъ поръ не получила своей окончательной формулировки: главнѣйшіе ея представители обыкновенно переносятъ логическіе принципы „естествознанія“ въ область исторической науки: они скорѣе пользуются готовыми понятіями, почерпаемыми изъ „науки о природѣ“, для научной обработки историческаго матеріала, чѣмъ самостоятельно строятъ систему собственно историческихъ понятій. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, генезисъ номотетическаго построенія историческаго знанія имѣетъ существенное значеніе для пониманія его основаній; тѣмъ не менѣе разсмотрѣніе послѣднихъ должно быть сдѣлано особо, въ систематическомъ порядкѣ; благодаря ему легче будетъ подвергнуть ихъ и критической оцѣнкѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Главнѣйшіе моменты въ развитіи номотетическаго построенія историческаго знанія.

Номотетическое построение историческаго знанія имѣеть свою длинную исторію: его зачатки можно было бы разыскать уже въ литературѣ классической древности (напр., у Поливія); я не стану, однако, слѣдить за постепеннымъ его развитіемъ и коснусь въ самыхъ общихъ чертахъ лишь главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ его моментовъ.

Въ числѣ такихъ моментовъ достаточно отмѣтить слѣдующіе: номотетическое направленіе складывалось въ зависимости отъ развитія понятія о законосообразности историческихъ явленій; но послѣднее стали формулировать въ психологическомъ смыслѣ, что обусловлено было образованіемъ особой отрасли науки—психологіи; ея выводы получили существенное значеніе и для построенія „историческихъ законовъ“, и для дальнѣйшей разработки отдѣльныхъ отраслей исторической науки въ духъ того же номотетическаго направленія.

§ 1. Развитие понятія о законосообразности историческихъ явленій.

Провиденціальная точка зрѣнія, съ которой мыслители прежняго времени смотрѣли на исторію человѣчества, хотя и придавала ей нѣкоторое единство и порядокъ, но сохраняла за ними трансцендентный характеръ и все же задерживала развитіе чисто научнаго понятія о законосообразности историческихъ явленій.

Правда, у представителей Возрождения, уже утративших цельность христианского мирозерцания, можно встретить взгляды, близко подходящие къ современному социологическому пониманию историческаго процесса: Макіавелли, наримѣръ, писалъ, что „міръ содержитъ одинаковую массу добра и зла“, что одни и тѣ же желанія и страсти царствовали и царствуютъ при всякаго рода правленіяхъ и у всѣхъ народовъ и что они порождаютъ одинаковые результаты; знаменитый флорентинскій политикъ уже готовъ былъ признать, что извѣстные циклы развитія могутъ быть сходными; онъ полагалъ, что тому, кто углубится въ изученіе прошлыхъ событій, легко предсказывать и то, что будущее принесетъ каждому государству *). Препрежне міровозрѣніе тѣмъ не менѣе долгое время оставалось въ силѣ: еще Боссюэтъ придерживался провиденціальной точки зрѣнія въ своей философіи исторіи; лишь съ начала XVIII вѣка можно замѣтить болѣе рѣшительный поворотъ въ сторону новаго научнаго пониманія исторіи.

Въ числѣ представителей такого переходнаго времени нельзя не упомянуть о Вико: онъ исходилъ изъ положенія, что Божественный разумъ—носитель той вѣчной идеи исторіи, которая раскрывается въ дѣйствительности и что Божественный промыселъ дѣйствуетъ помимо согласія людей и вопреки ихъ планамъ; но онъ же пытается комбинировать богословіе съ социологіей и исторіей: „новая наука“. правда, подчеркиваетъ особое призваніе евреевъ, исторія которыхъ не подводится подъ общіе законы; она же занимается, однако, и изученіемъ конкретно-данной исторіи остальныхъ народовъ. Съ послѣдней точки зрѣнія, уже отличаеваемой отъ провиденціальной, новая наука изучаетъ „общую природу націй“, одинаковую въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время; она устанавливаетъ аналогіи между дѣтствомъ чело-вѣка и дѣтствомъ чело-вѣческаго рода, а также между дикими народами и начальными стадіями развитія цивилизованныхъ націй; она стремится выяснитъ нѣкоторую законосообразность ихъ исторій. Въ виду сходства въ природѣ народовъ, исторіи ихъ, протекающія независимо другъ отъ друга, должны быть

*) *N. Macchiavelli, Disc., l. I, cap. 39; l. II, intr.; l. III, cap. 43.*

также сходными: такое сходство обнаруживается въ развитіи ихъ идей, языка и религіи, нравственности, семейнаго строя и общественнаго быта. Въ своей исторіи народы проходятъ три стадіи: „вѣкъ боговъ“, „вѣкъ героев“ и „вѣкъ людей“; слѣдовательно, можно усматривать сходство и въ проходимыхъ ими циклахъ развитія. Египеть, Греція и Римъ одинаково прошли черезъ циклъ вышеупомянутыхъ стадій. Въ позднѣйшее время, послѣ паденія Римской имперіи, народы снова оказались въ состояніи, сходномъ съ первоначальной стадіей—„вѣкомъ боговъ“, а затѣмъ перешли въ періодъ „среднихъ вѣковъ“, сходный съ героическимъ вѣкомъ древней Греціи, и въ современный „вѣкъ людей“. Такимъ образомъ, можно сказать, что Вико во многихъ отношеніяхъ уже близокъ къ тому соціологическому пониманію исторіи, которое стремится установить ея законы. Впрочемъ, отмѣчая въ общихъ чертахъ сходство въ циклахъ развитія, проходимыхъ разными народами, авторъ „новой науки“ не утверждалъ, однако, ихъ тождества, а, значить, и безусловной ихъ повторяемости во времени *).

Послѣдующая эволюція того же понятія о законосообразности историческихъ явленій, главнымъ образомъ, поскольку оно состояло въ высвобожденіи историковъ отъ исключительнаго преобладанія провиденціальной точки зрѣнія, смѣшиваемой съ научной, находилось въ тѣсной связи съ именами Вольтера и Монтескье.

Въ виду рационалистическихъ и моральныхъ соображеній Вольтеръ признавалъ существованіе Бога; но онъ не допускалъ, подобно Вико, какихъ-либо исключеній изъ мірового порядка: Высшее Существо править міромъ черезъ посредство общихъ законовъ и не можетъ путемъ произвольнаго вмѣшательства, т. е. чудесъ, нарушать ихъ теченіе. Мало склонный къ метафизикѣ,

*) *G. Vico*, Principj di Scienza Nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni, 1725 г., особенно книги I, IV и V; 3-е изд. 1744 г. См. *B. Croce*, Bibliographia Vichiana, Napoli, 1904 и Supplemento alla Bibliographia Vichiana, Napoli, 1907. *R. Flint*, Vico, Ed. and. Ld., 1884 и др.: о сходствѣ героическаго вѣка древней Греціи съ средневѣковымъ ср. *E. Meyer*, Geschichte des Alterthums, Bd. II, Zweites Buch.

Вольтеръ пытался освободить человѣческой разумъ и отъ традиціонныхъ понятій: онъ высоко цѣнилъ англійскій эмпиризмъ, противопоставлялъ относительное абсолютному и критическую точку зрѣнія—догматической; онъ стремился, безъ предвзятой системы, изучать „природу“ и уже до появленія своего „опыта о нравахъ“ склонялся къ отрицанію свободы воли.

Такимъ образомъ, Вольтеръ нѣсколько приближался къ естественно-научному пониманію исторіи; отвергая развитіе видовъ, онъ, съ точки зрѣнія своего релятивизма, все же приходилъ къ понятію объ исторической эволюціи и о прогрессѣ, совершающемся, хотя и не безъ колебаній, въ области науки и нравственности, а, значить, и, вообще, въ жизни человѣчества. Въ своемъ „Опытѣ“ Вольтеръ, дѣйствительно, обобщаетъ прогрессъ человѣческаго ума, зарожденіе и образованіе національныхъ нравовъ, и развитіе общества со времени Карла Великаго до Людовика XIII. Съ свойственнымъ ему литературнымъ талантомъ изображая „нравы и духъ народовъ“, Вольтеръ стремился дать очеркъ культурной исторіи человѣчества, выдѣливъ ее въ особую отрасль научно-историческаго вѣдѣнія; при построеніи ея онъ изъ многообразія дѣйствительности выбиралъ такіе факты, которые, по его мнѣнію, имѣли значеніе для исторіи націй, т. е. затрагивали наибольшее число интересовъ и, слѣдовательно, оказывались наиболѣе важными; съ такой точки зрѣнія онъ приписывалъ, однако, большое значеніе великимъ людямъ, особенно государямъ и обращалъ вниманіе, на мнѣнія, обычаи, управленіе, финансы, науки, искусства и т. п. Въ теоретическомъ отношеніи построеніе Вольтера представляло, конечно, не мало промаховъ: у него не было, напримѣръ, яснаго пониманія историческаго критерія выбора фактовъ, да и обобщенія его не всегда удовлетворяли научнымъ требованіямъ; но своимъ трудомъ онъ открылъ цѣлый рядъ попытокъ построить исторію человѣческой культуры, разработкой которой, напримѣръ, послѣ него занимались Гердеръ и Гееренъ *).

*) *Voltaire*, *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*; авторъ началъ свой „Опытъ“ въ 1740 году, но онъ вышелъ только въ 1756 г.; ср. его же

Почти одновременно съ „Опытомъ“ Вольтера появился и „Духъ Законовъ“; его авторъ—Монтескье, подобно Бодену, но съ большею основательностью, попытался примѣнить обобщающую точку зрѣнія въ области исторіи. Монтескье самъ нѣсколько занимался изученіемъ естественныхъ наукъ и даже производилъ спеціальныя изслѣдованія по физикѣ, ботаникѣ и анатоміи; благодаря имъ онъ освоился съ естественно-научнымъ понятіемъ „закона“: онъ полагалъ, что подъ закономъ въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть необходимыя отношенія, истекающія изъ естества вещей, и что въ такомъ смыслѣ и человѣкъ имѣетъ свои законы; въ своемъ сочиненіи онъ останавливался также на выясненіи человѣческихъ законовъ въ узкомъ смыслѣ въ отношеніи ихъ къ климату и почвѣ данной страны, ея населенности, нравамъ, обычаямъ населенія и т. п. „Монтескье, по словамъ его біографа,—геній обобщающій: въ обобщеніи его величіе и слабость“... Въ своемъ „Духѣ Законовъ“ онъ желалъ, чтобы тотъ, кто читаетъ, напримѣръ, страницы, посвященныя Англии или Версалию, говорилъ себѣ: „вотъ что случится всюду, гдѣ, при такихъ же условіяхъ, будутъ поступать такъ же, какъ въ Англии или Версали“. Монтескье строилъ извѣстные типы отношеній и хотѣлъ, чтобы читатель могъ подводить подъ нихъ ихъ разновидности; чтобы онъ (при чтеніи его книги) въ сущности не зналъ, гдѣ происходило то, о чемъ идетъ рѣчь,—въ Аѳинахъ, Спартѣ или Римѣ, но только чтобы онъ чувствовалъ, что въ случаяхъ подобнаго рода онъ имѣетъ дѣло съ демократическимъ или республиканскимъ строемъ; чтобы въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при изображеніи монархіи, онъ узнавалъ знакомыя ему черты испанскаго государственнаго строя на ряду съ чертами французскаго, но чтобы ему ни тотъ, ни другой конкретный случай не представлялся порознь во всей совокупности присущихъ каждому изъ нихъ особенностей, а чтобы онъ усматривалъ въ нихъ лишь свойства общія обоимъ.

сочиненія „Le Siècle de Louis XIII“ и „Le siècle de Louis XIV“. P. Sakmann, Probleme der historischen Methode und Geschichtsphilosophie Voltaire въ „Hist. Zeit“. B. 98, 1906, ss. 327—379 и др.

Такимъ образомъ, Монтескье стремится построить типъ, общій республикамъ или монархіямъ, но не выводя его изъ идеала, а отвлекая отъ дѣйствительности черты, общія тѣмъ республикамъ и монархіямъ которыя были извѣстны ему *).

Понятіе о законосообразности явленій общественной жизни, уже обратившее на себя вниманіе Монтескье, было одновременно высказано Юмомъ и получило дальнѣйшее развитіе въ талантливыхъ очеркахъ Тюрго и Кондорсэ, а также мало по малу стало проникать и въ нѣмецкую литературу, на примѣръ, въ сочиненія Вегелина и другихъ представителей нѣмецкаго просвѣщенія: но они чаще занимались „философіей исторіи“, чѣмъ исторіей культуры.

Значительное развитіе, какое точныя науки и въ особенности естествознаніе получили въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX вѣковъ (Лапласъ, Гауссъ, Вольта, Дэви, Бертолле, Биша, Кювье, Ламаркъ и др.), должно было, конечно, породить надежду найти такія же законосообразности и въ явленіяхъ психической (Кабанисъ) и общественной жизни: Контъ, на примѣръ, подъ обаяніемъ открытій, сдѣланныхъ въ области естествознанія, попытался установить начала „соціальной физики“; его понятіе о „развитіи“ и соціологическое построеніе исторіи также оказало вліяніе на нѣкоторыхъ послѣдующихъ соціологовъ и историковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „соціальная физика“ получила возможность пользоваться и новымъ, статистическимъ методомъ: разработка цифровыхъ данныхъ о рожденіяхъ, бракахъ, смертности людей и т. п. давала основаніе предполагать нѣкоторое единообразіе въ явленіяхъ общественной жизни. Зюсмилхъ впервые обратилъ вниманіе на тотъ „божественный“ порядокъ, который обнаруживается въ измѣненіяхъ человѣческаго рода **). Тотъ самый „поря-

*) *Montesquieu*. L'esprit des lois, 1748; см. изд. 1851, I. I и др. *A. Sorel*, Montesquieu, pp. 86—87, 88. *H. Barckhausen*, Montesquieu, l'Esprit des lois et les archives de la Brède, Par., 1904; *Ego же*: Montesquieu, les idées et les oeuvres d'après les papiers de la Brède, Par. 1907.

**) *Süssmilch*, Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts aus der Geburt, dem Tode und Fortpflanzung desselben erwiesen, Berlin, 1748; вслѣдъ за тѣмъ Зюсмилхъ переработалъ свой очеркъ въ большое сочиненіе, вышедшее двумя изданіями въ 1761 году.

докъ“, на который Зюсмилхъ указывалъ въ своемъ сочиненіи, вскорѣ стали изучать и съ чисто научной точки зрѣнія, утвердившейся въ области статистическихъ изслѣдованій, благодаря трудамъ Кетле по „соціальной физикѣ“ **). Для того, чтобы судить о значеніи подобнаго рода изслѣдованій для развитія номотетическаго построенія историческаго знанія, достаточно припомнить, какое вліяніе они оказали, на примѣръ, хотя бы на разсужденія Вокля о „законахъ исторіи“.

Такимъ образомъ, провиденціализмъ постепенно утратилъ прежнее исключительное вліяніе на пониманіе исторіи и сталъ уступать свое мѣсто научному естествознанію: дальнѣйшая эволюція того же понятія о законосообразности историческихъ явленій, окончательно высвободившагося отъ провиденціализма, находилась въ довольно близкомъ отношеніи къ развитію трехъ другихъ понятій, а именно: понятія о естественной средѣ, о „естественной исторіи“ человѣка, какъ особаго вида—*species homo* и „о культурной исторіи“ человѣчества.

Понятіе о естественной средѣ, въ которой человѣку приходится жить и дѣйствовать, конечно, давно уже обратило на себя вниманіе мыслителей и ученыхъ: географія, многимъ обязанная уже древне-греческимъ писателямъ, стала описывать природныя условія человѣческой жизнедѣятельности; но послѣ Страбона и Павсанія прошло не мало времени, прежде чѣмъ, вслѣдъ за Себастьяномъ Мюнстеромъ, составившимъ „описаніе всѣхъ странъ“ (1544 г.), Вареній началъ заниматься изученіемъ физической, а Клюверъ — исторической географіи; знаменитые представители геттингенской исторической школы—Гаттереръ и Шлецеръ установили тѣсную связь между географіей и исторіей, а извѣстный Риттеръ въ началѣ прошлаго вѣка положилъ географію „въ основу историческихъ наукъ“ и попытался выяснитъ значеніе природы различныхъ странъ въ ихъ исторіи **). Такое „антропогеографическое“ изученіе постояннаго дѣйствія природы на чело-

*) *A. Quetelet*, Sur l'homme et le développement de ses facultés ou Essai de physique sociale, vv. 1 —2, Par., 1835.

**) *K. Ritter*, Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen и проч.; 19 B-de, Berl., 1882—1859.

вѣка, ея вліянія на расселенія и поселенія людей, на ихъ жизнедѣятельность и культуру, вскрывало, конечно, нѣкоторую законосообразность историческаго развитія и обнаруживало извѣстную зависимость отъ географическихъ условій даже измѣнчивыхъ формъ государственнаго устройства *).

Понятіе о естественной средѣ человѣческой жизнедѣятельности находилось въ тѣсной связи и съ понятіемъ о „естественной исторіи человѣческаго рода“: оно стало выясняться, главнымъ образомъ, съ антрополого-этнографической точки зрѣнія и видоизмѣнилось подъ вліяніемъ эволюціонной теоріи, которая утвердилась въ естествознаніи съ середины прошлаго вѣка и, въ такомъ видѣ, оказала воздѣйствіе на пониманіе историческаго процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, уже Blumenbachъ, анатомъ и фізіологъ по специальности, интересовался „естественной исторіей человѣческаго рода“, хотя еще и не употреблялъ термина „антропологія“. Анатомъ и фізіологъ Левелингъ также стремился сдѣлать антропологію доступной для студентовъ всѣхъ факультетовъ и вообще для каждаго образованнаго человѣка; въ 1799 г. онъ, напимѣрь, читалъ лекціи по антропологіи **). Въ послѣдующее время Broca и Topinardъ, Вайцъ, Ранке и др. не мало сдѣлали для ея разработки. Подъ антропологіей первоначально разумѣли „естественную исторію человѣческаго рода“ (Blumenbachъ); но уже Кантъ поставилъ антропологію въ связь съ психологіей, а Фихте (I. H. Fichte) въ 1856 году издалъ свою извѣстную „антропологію“, обнимавшую „ученіе о человѣческой душѣ“. Другіе ученые стали связывать антропологію, поскольку она за-

*) *F. Ratzel*, *Anthropogeographie*, 2 B-de, Lpz., 1882 (2-е изд. 1899), и 1891. *Его же*: *Politische Geographie*, 1897.

**) *I. F. Blumenbach*, *Naturgeschichte des Menschengeschlechts*, 1777.—Возникшее въ Парижѣ въ 1799 году „общество наблюдателей надъ человѣкомъ“ (*des observateurs de l'homme*) предполагало съ сравнительно-антропологической точки зрѣнія изучать физическія, умственные и нравственные способности человѣка, а также мѣстныя особенности его типа; взаимодействие между душою и тѣломъ, и языкъ: психику глухо-нѣмыхъ; жизнь дикарей исторію цивилизованныхъ народовъ, ихъ происхожденіе и переселенія; мораль и законодательство и т. п.; но уже къ 1805 г. общество закрылось; см. „*Rev. Scient.*“, 1909, Octobre 23.

нимается изучением свойств человека (преимущественно физических), с этнографией *). Несколько позднее лейпцигский профессор Шмидт под общим названием „антропологии“ читал и о физической природе человека, и о его положении в природе, „всеобщую этнологию“ и проч., а Тейлор включил в свою известную книгу („Anthropology“) обзор всей первобытной культуры. В виду того, что антропология вмещала в себя столь разнообразные предметы, легко было переносить понятия, вырабатываемые естествознанием, в область социологии и истории: понятие о расе, например, получило с течением времени широкое применение в некоторых исторических построениях.

Антропология, выяснявшая понятие о естественной истории человеческого рода, развивалась однако в связи с разработкой этнографии. Антрополог Blumenbach уже пытался выяснить „природное разнообразие человеческого рода“. Вслед за ним Пritchard дал общее обозрение человеческого рода по племенам и народам с естественно-исторической точки зрения **). Вскоре затем, по мысли Мильна Эдварса (1829), в Париже возникло этнологическое общество, начавшее действовать с 1839 года. Вместе с тем этнография, первоначально смешиваемая с антропологией, стала постепенно обособляться от нея: антропология изучала человека в качестве зоологического вида (*species homo*), по природе своей отличающегося известными физическими и психическими свойствами, а этнография приступила к изучению человека, поскольку он принадлежит определенному обществу, объединенному происхождением и общим языком, а также подчиненному общим обычаям. Сравнительная этнография обнаружила, что в жизни самых разнообразных народностей можно встретить много сходных проявлений ***).

*) *Th. Waitz*, Anthropologie der Naturvölker, 6 B-de. Lpz., 1859—1872.

***) *I. F. Blumenbach*, De generis humani varietate nativa, 3 ed. Gottingae, 1795. *I. C. Pritchard*, Natural history of man, Ld., 1813.

****) *F. Müller*, Allgemeine Ethnographie, Wien, 1873, s. 1: ср. *R. Andree*, Ethnographische Parallelen. 1878. Neue Folge 1889. *F. Ratzel*, Völkerkunde, 3 B-de. 1885—1886 и др.

Антропология уже давала понятіе о естественно-историческомъ видѣ homo; но все же и антропология, и этнография до середины прошлаго вѣка слишкомъ мало останавливались на понятіи о его происхожденіи и о его развитіи; послѣднее получило надлежащее біологическое обоснованіе лишь послѣ того, какъ Дарвинъ (одновременно съ Уоллэсомъ) представилъ въ Линнеевское общество свой знаменитый мемуаръ о естественномъ подборѣ (1858 г.); вслѣдъ за тѣмъ онъ систематически развилъ ученіе о факторахъ эволюціи, объ измѣняемости видовъ, борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ, а также о наследственности пробрѣтенныхъ свойствъ; благодаря такимъ факторамъ виды постепенно развиваются и приспособляются къ внѣшней средѣ. Новое ученіе давало основаніе разсуждать съ эволюціонной точки зрѣнія и о „естественной исторіи человѣка“, его жизни въ обществѣ, его учрежденіяхъ и т. п.: наряду съ „естественной исторіей человѣческаго рода“ стали изучать „эволюцію человѣческихъ обществъ“. Съ такой точки зрѣнія Спенсеръ, напри- мѣръ, и воздвигъ свои „Основанія соціологіи“: широко пользуясь и этнографическимъ матеріаломъ, и выводами этнографіи, онъ, подобно Контю, пытался съ соціологической точки зрѣнія обобщать и исторію; онъ объяснялъ историческій процессъ при помощи своего извѣстнаго „закона эволюціи“, изучалъ развитіе учреждений и, подобно Боклю, указывалъ на смѣну „воинственнаго типа“ общества „индустриальнымъ типомъ“ *).

Развитіе понятій о „естественной исторіи человѣческаго рода“ и объ эволюціи человѣческихъ обществъ вызвало въ историкахъ, интересовавшихся ими, надежду достигнуть соответствующихъ обобщеній и въ исторіи; они стали заниматься ими преимущественно въ области исторіи культуры **).

*) *H. Spencer, Principles of Sociology, 1876—1882*; впрочемъ, авторъ „Основаній психологіи“, конечно, принималъ во вниманіе и ея выводы, а также пользовался исторіей культуры при построении соціологіи.

***) *E. Schaumkell, Geschichte der deutschen Kulturgeschichtsschreibung von der Mitte des XVIII. J. bis zur Romantik im Zusammenhang mit der allgemeinen geistigen Entwicklung, Lpz. 1905*; авторъ находится подъ вліяніемъ Лампрехта. *F. Jodl, Die Culturgeschichte*.

Терминъ „культура“ появился въ Германіи приблизительно въ срединѣ XVIII вѣка и былъ поставленъ въ довольно тѣсную связь съ понятіемъ о „просвѣщеніи“; вышеуказанное развитіе наукъ, близко соприкасавшихся съ исторіей, конечно, оказало вліяніе на разработку исторіи культуры; въ то время нѣкоторые ученые, на примѣръ, Мёзеръ (Möser) начали также интересоваться изученіемъ народа, что и историки культуры позднѣйшаго времени продолжали считать одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ, а Гердеръ приступилъ къ изложенію своей философіи исторіи съ культурно-исторической точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ связи съ философіей исторіи Гердеръ въ сущности занимался и исторіей культуры. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи онъ обратилъ вниманіе на то, что націи измѣняются въ зависимости отъ мѣста и времени, а также отъ ихъ „внутренняго характера“; онъ даже полагалъ, что „главный законъ историческихъ явленій“ состоитъ въ слѣдующемъ обобщеніи: „всюду на землѣ происходитъ то, что можетъ на ней произойти, въ зависимости частью отъ условій мѣстоположенія, частью отъ обстоятельствъ и случайностей времени, частью отъ прирожденнаго или благопріобрѣтеннаго характера народовъ; послѣдній складывается подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ факторовъ—и „климата“, и образа жизни, и воспитанія и первоначальныхъ условій и обычныхъ занятій населенія; помимо географическихъ условій, и политическія обстоятельства дѣйствуютъ на сложный ходъ ис-

schreibung, ihre Entwicklung und ihr Problem, Halle, 1878. Въ своей книгѣ Юдль дѣлаетъ краткій общій очеркъ важнѣйшихъ попытокъ построенія исторіи человѣческой культуры не съ философской, а съ научно-исторической точки зрѣнія; авторъ широко понимаетъ слово „культура“, включая въ нее и духовную, и матеріальную и соціально-политическую жизнь; но въ своемъ обзорѣніи онъ принимаетъ во вниманіе лишь наиболѣе общіе труды и общія устанавливаемыя въ нихъ положенія. Въ его обзорѣніи можно указать и на пробѣлы, иногда довольно существенные; напр., авторъ не останавливается на характеристикѣ извѣстнаго сочиненія Буркгардта (*J. Burckhardt, Die Kultur der Renaissance in Italien*; 3-е изданіе ея вышло въ 1878 году); кромѣ того теперь это обзорѣніе, конечно, нѣсколько устарѣло; авторъ, на примѣръ, не могъ еще принять во вниманіе исторію культуры Липперта, не говоря о позднѣйшихъ популярныхъ трудахъ: Группе, Шурца, Швейгера-Лерхенфельда и др.

торіи людськості. Такимъ образомъ, въ своей філософії історіи Гердеръ уже попытався формулювати „законы“ історическихъ явленій и съ вышеуказанной точки зрѣнія приближался къ научному пониманію історическаго развитія людськості. Почти въ то же время Гееренъ пытался связать географію и этнографію съ історіей и приступилъ къ научной разработкѣ історіи культуры *).

Помимо общаго развитія научнаго духа, проникавшаго также въ область історическихъ изысканій, выдѣленіе історіи культуры въ качествѣ самостоятельной отрасли історической науки совершилось и подъ вліяніемъ другихъ причинъ: частью благодаря романтизму, а также усилившемуся интересу къ народности и народнымъ массамъ, частью въ связи съ появленіемъ спеціальныхъ отраслей культурной історіи въ родѣ, на примѣръ, історическаго языкознанія и історіи права.

Историко-лингвистическія изслѣдованія уже производились Аделунгомъ (1806—1816); онъ пытался путемъ сравнительнаго изученія языковъ выяснитъ родство племенъ индоевропейскихъ, ихъ общую родину, расселеніе и т. п. Такія изслѣдованія получили твердое научное обоснованіе благодаря трудамъ Боппа, главнымъ образомъ, его сравнительной грамматикѣ (1833—1835 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Раскъ и Гриммъ (J. Grimm) установили извѣстный „законъ“ перекладки въ германскихъ нарѣчіяхъ и, слѣвательно, обнаружили такуюза коносообразность въ історіи языка, объ открытіи которой еще не мечтали въ історіи другихъ отраслей культуры.

Почти одновременно съ трудами по лингвистической палеонтологіи возникла и історическая школа правовѣдѣнія, также способствовавшая утвержденію понятія о законосообразномъ раз-

*) *Herders's Sämmtliche Werke*, herausgegeben v. Suphan; *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, см. т. XII (1887); новѣйшее критическое изданіе Th. Matthias'a Lpz. u. Wien. Гердеръ оказалъ вліяніе и на французскую мысль: Де Жерандо (De Gerando) распространялъ его „Идеи“ во Франціи, а позднѣе Кинэ занялся ихъ переводомъ. *A. Heeren, Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*, 1793 и др.

вѣтн общественной жизни. Съ точки зрѣнія представителей исторической школы обычное право, ранѣе находившееся въ пренебреженіи, получило существенное значеніе; оно связывалось съ понятіемъ о массовой привычкѣ, т. е. вело къ понятію о повторяемости однихъ и тѣхъ же правоотношеній; выводя къ тому же право изъ народнаго духа, историки-юристы того времени стремились усмотрѣть закономерность въ его развитіи. Дѣйствительно, уже Гуго и его преемники любили сравнивать языкъ съ правомъ, а Савиньи и его послѣдователи стремились выяснитъ закономерное развитіе права *).

Самый терминъ „Kulturgeschichte“, уже извѣстный Клемму въ широкомъ смыслѣ слова, окончательно вошелъ въ употребленіе въ нѣмецкой литературѣ благодаря Друманну и Вакмуту **); но терминъ „исторія культуры“ понимался ими не одинаково.

Клеммъ, различая философію исторіи отъ исторіи культуры, стремился, на примѣръ, при построеніи ея соединитъ этнографическую точку зрѣнія съ историко-культурной ***). Этнографическая точка зрѣнія Клемма ярко видна уже въ самомъ планѣ всего сочиненія; въ немъ онъ придерживается такой системы изложенія, которую, съ чисто исторической точки зрѣнія нельзя признать удачной: много мѣста удѣляя изображенію (преимущественно внѣшняго) быта первобытныхъ народовъ, онъ затѣмъ даетъ представленіе о „культурныхъ государствахъ“ Америки, Египта, Китая, Японіи и остальныхъ культурныхъ народовъ Востока и только въ послѣднихъ двухъ томахъ своего сочиненія знакомитъ читателя съ „языческой Европой“ и съ „христіанскимъ западомъ и востокомъ Европы“. Аналогичная этнографическо-историческая точка

*) *G. Hugo*, Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, 1809 и др. *F. K. v. Savigny*. Von Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, Heidelberg, 1814: System des heutigen Römischen Rechts, B. I, 1840 и др.

***) *W. Drumann*, Grundriss der Culturgeschichte, 1847. *W. Wachsmuth*, Allgemeine Culturgeschichte, 3 B-de, 1850—1852.

****) *G. Klemm*, Allgemeine Geschichte der Menschheit, 1—10 B-de 1843—1852.

зрѣнія въ наше время была положена Гельмольтомъ въ основу редактируемой имъ „всемирной исторіи“ человечества*).

Вліяніе этнографической и историко-юридической школы сказалось и на трудахъ Ваксмута. Въ своихъ сочиненіяхъ по исторіи культуры Ваксмуть обозрѣваетъ ее по народностямъ и племенамъ и настаиваетъ на тѣсной связи между исторіей народа и исторіей государства; онъ полагаетъ, что безъ народности, національнаго духа государство лишено содержанія — пустая форма; онъ обращаетъ особое вниманіе на государственное устройство, право и законодательство, а также на отношеніе народа къ государству, т. е. на развитіе права, и въ немъ видитъ вліяніе духа народнаго **).

Съ только что указанной точки зрѣнія можно было придти къ заключенію, что исторія народа—главнѣйшая часть всякой исторіи; заключеніе подобнаго рода, дѣйствительно, было высказано Кольбомъ въ его извѣстной исторіи человечества и особенно развито Рилемъ. Хорошо знакомый съ современнымъ ему народнымъ бытомъ, Риль задался цѣлью построить „естественную исторію народа“ и изучить его во всей полнотѣ и разнообразіи его культуры; онъ въ особенности стремился понять жизнь низшихъ слоевъ общества, жизнь крестьянскую и мѣщанскую, образующую какъ бы „подпочву нашей культуры“ ***). Такимъ образомъ, включая „исторію народа“ въ исторію культуры, Риль и его единомышленники еще болѣе расширяли область историческихъ наблюденій и находили въ ней матеріаль, легче поддающийся обобщенію, чѣмъ факты „внѣшней исторіи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объектъ исторіи культуры получилъ нѣ-

*) *H. F. Helmolt*, *Weltgeschichte*, Lpz.; первый томъ этого сочиненія вышелъ въ 1899, а девятый—въ 1907 году.

**) *W. Wachsmuth*, *Europäische Sittengeschichte vom Ursprunge volksthümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit*, 6 B—de, 1831—1839 и *Allgemeine Culturgeschichte*, 3 B—de 1850—1852.

***) *G. E. Kolb*, *Geschichte der Menschheit und der Kultur als Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte*, 1843; новое значительно дополненное и отчасти измѣненное изданіе вышло въ 1864—1870 гг. *W. Rühl*, *Naturgeschichte des deutschen Volks*, 4 B—de; съ 1853 года.

сколько болѣе широкое значеніе: замѣняя нѣмецкій терминъ своимъ собственнымъ, французская, а отчасти и англійская литературы стали связывать понятіе о „цивилизаци“ съ понятіями объ извѣстной степени развитія „просвѣщенія“ и соціального строя. Уже С.-Симонъ разсуждалъ о соціальномъ развитіи, а Гизо построилъ свою „исторію цивилизаци“ даже преимущественно съ соціально-исторической точки зрѣнія. Цивилизациа, по мнѣнію Гизо, есть развитіе соціальныхъ отношеній, соціальной дѣятельности, въ связи съ развитіемъ челоуѣка, его души, его внутренней жизни, его индивидуальной дѣятельности; но самъ Гизо изучалъ преимущественно лишь прогрессивное развитіе общества. Впрочемъ, Ру-Ферранъ, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Гизо, включилъ въ свой обзоръ и другія проявленія культурной жизни народовъ*). Историки, занимавшіеся изученіемъ развитія цивилизациа, также находили въ ней матеріалъ для обобщеній. Тьерри уже называлъ такіе историческіе труды чистою абстракціею фактовъ, что отчасти и оправдалось на примѣрѣ нѣкоторыхъ представителей разбираемаго направленія.

Въ связи съ развитіемъ общей исторіи культуры находилось и развитіе отдѣльныхъ ея отраслей, наступившее главнымъ образомъ съ середины прошлаго вѣка. На подробномъ разсмотрѣніи каждой изъ нихъ я, однако, не могу останавливаться здѣсь и приведу лишь нѣсколько примѣровъ для того, чтобы показать, что и въ разработкѣ такихъ отраслей обобщеніе стало играть существенную роль.

Съ того времени, на примѣрѣ, когда Буше де Пертъ сталъ производить свои раскопки (1836 — 1841 г.) въ долинѣ р. Соммы**), а Ляйэлль вслѣдъ за тѣмъ представилъ геологическія доказательства въ пользу древности челоуѣка (1863 г.), между геологіей и исторіей стали включать доисторическую археоло-

*) *F. Guizot, Histoire de la civilisation en Europe, 1828 — 1830. H. Roux-Ferrand, Histoire des progrès de la civilisation en Europe depuis l'ère chrétienne jusqu'au XIX sc., 1-e изд. 1833—1841, 2-e—1847.*

**) *J. Boucher de Perthes, Antiquités celtiques et antédiluviennes 3 vv. Abbeville, 1847—1865. De l'homme antédiluvien et de ses oeuvres. Par., 1860.*

гію. Новой наукѣ вскорѣ удалось обнаружить значительное единообразіе формъ поддѣлокъ изъ камня, отчасти изъ бронзы и желѣза, въ разныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ племенъ, а также нѣкоторое единообразіе въ смѣнѣ одного рода матеріала, подвергавшагося обработкѣ, другимъ; впрочемъ, преждевременное обобщеніе дѣленій, добытыхъ французскими археологами, повело къ распространенію ихъ на другія страны, что лишь въ позднѣйшее время стало вызывать справедливую критику.

То же единообразіе можно было наблюдать и въ области исторіи духовной, и въ области исторіи экономической культуры. Уже братья Гриммы полагали, что при одинаковыхъ условіяхъ и результаты творчества должны быть одинаковы, и ссылались на единообразіе человѣческой психики для того, чтобы объяснить сходство нѣкоторыхъ сказаній, возникшихъ независимо другъ отъ друга у разныхъ народовъ *). Тэйлоръ, а въ новѣйшее время Лэнгъ, Фрэзеръ и многіе другіе продолжаютъ развивать ту же точку зрѣнія **). Изученіе экономической исторіи также приводило къ аналогичнымъ выводамъ, но въ другой сферѣ явленій, о чемъ уже отчасти свидѣтельствуетъ извѣстное сочиненіе Бека (Voesk) о народномъ и государственномъ хозяйствѣ аоинянь, основанное на внимательномъ изученіи частныхъ (1817 г.). Позднѣйшія работы въ той же области возникали, частью пользуясь выводами исторической школы политической экономіи (Рошеръ, Книсъ, Роджерсъ и др.), частью подъ вліяніемъ экономического матеріализма (Марксъ, Энгельсъ и др.). Въ противоположность идеологамъ нѣмецкой исторической школы экономисты пытались строго провести обобщающую точку зрѣнія; опираясь на принципъ причинно-слѣдственности, Марксъ (его коммунистическій манифестъ вышелъ въ 1848 году), а за нимъ и Эн-

*) *Gebr. Grimm*, *Kinder und Hausmärchen* (1819), 3 Aufl., Göttingen, Bd. III, 1856, ss. 405—406.

***) *E. Tylor*, *Primitive Culture*, 2 ed. (есть русск. пер.). *A. Lang*, *Mythes, Cultes et Religions*, trad. Marillier, Paris, 1896 и др. *J. G. Frazer*, *The Golden bough, a study in magic and religion*, 2 ed., 3 vol., Lond., 1900 и др.

гельсь попытались формулировать законы связи между экономическим процессом и другими социальными явлениями в их историческом развитии. В таком методологическом смысле разсужденія Маркса о томъ, что способы производства обуславливаютъ социальную жизнь, а также матеріальную, духовную и политическую, или установленное Марксомъ соответствие между производительными силами, экономической структурой и „надстройкой ея“—политико-правовой ея организаціей оказали существенное вліяніе и на номотетическое пониманіе историческаго процесса. „Экономическій матеріализмъ“ послужилъ основаніемъ для цѣлаго ряда номотетическихъ построеній в области исторіи: Каутскій и Лоріа (не говоря о многихъ другихъ) развивали основоположенія Маркса в своихъ работахъ по теоріи историческаго процесса и в историческихъ монографіяхъ. Съ точки зрѣнія принятой имъ теоріи, Лоріа, напримѣръ, старался формулировать „законы социальной эволюціи“, „законъ“ роста населенія, „параллельные законы“ развитія собственности и труда и т. п. Лампрехтъ первоначально также исходилъ изъ аналогичнаго пониманія исторіи, но в позднѣйшее время измѣнилъ свою точку зрѣнія *).

Кромѣ вышеуказанныхъ областей исторіи культуры, многія другія обращали на себя вниманіе изслѣдователей, стремившихся къ обобщенію историческаго матеріала. Не перечисляя ихъ здѣсь, я отмѣчу еще лишь исторію учреждений, разработанную Мэномъ и Стеббсомъ, Вайцемъ и Гнейстомъ, а также, не говоря о многихъ другихъ, Фюстель-де-Куланжемъ. Мнѣніе послѣдняго довольно характерно: исторія, по его словамъ, не есть накопленіе извѣстій о всякаго рода событіяхъ, происходившихъ в прошлой жизни человѣчества; она есть наука о человѣческихъ обществахъ, задача ея состоитъ в томъ, чтобы познать, какъ эти общества образовались. Исторія разыскиваетъ, какія силы управляли ими,

*) *L. Woltmann*, Der historische Materialismus, 1900. *Th. Massaryk*. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, 1899: дальнѣйшія указанія на литературу см. в послѣднемъ трудѣ, имѣющемся и в русскомъ переводѣ. *Н. Картьевъ*, Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ, Спб., 1896 г. ср. *E. Hammacher*, Das System des Marxismus, Lpz., 1909.

т. е. какія именно силы сплотили каждое изъ нихъ и придали ему единство; она изучаетъ жизненные органы общества, т. е. его право, его хозяйство, его умственные и матеріальныя привычки, все его міровоззрѣніе. Каждое изъ такихъ обществъ было живымъ существомъ; историкъ долженъ описывать его жизнь. Съ нѣкотораго времени придумали слово „соціологія“; слово „исторія“ имѣло тотъ же смыслъ и говорило то же по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые его понимали правильно. Исторія есть наука о соціальныхъ фактахъ, она и есть сама „соціологія“ *).

Такимъ образомъ, историки, изучавшіе исторію культуры вообще или развитіе важнѣйшихъ ея отраслей, находили здѣсь матеріаль, подававшійся нѣкоторымъ обобщеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего можно замѣтить, что ученые, занимавшіеся сравнительнымъ изученіемъ не крупныхъ событій, а мелкихъ проявленій культурной жизни, напримѣръ, „домашняго быта“, приближались къ своего рода историческому атомизму: вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣли дѣло съ фактами, повторяющимися въ извѣстныхъ предѣлахъ пространства и времени; будучи обыденными, послѣдніе оказываются и массовыми, что даетъ возможность прилагать къ нимъ обобщающую точку зрѣнія. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ (Sittengeschichte) Ваксмуть, напримѣръ, при обзорѣни средневѣковой культуры, изучаетъ ея проявленія, общія многимъ европейскимъ народностямъ (рыцарство), и интересуется не только тѣмъ, что придавало ей единство или въ чемъ оно выражалось, но и тѣми состояніями, которыя повторялись въ данныхъ предѣлахъ времени и пространства (gemeinsame Zustände).

Историки культуры также стараются группировать факты съ точки зрѣнія сходства (а не различія) между ними и, напримѣръ, въ предѣлахъ даннаго періода, изучаютъ явленія лишь общія людямъ того времени. Такая точка зрѣнія уже обнаружилась въ довольно раннихъ попыткахъ историковъ культуры систематизировать изучаемый ими матеріаль. Друманны, напри-

*) *Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, L'alleu et le domaine rural, Par., 1889, p. IV.

мѣрь, систематически расчленяетъ проявленія культуры на группы; то же въ началѣ 50-хъ годовъ можно замѣтить и у Ваксмута (*Allgemeine Culturgeschichte*); послѣдній принимаетъ слѣдующую группировку: а) религія, культъ, церковь, нравственность; б) государственное устройство, право, военное дѣло, политика; в) матеріальная культура; д) искусство, наука и преподаваніе. Такая же тенденція наблюдается и у позднѣйшихъ историковъ; но она, разумѣется, тоньше проводится: Буркгардтъ, напримѣрь, изучаетъ не столько генезисъ, сколько результаты Возрожденія, проэктированные на одну плоскость; онъ опредѣляетъ господствующія въ немъ культурныя теченія и, расчленивъ ихъ, получаетъ извѣстное число категорій, подъ которыя онъ соотвѣтственно и подводитъ даже дѣятельность самыхъ видныхъ представителей Возрожденія; впрочемъ, въ данномъ случаѣ пріемъ подобнаго рода, по мнѣнію одного изъ позднѣйшихъ представителей того же направленія, оправдывается тѣмъ, что ни одинъ изъ дѣятелей того времени не былъ настолько великъ, чтобы повліять своей личностью на всю совокупность развитія культуры *). Вышеуказанное стремленіе къ обобщенію вскорѣ обнаружилось и въ попыткахъ конструировать однородныя серіи историческихъ явленій. Иодль, напримѣрь, рассуждая о методѣ, котораго исторія культуры должна придерживаться, замѣчаетъ, что, при пользованіи имъ, дѣло сводится къ тому, чтобы систематически выбрать изъ многочисленныхъ „временно и пространственно разъединенныхъ рядовъ развитія“ „однородное“ и въ цѣляхъ „непосредственнаго сравненія“ устранить всякое отношеніе и связь его съ другими чужеродными, хотя бы и соприкасающимися съ ними элементами. Современные представители исторіи культуры стремятся располагать ея проявленія по однороднымъ серіямъ развитія. Мюллеръ - Ліеръ различаетъ, напримѣрь, исторію развитія „матеріальныхъ средствъ“ и работы;

*) *J. Burckhardt*, *Die Kultur der Renaissance in Italien*, 8-te Aufl., 1901. Авторъ устанавливаетъ слѣдующія группы: государство, какъ произведеніе искусства (тиранія и республика и ихъ разновидности); развитіе индивидуума; возрожденіе интереса къ древности; открытіе міра и человѣка; общественность и праздники; нравы и религія.

исторію развитія брака, семьи и т. п.; исторію развитія соціальной жизни; исторію духовнаго развитія человѣчества: языка, знанія и вѣрованій, нравственности, права и искусства *).

Въ числѣ требованій, предъявляемыхъ исторіи культуры, ученые новаго времени ставятъ и обнаруженіе типическаго. Буркгардтъ изучалъ, напримѣръ, типъ итальянца времени Возрожденія; Фрейтагъ изображалъ нѣмецкіе типы прошлаго времени и умѣлъ отгнѣять типическое, заключающееся въ единичномъ случаѣ. Риль также въ сущности довольствовался построеніемъ типа нѣмецкой культуры даннаго времени. Вообще, изученіе каждой области, отдѣла культуры, по словамъ Юдля, напримѣръ, должно завершаться установленіемъ обнаружившихся въ ней типовъ. Аналогичные взгляды можно встрѣтить и у новѣйшихъ ученыхъ. Шнюреръ еще недавно замѣтилъ, что исторія культуры есть наука объ измѣненіяхъ въ типической дѣятельности. Готейнъ въ сущности придерживается той же точки зрѣнія, когда говоритъ, что исторія культуры большею частью имѣетъ дѣло съ массовыми явленіями и что, если среди такихъ однородныхъ явленій изслѣдователю удастся разыскать одинъ типичный случай, то онъ одинъ имѣетъ значеніе для всѣхъ. Наконецъ, и Лампрехтъ высказывается въ такомъ же духѣ **).

Стремленіе изучать „типическое“ находилось въ связи и съ отысканіемъ законовъ исторіи; уже Риль, напримѣръ, полагалъ, что исторія культуры должна будетъ „обосновать законы, по которымъ она зарождается, цвѣтетъ, зрѣетъ и умираетъ“. Почти одновременно, хотя и независимо отъ него, Бокль сдѣлалъ попытку подобнаго рода въ своемъ введеніи въ исторію цивилизаціи Англій ***). Всякая наука, разсуждаетъ онъ, стремится къ обобщенію конкретныхъ фактовъ и къ установленію законовъ образованія вещей и быванія; исторія путемъ приложенія срав-

*) *Fr. Müller-Lyer*, Entwicklungsstufen der Menschheit: первая часть подъ заглавіемъ Phasen der Kultur, München 1908, ss 39—44.

**) *E. Gothein*, Die Aufgaben der Kulturgeschichte, Lpz., 1889, s 16.

***) *Th. H. Buckle*, Introduction to the History of civilisation in England, vol. I, 1857; v. II, 1861; рус. пер. А. Буйницкаго и Ѳ. Ненаарокова, изд. 2, сс. 21, 22, 171, 202—204, 253, 254.

нительнаго изученія и статистическаго метода также должна стремиться къ обобщенію. Дѣйствія людей обуславливаются лишь тѣмъ, что имъ предшествуетъ; значить, при тождественныхъ условіяхъ они должны носить отпечатокъ однообразія и давать тождественные результаты. Въ частности дѣйствія людей обусловлены съ одной стороны внѣшними условіями, т. е. „природой“, дѣйствующей на духъ, съ другой же стороны, воздѣйствіемъ его на природу; тѣмъ или инымъ соотношеніемъ этихъ факторовъ (реальнымъ значеніемъ ихъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время) опредѣляется и степень культурнаго развитія. При изученіи всемірной исторіи легко замѣтить, однако, „внѣ Европы—подчиненіе челоуѣка природѣ“, и, напротивъ, преобладающее „подчиненіе природы челоуѣку“ „въ Европѣ“; можно даже сказать, что въ ея исторіи такое воздѣйствіе постоянно усиливается; но „быстрое движеніе впередъ“ замѣчается относительно „истинъ умственныхъ“, а не „нравственныхъ“, остающихся въ „неподвижномъ состояніи“; значить, научное построеніе исторіи сводится къ открытію законовъ челоуѣческаго духа, въ сущности, челоуѣческаго интеллекта, ибо прогрессъ челоуѣчества зависитъ отъ успѣха, съ которымъ законы явленій (природы) изслѣдуются, и отъ той степени, въ какой знаніе ихъ свободно распространяется въ обществѣ. Такимъ образомъ, исторія культуры въ лицѣ Бокля уже признала необходимость установить „законы челоуѣческаго духа“, что, казалось, можно было осуществить лишь послѣ превращенія интуитивно-психологической точки зрѣнія въ научно-психологическую.

Послѣ Бокля, хотя и были попытки построить „законы“ въ области исторіи культуры въ матеріалистическомъ смыслѣ, но онѣ оказались несостоятельными и только лишній разъ показали, что безъ психологіи исторія культуры не можетъ привести къ обобщеніямъ. Подъ сильнымъ вліяніемъ матеріализма и трансформизма Гельвальдъ, на примѣръ, составилъ свою „исторію культуры“ *): онъ держится того мнѣнія, что одна и та же

*) *Fr. v. Hellwald, Die Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung, 1875; 3-te Aufl., 1883.*

законосообразность обнаруживается и въ природѣ, и въ исторіи; „всякій культурный процессъ есть только процессъ природы“: борьба за существованіе лежитъ въ основѣ исторіи, и даже идеалы человѣчества служатъ для нея лишь средствами или орудіями. Во всякомъ естественномъ процессѣ, а, значить, и въ историческомъ можно усмотрѣть необходимую послѣдовательность отдѣльныхъ фазисовъ, не зависящую отъ воли человѣка; такая естественная механическая необходимость не только объясняется, но, поскольку она—необходимость, признается и должной; слѣдовательно, сущее и должное, по мнѣнію Гельвальда, одно и то же; объясненіе сущаго равносильно его оправданію. Подобно органической теоріи въ соціологіи, такое направленіе нельзя было, однако, послѣдовательно провести въ исторіи. Дѣйствительно, вопреки своему „матеріализму“, Гельвальдъ постоянно и при объясненіи, и при изображеніи культурнаго развитія человѣчества пользуется „духовными“ факторами; вопреки отрицанію всякой телеологіи, онъ вноситъ ее въ собственное свое построеніе. Такимъ образомъ, исторія культуры Гельвальда обнаруживаетъ всю слабость теоріи, отрицающей психологическія предпосылки исторіи, поскольку она признается наукой обобщающей.

Послѣдующіе теоретики исторіи культуры уже вполне опредѣленно выставляли необходимость связать ее, въ качествѣ науки обобщающей, съ психологіей. Въ числѣ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ исторія культуры должна стремиться, Лодль, напримѣръ, указываетъ и на открытіе и объясненіе всеобщихъ законовъ, обусловливающихъ общій ходъ ея; но работы въ такомъ направленіи стали давать плодотворные результаты лишь по мѣрѣ того, какъ психологическіе законы, опредѣляющіе жизнь человѣчества, становились яснѣе; и если можно было бы рассчитывать на открытіе законовъ историческаго развитія въ общихъ его чертахъ, то все же чисто историческая обработка даннаго матеріала не была бы въ состояніи (сама по себѣ) разрѣшить такую проблему: она нуждается въ болѣе глубокомъ психологическомъ основаніи; значить, лишь благодаря ему и исто-

рія культури могла бы надѣяться на установленіе какихъ-либо законовъ историческаго процесса *).

§ 2. Развитие понятія о законообразности историческихъ явленій въ психологическомъ смыслѣ.

Съ того времени, когда психологія начала складываться въ особую науку, ученые приверженцы номотетическаго построения историческаго знанія все чаще стали прибѣгать къ ней для того, чтобы обосновать свои научныя обобщенія и въ области исторіи; лишь такимъ путемъ, казалось, можно было придать имъ характеръ законовъ; слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе изучаемаго нами направленія должно было попасть въ зависимость отъ развитія психологическихъ знаній; съ ихъ помощью историки пытались превратить исторію въ обобщающую науку.

Уже среди писателей классической древности можно было бы указать и на такихъ, которые съ метафизической или съ эмпирической точки зрѣнія разсуждали о явленіяхъ душевной жизни или же пытались совмѣстить оба направленія (Платонъ, Аристотель, Плотинъ и др.); обзоръ длиннаго пути, по которому прошла психологія, прежде чѣмъ она стала замѣтно вліять на исторію, однако, завлекло бы насъ слишкомъ далеко: вѣдь такое вліяніе начало явно обнаруживаться лишь въ теченіе XIX-го столѣтія. Съ 1820-хъ годовъ Гербартъ и Милль (James Mill) много содѣйствовали ея развитію. Гербартъ, правда, ставилъ психологію въ зависимость отъ метафизики; но онъ полагалъ, что метафизика есть наука о „понятности опыта“; онъ также училъ о равновѣсіи и движеніи представленій, что давало ему возможность бороться противъ старой теоріи „о способностяхъ души“, и стремился выяснитъ закономерность явленій душевной жизни. Вскорѣ послѣ появленія „психологіи“ Гербарта психологическая литература обогатилась извѣстнымъ трудомъ Милля: вслѣдъ за Гертли и Юмомъ онъ содѣйствовалъ развитію ученія объ ассоціаціи идей и устанавливалъ законы ассоціаціи между чувствованіями и идеями.

*) *F. Jodl*, *Die Culturgeschichte* etc., §§ 108, 110, 121.

Новый періодъ въ развитіи общей психологіи можно начинать со времени выхода въ свѣтъ капитальныхъ трудовъ Фехнера и Лотце (1851 и 1852 г.). Съ того времени ученые стали проводить различіе между метафизикой и (эмпирической) психологіей; они приступили къ выработкѣ болѣе точныхъ методовъ психологическаго изученія, провѣряли самонаблюденіе экспериментомъ и прибѣгали къ самоанализу; настаивая на непрерывности „потока мышленія“, они вырабатывали ученіе о единствѣ сознанія, о чувствованіяхъ, о волѣ, о мотиваціи и проч. (ср. ниже); вмѣстѣ съ тѣмъ они начали обращать вниманіе на сложные явленія душевной жизни, возникающія или развивающіяся въ сознаніи индивидуума въ зависимости отъ соціального общенія и характеризуемая такимъ общеніемъ, а также указывали на значеніе психологіи для соціальныхъ наукъ (Бенеке и др., Вундтъ).

Къ срединѣ 1850-хъ годовъ можно отнести и образованіе особой отрасли психологіи, которую я назову „эволюціонной“. Въ своихъ извѣстныхъ „Основаніяхъ психологіи“, появившихся въ 1855 г., Спенсеръ систематически примѣнилъ ученіе объ эволюціи къ изслѣдованію явленій душевной жизни; впрочемъ, и онъ еще обращалъ слишкомъ мало вниманія на развитіе эмоцій и волевыхъ процессовъ. Специальная обработка эволюціонной психологіи продолжалась въ разныхъ областяхъ: Вундтъ изучалъ, напримѣръ, психологію животныхъ; Прейеръ—психологію ребенка; Тэйлоръ—психологію дикаря и т. п.

Съ иной точки зрѣнія Дильтей уже въ наше время попытался намѣтить задачи особаго рода психологіи, занимающейся описаніемъ и анализомъ душевной жизни „развитаго человѣка“ (ср. еще ниже).

Въ началѣ того же новаго періода въ исторіи психологіи слѣдуетъ отмѣтить появленіе новой дисциплины, которую можно назвать соціальной психологіей; впрочемъ, она возникла въ видѣ особыхъ разновидностей, получившихъ свои особые названія: этологіи, народной психологіи и коллективной психологіи; онѣ имѣли большое значеніе для попытокъ обосновать теорію историческаго знанія съ номотетической точки зрѣнія.

Основателем „этологіи“ можно признать автора и до сих поръ известной логики—Милля (J. St. Mill).

Милль во многихъ отношеніяхъ близокъ къ Контю и его позитивизму: признавая, что всѣ явленія безъ исключенія управляются неизмѣнными законами, онъ желаетъ перенести методы естественныхъ наукъ въ томъ видѣ, въ какомъ они употребляются въ естествознаніи, въ науки социальныя, въ томъ числѣ и въ исторію; тѣмъ не менѣе самъ Милль много способствовалъ введенію психологіи въ оборотъ социальныхъ наукъ и исторіи.

„Контъ, по его словамъ, не сдѣлалъ ровно ничего для установленія позитивнаго метода въ наукѣ о духѣ“: „не помѣстивши психологіи на настоящее мѣсто ея въ позитивной философіи“, онъ впалъ въ „важное заблужденіе“, которое „послужило источникомъ серьезныхъ ошибокъ въ его попыткѣ создать социальную науку“. Контъ не объясняетъ, на примѣръ, „какимъ образомъ должны мы наблюдать умственное [т. е. психическое] дѣйствіе другихъ или истолковывать ихъ проявленія, не узнавъ черезъ познаніе себя [т. е. путемъ самонаблюденія, отрицаемаго Контю] значеніе этихъ проявленій“ *).

Милль вѣрилъ въ возможность открытія законовъ душевной жизни и формулировалъ нѣкоторые изъ нихъ; хотя онъ мало сдѣлалъ для дальнѣйшаго построенія общей психологіи, но зато размышлялъ объ особой отрасли психологіи — средней между индивидуальной психологіей и социальными науками съ исторіей; онъ назвалъ такую отрасль психологіи этологіей.

Психологія „указываетъ простые законы души вообще“; этологія же „обнаруживаетъ ихъ дѣйствіе въ сложныхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ“: она устанавливаетъ собственно среднія начала, *axiomata media* (какъ сказалъ бы Беконъ) науки о душѣ, отличныя и отъ самыхъ высшихъ обобщеній, и отъ эмпирическихъ законовъ, проистекающихъ изъ простаго наблюденія. Такое формальное различіе между психологіей и этологіей соотвѣтствуетъ и различію въ ихъ болѣе кон-

*) *Д. С. Милль*, *О. Контъ и позитивизмъ*, русск. пер. 1897 г., стр. 68, 71.

кретныхъ цѣляхъ и содержаніи. „Если, какъ это обычно и удобно, мы обозначаемъ словомъ психологія науку объ элементарныхъ законахъ души, то этологія будетъ служить для обозначенія дальнѣйшей науки, которая опредѣляетъ родъ характера, образуемаго соответственно этимъ общимъ законамъ какой нибудь совокупностью обстоятельствъ физическихъ и нравственныхъ“. Слѣдовательно, этологія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, изучаетъ „образование національнаго или коллективнаго характера, точно также какъ и индивидуальнаго“, и формулируетъ его законы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя не всѣ люди чувствуютъ и дѣйствуютъ одинаково и въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, но можно опредѣлить, почему одно лицо въ данномъ положеніи чувствуетъ и дѣйствуетъ однимъ способомъ, а другое другимъ; какимъ путемъ данный образъ чувствъ и дѣйствій, согласный съ общими (физическими и душевными) законами человѣческой природы, сложился или можетъ сложиться; говоря иными словами, человѣчество не имѣетъ общаго характера, тѣмъ не менѣе законы образованія характера существуютъ. А такъ какъ этими законами, въ сочетаніи съ фактами каждаго частнаго случая, порождается вся совокупность явленій человѣческаго дѣйствія и чувства, то отъ нихъ и должна исходить всякая раціональная попытка построить конкретно и для практическихъ цѣлей науку о человѣческой природѣ.

Цѣль новой отрасли психологіи предопредѣляетъ, конечно, и ея методъ: „общіе законы различныхъ составныхъ элементовъ человѣческой природы, по словамъ Милля, уже теперь достаточно выяснены, чтобы для компетентныхъ мыслителей стало возможнымъ (съ значительной степенью приближенности) вывести изъ этихъ законовъ особый типъ характера, который образовался бы въ человѣчествѣ вообще при данномъ родѣ обстоятельствъ. Итакъ, наука „этологія“, основанная на законахъ психологіи, возможна, хотя для нея сдѣлано еще мало, да и это немного осуществлено вовсе не систематически. Успѣхи этой важной, но въ высшей степени несовершенной науки, будутъ зависеть отъ двоякаго процесса: во-первыхъ, отъ теоретическаго вывода этологическихъ слѣдствій изъ данной совокупности обстоя-

тельствъ и сравненія этихъ слѣдствій съ признанными результатами эмпирически обобщеннаго опыта; во-вторыхъ, отъ обратнаго процесса, а именно, отъ усиленнаго изученія различныхъ типовъ человѣческой природы, находимыхъ въ мірѣ изученія ихъ лицами, не только способными анализировать и замѣчать обстоятельства, въ которыхъ эти типы отдѣльно господствуютъ, но также достаточно знакомыхъ съ психологическими законами, чтобы объяснить характерныя черты даннаго типа особенными обстоятельствами: и только остатокъ, если онъ окажется, будетъ отнесенъ на счетъ прирожденныхъ предрасположеній“ *).

Такимъ образомъ, въ вышеприведенныхъ отрывкахъ Милль предлагалъ изучать человѣческой характеръ не съ физиологической, а съ психологической точки зрѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что выводы психологіи, благодаря этологіи, могутъ пригодиться и для соціолога, и для историка. Самъ Милль лелѣялъ мысль создать этологію; но ему не удалось осуществить свое намѣреніе; оно было отчасти исполнено Бэномъ въ его извѣстномъ сочиненіи объ изученіи характера **). Позднѣйшіе ученые принялись за такую же работу: Поланъ, напримѣръ, въ своемъ трудѣ объ „умственной дѣятельности“ и проч. уже пытался построить теорію „душевной жизни“ и установить абстрактные законы „общей психологіи“, а затѣмъ приступилъ къ изученію конкретнаго психологіи въ особомъ изслѣдованіи „о характерахъ“; здѣсь Поланъ показалъ, „какимъ образомъ общіе законы (психологіи) обнаруживаются въ дѣйствительности и какимъ образомъ они порождаютъ (соотвѣтственно) различныя категоріи психическихъ типовъ“; итакъ, исходя изъ абстрактной психологіи, Поланъ изучалъ, анализировалъ и систематизировалъ различныя обнаруженія ея элементовъ въ данныхъ типахъ ***).

Выше мнѣ уже приходилось указывать на то, что, по мнѣнію

*) *J. S. Mill*, *Logic*, B. VI, ch. 5; шестая книга написана въ 1840 году; но логика вышла только въ 1843 году; рус. пер. Ф. Резенера (подъ ред. П. Лаврова)—безъ добавленій, внесенныхъ въ послѣднее англійское изданіе.

**) *A. Bain*, *Study of character*, 1861.

***) *E. Paulhan*, *Les caractères*, P. 1894; указанія на другія сочиненія см. ниже.

Милля, этологія—наука объ образованіи характера, не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ народовъ; новѣйшіе психологи занимались изслѣдованіями подобнаго рода; таковы, напримѣръ, не говоря объ общихъ трудахъ Фулье, Лебона и другихъ, работы Бутми о психологіи англичанъ и американцевъ, Фуллье — о психологіи французовъ и т. п.

Такимъ образомъ, мысль Милля о разработкѣ особой отрасли знанія — этологіи была въ извѣстной мѣрѣ осуществлена въ послѣдующей литературѣ, преимущественно французской; но почти одновременно съ „этологіей“ въ Германіи возникла отрасль психологическихъ изслѣдованій, получившая названіе „психологіи народовъ“. Въ своихъ разсужденіяхъ объ этологіи Милль, главнымъ образомъ, настаивалъ на изученіи той законосообразной связи, которая существуетъ между извѣстными условіями и соответствующимъ характеромъ; Лазарусъ и его приверженцы, напротивъ, занимаясь „психологіей народовъ“, имѣли въ виду скорѣе выяснитъ отношеніе между психикой народа и соответствующими продуктами его культуры, въ особенности, его языкомъ, мѣрами и нравами.

Послѣ подъема національнаго духа, обнаружившагося въ Германіи со времени освободительныхъ войнъ 1813—1815 гг., и оживленія интереса къ изученію народной жизни естественно было ожидать появленія дисциплины, которая стала бы изучать „народный дух“, націю въ наиболѣе интимныхъ проявленіяхъ ея психики; но такое настроеніе не могло, однако, дать руководящихъ началъ для построенія „психологіи народовъ“: основатель ея, извѣстный профессоръ Лазарусъ, попытался разыскать ихъ въ ученіи Гербарта.

Гербартъ смотрѣлъ на представленія, какъ на своего рода центры силъ. Въ его построеніи каждое представленіе не оказывалось въ неразрывной связи съ субъектомъ представляющимъ: оно являлось лишь атомомъ психической жизни; слѣдовательно, и изученіе психической жизни обращалось въ изученіе какъ бы механики представленій, независимо отъ ихъ отношенія къ сознанію субъекта. Такимъ образомъ, не пріурочивая къ данному „я“ его представленій и отрывая ихъ отъ

отдѣльныхъ субъектовъ, Гербарть придерживался своего рода атомизма въ психологїи; пользуясь такою конструкціей, можно было изучать движеніе представленій и въ цѣломъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ указанной точки зрѣнія Гербарть устанавливалъ своего рода аналогію между взаимодействіями представленій въ предѣлахъ даннаго индивидуальнаго сознанія и тѣми взаимодействіями, которыя обнаруживаются между представителями разныхъ индивидуальныхъ сознаній въ предѣлахъ данной соціальной группы, а психологія подобнаго рода могла служить основаніемъ и для построенія психологїи народовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Гербарть признавалъ и вліяніе націи на составляющія ее индивидуальныя сознанія. „Нація, по его словамъ, имѣетъ не только господствующій темпераментъ, но и свою исторію; эту исторію единичный человекъ застаётъ до извѣстнаго пункта уже протекшею; степень культуры, національнаго чувства и знанія даннаго времени сильно направляютъ, возвышаютъ или принижаютъ индивидуума во всѣхъ пунктахъ его жизненнаго пути“. Съ такой точки зрѣнія можно было разсуждать о коллективномъ сознаніи и о вліяніи данной общественной группы, ея настроеній и т. п. на индивидуальное сознаніе каждаго изъ ея членовъ—построеніе, также впоследствии развитое Лазарусомъ *).

Первоначально, однако, Лазарусъ былъ гегельянцемъ и лишь затѣмъ склонился къ философїи Гербарта; онъ убѣдился въ томъ, что „философствованіе Гербарта гораздо удовлетворительнѣе и плодотворнѣе философствованія Гегеля: слѣдуя Гербарту, всегда стоишь на твердой почвѣ опыта и даже тогда,

*) *J. Herbart*, Bruchstücke zur Statik und Mechanik des Staates въ Werke (Kehrbach), Bd. VI, s. 24 ff. и др. Подъ вліяніемъ ученія Гумбольдта и Гербарта Лазарусъ развилъ и ученіе объ „идеяхъ“ въ примѣненіи ихъ къ исторїи; въ метафизическомъ смыслѣ идеи суть преимущественно нравственныя силы, осуществляющіяся въ исторїи и порождающія или формирующія ее; гении—олицетворенныя, господствующія идеи и т. п.; впрочемъ, Лазарусъ понималъ идеи и въ смыслѣ психологическомъ, т. е. въ смыслѣ представленій съ общимъ значеніемъ, вызывающихъ въ насъ извѣстныя влеченія; здѣсь достаточно коснуться ученія Лазаруса объ идеяхъ лишь съ точки зрѣнія его значенія для развитія соціальной психологїи.

когда возвышаешься надъ нимъ, не забываешь оглядываться на его результаты и держать ихъ передъ глазами“.

Значеніе Лазаруса, какъ основателя особой отрасли психологическаго знанія, оспаривается тѣми, которые считаютъ творцомъ психологіи народовъ Штейнтала; самъ Штейнталь, однако, писалъ, что „честь быть основателемъ психологіи народовъ“ принадлежитъ Лазарусу; въ статьѣ о нравственномъ оправданіи значенія Пруссіи въ Германіи (*Die sittliche Berechtigung Preussens in Deutschland*, 1850) онъ „еще нетвердою рукою, точно ощупью, но все же вполне опредѣленно намѣтилъ характеръ психологіи народовъ“, а затѣмъ установилъ понятіе о ней въ цѣломъ рядѣ другихъ статей. Послѣднія появлялись, главнымъ образомъ, въ основанномъ имъ (вмѣстѣ съ Штейнталемъ) журналѣ; вся научная дѣятельность по обоснованію новой школы сосредоточилась или въ этомъ журналѣ, или вокругъ него *).

Въ самыхъ краткихъ чертахъ не мѣшаетъ выяснить, что разумѣли основатели психологіи народовъ подъ этимъ терминомъ и какъ считали возможнымъ прилагать ее къ исторіи.

Соціальная жизнь, по мнѣнію Лазаруса, объясняется психологіей и описывается исторіей. Это положеніе, если бы оно было развито имъ, могло бы дать и особаго рода пониманіе примѣненія психологіи къ исторіи; но Лазарусъ мало остановился на развитіи своей мысли и слишкомъ скоро перешелъ къ установленію тѣсной связи между психологіей и исторіей, поскольку послѣдняя не только описываетъ прошлую жизнь чело-вѣчества, но и устанавливаетъ (въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ) законы, по которымъ историческіе факты происходятъ.

Къ такой точкѣ зрѣнія Лазарусъ перешелъ, разсуждая о томъ значеніи, какое элементарныя силы, т. е. чувствованія и идеи, имѣютъ въ историческомъ процессѣ **). Чувствованія и идеи

*) *M. Lazarus, Lebenserinnerungen, bearbeitet von N. Lazarus und A. Leicht. Berl., 1906. „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“, 1860—1870.*

**) Лазарусъ придавалъ весьма широкое значеніе термину „идея“; въ понятіе о ней онъ включалъ даже безсознательные процессы или, по крайней мѣрѣ, мало опознанные процессы психической жизни.

порождаютъ историческіе факты, учрежденія, внѣшнія столкно-
венія, войны; историкъ долженъ восходить къ чувствованіямъ и
идеямъ для того, чтобы объяснить, почему такое то изобрѣтеніе
или такая то война должны были имѣть успѣхъ, для
того, чтобы понять, не только почему они были, но и почему
они именно должны были имѣть такіа, а не инья послѣдствія:
слѣдовательно, лишь законы, которые управляютъ чувствованіями
и идеями, могутъ лежать въ основаніи историческихъ обобщеній:
историкъ будетъ пользоваться ими для построенія историче-
скихъ законовъ.

Общая индивидуальная психологія, однако, не въ состояніи
удовлетворить историка: индивидуумъ съ точки зрѣнія истори-
ческой представлялся Лазарусу скорѣе абстракціей, чѣмъ реаль-
ностью: вѣдь индивидуумъ всегда вставленъ въ данную обществен-
ную среду; въ дѣйствительности индивидуумъ всегда находится
подъ вліяніемъ ея прошлаго и настоящаго; въ такомъ смыслѣ онъ
оказывается продуктомъ общества и его исторіи. Значить, не
столько индивидуумъ, сколько общество является реальностью,
и не индивидуумъ объясняетъ общество, а скорѣе нужно исхо-
дить изъ общества для того, чтобы объяснять индивидуумъ; но
такого именно объясненія нельзя найти въ индивидуальной психо-
логіи: она изучаетъ абстрактно отдѣльные психическіе процессы,
могущіе происходить въ индивидуальномъ сознаніи, независимо
отъ вліяній существующихъ и взаимодействующихъ индивидуаль-
ныхъ сознаній другъ на друга; очевидно, нужно создать особую
дисциплину, которая изучала бы групповыя психическія явленія,
тотъ продуктъ общества, который можно назвать его духомъ.
Между индивидуальной психологіей и исторіей надо, значить,
построить социальную психологію, при помощи которой можно
было бы объяснять исторію народовъ или біографію человѣче-
ства. Съ такой точки зрѣнія, разумѣется, можно изучать всякаго
рода общественныя группы; но наиболѣе важной, устойчивой,
кристаллизировавшейся общественной группой слѣдуетъ, конечно,
признать націю, народъ; значить, и та отрасль психологіи,
которая изучаетъ психологію общественной группы, должна
будетъ обращать преимущественное вниманіе на народъ; отсюда

7*

и названіе новой отрасли психологіи — „психологія народовъ“ (Völkerpsychologie).

Психологія народовъ, по мнѣнію Лазаруса, изучаетъ то, что обще индивидуальнымъ сознаніямъ, входящимъ въ составъ данной общественной группы, даннаго народа и т. п. *). Такая совокупность не простая сумма отдѣльныхъ единицъ: она оказывается „замкнутымъ“ цѣлымъ, обладающимъ особаго рода свойствами; они не даны въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, а проявляются въ немъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ становится частью этого цѣлаго: каждое изъ такихъ сознаній относитъ свои состоянія не къ одному себѣ, а къ тому цѣлому, частью котораго индивидуумъ является. Реальное единство соціального цѣлаго можно понимать и въ актуальномъ смыслѣ: оно обнаруживается въ простомъ сочетаніи индивидуальныхъ дѣйствій, оказывающемъ воздѣйствіе на каждое изъ нихъ, или въ согласованности дѣйствій, выполняемыхъ данной совокупностью индивидуумовъ, данною общественною группой въ виду болѣе или менѣе общей имъ цѣли и т. п. Съ такой точки зрѣнія можно говорить объ общественномъ духѣ, понимая подъ нимъ не тотъ „объективный духъ“, который является стадіей въ діалектическомъ развитіи абсолютнаго духа, а конкретныя, реальныя проявленія психики данной общественной группы; поскольку же можно говорить объ единствѣ общественнаго духа, можно говорить и о психологіи народовъ.

Впрочемъ, стремясь къ обоснованію историческаго процесса на законахъ, устанавливаемыхъ психологіей народовъ, Лазарусъ, однако, нисколько не отрицалъ значенія въ этомъ процессѣ отдѣльныхъ личностей; наряду съ обществомъ, содержащимъ элементы для личнаго творчества, онъ признавалъ и самостоятельное значеніе послѣдняго: „массы“ никогда не отличаются творчествомъ; „въ болѣе узкомъ смыслѣ слова“ оно принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ; не и онѣ способны дѣйствовать

*) Съ точки зрѣнія ученія объ „идеяхъ“ Лазарусъ и Штейнталь разсуждали и о „народномъ духѣ“, какъ носителѣ идей: онѣ получаютъ въ немъ образы, характерныя для даннаго народа; ср. выше с. 97, прим.

на известную общественную группу лишь постольку, поскольку послѣдняя въ свою очередь способна воспринимать ихъ дѣйствія, поскольку оно уже содержитъ элементы того творчества, которое дѣйствуетъ на нее. Взаимодѣйствіе подобнаго рода и составляетъ предметъ изученія психологіи народовъ; съ такой точки зрѣнія она объясняетъ историческое прошлое, въ особенности психическіе процессы образованія продуктовъ культуры: языка, мѣта и нравовъ *).

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ то построеніе психологіи народовъ, которое сложилось примѣрно между 1850-70 гг. въ нѣмецкой литературѣ: оно завладѣло довольно обширнымъ кругомъ почитателей и продолжателей, начиная съ Штейнталя, который уже въ 1852-мъ году присоединился къ Лазарусу, и кончая Вундтомъ. Послѣдній систематизировалъ ученіе Лазаруса и въ своей логикѣ, гдѣ онъ поставилъ психологію въ основу всей группы наукъ о духѣ, въ томъ числѣ и исторіи, и въ своемъ монументальномъ трудѣ по народной психологіи, еще не законченномъ **).

Въ то время, однако, на ряду съ психологіей народовъ уже складывалась новая отрасль психологіи, также стоящая въ близкой связи съ номотетическимъ построеніемъ исторіи: я имѣю въ виду „коллективную или социальную психологію“. Послѣдній терминъ прямо указываетъ на то, что эта новая отрасль психологіи развилась не столько изъ индивидуальной психологіи, сколько изъ приложенія психологіи къ изслѣдованію социальныхъ явленій и проблемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что коллективная психологія зародилась въ связи съ изученіемъ простѣйшихъ и элементарныхъ соотношеній, которыя привлекали вниманіе мыслителей давно, хотя выводы ихъ имѣли частный характеръ и не были своевременно оцѣнены; достаточно припомнить здѣсь имя одного философа, на котораго съ такой точки зрѣнія обращаютъ слиш-

*) *M. Lazarus*, Ueber das Verhältniss des Einzelnen zur Gesamtheit въ „Zeit.“, IV, 393--453 и др.

**) *W. Wundt*, Völkerpsychologie, Lpz., 1900—1909, BB. I-III въ пяти томахъ (Die Sprache: Mythos und Religion).

комъ мало вниманія—Малебранша: въ своемъ разсужденіи о „заразительности“ нѣкоторыхъ представленій онъ уже въ 1675 г. далъ цѣлую теорію подражанія и пытался выяснитъ его условія и соціальное значеніе; многія изъ его замѣчаній и до сихъ поръ не утратили своей цѣны, но были основательно забыты позднѣйшими изслѣдователями, даже соотечественникомъ философа—извѣстнымъ Тардомъ, „открывшимъ“ законы подражанія *). А между тѣмъ, можно сказать, что путемъ изученія процесса подражанія въ значительной мѣрѣ складывалась и та дисциплина, которая получила названіе коллективной психологіи. Тардъ много сдѣлалъ для ея развитія въ цѣломъ рядѣ трудовъ, главныя идеи которыхъ уже высказывались имъ (въ частныхъ бесѣдахъ) съ 1874—75 гг. Впрочемъ, самый терминъ „коллективная психологія“ появился сравнительно поздно, насколько мнѣ извѣстно, въ трудахъ итальянской уголовно-антропологической школы. Уже Ферри разсуждалъ о „коллективной психологіи“; и онъ, и его ученики содѣйствовали ея разработкѣ. Извѣстный итальянскій писатель Сигеле, напримѣръ, сталъ отчасти высказывать тѣ же положенія итальянской школы, но въ расширенномъ видѣ и, такимъ образомъ, уже затронулъ въ общихъ чертахъ нѣсколько проблемъ коллективной психологіи. Тардъ продолжалъ работать въ томъ же направленіи; оно не замедлило обнаружиться и въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ, напримѣръ, Болдвина (Baldwin); между прочимъ, въ Россіи, уже вскорѣ послѣ извѣстныхъ событій начала восьмидесятихъ годовъ, Михайловскій сталъ печатать свои статьи о „герояхъ и толпѣ“; указывая на пагубное вліяніе смертной казни на зрителей, онъ съ широкой естественно-научной точки зрѣнія изучалъ явленія миметизма, внушенія, подражанія и т. п. и выяснялъ ихъ соціологическое значеніе **).

*) *N. Malebranche*, De la recherche de la vérité; „Lettres patentes du roi“ на изданіе книги были даны уже въ январѣ 1674-го года, но книга вышла въ 1675 году; см. I, II, troisième partie: De la communication contagieuse des imaginations fortes, особенно главы 1 и 2. *G. Tarde*, Les lois de l'imitation, 1890.

***) *S. Sighele*, La foule criminelle. 1-е изд. 1892 (2-ое изд. 1901 г.); ср.

Вообще, для того чтобы понять, почему ученые почувствовали надобность на ряду съ вышеуказанными отраслями психологии, еще въ особой отрасли психологии — „коллективной“, надо имѣть въ виду, что послѣдняя и по своей точкѣ зрѣнія, и по объекту изслѣдованія отличается отъ остальныхъ психологическихъ дисциплинъ.

Коллективная психология стремится подвергнуть анализу наиболее элементарныя, обычныя мелкія психическія взаимодействія: Тардъ, на примѣръ, посвятилъ цѣлую работу изслѣдованію простого „разговора“ (conversation). Слѣдовательно, можно разумѣть подъ „коллективной психологіей“ научную дисциплину, которая (по словамъ Тарда) изучаетъ „взаимныя отношенія душъ“ (des esprits) или одушевленныхъ существъ, ихъ одностороннія или обоюдостороннія вліянія другъ на друга; но въ область коллективной психологии Тардъ преимущественно включалъ и изученіе того дѣйствія, которое социальная среда оказываетъ на „взаимныя отношенія душъ“, или того давленія, подъ которымъ элементарныя психическія взаимодействія происходятъ во всякомъ обществѣ. Съ такой точки зрѣнія „психология толпы“ получаетъ особаго рода интересъ. Сигеле, Тардъ, Лебонъ и другіе изучаютъ, на примѣръ, толпу съ ея психическими свойствами, чувствованіями, идеями, съ ея мнѣніями и вѣрованіями, поскольку она вліяетъ на входящіе въ ея составъ индивидуумы и на ихъ взаимоотношенія; при этомъ они часто понимаютъ терминъ „толпа“ въ очень широкомъ смыслѣ; подъ понятіе толпы они подводятъ, на примѣръ, не только случайную совокупность собравшихся людей, охваченныхъ извѣстнаго рода настроеніемъ, а разумѣютъ и „публику“ вообще, даже „публику“, разсѣянную по разнымъ мѣстамъ, поскольку путемъ раз-

G. Tarde, Les foules et les sectes criminelles въ „Rev. des deux Mondes“, 1893 и др. *Н. Михайловскій*, Герои и толпа, 1882 г. и др. статьи въ Соч., т. II. См. еще *F. Eulenburg*, Ueber die Möglichkeit und die Aufgaben einer Socialpsychologie въ „G. Schmoller's Jahrb.“ 1900 г. Въ отличіе отъ того широкаго значенія, какое выше придано термину „социальная психология“ (см. с. 92), я предпочитаю называть разсматриваемую здѣсь отрасль психологии „коллективной психологіей“.

наго рода искусственныхъ средствъ (телеграфовъ, газетъ и т. п.) она объединяется въ одно цѣлое; можетъ быть, нѣсколько насилуя смыслъ самаго понятія, они готовы называть „толпой“ даже парламентскія собранія (Лебонъ).

Въ числѣ болѣе спеціальныхъ задачъ коллективной психологіи естественно поставить и выясненіе психическихъ свойствъ разныхъ соціальныхъ образованій. Съ такой точки зрѣнія можно изучать, на примѣръ, секты, въ особенности, конечно, секты религіозныя, сословныя группы, разные круги общества, „салоны“ и т. п. Въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода „конкретная“ психологія привлекается на ряду съ „коллективной“; нѣтъ нужды распространяться здѣсь о томъ важномъ значеніи, какое такія изслѣдованія имѣютъ для надлежащаго пониманія очень многихъ историческихъ фактовъ.

Въ предшествующемъ изложеніи я указалъ на образованіе психологическихъ дисциплинъ, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ соціологическимъ и историческимъ построеніямъ. До сихъ поръ, однако, я скорѣе предполагалъ теоретически возможнымъ такое вліяніе, чѣмъ наблюдалъ его на самомъ дѣлѣ; но многіе ученые дѣйствительно прилагали психологію къ построенію исторіи съ номотетической точки зрѣнія; не входя въ послѣдовательное изученіе всѣхъ относящихся сюда случаевъ, я останавлиюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы показать, какимъ образомъ историки стали пользоваться психологіей для обобщеній въ области исторіи.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что номотетическая точка зрѣнія въ связи съ познавательной-психологической внесла въ построеніе исторіи особый оттѣнокъ. Историческое знаніе получило характеръ болѣе осложненный, чѣмъ то можно было бы предполагать, придерживаясь исключительно натуралистическаго пониманія историческаго процесса: съ точки зрѣнія номотетико-психологической приходилось устанавливать такіе добавочные принципы знанія, которыми соціологъ-историкъ пользуется въ отличіе отъ натуралиста; Штейнталь, на примѣръ, указывалъ на то, что психологія есть „спеціальное ученіе о принципахъ“,

нужныхъ для исторіи и что лишь благодаря психологіи исторія можетъ получить научный характеръ, а Вундтъ попытался формулировать принципы подобнаго рода *).

Историки, однако, очень мало останавливались на ихъ выясненіи и тѣмъ не менѣе пользовались ими для построения особаго рода историческихъ категорій; опираясь на нихъ, они стремились уловить „естественную“ законосообразность историческаго процесса. Среди ученыхъ, съ такой точки зрѣнія изучавшихъ исторію, для примѣра достаточно указать хотя бы на Тэна. Тэнъ самъ заявилъ, что онъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только занимался чистой психологіей или психологіей прикладной. И дѣйствительно, Тэнъ воспользовался психологическими понятіями для установленія своихъ историческихъ категорій, т. е. для выработки извѣстнаго своего ученія о расѣ, о средѣ и о моментѣ: безъ психологическихъ понятій Тэнъ не могъ бы построить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, раса, напримѣръ, по понятію Тэна, не только совокупность физическихъ свойствъ, но и совокупность психическихъ признаковъ, тѣхъ проявленій темперамента и характера, которыя постепенно складывались и образовывали извѣстнаго рода устойчивый психическій типъ, характеризующій данную совокупность людей. Среда, по мнѣнію Тэна, также не только совокупность физическихъ условій, которыя вліяютъ на тотъ или иной характеръ общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и само общество (*milieu humain*) по отношенію къ отдѣльнымъ его частямъ, и политическія обстоятельства; съ такой точки зрѣнія въ понятіе о средѣ онъ включаетъ понятія о публикѣ, о знаменитыхъ французскихъ салонахъ XVIII в., выработывавшихъ классическій духъ, и пр. Наконецъ, подъ моментомъ Тэнъ разумѣетъ не отдѣльный индивидуальный фактъ во всей его конкретности, а скорѣе вліяніе, которое, напримѣръ, разнаго рода произведенія предшествующей литературы оказываютъ на послѣдующихъ писателей, воспринимающихъ ихъ въ качествѣ образцовъ; въ такомъ смыслѣ, напримѣръ, вліяніе библіи на разнаго рода стили послѣдующаго времени, хотя бы

*) *W. Wundt*, *Logik*, B. II, 2, 3-te Aufl., Ss. 26—49.

XVI вѣка, можно признать „моментом“; въ основу своего понятія о моментѣ, значить, Тэнъ клалъ психологическое понятіе о процессѣ подражанія, наступающемъ при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени.

Историки также пользовались общей психологіей для изученія „соціально-психическихъ факторовъ“ историческаго процесса и законосообразной связи между каждымъ изъ нихъ и соотвѣтствующими продуктами культуры. Такое приложеніе часто дѣлалось въ исторіяхъ культуры и за послѣднее время получило широкую извѣстность, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ Лампрехта и вызванной ими полемики. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій онъ заявляетъ, что желаетъ построить историческій процессъ путемъ изученія значенія соціально-психическихъ факторовъ исторіи въ ихъ отношеніи къ индивидуаль-но-психическимъ; въ частности, Лампрехтъ находится подъ вліяніемъ Липса и утверждаетъ, „что исторія ничто иное, какъ прикладная психологія и что она изучаетъ развитіе психическихъ продуктовъ, общихъ данному человѣческому обществу“. Съ такой же точки зрѣнія Лампрехтъ старается обосновать и свою періодизацію нѣмецкой исторіи; онъ характеризуетъ типъ психики каждаго періода преобладаніемъ опредѣленнаго соціально-психическаго фактора, порождающаго и соотвѣтствующіе характерные продукты культуры: древнѣйшій періодъ, на примѣръ, отличается „символизмомъ“, слѣдующіе два „тицизмомъ“ и „конвенціонализмомъ“ (преобладаніемъ условностей душевной жизни), современный періодъ— „индивидуализмомъ“, наконецъ, будущій періодъ— „идеализмомъ“ *).

Такого рода общія приложенія психологіи къ исторіи, съ цѣлью выяснить ея законосообразность, уже приводили ученыхъ къ нѣкоторому обоснованію номотетическаго построенія историческаго знанія; аналогичный процессъ можно наблюдать и въ области болѣе спеціальныхъ историческихъ работъ.

Эта точка зрѣнія давно же получила свое приложеніе въ языкознаніи. Штейнталь, на примѣръ, полагалъ, что самонаблюденіе

*) *K. Lamprecht*, *Moderne Geschichtswissenschaft*, Lpz., 1905.

и дѣтская психологія дадутъ матеріаль, изъ котораго путемъ абстракціи можно будетъ установить основныя „законы общей психической механики“, а народная психологія воспользуется ими для истолкованія различныхъ проявленій исторической жизни, въ частности, и языка. Новѣйшіе лингвисты замѣчаютъ, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не столько о психологіи, сколько о приложеніяхъ ея къ различнымъ отраслямъ науки о духѣ; значитъ, надо выработать на почвѣ психологіи особое ученіе объ историческихъ принципахъ (Prinzipienlehre): оно должно состоять въ изложеніи общихъ условій, при наличности которыхъ психическіе и физическіе факторы изучаемыхъ явленій, согласно своеобразнымъ законамъ ихъ дѣйствія, совмѣстно достигаютъ осуществленія общей имъ цѣли *).

Такое же конкретное приложеніе психологія получила и въ области исторіи культуры. Выше мнѣ уже приходилось обращать вниманіе на то, что психологія стала примѣняться здѣсь интуитивно; въ позднѣйшее время попытки подобнаго рода въ той же области пріобрѣли болѣе сознательный характеръ: Тэйлоръ и Спенсеръ, напримѣръ, широко воспользовались психологіей для построенія общаго психическаго типа первобытнаго человѣка, въ частности, для объясненія крупнѣйшаго явленія его жизни—анимизма. Даже тѣ историки культуры, которые продолжали находиться подъ вліяніемъ дарвинизма, все же не могли миновать психологіи. Въ своей исторіи человѣческой культуры Липпертъ, напримѣръ, признаетъ основнымъ факторомъ ея желаніе сохранить свое я, заботы каждаго я о своей жизни въ широкомъ смыслѣ слова и объ ея полнотѣ; высшая форма такого стремленія—ея социальная форма. Хотя силы природы и дѣйствуютъ въ ходѣ культурнаго развитія, но въ совокупности съ „человѣческими представленіями“; притомъ дѣйствіе послѣднихъ часто чрезвычайно велико и во всякомъ случаѣ характерно для развитія собственно человѣческой культуры. Последняя изучается, главнымъ образомъ, въ ея „соціальныхъ проявленіяхъ“.

*) *N. Paul*, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 3 Aufl., Ss. 5, 7 и др.

ніяхъ“ *). Естественнo, что въ построеніи исторіи культуры позднѣйшихъ періодовъ психологическая точка зрѣнія получила еще большее развитіе и приложеніе. Прекрасный примѣръ ея примѣненія можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Буркхардта о ренессансѣ въ Италіи **).

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что та же тенденція воспользоваться психологіей для обобщенія въ области исторіи, помимо многихъ другихъ случаевъ, обнаружилась даже въ конкретныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ XIX ст. Въ числѣ французскихъ историковъ, придерживавшихся такого направленія, можно указать, на примѣръ, на Фюстель де Куланжа и на Токквилья. Самъ Фюстель де Куланжъ заявляетъ, что основнымъ предметомъ изученія исторіи является душа человѣка; исторія должна стремиться познать, что такое эта душа, чему она вѣровала, что она думала, что она чувствовала. Въ частности, въ знаменитомъ своемъ сочиненіи о гражданской общинѣ античнаго міра Фюстель де Куланжъ дѣлаетъ блестящую попытку анализа того значенія, какое религіозное чувство имѣетъ въ жизни человѣческихъ обществъ. Токквиль, одинъ изъ самыхъ глубокихъ историковъ, изучавшихъ „старый режимъ“, въ его отношеніи къ французской революціи, въ конечномъ итогѣ своихъ разсужденій о процессѣ, приведшемъ французовъ къ революціонному кризису, даетъ ему психологическую формулировку. Казалось бы, что здѣсь придется считаться преимущественно съ социально-политическими факторами и выяснить, какіе изъ нихъ вызвали французскую революцію; Токквиль, дѣйствительно, внимательно изучаетъ ихъ; но въ послѣдней части своего труда онъ замѣчаетъ, что для пониманія французской революціи надо, прежде всего, понять характеръ и свойства французскаго народа, и приходитъ къ заключенію, что революція находилась въ тѣсной зависимости отъ развитія двухъ его чувствованій—страстей (passions): „ненависти къ неравенству“ и „любви къ равенству“; ненависть къ неравенству и страсть къ равенству, къ свободѣ,

*) *J. Lippert*, Kulturgeschichte der Menschheit, 2 B-de, 1886.

**) См. выше с. 87.

оказываются двумя самыми могучими рычагами, вызвавшими французскую революцію; возникши до известной степени независимо другъ отъ друга, эти страсти встрѣтились при известныхъ обстоятельствахъ, въ известное время, а такая встрѣча и „воспламенила сердце Франціи“ *).

Вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать, какимъ образомъ общая психологія дѣйствительно примѣнялась и примѣняется историками изучаемаго направленія въ области исторіи для обобщенія наблюдаемыхъ ими фактовъ. Нельзя не замѣтить, однако, что и спеціальныя отрасли психологіи стали оказывать вліяніе на историческія построения. Токквиль, въ сущности, уже примѣнялъ этологію или „науку о національномъ характерѣ“ къ построению французской исторіи. Бутми также попытался приложить принципы той же науки къ изученію политической исторіи англійскаго и американскаго народовъ. Впрочемъ, задолго до появленія его трудовъ, главнѣйшіе представители исторіи культуры въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка уже строили свои культурно-историческія понятія, хотя и не безъ нѣкотораго знакомства съ ученіемъ объ идеяхъ, но и подъ вліяніемъ психологіи народовъ. Бургхардтъ, правда, рѣже другихъ говорилъ о „Volksseele“ и указывалъ на то, что установить достаточно объективное понятіе о ней затруднительно; но Фрейтагъ признавалъ главной задачей своихъ трудовъ „дать картину почти двухтысячелѣтняго развитія нашей народной души“; Риль также постоянно имѣлъ въ виду изученіе той же „народной души“ въ обыденныхъ проявленіяхъ ея жизни. Вообще, все они полагали, что исторія культуры должна поставить себѣ задачей изслѣдовать „исторію народной души“ **). Въ новѣйшее время можно замѣтить, наконецъ, что и „коллективная психологія“ начинаетъ обращать на себя вниманіе историковъ; психологическое направленіе въ социологіи стало черезъ

*) *Fustel de Coulanges, La cité antique, 1864. A. de Tocqueville, L'ancien régime et la Révolution, 7 éd., pp. 306-308, 310.*

*) *G. Steinhausen, Freytag, Burckhardt, Riehl und ihre Auffassung der Kulturgeschichte* въ „*Neue Jahrbücher für das Klass. Altertum*“, 1898, Bd. I, Ss. 451—454.

ея посредство также оказывать вліяніе и на историческія построения. Послѣ изслѣдованій Тарда и Болдвина, попытавшихся выяснитъ законы подражанія, нѣкоторые ученые, на примѣръ, Вилла (Villa) стали указывать на то, что психологія соціальнаго индивидуума даетъ объясненіе исторіи человѣчества (вида).

Не останавливаясь здѣсь на подробномъ обсужденіи далеко еще не сложившихся теорій подобнаго рода, я замѣчу только, что самое слово „объясненіе“ въ свою очередь требовало бы нѣкотораго объясненія.

Въ самомъ дѣлѣ, можно прилагать психологію къ построенію исторической науки съ принципиально различныхъ точекъ зрѣнія, а именно: въ регулятивномъ или въ конститутивномъ смыслѣ.

Приложеніе психологіи къ исторіи въ регулятивномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что ученый пользуется ею, т. е. принципами и понятіями, выработанными психологіей, сознательно примышляя ихъ къ фактамъ для того, чтобы объяснять послѣдніе. Съ такой точки зрѣнія я могу говорить только о психологическихъ принципахъ или понятіяхъ, поскольку я пользуюсь ими для того, чтобы конструировать тѣ или другіе данные мнѣ въ дѣйствительности факты: но безъ дальнѣйшаго основанія я еще не могу утверждать, что чисто-психологическіе факторы дѣйствительно существуютъ и дѣйствительно порождаютъ соответствующіе результаты. Въ такомъ приложеніи психологіи я сознательно примышляю извѣстнаго рода принципы (на примѣръ, чужое одушевленіе) для того, чтобы объяснить себѣ данныя моего чувственнаго воспріятія, которыя я механически объяснить не въ состояніи; очевидно, въ случаяхъ подобнаго рода приложеніе психологіи есть приложеніе ея съ чисто регулятивной методологической точки зрѣнія.

Приложеніе психологіи къ исторіи въ конститутивномъ смыслѣ, напротивъ, предполагаетъ особаго рода предпосылку: въ такомъ случаѣ психическіе факторы признаются реально-данными въ дѣйствительности. Впрочемъ, и съ послѣдней точки зрѣнія можно имѣть въ виду или научные интересы психологіи, а не исторіи, или цѣли собственно историческаго построения. Въ самомъ дѣлѣ, психологъ, занимающійся разысканіемъ психо-

логическихъ законовъ, можетъ пользоваться не только матеріаломъ, почерпаемымъ изъ самонаблюденія или изъ области экспериментальной психологіи, но и наблюдать обнаруженіе психической жизни въ конкретныхъ фактахъ общественной жизни; тогда онъ будетъ пользоваться историческими фактами лишь въ качествѣ матеріала, который онъ изучаетъ съ психологической точки зрѣнія для того, чтобы провѣрить прежніе свои выводы или открыть какой-либо новый законъ психической жизни, дѣйствовавшій въ данномъ случаѣ. Будетъ ли, однако, такого рода задача равносильна задачѣ построенія законовъ исторіи? Очевидно, нѣтъ; я могу разыскивать въ самой исторіи законы психологіи и тѣмъ не менѣе еще не буду въ состояніи построить собственно законы исторіи: вѣдь законы исторіи, если они существуютъ, безконечно болѣе сложны, чѣмъ законы психологіи, и, по меньшей мѣрѣ, должны представлять своеобразную комбинацію многихъ законовъ, въ особенности, законовъ психологическихъ. Итакъ, можно примѣнять психологію къ исторіи, имѣя въ виду интересы психологіи, какъ науки, а не интересы исторіи, почему я и назову такого рода приѣмъ „психологическимъ изученіемъ историческаго матеріала“. Наконецъ, если перенести центръ научнаго интереса изъ области психологическихъ изысканій въ область исторіи, то и тутъ можно задаваться разными цѣлями: можно пользоваться психологіей (въ только что указанномъ конститутивномъ смыслѣ) или для построенія собственно историческихъ законовъ, или для объясненія данныхъ историческихъ фактовъ, всегда сложныхъ и запутанныхъ, но не съ тѣмъ, чтобы провѣрить или открыть какіе либо законы, а для того, чтобы научно понять конкретно-данный историческій процессъ. Лишь въ томъ случаѣ, если историкъ прибѣгаетъ къ психологіи для того, чтобы построить собственно „историческіе законы“, онъ прилагаетъ ее съ номотетической точки зрѣнія къ исторіи; что же касается примѣненія психологіи къ объясненію исторической дѣйствительности, то оно получаетъ свое значеніе и въ идіографическомъ построеніи историческаго знанія, на что представители противоположнаго направленія не всегда обращаютъ вниманіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основанія номотетическаго построенія историческаго знанія.

Лишь пользуясь основными предпосылками нашего разума, мы можем сдѣлать изъ эмпирическихъ данныхъ такіе выводы, которые имѣли бы характеръ логической необходимости и всеобщности. Сколько бы мы ни наблюдали факты, мы на основаніи наблюденныхъ случаевъ логически не можемъ вывести необходимости и всеобщности сдѣланнаго нами вывода; мы можемъ только сказать, что, по мѣрѣ увеличенія числа наблюденныхъ случаевъ, подтверждающихъ данный выводъ, пропорціонально возрастаетъ вѣроятность того, что и не наблюденные случаи также подойдутъ подъ него; съ такой точки зрѣнія мы пользуемся наведеніемъ не только для построенія, но и для провѣрки нашихъ гипотезъ: оно также служитъ и для послѣдующаго установленія степени вѣроятности нашихъ заключеній относительно новыхъ случаевъ подобнаго же рода. Въ виду вышеозначенныхъ соображеній я обращаю преимущественное вниманіе на тѣ общія понятія, которыя лежатъ въ основѣ номотетическаго построенія, на ихъ значеніе и логическую связь и не стану разсматривать попытки эмпирическимъ путемъ доказать законосообразность историческаго процесса; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣя въ виду выводы историковъ, сдѣланные ими на основаніи конкретныхъ наблюденій, я буду пользоваться ими лишь въ качествѣ матеріала для только что указанной цѣли.

Номотетическое построеніе вообще стремится объединить данныя нашего опыта (понимаемаго конечно въ широкомъ смыслѣ), т. е. его содержаніе при помощи общихъ понятій; оно устана-

вливаешь возможно меньшее число общихъ понятій, въ каждое изъ которыхъ укладывалось бы возможно большее число представленийъ объ отдѣльныхъ фактахъ. Въ такомъ случаѣ объединенное знаніе отождествляется съ обобщеннымъ: вѣдь если ограничивать понятіе „наука“ только что указаннымъ его значеніемъ, то и можно сказать, что всякая наука состоитъ лишь въ обобщеніи данныхъ нашего опыта; значить, и естествознаніе, и исторія должны стремиться къ обобщенію.

Впрочемъ, можно пытаться оправдать пониманіе слова „наука“ въ обобщающемъ смыслѣ, исходя и изъ обратнаго положенія; т. е. изъ того, что нельзя научно познавать индивидуальное. Научное мышленіе имѣтъ дѣло только съ общимъ, и даже „индивидуальная“ картина прошлаго, возсозданная историкомъ, „есть уже обобщеніе“; напротивъ, „это здѣсь“ и „это—теперь“ (Гегель) „именно потому и невыразимо, несказанно, что оно есть индивидуальное“; иными словами говоря, нельзя научно формулировать индивидуальное во всей конкретности его содержанія; можно пережить его, но даже изображеніе его, научно цѣнное, не можетъ обойтись безъ нѣкотораго отвлеченія отъ дѣйствительности, въ данномъ случаѣ смѣшиваемаго съ обобщеніемъ.

Итакъ, всякая наука, по мнѣнію представителей номотетическаго направленія, въ сущности, должна стремиться къ обобщенію; значить, и историческая наука должна вырабатывать общія историческія понятія. Въ числѣ такихъ понятій можно различать: 1) основные принципы номотетическаго построенія; 2) номологическія обобщенія; 3) типологическія обобщенія.

§ 1. Основные принципы номотетическаго построенія историческаго знанія.

Приверженцы номотетическаго направленія обыкновенно пользуются принципомъ причинно-слѣдственности и принципомъ единообразія психофизической природы человѣка, въ силу котораго они и утверждаютъ, что установленная ими причинно-

слѣдственная зависимость между *a* и *b* повторяется въ дѣйствительности. Понятія о причино-слѣдственномъ отношеніи между *a* и *b* и о повтореніи *ab* въ дѣйствительности, однако, еще слишкомъ мало даютъ историку; онъ интересуется зависимостью между элементами цѣлыхъ группъ или серій, въ предѣлахъ которыхъ онъ усматриваетъ законосообразный порядокъ отношеній или измѣненій; въ такихъ случаяхъ онъ, сверхъ того, пользуется принципами „консензуса“ и эволюціи (въ естественно-научномъ смыслѣ)—для установленія законовъ ихъ соотношенія или смѣны.

Въ эмпирическихъ наукахъ всякое обобщеніе стремится установить логически-необходимую и всеобщую связь между причиной *a* и слѣдствіемъ *b*, подъ которую можно было бы подводить реально данную послѣдовательность, и формулируетъ законъ такого соотношенія въ слѣдующемъ видѣ: если *a* дано, то, при отсутствіи противодѣйствующихъ условій, *b* должно слѣдовать за нимъ. Естествознаніе построитъ законы подобнаго рода; поскольку исторія—наука, и она должна стремиться къ обобщенію, т. е. (въ конечномъ итогѣ) къ формулированію законовъ въ томъ же причино-слѣдственномъ смыслѣ.

Дѣло, очевидно, обстояло бы вполне благополучно, если бы подъ механическіе законы естествознанія можно было подводить и историческіе факты (въ узкомъ смыслѣ), т. е. если бы мы были въ состояніи послѣдовательно провести въ области исторіи материалистическую точку зрѣнія, что нѣкоторые историки и пытались сдѣлать. Давно уже, однако, выяснено, что материализмъ есть метафизическое построеніе и притомъ, съ познавательной точки зрѣнія, мало удовлетворительное: материалистъ совершенно игнорируетъ затрудненія, испытываемыя нашимъ разумомъ при отождествленіи „матеріи“ съ „духомъ“, и просто перескакиваетъ изъ одной области въ другую; не разрѣшая ихъ и, въ сущности, прикрывая материалистическими терминами понятія совсѣмъ иного рода, онъ устанавливаетъ между ними чисто словесную связь. Во всякомъ случаѣ, закрывать глаза на затрудненія, возникающія при переходѣ изъ области матеріи въ область духа, ненаучно. Вотъ почему попытки материалистическаго построенія исторіи самопротиворѣчивы.

Нѣкоторые представители номотетическаго построения, на-примѣръ, пытаются, хотя и въ скрытой формѣ, придерживаться такого направленія въ психологіи и въ исторіи. Въ основѣ мірового процесса ученые вышеназваннаго направленія признають дви-женіе; но „изъ его анализа слѣдуетъ, что оно не безусловно отличается отъ ощущенія; то, что органы нашихъ чувствъ вос-принимають въ видѣ движенія, сознаніе наше называетъ ощу-щеніями; значить, изъ группы молекулярныхъ движеній можно было бы вывести „чувствованіе“, „разсматриваемое снаружи“, и признать, что подобно тому, какъ въ тѣлѣ нѣтъ ничего реаль-наго, кромѣ его движеній, такъ и въ данномъ „я“ нѣтъ ничего реальнаго кромѣ ряда событій, которыя, въ сущности, одина-ково сводятся къ чувствованіямъ. Если имѣть въ виду выше-указанную связь между движеніемъ и ощущеніемъ, можно было бы сказать, что съ той же чисто механической точки зрѣнія надо объяснять и „я“. Съ такой точки зрѣнія „всѣ науки стре-мятся къ тому, чтобы свестись къ механикѣ“ *), значить, и исторія должна превратиться въ механику соціальной жизни. Сами представители механическаго пониманія исторіи легко попада-ють, однако, въ противорѣчіе съ основными своими положеніями: они, въ сущности, исходятъ изъ понятія объ одномъ и томъ же явленіи, но сами признають, что послѣднее „обречено на то, чтобы, въ виду двухъ различныхъ способовъ, какими оно по-знается, представляться намъ всегда двойнымъ“; если же наше сознаніе никогда не можетъ надѣяться на то, чтобы превзойти такое затрудненіе. и „всегда“ познаетъ нѣчто двойное, откуда можетъ оно получить понятіе объ одномъ и томъ же? и что та-кое сознаніе, съ точки зрѣнія котораго „событіе“, представляю-щееся нашему „чувству“ въ видѣ движенія, оказывается еще „внутреннимъ?“ Вмѣстѣ съ тѣмъ теоретики подобнаго рода, при-ступаая къ историческимъ построениямъ, сами выходятъ изъ узкаго круга механическихъ понятій, не способнаго охватить важнѣй-шія части исторической дѣйствительности, и по меньшей мѣрѣ принуждены обращаться къ психологіи для научнаго ея пони-

*) *P. Nève*, *La philosophie de Taine*, Par., 1908, pp. 72, 125, 126, 127.

манія: ученый, высказавшій вышеприведенное механическое міровоззрѣніе, напримѣръ, очень и очень далекъ отъ него, когда разсуждаетъ о классическомъ искусствѣ, объ англійской литературѣ, о „классическомъ духѣ“ въ до-революціонной Франціи и т. п.

Аналогичныя возраженія можно было бы сдѣлать и противъ того пониманія историческаго процесса, которое съ точки зрѣнія энергетики претендуетъ объяснять важнѣйшія явленія въ области общей исторіи культуры: стремленіе замѣнить понятіе о причино-слѣдственномъ отношеніи понятіемъ объ энергіи и произвольное перенесеніе въ область исторической науки энергетики не мѣшаетъ ея приверженцамъ разсуждать о „психической“ энергіи; объ „изобрѣтеніи и о подражаніи“; о томъ, что человѣкъ „вліяетъ“ на внѣшній міръ „сообразно своей волѣ“ и даже „подчиняетъ“ ей множество энергій въ зависимости отъ поставленныхъ себѣ „цѣлей“; о работѣ въ виду „общей цѣли“; о взаимномъ приспособленіи другъ къ другу благодаря „предвидѣнію нужныхъ для того дѣйствій“; объ „интересѣ организованной совокупности“; о значеніи „предвидѣнія“ въ жизни человѣческихъ обществъ; о „сознательной борьбѣ“ „энергетическихъ комплексовъ“; о значеніи „предводителя“ и его „воли“ въ такой борьбѣ; о накопленіи опыта въ жизни данной соціальной группы черезъ посредство „общихъ понятій“ и т. п. Въ случаяхъ подобнаго рода такіе термины употребляются безъ точнаго и яснаго установленія понятій, что, напримѣръ, и даетъ возможность произвольно отождествлять понятіе объ „энергетически (т. е. технически) полезныхъ свойствахъ“ съ „свойствами соціальными“ или изъ соотношенія В къ А, гдѣ В есть энергія, получаемая путемъ превращенія въ нее части энергіи А (Güterverhältniss), выводитъ нравственный долгъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, приверженцы вышеуказаннаго направленія, въ сущности, еще не открыли какихъ-либо собственно „историческихъ“ законовъ и, сами того не замѣчая, вмѣсто ихъ формулировки предлагаютъ правила, которымъ люди или образуемые ими союзы должны слѣдовать *).

*) *W. Ostwald*, Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft,

Нѣсколько менѣе элементарное пониманіе историческаго закона (въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ) пытаются найти тѣ ученые, которые придерживаются экономическаго матеріализма: но и предлагаемое ими ученіе не можетъ дать нужной опоры для открытія „историческихъ“ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, противъ такого пониманія можно все еще сдѣлать возраженіе, которое относится и къ предшествующимъ построеніямъ. Научное объясненіе предполагаетъ установленіе логически-необходимой и всеобщей связи между ближайшею причиною и вызываемымъ ею слѣдствіемъ, т. е. своего рода дифференціальное изученіе данной послѣдовательности. Экономическій матеріализмъ, указывая на „экономическую основу“ („*Oekonomische Grundlage*“) соціальной жизни или на „матеріальное производство“, какъ на основу соціальной жизни, исключительно ими обусловливаемой, въ сущности, слишкомъ мало различаетъ въ нихъ физическіе (физиологическіе) процессы отъ экономическихъ въ узкомъ смыслѣ слова. Между тѣмъ, физическіе факторы далеки отъ послѣдствій, которыя представляются намъ въ видѣ соціальныхъ явленій. А что касается до экономическихъ факторовъ въ узкомъ смыслѣ слова (напр., „технологіи“), то они ужь, конечно, не являются исключительно матеріальными; между физиологическими и экономическими процессами мы не можемъ услѣдить непосредственной связи внѣ свойствъ сознанія тѣхъ субъектовъ, черезъ посредство которыхъ они совершаются; а изученіе послѣдняго рода уже основано на психологическихъ построеніяхъ. Нельзя не замѣтить, что, если строго придерживаться экономическаго матеріализма, пришлось бы также выводить исключительно изъ того, что есть, т. е. изъ „производственныхъ отношеній“ и то, что должно быть, т. е. абсолютныя цѣнности, нормы и т. п.; но научно обосновать такой выводъ нѣтъ никакой возможности, да и сами

Lpz., 1909, ss. 67, 68, 70 ff., 72, 76, 78, 111—113, 121—122, 159, 164 и др. Ср. еще *M. Weber*, *Energetische Kulturtheorien* въ „*Archiv für Sozialwissenschaft*“, Bd. XXIX, 1909, ss. 575—598. Впрочемъ, приложеніе принциповъ энергетики, въ регулятивномъ смыслѣ, къ пониманію исторіи техники имѣетъ, конечно, большое научное значеніе.

представители „марксизма“, въ сущности, не въ состояніи съ чисто матеріалистической точки зрѣнія установить этическія предпосылки своего ученія и рѣшить поставленную ими проблему обновленія соціального строя.

Итакъ, номотетическое построеніе историческаго знанія не можетъ довольствоваться понятіями механики, энергетики или экономическаго матеріализма: оно устанавливается, собственно говоря, съ психологической точки зрѣнія. Подобно остальнымъ „наукамъ о духѣ“, и исторія имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ явленіями психическаго порядка; для своихъ обобщеній она должна пользоваться психологіей: всѣ явленія, обнаруживающіяся въ людскихъ отношеніяхъ, зависятъ отъ дѣйствія предполагаемыхъ психическихъ факторовъ; слѣдовательно, причинно-слѣдственную связь между ними и ихъ продуктами приходится построять въ психологическомъ смыслѣ.

Съ такой познавательной-психологической точки зрѣнія легко замѣтить, что при объясненіи одного рода объектовъ можно довольствоваться, въ качествѣ матеріала, данными чувственнаго воспріятія, т. е. опыта въ широкомъ смыслѣ слова: они не требуютъ особаго рода конструирования ихъ при помощи нѣкоторыхъ дополнительныхъ принциповъ, на примѣръ, понятія о человѣческомъ сознаніи; но есть и такіе объекты, которые поддаются пониманію только подъ условіемъ предположенія, что извѣстные психическіе факторы дѣйствуютъ въ неразрывной связи съ физическими и вызываютъ процессы, подлежащіе объективному наблюденію: я наблюдаю, на примѣръ, лишь внѣшнія дѣйствія людей, но для объясненія ихъ мнѣ приходится дѣлать предположеніе о ихъ психикѣ. Такимъ образомъ, различіе между процессами физическими и психическими не есть результатъ непосредственнаго воспріятія, а плодъ размысленія надъ реальнымъ содержаніемъ нашего опыта. Размысленіе приводитъ насъ, по мнѣнію одного изъ теоретиковъ разбираемаго направленія, къ установленію общихъ „признаковъ“, которыхъ нѣтъ въ явленіяхъ физическихъ, но которыми мы отличаемъ отъ нихъ явленія психическія и которымъ мы придаемъ реальное значеніе. Прежде всего комбинація чувства, какъ субъективнаго

условія извѣстныхъ состояній живыхъ существъ, съ разумомъ, какъ способностью взвѣшивать степень цѣнности ими испытываемаго, ведетъ къ оцѣнкѣ послѣдняго (*Wertbestimmung*); на-примѣръ, само по себѣ ни одно явленіе не хорошо и не худо, не красиво и не уродливо и т. п.; но оно становится таковымъ благодаря нашей оцѣнкѣ. Далѣе, въ связи съ оцѣнкою слѣдуетъ поставить и полаганіе цѣли (*Zwecksetzung*); помимо того, что въ субъективномъ смыслѣ я, съ предполагаемой мною цѣли, разсматриваю данное явленіе въ природѣ, въ объективномъ смыслѣ— я приписываю данному субъекту имъ самимъ (независимо отъ моего цѣлеполаганія) поставляемую себѣ цѣль, и, значить, придаю принципу цѣлесообразности объективное значеніе: существо, способное руководиться извѣстными мотивами (оцѣнками), связываемыми съ извѣстными цѣлями, осуществляетъ его въ своей цѣлесообразной дѣятельности. Наконецъ, такая дѣятельность обнаруживаетъ и наличность воли (*Willensthätigkeit*). Признакъ волевой дѣятельности есть послѣдній, положительный, „заключающій въ себѣ два другіе, какъ болѣе близкія его опредѣленія“: явленія духовнаго порядка— „царство воли“. Въ построеніяхъ подобнаго рода разумъ (*Intelligenz*) принимается какъ признакъ психическаго лишь постольку, поскольку онъ объединяетъ въ себѣ вышеуказанные три признака *). Такимъ образомъ, область наукъ о духѣ начинается тамъ, гдѣ существеннымъ „факторомъ“ даннаго явленія оказывается человѣкъ, какъ существо желающее и мыслящее; слѣдовательно, нѣтъ возможности установить причинно-слѣдственную связь между факторами подобнаго рода и ихъ продуктами въ чисто механическомъ смыслѣ: надо построить ее съ психологической, а не съ механической точки зрѣнія, т. е. изучать „общія людямъ свойства, поскольку ими можно объяснять и сходныя ихъ дѣйствія; въ той мѣрѣ, въ какой историкъ изучаетъ человѣка въ его общихъ съ другими людьми, глав-

*) *W. Wundt*, *Logik*, В. II, 2; 3 Aufl., ss. 14—18; ср. его же „*Princip der subjektiven Beurteilung*“. Въ числѣ современныхъ представителей психологизма въ исторіи можно указать еще на Мейнонга, Липса и др. ученыхъ психологовъ, не говоря объ историкахъ въ родѣ Лампрехта и др.

нымъ образомъ, психическихъ свойствахъ (*l'homme général*), — онъ можетъ объяснить и обусловленные ими сходства въ соответственныхъ дѣйствіяхъ; но человекъ въ его общихъ психическихъ свойствахъ изучается психологіей; слѣдовательно, для того, чтобы объяснить наблюдаемое сходство, т. е. установить причинно-слѣдственное отношеніе или законъ въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ, историку придется обратиться къ психологіи: онъ можетъ возвести наблюденное имъ сходство на степень научно исторической истины или закона исторіи въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ лишь съ психологической (а не съ чисто механической и т. п.) точки зрѣнія *).

Въ психологическомъ построеніи понятія о причинно-слѣдственности нельзя не замѣтить, однако, нѣсколькихъ отличій отъ механическаго. Въ самомъ дѣлѣ, причинно-слѣдственное отношеніе, построенное съ механической точки зрѣнія, есть только научная конструкція, тогда какъ связь между психическими факторами и ихъ результатами можетъ непосредственно переживаться каждымъ изъ насъ; вѣдь въ одномъ случаѣ я лишь проектирую во внѣ переживаемое мною, когда говорю, что „сила“ порождаетъ „дѣйствіе“; въ другомъ—я испытываю ея дѣйствіе; поскольку и другіе люди суть внѣшнія для меня вещи, механическія и психическія построенія и для меня съ указанной точки зрѣнія, правда, не имѣютъ существеннаго отличія; но если исходить изъ признанія чужого одушевленія, надо будетъ признать и то, что каждый изъ насъ въ состояніи переживать такую связь. Далѣе, другая особенность причинно-слѣдственной связи въ психологическомъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что взаимны количественной эквивалентности между причиной и слѣдствіемъ приходится устанавливать качественную зависимость между ними, что и ведетъ къ признанію принципа „творческаго синтеза“ и т. п. **).

Наконецъ, психологія переноситъ изу-

*) *P. Lacombe*, De l'histoire considérée comme science. pp. 2, 26, 27 и др.

**) *W. Wundt*, Logik B. II, 2, 3 Aufl., ss. 140—141; ср. „психическую химию“ Милля и т. п. *P. Barth*, Fragen der Geschichtswissenschaft in „Vierteljahresschr.“, B. XXIII, 1889, 335, ss. 355. *K. Lamprecht*, Was

ченіе причино-слѣдственной связи изъ внѣшняго міра во внутрѣнній психическій міръ человѣка и вводитъ понятіе о внутрѣннемъ детерминизмѣ. Человѣкъ можетъ самъ опредѣлять свои дѣйствія; его „желаніе само есть одинъ изъ факторовъ образованія его характера“, а, значить, и его дѣйствій; каждый можетъ подчинять ихъ извѣстнымъ требованіямъ и нормамъ, т. е. дѣйствовать сообразно съ ними. Отсюда легко вывести и понятіе о свободѣ, какъ о внутренней мотиваціи собственныхъ дѣйствій, поскольку послѣднія не находятся въ прямой зависимости отъ внѣшнихъ причинъ и поскольку человѣкъ „свободенъ“ не вообще, а только отъ внѣшняго детерминизма. Съ такой точки зрѣнія нельзя смѣшивать понятіе о „свободѣ“ съ понятіемъ о „случайности“; „понятіе о свободѣ, по словамъ одного изъ представителей разбираемаго ученія, не имѣетъ никакого сходства съ понятіемъ о случайности: оно означаетъ только свободу обдумыванія, т. е. способность въ опредѣленный моментъ познавать наличные мотивы (своихъ дѣйствій) и выбирать между ними сообразно съ характеромъ собственнаго сознанія, а, слѣдовательно (и дѣйствовать), въ направленіи, обусловленномъ внутрѣннею причинностью“.

Итакъ, съ психологической точки зрѣнія причины превращаются въ мотивы; „мотивація (по словамъ Шопенгауэра) есть каузальность, созерцаемая изнутри“; слѣдствія же обращаются въ „дѣйствія“ или въ поступки. Съ такой точки зрѣнія надо сказать, что тождественные мотивы должны порождать, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, одни и тѣ же поступки и что законы психологіи, имѣющіе значеніе для исторіи, должны, въ качественномъ смыслѣ, устанавливать такую именно логическую связь между опредѣленнымъ мотивомъ или комбинаціей мотивовъ и соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ или поступкомъ *).

ist Kulturgeschichte? въ „Deutsche Zeitschrift für Geschichtswiss.“, 1896—7, S. 90.

*) *W. Wundt*, *Logik*, B. II, 2, 3 Aufl., s. 141. „Jedes Gesetz auf geistigem Gebiete enthält ein qualitatives Abhängigkeitsverhältniss, das sobald das Gesetz zu einem kausalen wird, den Character eines psychologischen Motivs annimmt“.

Для дальнѣйшаго пониманія разбираемаго построенія слѣдуетъ прежде всего нѣсколько остановиться на понятіи о мотивѣ, тѣмъ болѣе что его нельзя считать вполне установленнымъ въ наукѣ. Подъ мотивомъ разумѣютъ то реальное основаніе или то состояніе сознанія, которое обуславливаетъ (вызываетъ, опредѣляетъ) наше движеніе, или воленіе, или, въ частности, волевое движеніе. Въ широкомъ смыслѣ подъ мотивомъ нѣкоторые, дѣйствительно, понимаютъ все то, что можетъ вызывать извѣстнаго рода движеніе (по словамъ Bentham'a—„any thing“); съ такой точки зрѣнія, очевидно, слишкомъ широкой, и чисто внѣшнее раздраженіе будетъ уже „мотивомъ“. Въ нѣсколько болѣе узкомъ смыслѣ понимаютъ это слово тѣ, которые разсуждаютъ о „потребностяхъ“, въ сущности, мало различая „потребность“ (Bedürfniss, besoin) отъ мотива. Всякій испытываетъ „потребность въ томъ, что у него недостаетъ, если такового у него нѣтъ въ наличности“ (Мейнонгъ); „чувство недостатка“ можно связывать и съ „стремленіемъ“ устранить его; тогда „потребность“ есть „чувство недостатка съ стремленіемъ устранить этотъ недостатокъ“ *). Въ такихъ формулахъ слово „потребность“ часто понимается уже не въ одномъ только фізіологическомъ смыслѣ; фізіологическая потребность принимается во вниманіе лишь въ томъ случаѣ, если она сознается тѣмъ, кто испытываетъ ее, и сопряжена съ „стремленіемъ“ устранить чувствуемый имъ недостатокъ. Отъ понятія о потребности (особенно въ послѣднемъ смыслѣ) легко, значитъ, перейти и къ понятію именно о мотивѣ: одинъ изъ сторонниковъ номотетическаго построенія исторіи называетъ, напри- мѣръ, „потребностью“ „все то, что внутренне побуждаетъ чело- вѣка дѣйствовать во внѣ“ (besoin или mobile), а затѣмъ, устанавливая главныя разновидности этихъ „движущихъ силъ“, подводитъ подъ нихъ и мотивы въ узкомъ смыслѣ. Въ послѣднемъ, тѣс- номъ значеніи, подъ мотивомъ разумѣютъ реальное основаніе во- ленія, причемъ ставятъ его въ связь съ „интересомъ“, также понимаемымъ „въ узкомъ смыслѣ“. Такимъ „интересомъ“ для

*) *F. B. W. Hermann*, Staatswirthschaftliche Untersuchungen, 2 Aufl., S. 5.

насъ является все то, что при нормальныхъ условіяхъ „сообщаетъ энергію представленію, а вѣдствие этого—и заключающемуся въ послѣднемъ стремленію“. Поскольку интересъ обуславливаетъ энергію стремленія, онъ является побудительной причиной или мотивомъ. Съ волунтаристической точки зрѣнія легко назвать „интересомъ“ и цѣль даннаго дѣйствія; вообще, понятіе о „мотивѣ-цѣли“ (*Zweckmotiv*) играетъ весьма существенную роль въ подобнаго рода построеніяхъ *).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, что степень энергіи или настойчивости мотива ведетъ и къ соотвѣтствующимъ измѣненіямъ въ степени напряженности, рѣшительности, быстроты дѣйствія и т. п.; значить, можно изслѣдовать такую связь съ точки зрѣнія ея интенсивности; но качественныя различія между мотивами обуславливаютъ и соотвѣтственныя различія въ дѣйствіяхъ; преимущественно съ послѣдней точки зрѣнія приходится изучать комбинаціи мотивовъ и порождаемыхъ ими поступковъ или дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, соціологъ или историкъ имѣютъ дѣло не съ отвлеченно взятымъ мотивомъ и соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ, а съ цѣлыми группами или рядами мотивовъ, которые соотвѣтственно вызываютъ или поступки, или дѣятельности; онъ долженъ, напримѣръ, принимать во вниманіе, кромѣ „обстоятельствъ“, и характеръ дѣйствующаго лица, а также его настроеніе и мотивы въ узкомъ смыслѣ для того, что бы „предсказывать его поведеніе“ **). Самое понятіе о мотивѣ-цѣли уже предполагаетъ сложную комбинацію мотивовъ, вызывающихъ тотъ поступокъ или ту дѣятельность, которыя направлены къ достиженію цѣли. Слѣдовательно, подъ условіемъ представленія о цѣли, къ достиженію которой данный субъектъ стремится, можно комбинировать цѣлыя группы или ряды мотивовъ, соотвѣтственно вызывающихъ тѣ, а не нныя

*) *Th. Lipps*, Leitfaden der Psychologie, 2 Aufl., 1903, ss. 248 ff. *P. Lacombe*, Op. cit, p. 35 et ss. ср. выше с. 118—119.

***) *J. S. Mill*, Logic, B. VI, ch. II, § 2; въ Exam. of Sir W. Hamilton's philosophy авторъ разсуждаетъ о „desires, aversions, habits and dispositions“; см. p. 561.

поступки или дѣятельность, можно говорить объ опредѣленномъ ея направленіи. Съ такой точки зрѣнія, однако, сама комбинація изучается въ зависимости отъ связаннаго съ нею результата или факта.

Въ томъ же психологическомъ смыслѣ приверженцы номотетического направленія пользуются принципомъ причинно-слѣдственности и для построенія цѣлаго законсообразнаго ряда историческихъ фактовъ: только, въ такихъ случаяхъ, субъектъ мотиваціи—данная коллективность или социальная группа, обладающая „общей волей“, а ея дѣйствія—рядъ историческихъ фактовъ (см. ниже).

Сами приверженцы номотетического построенія исторіи указываютъ, однако, на то, что принципъ причинно-слѣдственности прилагается къ ней не безъ ограниченій: они признаютъ, на примѣръ, что изъ даннаго мотива можно вывести данное дѣйствіе лишь путемъ отвлеченія отъ дѣйствительности: въ дѣйствительности, историкъ всегда встрѣчается съ комбинаціями мотивовъ, при объясненіи которыхъ онъ долженъ исходить изъ даннаго факта; изъ окружающихъ объективно данныхъ условій онъ, значитъ, не можетъ вывести результатъ дѣйствія психическихъ мотивовъ, въ силу принципа творческаго синтеза, всегда качественно отличающагося отъ суммы мотивовъ; слѣдовательно, онъ долженъ судить о нихъ лишь послѣ того, какъ такое дѣйствіе наступило на самомъ дѣлѣ. Тѣ изъ представителей разбираемаго направленія, которые не считаютъ возможнымъ признать личность только фокусомъ внѣшнихъ условій, на которыя она можетъ быть разложена безъ остатка, готовы пойти на дальнѣйшія уступки: въ данномъ фактѣ, кромѣ общихъ свойствъ душевной жизни человѣка, по ихъ мнѣнію, надо имѣть въ виду и временныя его свойства, и его индивидуальность; послѣдняя, поскольку она вызываетъ данный фактъ, единична, да и такой фактъ тоже единиченъ, т. е. оказывается „событіемъ“, которое не поддается научно-обобщающему объясненію (événement). Въ послѣднемъ смыслѣ событіе есть случайность, которую нельзя предвидѣть до ея появленія и нельзя объяснить безъ остатка. Впрочемъ, можно съ обобщающей точки зрѣнія изучать

и событіе, поскольку оно принимается данной средой, вызывает подражаніе и, значитъ, повторяется въ ней; въ такомъ смыслѣ событіе превращается въ „учрежденіе“ (institution). Само собою разумѣется, что возможно и обратное явленіе, т. е. превращеніе „учрежденія“ въ „событіе“: по мѣрѣ его обветшанія все меньшее число людей будетъ признавать его, подчиняться ему въ своихъ дѣйствіяхъ и т. п., пока кругъ такихъ людей не сузится до одного *).

Съ обобщающей точки зрѣнія, характеризующей вышеприведенную теорію, можно все-же сказать, что, если данъ извѣстный мотивъ, то онъ долженъ (въ логическомъ смыслѣ) порождать соответствующее дѣйствіе, т. е. долженъ всегда вызывать, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ одно и то же дѣйствіе. Съ той же обобщающей точки зрѣнія можно пользоваться извѣстнымъ ученіемъ о „замѣнимости“ даннаго индивидуума другимъ, принимаемымъ статистикой, и сказать, что, когда дѣло идетъ объ установленіи общаго (т. е. сходнаго) между людьми, дѣйствіе одного изъ нихъ, съ обобщающей исторической точки зрѣнія, признается равнозначущимъ дѣйствію любого изъ остальныхъ **).

Для того, однако, чтобы имѣть основаніе утверждать, что нѣкое соотношеніе между причиной и слѣдствіемъ повторяется въ дѣйствительности, т. е. не только повторялось, но и будетъ повторяться, историку-психологу нужно сдѣлать еще одну предпосылку; кромѣ постоянства внѣшнихъ физическихъ условій человеческой жизни, ему надо признать, что и психофизическая природа человѣка вообще оказывается единообразной.

Если придавать понятію о единообразіи природы безусловно общее значеніе, то оно, подобно понятію о необходимости законовъ природы, не выводимо изъ опыта, ибо въ основѣ понятія о единообразіи уже лежитъ понятіе о „законахъ“ психической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, наблюденія говорятъ намъ только о

*) *W. Wundt*, *Logik*, В. II, 2, 3 Aufl., s. 108. *P. Lacombe*, *Op. cit.*, pp. 10, 65, 249, 264.

***) *P. Lacombe*, *Op. cit.*, p. 12.

томъ, что было доселъ, а законъ объ единообразіи природы имѣтъ въ виду не прошедшій только, но и будущій порядокъ вещей; чтобы изъ прошедшаго дѣлать, однако, точныя заключенія о будущемъ, нужно уже имѣть заранѣе увѣренность въ единообразіи порядка природы. Слѣдовательно, „доказательство этой истины на точкѣ зрѣнія эмпиризма всегда предполагаетъ ее же самую“; въ частности то же, разумѣется, слѣдуетъ сказать и относительно понятія о единообразіи психической природы человѣка. Во всякомъ случаѣ, даже относительно общее понятіе объ единообразіи психофизической природы человѣка, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, есть своего рода предпосылка въ томъ смыслѣ, что не всѣ ранѣе бывшіе случаи дѣйствительно наблюдались изслѣдователемъ и всѣ будущіе случаи имъ, конечно, еще не наблюдались; пользуясь статистическимъ методомъ подсчета наблюдаемыхъ случаевъ, онъ можетъ только установить степень вѣроятности того, что его предсказанія оправдаются въ дѣйствительности и относительно тѣхъ случаевъ, которыхъ онъ не наблюдалъ. Тѣмъ не менѣе предпосылка о единообразіи психофизической природы человѣка и повторяемости человѣческихъ дѣйствій, по мнѣнію приверженцевъ номотетическаго направленія, подтверждается эмпирическимъ путемъ. Съ перваго взгляда дѣйствительно кажется, что легко вывести изъ постоянного дѣйствія одной и той же внѣшней матеріальной среды единообразіе физической природы человѣка, а, слѣдовательно, анатомическихъ и физиологическихъ его особенностей, въ томъ числѣ и мозга; если послѣдній окажется въ извѣстныхъ предѣлахъ единообразнымъ (т. е. уклоненія отъ средней будутъ малозначительны), то въ такомъ единообразіи можно было бы усматривать существенный внѣшній признакъ единообразія человѣческой природы и въ психическомъ отношеніи. Утвержденія подобнаго рода эмпирически, однако, все еще очень мало обоснованы *).

*) *P. Topinard*, *Eléments*, p. 571 и др.; авторъ располагалъ при опредѣленіи вѣса человѣческаго мозга 11.000 случаями для европейскихъ мозговъ, затѣмъ 190 случаями для негровъ, 18 для ананитовъ и т. п.; да и вѣсъ мозга, даже относительный, едва ли можно признать вполнѣ надежнымъ признакомъ данной психики.

Слѣдуетъ замѣтить также, что и содержаніе нашего понятія о единообразіи человѣческой психики, въ сущности, конструируется нами: вѣдь въ понятіе такого единообразія мы включаемъ умопостигаемыя свойства человѣческой природы, т. е. все то, что мы покрываемъ терминомъ „одушевленіе“, а самый терминъ употребляемъ въ конститутивномъ смыслѣ, т. е. приписываемъ его содержанію объективно-реальное значеніе; онъ получаетъ такое значеніе тогда, когда мы понимаемъ его, какъ постоянство извѣстныхъ объективно-данныхъ и наследственно передаваемыхъ общихъ признаковъ даннаго вида особей; но примѣнять подобнаго рода конструкцію къ понятію о единообразіи психической природы человѣка затруднительно; даже физиологи разсуждаютъ скорѣе о наследственности предрасположеній, а не самихъ психическихъ состояній и не признаютъ наследственной передачи сознательныхъ актовъ. Въ настоящее время на ряду съ наследственностью въ органическомъ смыслѣ ставятъ подражаніе, воспитаніе и т. п. процессы въ мірѣ психическомъ. Каковы бы ни были, однако, факторы и процессы подобнаго рода, они обусловливаютъ длительное единообразіе психическихъ свойствъ человѣческой природы, а, значитъ, и повторяемость человѣческихъ дѣйствій.

Впрочемъ, понятіе о единообразіи психофизической природы не безусловно связано съ понятіемъ о ея постоянствѣ, исключаящемъ всякое измѣненіе: единообразіе можетъ быть и въ измѣненіи; историкъ съ номотетической точки зрѣнія стремится подмѣтить сходство въ повторяющихся рядахъ измѣненій и установить, въ вышеуказанномъ смыслѣ, общіе законы образованія однородныхъ эволюціонныхъ серій *).

Такимъ образомъ, опираясь на понятіе о единообразіи психофизической природы человѣка, въ сущности, очень мало выясненное представителями номотетическаго направленія, можно разсуждать объ осуществленіи законовъ, т. е. о повторяемости установленныхъ съ психологической точки зрѣнія причинно-слѣдственныхъ соотношеній въ исторической дѣйствительности. Съ

*) См. ниже § 2.

такой точки зрѣнія нѣкоторые историки охотно говорятъ о повторяемости фактовъ, подлежащихъ ихъ изученію *).

При номотетическомъ построеніи исторической науки историкъ не можетъ, однако, ограничиться вышеуказанными принципами: онъ пользуется еще многими другими понятіями, въ особенности, понятіями о „консензусѣ“ и объ эволюціи; они давно уже получили существенное значеніе въ социологіи, а оттуда перешли и въ исторію; принципъ причинно-слѣдственности комбинируется въ каждомъ изъ нихъ съ другими понятіями.

Понятіе о цѣломъ, подъ условіемъ котораго мыслятся его части, напримѣръ, находится въ тѣсной связи съ понятіемъ о консензусѣ элементовъ данной системы **); но историки-социологи мало останавливаются на выясненіи такихъ предпосылокъ и обыкновенно пользуются понятіемъ о консензусѣ съ болѣе реалистической точки зрѣнія, опираясь, главнымъ образомъ, на принципъ причинно-слѣдственности или взаимозависимости элементовъ данной системы.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о консензусѣ, въ наиболѣе элементарномъ, механическомъ его значеніи сводится къ понятію о системѣ, всѣ элементы которой находятся въ взаимной зависимости другъ отъ друга; съ измѣненіемъ одного изъ ея элементовъ, приводящаго въ разныя комбинаціи съ другими, происходитъ измѣненіе и во всей системѣ.

Понятіе о консензусѣ можно примѣнять или съ статической, или съ динамической точки зрѣнія. Съ статической точки зрѣнія равновѣсіе такой системы характеризуется согласованностью координированныхъ ея элементовъ, ихъ соответствіемъ другъ съ другомъ. Съ динамической точки зрѣнія то же понятіе обуславливаетъ собою понятіе о движеніи элементовъ *a*, *b*, *c*, *d* *n*, не ведущемъ, однако, къ разложенію данной ихъ группы: „безъ консензуса нельзя мыслить элементы данной системы

*) *K. Breysig*, *Einzigkeit und Wiederholung geschichtlicher Tatsachen* въ „*Jahrbuch für Gesetzgebung*“ и проч. В. XXIII, ss. 1—45.

***) *A. Comte*, *Cours*, t. IV, 2 éd., p. 260; *Système de pol. pos.*, t. I, p. 641.

движущимися, такъ какъ въ противномъ случаѣ движеніе ихъ привело бы къ полному разложенію всей системы“ *).

Понятіе о консензусѣ, предложенное выше, давно уже получило свое приложеніе и для построенія понятія объ организмѣ; въ самомъ дѣлѣ, „организованное существо, по словамъ одного изъ представителей естествознанія начала прошлаго вѣка, есть единое цѣлое, нѣкая совокупность частей, которыя воздѣйствуютъ другъ на друга: ни одна изъ частей организма не можетъ быть подвергнута существенному измѣненію, безъ того чтобы оно не отразилось на состояніи всѣхъ остальныхъ“; но такое понятіе конструируется при помощи еще одного принципа—телеологическаго; части органическаго цѣлаго представляются намъ воздѣйствующими другъ на друга „для того, чтобы произвести общее дѣйствіе“.

Органическая школа соціологіи, конечно, способствовала перенесенію такого понятія и въ соціологію, и въ исторію; но и независимо отъ вышеуказаннаго направленія, историки-соціологи стали разсуждать о „солидарности между элементами данной соціальной системы“ и о „системѣ культуры“. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе консензуса получаетъ широкое примѣненіе для построенія понятія о системѣ культуры, части которой находятся въ взаимозависимости и въ извѣстномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ; но послѣднее понятіе нуждается еще въ одномъ принципѣ: лишь возводя его къ понятію о единствѣ сознанія данной соціальной группы, т. е. къ ея самосознанію, можно придавать ему значеніе для построенія системы культуры.

Вмѣстѣ съ понятіемъ консензуса историки-соціологи постоянно пользуются и понятіемъ эволюціи для обобщеній въ области исторіи; несмотря на то, что понятіе объ эволюціи играетъ весьма важную роль въ ихъ построеніяхъ, оно все еще остается очень мало выясненнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сторонники историческихъ обобщеній далеко не всегда придаютъ термину „эволюція“ одинаковое значеніе: обыкновенно слишкомъ мало обращая вниманіе на поня-

*) *A. Comte, Cours, 2 éd., t. IV, p. 270.*

тіе об̄ь еволюціонном̄ь цѣлом̄ь, они останавливаются лишь на понятіи об̄ь еволюціонном̄ь процесѣ; съ такой точки зрѣнія они вообще называютъ эволюціей непрерывный рядъ измѣненій, связанныхъ между собой въ причинно-слѣдственном̄ь смыслѣ, поскольку каждое послѣдующее зависитъ отъ предшествующаго, и совершающихся въ опредѣленном̄ь направленіи. Такое понятіе получаетъ, однако, различное специфическое значеніе, въ зависимости отъ того, конструировать ли его съ механической, біологической или психологической точки зрѣнія.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей эволюціонизма, напримѣръ, скорѣе разсуждаетъ о „становленіи“ (Werden), чѣмъ об̄ь эволюціи, и, ограничиваясь принципомъ причинно-слѣдственности, пытается формулировать разсматриваемое понятіе въ механическом̄ь смыслѣ: онъ признаетъ причинно-слѣдственное отношеніе между „силой“, „пребывающей“ въ мірѣ, и двумя процессами эволюціи: перераспредѣленіемъ матеріи и перераспредѣленіемъ силы, удерживаемой въ себѣ матеріей; каждое изъ такихъ перераспредѣленій, представляющихъ соотвѣтственныя и одинаково важныя стороны одного и того же процесса, совершается тремя путями: путемъ интеграціи и дифференціаціи, соотносительныхъ между собою, а также путемъ перехода неопредѣленно-однороднаго къ опредѣленно-разнородному; слѣдовательно, „эволюція есть интеграція матеріи, сопровождаемая расточеніемъ (dissipation) движенія, причѣмъ матерія переходитъ отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности, и удержанное ею движеніе подвергается такому же превращенію“; обратный процессъ можно назвать „диссолюціей“; авторъ вышензложенной теоріи приходитъ къ заключенію, что міровой процессъ состоитъ, собственно говоря, не въ эволюціи или диссолюціи, а въ чередованіи эволюціи и диссолюціи, т. е. въ чередующемся повтореніи эволюцій и диссолюцій всего міра *).

Такое понятіе об̄ь эволюціи слишкомъ мало удовлетворяетъ. однако, запросамъ наукъ, изучающихъ жизнь организмовъ или человѣческихъ обществъ. При пользованіи понятіемъ развитія.

*) *H. Spencer*, *First Principles*, особенно §§ 60 и сл., 92—145, 183.

примѣнительно къ изученію органической жизни, его конструируютъ не безъ помощи телеологическаго принципа; подѣ условіемъ какъ бы нѣкоей цѣли, результата эволюціи данныя измѣненія и представляются намъ въ видѣ непрерывнаго ряда, каждое послѣдующее звѣно котораго находится въ причинно-слѣдственномъ отношеніи къ предшествующему. Такая телеологія получаетъ даже конститутивное, а не одно только регулятивное значеніе, если уже въ организованной матеріи признавать наличность „стремленій“, т. е. зачатковъ „воли“: „воля“ организма становится своего рода факторомъ его развитія; она играетъ роль, напримѣръ, въ образованіи дѣйствій, которыя повторяются и становятся, вслѣдъ затѣмъ, привычками и инстинктами *). Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія эволюціи въ біологическомъ смыслѣ выдвигаетъ еще понятіе о факторахъ эволюціоннаго процесса и объ его стадіяхъ; біологи разсуждаютъ, напримѣръ, о внутреннихъ и внѣшнихъ факторахъ развитія, о значеніи въ немъ функціональной дѣятельности органовъ, упражненія и волевыхъ стремленій, о наслѣдственности прирочденныхъ или благопріобрѣтенныхъ свойствъ; о роли среды или измѣненій въ условіяхъ существованія организма, о борьбѣ за существованіе, объ отборѣ; о приспособленіи живого существа къ условіямъ среды и т. п.; они также принимаютъ во вниманіе стадіи развитія даннаго организма, чтò обнаруживается хотя бы въ аналогіи (теперь, впрочемъ, принимаемой не безъ ограниченій) между онтогенезисомъ и филогенезисомъ.

Вышеуказанныя понятія въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ входятъ и въ составъ еще болѣе сложнаго понятія объ эволюціи, а именно—исторической. Легко было бы указать на попытки примѣнить даже чисто біологическое пониманіе эволюціи и къ историческому процессу: самый выдающійся представитель біометрическихъ изслѣдованій, напримѣръ, полагаетъ, что „стадіи соціальнаго развитія“ можно свести къ двумъ „вели-

*) *W. Wundt*, *Logik*, Bd. II, 1 (2 Aufl.), ss. 540, 550 ff., 579 ff.; впрочемъ, вмѣсто терминологіи, принятой въ текстѣ, авторъ разсуждаетъ о „субъективной“ и „объективной“ телеологіи.

кимъ факторамъ эволюціи: къ борьбѣ за пищу и къ половому инстинкту“; но многіе склоняются къ построению столь сложнаго понятія съ психогенетической точки зрѣнія.

Впрочемъ, понятіе психогенезиса получаетъ разные оттѣнки въ зависимости отъ того, изучаетъ ли ученый происхожденіе сознанія или его дальнѣйшее развитіе; если происхожденіе сознанія можно изслѣдовать, то, очевидно, лишь съ біологической или психофизической точки зрѣнія: въ такомъ случаѣ происхожденіе жизни и органическое развитіе признаются „подготовительными стадіями“ духовнаго развитія; но если исходить изъ понятія о данномъ, хотя бы въ зачаточномъ видѣ, сознаніи, то и развитіе его можно представить себѣ преимущественно съ психологической точки зрѣнія. Въ сущности тѣ, которые пользуются далеко еще не установленными понятіями о „психической энергіи“ или о „психической работѣ“ и т. п., уже приближаются къ послѣднему пониманію; они допускаютъ, что психическая энергія возрастаетъ: съ теченіемъ времени она вообще получаетъ такую концентрацію и организацію, при которыхъ цѣнность ея увеличивается, чтò, впрочемъ, еще не ведетъ къ отрицанію возможности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и ея убыванія *). Такое понятіе о психогенезисѣ, однако, слишкомъ мало принимаетъ во вниманіе особенности сознанія; потребность выяснитъ ихъ вызываетъ появленіе другихъ схемъ. Можно характеризовать, на примѣръ, развитіе сознанія тремя стадіями, а именно: „проективной, субъективной и эйективной“, смотря по тому, обнаруживаетъ ли его субъектъ въ смутномъ еще различеніи одушевленныхъ существъ отъ остальной среды, или начинаетъ противопоставлять себя другимъ, или пользуется своимъ внутреннимъ опытомъ для пониманія чужихъ „я“, въ отношеніи къ которымъ онъ опредѣляетъ и свое собственное „я“, теперь уже получающее социальный характеръ **). Въ духѣ волунтаристической психологій

*) *W. Wundt*, *Logik*, B. III, 3 Aufl., S. 421; впрочемъ, авторъ съ волунтаристической точки зрѣнія даетъ цѣлый рядъ эволюціонныхъ схемъ и для отдѣльных проявленій сознанія: для мышленія, для языка, для нравственности и т. п.

**) *J. M. Baldwin*, *Mental development in the child and race* 2 ed. 1897, p. 335. *Social and Ethical interpretations in mental development*, N.—L., 1897, pp. 7—9, 514, 564.

можно было бы характеризовать развитие сознания, главнымъ образомъ, развитіемъ воли, находящейся въ тѣсной связи съ цѣлеполаганіемъ, и, значить, съ „объективно-телеологической“ точки зрѣнія конструировать ея эволюцію; а главнѣйшіе моменты послѣдней могли бы служить для характеристики главнѣйшихъ стадій исторіи культуры.

Итакъ, можно сказать, что историкъ изучаетъ историческую эволюцію съ психогенетической, а не съ чисто біологической точки зрѣнія: онъ всегда предпосылаетъ дѣйствительное существованіе одушевленія той соціальной группы, развитіе которой онъ построяетъ; онъ прежде всего и главнымъ образомъ интересуется развитіемъ ея „души“; значить, онъ, въ сущности, устанавливаетъ и принципы построения понятія объ исторической эволюціи съ психогенетической точки зрѣнія. Телеологія въ понятіи объ исторической эволюціи получаетъ, напримѣръ, такое значеніе, въ особенности, если понятію о цѣли даннаго процесса приписывать конститутивный, а не регулятивный характеръ: индивидуальный или коллективный субъектъ эволюціи разсматривается въ качествѣ цѣлеполагающаго, и съ точки зрѣнія его объективно данной цѣли (идеи) строится и рядъ его дѣйствій, получающій видъ эволюціонной серіи. Въ конструкціяхъ подобнаго рода причинно-слѣдственная зависимость между звѣньями исторической эволюціи характеризуется телеологической мотиваціей, уже указанной выше: дѣйствія коллективнаго субъекта эволюціи располагаются въ рядъ въ отношеніи ихъ къ мотиву-цѣли, которую онъ себѣ поставилъ, благодаря чему и проявленія общей данной соціальной группѣ психики, т. е. ея дѣйствія, продукты культуры и т. п. получаютъ соответствующее положеніе въ эволюціонной серіи. Впрочемъ, вышеуказанная точка зрѣнія не мѣшаетъ представителямъ номотетическаго направленія стремиться „возможно дальше“ провести причинно-слѣдственное пониманіе и въ построеніи исторической эволюціи *).

Итакъ, историкъ-соціологъ, пользующійся понятіемъ истори-

*) *K. Lamprecht*, Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft, Berl., 1896, S. 9.

ческой эволюціи, вкладываетъ въ него очень сложное содержаніе. Въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ дѣло съ коллективнымъ субъектомъ эволюціи: онъ изучаетъ психогенезисъ соціальной группы, народа, государства и т. п.; подобно біологу, онъ интересуется факторами и стадіями эволюціоннаго процесса; онъ, конечно, подчеркиваетъ преимущественно значеніе въ немъ коллективныхъ „соціально-психическихъ“ факторовъ, сравнительно съ индивидуальными или „индивидуально-психическими“, и, соотвѣтственно главнѣйшимъ моментамъ такого психогенезиса, устанавливаетъ „типическія“ стадіи культуры; онъ характеризуетъ каждую изъ нихъ присущею ей „психической механикой“ и выясняетъ ея связь съ предшествующей и съ послѣдующей въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ; онъ представляетъ себѣ „каждое послѣдующее соціальное состояніе какъ необходимый результатъ предшествующаго и столь же нужный двигатель послѣдующаго“... *); не упуская изъ виду данныхъ условій внѣшней среды, онъ изучаетъ вліяніе, оказываемое субъектомъ эволюціи (народомъ и т. п.) вмѣстѣ съ порожденными имъ продуктами культуры на образованіе послѣдующаго его состоянія и т. п.

Сами представители разбираемаго построенія предпочитаютъ разсуждать объ эволюціи, изученіе которой оказывается наиболѣе характернымъ для „новѣйшаго“ пониманія исторіи, и не признаютъ понятія о прогрессѣ (и регрессѣ) „научной категоріей“ историческаго знанія: не выясняя понятій о цѣнности, отнесенія къ цѣнности и оцѣнкѣ, они усматриваютъ въ понятіяхъ о прогрессѣ или регрессѣ лишь субъективныя, научно не обоснованныя построенія. Можно указать, однако, и на такихъ ученыхъ, которые ставятъ понятіе о прогрессѣ въ связь съ принципомъ „возрастанія психической энергіи“ или съ стремленіемъ „людей къ счастью“ и т. п., а, значить, въ обратномъ соотвѣтственномъ смыслѣ конструируютъ и понятіе о регрессѣ или даже придаютъ понятію о прогрессѣ характеръ нравствен-

*) *A. Comte*, Cours, t. IV, 2 éd., p. 263; cf. p. 282 et ss. *W. Wundt*, *Völkerpsychologie*, Bd. 1, 1, S. 426. *K. Lamprecht*, *Die Kulturhistorische Methode*, Ss. 27—28 и др.

наго постулата, соотвѣтственно видоизмѣняя и понятіе о регрессѣ *).

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что понятіе консензуса можно комбинировать съ понятіемъ эволюціи, предполагая его или между членами одной и той же эволюціонной серіи, или между нѣсколькими эволюціонными серіями. Согласованность членовъ одной и той же эволюціи признается, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда историки разсуждаютъ о томъ, что „характеръ и духъ расы“ вмѣстѣ съ порожденными ею продуктами обусловливаютъ появленіе какого либо слѣдующаго за ними продукта: послѣдній долженъ въ нѣкоторой мѣрѣ сообразоваться съ предшествующими **). Согласованность эволюціонныхъ серій принимается во вниманіе, когда историки признаютъ вліяніе ихъ другъ на друга, напримѣръ, вліяніе развитія одной науки на развитіе другой или вліяніе развитія науки на развитіе техники или обратно и т. п.

Приверженцы номотетическаго направленія пользуются вышеуказанными понятіями для номологическихъ и типологическихъ обобщеній, т. е. для построенія историческихъ законовъ или эмпирическихъ обобщеній, а также для установленія типовъ въ области исторіи. Въ номологическихъ обобщеніяхъ принципъ причинно-слѣдственности и понятіе о единообразіи человѣческой природы служатъ, главнымъ образомъ, для выясненія законосообразнаго отношенія между даннымъ племеннымъ, въ особенности національнымъ, или культурнымъ типомъ и соотвѣствующими продуктами культуры; понятія же о консензусѣ и объ эволюціи нужны для формулировки „законовъ консензуса“ и „законовъ эволюціи“, а также имѣются въ виду при эмпирическихъ обобщеніяхъ. Въ связи съ понятіемъ о типѣ (см. ниже)

*) *A. Comte*. Cours, t. IV, 2 éd., pp. 261 ss.; въ отличіе отъ Тюрго, Кондорсэ, Гердера и др., Контъ уже разсуждаетъ, по крайней мѣрѣ, въ общей теоріи, главнымъ образомъ, о развитіи (*développement*), а не о „совершенствованіи“ (*perfectionnement*). Лампрехтъ также высказываетъ аналогичные взгляды. Вундтъ говоритъ о возрастаніи психической энергіи, Спенсеръ и Лакомбъ о стремленіи людей къ счастью; ср. *W. Wundt*, *Logik*, Bd. II, 2, 3-te Aufl., Ss. 455 ff.

***) *H. Taine*, *Essais de critique*, 1866, Préf., pp. XX—XXI.

тѣ же понятія о консензусѣ и эволюціи получаютъ значеніе и для типологическихъ обобщеній.

§ 2. Номологическія обобщенія.

Въ числѣ номологическихъ историческихъ обобщеній наиболѣе совершенными, конечно, слѣдовало бы признать „историческіе законы“, если бы таковыя были открыты. Подъ историческими законами сторонники разбираемаго направленія разумѣютъ, однако, довольно различныя понятія; нѣкоторые изъ нихъ разсуждаютъ, напримѣръ, скорѣе о перенесеніи законовъ психологіи въ исторію, чѣмъ объ „историческихъ законахъ“ въ строгомъ смыслѣ слова; другіе пытаются ближе подойти къ построенію собственно-историческихъ законовъ.

Съ психологической точки зрѣнія изучая историческій матеріаль, можно придти къ заключенію, что „психологическіе законы“ человеческой природы общи всякому историческому быванію“ и что психологическія законсообразности лежатъ въ основѣ тѣхъ „историческихъ законовъ“, которые ученые будто бы открывали въ исторіи. Въ сущности, можно въ такомъ смыслѣ понимать, напримѣръ, законы Конта и Бокля; то же слѣдуетъ сказать и относительно попытки Вундта „непосредственно“ перенести свои психическіе „принципы“ въ область исторіи; съ точки зрѣнія общей психологіи, а не „характерологіи“ (этологіи Милля) или народной психологіи онъ строитъ три закона исторіи: законъ историческихъ производныхъ, законъ взаимозависимости историческихъ явленій и законъ историческихъ контрастовъ. Для примѣра я приведу формулировки перваго и третьяго „законовъ“ Вундта. Первый получается путемъ приложенія психологическаго принципа творческаго синтеза къ области исторіи и сводится къ слѣдующему положенію: „каждый историческій продуктъ (Inhalt der Geschichte), будь то историческое событіе, историческая личность или исторически образовавшееся состояніе культуры, есть результатъ дѣйствія множества историческихъ условій, съ которыми онъ находится въ такой связи, что качественная природа каждаго отдѣльнаго условія продол-

жаеть обнаруживать въ немъ свое дѣйствіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получаетъ новый и своеобразный характеръ; послѣдній, правда, можно вывести путемъ историческаго анализа изъ комбинаціи этихъ историческихъ факторовъ, но нигдѣ нельзя получить его путемъ ихъ апріорнаго синтеза“. Благодаря „непосредственному“ приложенію другого принципа, а именно, „принципа“ взаимнаго усиленія контрастовъ къ исторіи Вундтъ получаетъ „законъ“, который онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленная историческая тенденція достигла, при господствѣ наличныхъ условій и данныхъ предрасположеній, наивысшей степени (своего развитія), сила, продолжающая дѣйствовать въ томъ же направленіи, побуждаетъ противоположныя ранѣе обнаружившейся тенденціи стремленія, что и ведетъ къ образованію качественно-новыхъ проявленій“ *).

Нельзя не замѣтить, однако, что попытки подобнаго рода психологическихъ обобщеній еще не даютъ „историческихъ законовъ“ въ строгомъ смыслѣ слова. Въ одномъ мѣстѣ самъ Вундтъ называетъ установленное имъ положеніе объ „историческихъ производныхъ“ „принципомъ“, а не закономъ; и дѣйствительно, не говоря о болѣе широкомъ приложеніи такого положенія, его, конечно, можно признать методологическимъ принципомъ историческаго изслѣдованія, но не закономъ историческихъ явленій. — „Законъ контрастовъ“, въ сущности, также нельзя назвать закономъ; Вундтъ едва ли правильно устанавливаетъ въ немъ причинно-слѣдственную связь между опредѣленною причиною и дѣйствіемъ; да ее и нельзя установить, такъ какъ данная тенденція сама по себѣ еще не можетъ вызвать реакціи; причина послѣдней, напримѣръ, въ отвращеніи къ прежнему состоянію, въ усталости, имъ вызванной, и т. п., что не введено въ формулу „закона“; онъ также не опредѣляетъ степени напряженія, нужной для того что бы ожидаемое слѣдствіе наступило: легко представить себѣ случаи, когда напряженіе, достигшее высшей степени, ведетъ къ кризису, къ

*) *W. Wundt, Logik, B. II, 2, 3 Aufl., SS. 381 ff., 430 ff.*; что же касается „закона взаимозависимости“, то ср. о немъ выше с. 128—129 и ниже.

смерти и т. п., т. е. не къ тому слѣдствію, которое имѣется въ виду въ „законѣ контрастовъ“.

Впрочемъ, если даже и называть такія обобщенія законами въ строгомъ смыслѣ слова, все же вопросъ о томъ, можно ли признать ихъ собственно „историческими законами“, остается еще открытымъ; послѣдніе представляются, по меньшей мѣрѣ, гораздо болѣе сложными. Съ апріорно-психологической точки зрѣнія хотя и можно разсуждать о законосообразности въ области исторіи, но нельзя еще чисто психологическія отвлеченія называть собственно „историческими законами“. Въ самомъ дѣлѣ, если психологія построаетъ закономерность явленій душевной жизни—ея законы и если она дѣйствительно лежитъ въ основѣ наукъ о духѣ, значить, и въ основѣ исторіи, то, слѣдовательно, закономерность должна быть и въ области явленій историческихъ; но не чисто отвлеченные „законы“ психологіи (т. е. законы чувствъ, „идей“ и проч.), а сложныя комбинаціи ихъ должны объяснять исторію, и только если предполагать, что законы комбинацій подобнаго рода законовъ могутъ быть установлены, можно будетъ говорить и о законахъ исторіи. Съ такой апріорной точки зрѣнія принципиально отрицать какую-либо возможность выработки историческихъ законовъ нельзя; можно только указывать на сложность комбинацій факторовъ, лишающую насъ возможности подводить подъ законы такія комбинаціи, а, значить, и связь ихъ съ порождаемыми ими продуктами.

Законосообразное отношеніе между комбинаціей факторовъ и ея результатомъ предполагаетъ законосообразность самой комбинаціи, а не только простую данность ея, и законосообразность связи ея съ порождаемымъ ею слѣдствіемъ или результатомъ, а также наличность гораздо болѣе сложныхъ условій, нужныхъ для ея осуществленія и для полученія даннаго результата: для своего осуществленія простой результатъ нуждается, очевидно, въ меньшемъ количествѣ условій, чѣмъ сложный результатъ; послѣдній, значить, рѣже повторяется. Slѣдовательно, установить законообразность сложнаго отношенія по меньшей мѣрѣ гораздо труднѣе, чѣмъ усмотрѣть законообразность простаго причино-слѣдственнаго соотношенія; но, въ случаѣ

удачи, и такое обобщеніе, очевидно, будетъ менѣ отвлеченнымъ, чѣмъ простое причинно-слѣдственное отношеніе: даже если бы удалось установить его, едва ли можно было бы предполагать частую повторяемость его въ дѣйствительности. Отсюда можно заключить, что понятіе о сложномъ причинно-слѣдственномъ отношеніи, въ какомъ находится комбинація причинъ или факторовъ къ ихъ результату или продукту, будучи менѣ отвлеченнымъ и обозначая послѣдовательность, которая рѣже повторяется въ дѣйствительности, въ такомъ смыслѣ будетъ болѣе частнымъ, чѣмъ понятіе о простомъ причинно-слѣдственномъ отношеніи.

Въ сущности, историкъ-соціологъ превращаетъ законы комбинацій психологическихъ факторовъ въ типизацію ихъ, но онъ придаетъ типическимъ комбинаціямъ значеніе реальныхъ факторовъ. При помощи такого построенія историкъ-соціологъ вырабатываетъ понятія, которыя я назову понятіемъ о племенномъ (или, въ болѣе узкомъ смыслѣ, о національномъ) типѣ, и понятіемъ о культурномъ типѣ (даннаго періода); если приравнивать названные типы къ реальнымъ комбинаціямъ причинъ, можно ставить ихъ дѣйствія въ связь съ соотвѣтствующими культурными продуктами.

Въ основѣ обоихъ понятій лежитъ мысль о законосообразной комбинаціи психическихъ факторовъ, соотвѣтственно производящей, при тождественности условій, одни и тѣ же слѣдствія: только постоянство такого соотношенія въ понятіи о племенномъ типѣ строится преимущественно во времени, а въ понятіи о культурномъ типѣ—преимущественно въ пространствѣ: въ данный періодъ времени культурный типъ общественныхъ группъ, не принадлежащихъ къ одному и тому же племени, можетъ оказаться общимъ имъ *). Различіе указанныхъ точекъ зрѣнія видно изъ того, что, разсуждая о племенномъ типѣ, мы говоримъ: всѣ люди, принадлежащіе данному племени, хотя бы они были раз-

*) *J. S. Mill*, *Logic*, B. VI, ch. 9, § 4; здѣсь авторъ уже замѣтилъ, что „политическая этологія“ есть „теорія причинъ, опредѣляющихъ типъ характера какого-либо народа или какой-либо эпохи“.

ныхъ поколѣній, должны имѣть нѣчто общее между собой въ психическомъ отношеніи, а разсуждая о культурномъ типѣ, мы говоримъ: всѣ люди, находящіеся на данной стадіи развитія культуры, хотя бы они принадлежали къ разнымъ племенамъ (націямъ), должны имѣть нѣчто сходное или общее между собою въ психическомъ отношеніи; комбинація же психическихъ факторовъ, характеризующая данный племенной или культурный типъ, до тѣхъ поръ, пока условія ея дѣйствія остаются постоянными, должна вызывать и соотвѣтственно одинаковыя послѣдствія или продукты культуры. Познакомимся вкратцѣ съ каждымъ изъ этихъ построеній въ отдѣльности.

Историки-соціологи охотно разсуждаютъ о расѣ и ея вліяніи на ходъ исторіи. Подъ „расой“ нѣкоторые изъ нихъ разумѣютъ врожденныя и наслѣдственныя наклонности (dispositions), которыя человѣкъ приносить съ собою, когда является на свѣтъ“ (Тэнъ). Въ расѣ слѣдуетъ различать, однако, понятіе о единообразіи физическихъ свойствъ отъ понятія о единообразіи психическихъ признаковъ. По примѣру старыхъ и новыхъ авторитетовъ я предпочитаю употреблять терминъ „раса“ въ смыслѣ совокупности особей, обнаруживающихъ единообразіе физическихъ свойствъ, т. е. внѣшняго вида, анатомической структуры и физиологическихъ отправления, а для обозначенія понятія о единообразіи преимущественно психическихъ признаковъ буду пользоваться терминомъ „племенной типъ“ или описательнымъ выраженіемъ — „психическій типъ даннаго племени“ *). Такое различіе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. Даже съ материалистической точки зрѣнія нельзя безъ дальнѣйшихъ

*) *J. Herder, Ideen, IV, 5. F. Ratzel, Anthropogeographie*; послѣдній пишетъ: „Die Rassen werden immer nur auf die körperliche Uebereinstimmung zu gründen sein“. Не говоря о болѣе раннихъ историкахъ (напримѣръ, Тьерри), замѣтимъ, что Тэнъ придалъ тому же понятію главенствующее значеніе въ своемъ извѣстномъ построеніи; что Гобино чрезмѣрно преувеличилъ, а отчасти и извратилъ значеніе „расъ“, ихъ „чистоты“ или помѣсей въ исторіи; что Гобино оказалъ вліяніе на Гумпловича; что Ренанъ также увлекался разсужденіями о „геніи“ расы; что Лапужъ (Lapouge) разсуждаетъ о расѣ, преимущественно въ зоологическомъ смыслѣ, и т. п.

доказательствъ отождествлять извѣстные намъ расовые признаки съ какими-либо психическими особенностями даннаго племени или народа; правильнѣе отличать послѣднія, называя преимущественно ихъ совокупность особымъ терминомъ; далѣе, чистыхъ расъ теперь, пожалуй, нѣтъ: особенности данной расы разсѣяны въ особяхъ, принадлежащихъ разнымъ народамъ; наконецъ, въ „племенномъ типѣ“ наслѣдственность осложняется подражаніемъ и т. п. (ср. выше). Итакъ, не слѣдуетъ смѣшивать понятіе о единообразіи физическихъ признаковъ особей данной совокупности съ понятіемъ о единообразіи ихъ психическихъ свойствъ; такія единообразія, правда, находятся въ нѣкоторой связи между собою, и извѣстныя намъ расовыя различія обуславливаютъ нѣкоторыя различія въ психикѣ, а, значитъ, отражаются и въ продуктахъ культуры: въ языкѣ, религіи, искусствѣ, матеріальномъ бытѣ, нравахъ и т. п.; но они отражаются въ подобнаго рода продуктахъ косвенно, черезъ посредство данной психики; слѣдовательно, можно отгѣнять ту точку зрѣнія, съ которой мы интересуемся совокупностью людей, главнымъ образомъ, въ той мѣрѣ, въ какой они обладаютъ общими имъ психическими свойствами, отличающими ее (въ данной комбинаціи) отъ другихъ совокупностей; въ такихъ случаяхъ удобно говорить о „племенномъ типѣ“ или, еще точнѣе, о „психическомъ типѣ даннаго племени“, напримѣръ, индо-европейскаго. Въ болѣе узкомъ смыслѣ можно, конечно, для тѣхъ же цѣлей пользоваться и терминомъ „національный типъ“; но, отгѣняя въ понятіи о немъ нашъ интересъ къ его психикѣ, еще правильнѣе рассуждать о „психическомъ типѣ данной націи“ и т. п.

Подобно тому, какъ психологъ устанавливаетъ извѣстные типы характеровъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, причемъ усматриваетъ нѣкоторыя законообразности въ соотношеніи между характеромъ даннаго типа и соответствующими поступками, такъ и историкъ можетъ стремиться построить психическій типъ даннаго племени или народа и его свойствами объяснять соответствующія массовыя движенія и продукты культуры. Съ такой точки зрѣнія общія черты, характеризующія данный типъ, признаются общими и постоянными причинами, обуславливающими данную культуру. Для теоретическаго построенія такой комби-

націи и ея законосообразности надо брать челоуѣка съ тѣми основными чертами психики, которыя оказываются общими данному племени или данной націи, и установить ту „систему чувствованій и идей“, которая предопредѣляетъ соответствующую культуру, напримѣръ, религію, философію, поэзію, промышленность и формы общественности даннаго племени или народа (Тэнь).

Обыкновенно полагаютъ, что расы образовались путемъ приспособленія, отбора и наслѣдственности; психическія свойства расъ развились, однако, не только подъ вліяніемъ физической, но и соціальной среды; послѣдняя имѣетъ значеніе въ образованіи племенныхъ или національныхъ особенностей *). Попытки характеризовать расы такими психическими признаками до сихъ поръ, однако, оказываются довольно шаткими и вызываютъ сомнѣнія. Для черной расы указываютъ, напримѣръ, слѣдующіе признаки: чувственность, подвижность, лѣность, отсутствіе инициативы и подражательность, влеченіе къ удовольствіямъ, страстную любовь къ пѣнію и танцамъ, къ уборамъ и побрякушкамъ, легкомысліе, непредусмотрительность, отвращеніе отъ одиночества, влюбчивость, болтливость, способность къ преданности, къ ненависти и мести; въ результатѣ такія свойства, не способныя образовать какія-либо выдающіеся продукты культуры, приводили къ порабощенію болѣе „высокими расами“ тѣхъ, кто обладаетъ ими. „Долихокефаловъ“ „желтой расы“ также пытались характеризовать, указывая, напримѣръ, на то, что они желчно-нервны (меланхоличны), съ сильной волей, съ большими умственными способностями, скупы и религіозны, и, съ вышеуказанной точки зрѣнія, считали возможнымъ объяснять ихъ роль въ исторіи и т. п. **). Впрочемъ, нельзя, конечно, отрицать, что между людьми одной и той же расы, даже разсѣянными по лицу земного шара, могутъ быть общія черты психики и культуры. При всей своей разбросанности въ предѣлахъ очень широкаго пространства, индо-европейцы, напримѣръ, по мнѣнію

*) *H. Taine*, Histoire de la littérature anglaise, t. I, Préf.

***) *A. Fouillée*, Tempérament et caractère, Par., 1895, pp. 326—331; ср. еще *H. Taine*, Hist. de la littérature anglaise, t. I, Préf.

нѣкоторыхъ ученыхъ, все же представляютъ сходныя черты въ культурѣ—прежде всего, въ языкѣ*); но если между индо-европейскими языками можно установить родство въ лингвистическомъ отношеніи, то, помня, что языкъ—уже своего рода психическій продуктъ, позволительно предполагать, что индо-европейцы обнаруживали нѣкоторую отпечатлѣвшуюся въ ихъ праязыкѣ общность идей; сходство, вѣроятно, существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ продуктахъ ихъ культуры. Тѣмъ не менѣе къ подобнаго рода выводамъ, касающимся глубокой древности, надо относиться съ крайней осторожностью, да и прилагать ихъ къ послѣдующему времени едва ли возможно безъ дальнѣйшихъ ограниченій: въ такомъ случаѣ приходится говорить не о „расѣ“, а о народахъ, характеръ которыхъ слагался подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ обстоятельствъ и могъ обуславливать въ извѣстныхъ предѣлахъ мѣста и времени соотвѣтствующіе продукты культуры.

Тѣмъ не менѣе при постоянствѣ данной физической среды, вліянію которой данный народъ подвергался долгое время, можно говорить о нѣкоторомъ единообразіи его психическаго типа въ извѣстныхъ предѣлахъ пространства и времени и съ такой точки зрѣнія объяснять образованіе относительно устойчивыхъ элементовъ и формъ культуры, которые въ свою очередь поддерживаютъ единообразіе самого типа. Въ такомъ видѣ, напри- мѣръ, китайцы и египтяне представляются нѣкоторымъ историкамъ культуры; или недавно англичане были охарактеризованы, какъ типъ „дѣятельныхъ“, т. е. такой типъ, главная характерная черта котораго—стремленіе къ дѣятельности, нуждающееся въ какомъ-либо удовлетвореніи; при этомъ способы удовлетворенія могутъ быть весьма разнообразны, начиная отъ спорта и кончая усиленнымъ и выдержаннымъ трудомъ, безъ котораго нельзя достигнуть высокой культуры **).

*) *J. Herder*, *Ideen*, IX, 2; „In jeder Sprache ist der Verstand eines Volkes und sein Charaktergeprägt“. *O. Schrader*, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, 3-te Aufl.

**) *Boutmy*, *Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX sc.*, p. 9—10. „le goût spontané la passion gratuite de l'effort pour l'effort“.

Не мѣшаетъ замѣтить, что особенности, прочно усвоенныя даннымъ народомъ, могутъ продолжать обнаруживаться и въ измѣнившихся условіяхъ физической среды; но длительное вліяніе новыхъ условій не можетъ, конечно, не отразиться и на „національномъ типѣ“; стоитъ только сравнить хотя бы англичанъ съ американцами.

Наконецъ, можно стремиться къ выясненію психическаго типа не народа, а отдѣльнаго сословія или класса, иногда довольно рѣзко отличающагося отъ другихъ; вѣдь психика разныхъ сословіи можетъ быть различной. Такой типъ признается комбинаціей главнѣйшихъ факторовъ, порождающихъ явленія социальной исключительности, борьбы классовъ и т. п.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ конструкціяхъ данный групповой типъ (племя, народъ, общественный слой и т. п.) предполагается надѣленнымъ характерной для него психикой; основываясь на ея изученіи, можно выводить изъ нея, въ качествѣ соответствующихъ слѣдствій, проявленія культуры и даже пытаться предсказывать ихъ въ будущемъ, хотя бы ближайшемъ. Повторяемость такихъ продуктовъ можно понимать, однако, въ различныхъ смыслахъ: или въ томъ смыслѣ, что разные народы или разные люди, принадлежащіе къ одной и той же народности и сходные по типу, производятъ сходные продукты, сосуществующіе въ пространствѣ; или въ томъ смыслѣ, что одно и то же племя, одинъ и тотъ же народъ представляетъ достаточно устойчивый типъ и порождаетъ однородные продукты культуры, возникающіе благодаря людямъ преемственно слѣдующихъ поколѣній и, значитъ, повторяющіеся во времени; вышеприведенныя разсужденія о китайцахъ, египтянахъ, англичанахъ и т. п. ведутся съ точки зрѣнія повторяемости сходныхъ продуктовъ китайской, египетской, англійской и т. п. культуры или въ пространствѣ, или во времени; но послѣдній выводъ всего болѣе могъ бы соответствовать задачѣ историческаго обобщенія.

Нѣкоторые ученые смѣшивали понятіе о національномъ типѣ съ понятіемъ о культурномъ типѣ и придавали извѣстнымъ народностямъ значеніе постоянныхъ культурно-историческихъ

типовъ *). Не говоря уже о томъ, что естественно - научную предпосылку этой теоріи нельзя признать правильной, такое построение противорѣчитъ и собственно историческимъ фактамъ: вѣдь одинъ и тотъ же народъ въ разные періоды своего развитія можетъ принадлежать разнымъ культурнымъ типамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что и разные слои одного и того же общества могутъ оказаться разныхъ культурныхъ типовъ; стоитъ только припомнить хотя бы типъ „первобытнаго человѣка“ или типъ „свѣтскаго человѣка“, не столько связаннаго съ своимъ народомъ, сколько подчиняющагося условностямъ того международно - общественнаго круга, къ которому онъ принадлежитъ.

Подъ культурнымъ типомъ данной общественной группы можно разумѣть то сочетаніе факторовъ ея психики и культуры, совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ соціальныя теченія или возникновеніе культурныхъ продуктовъ извѣстнаго періода объясняются. Понятіе о культурномъ типѣ получаетъ, однако, разные значенія, смотря по тому, разумѣть ли подъ нимъ только совокупность сходныхъ сознаній, или общее данной группѣ состояніе сознанія; сходныя сознанія можно, конечно, ставить въ связь съ сходными продуктами культуры, хотя бы они и возникали независимо другъ отъ друга, общее же данной группѣ состояніе сознанія—съ однородностью продуктовъ культуры, хотя бы формы ихъ были различны.

Въ виду одинаковыхъ условій существованія члены данной группы могутъ испытывать сходныя состоянія сознанія, т. е. особаго рода „систему чувствованій, воленій, представленій“ и т. п., присущую обыкновенно каждому изъ нихъ или каждому изъ ихъ большинства. Ученые пытались, напримѣръ, характеризовать племена „дикарей“ сравнительно меньшимъ единствомъ сознанія, еще слишкомъ мало связывающаго въ одно цѣлое все разнообразіе острыхъ чувственныхъ воспріятій, преобладаніемъ импульсивныхъ „стремленій“ надъ волевыми актами, а также слишкомъ малой устойчивостью всякаго рода отношеній, куль-

*) *И. Данилевскій*, Россія и Европа, 5-е изд., СПб., 1895 г. сс. 95 и сл.

турные же народы—большимъ единствомъ сознанія, способнаго образовывать общія понятія, и развитіемъ воли, въ особенности, нравственной воли, а также большею устойчивостью отношеній. непрерывно развивающихся; можно, конечно, проводить и дальнѣйшія различія подобнаго рода между „дикими“ не осѣвшими племенами охотниковъ и рыболововъ и „полудикими“, между народами „полукультурными“ и „вполнѣ культурными“ и т. п. *); въ зависимости отъ такой группировки приходится ставить и соответствующіе, сходные между собою продукты ихъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ, культурные продукты народовъ даже разныхъ расъ, но стоящихъ на одномъ культурномъ уровнѣ, могутъ быть одинаковы, напримѣръ, произведенія палеолитическаго человека и тасманійца. Однородныя формы каменныхъ орудій встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ земного шара; многія изъ поддѣлокъ, открытыхъ въ долинахъ европейскихъ рѣкъ, сходны съ тѣми, что найдены въ одной изъ западноиндійскихъ долинъ—нарбадской, и, пожалуй, принадлежатъ, приблизительно, одному и тому же періоду; другія, встрѣчающіяся въ разныхъ европейскихъ, африканскихъ и азіатскихъ странахъ, хотя и не одного времени, обнаруживаютъ сходство; можно даже указать на оригинальныя и весьма древнія манзанаресскія (мадридскія) поддѣлки, обнаруживающія, однако, значительное сходство съ мадрасскими и т. п. Аналогичные примѣры легко привести и изъ другой области: извѣстная загадка, предложенная сфинксомъ Эдицу: какое животное, имѣя только одно названіе и будучи первоначально четвероногимъ, послѣдовательно становится двуногимъ, а затѣмъ трехногимъ — встрѣчается, по увѣренію ученыхъ, не только у современныхъ грековъ и испанцевъ, но и у финновъ, бурятъ, армянъ и даже фиджійцевъ. Съ такой же точки зрѣнія можно было бы указать на сходство многихъ учрежденій у разныхъ народовъ одинаковой культуры и т. п. **). Нельзя не замѣтить, что и на болѣе позднихъ стадіяхъ развитія „совпаденія“ продуктовъ культуры обнаруживаются даже въ такой области, которая тѣсно

*) *A. Vierkandt*, *Naturvölker und Kulturvölker*, ein Beitrag zur Socialpsychologie, Lpz., 1896, SS. 1—5, 106 и сл.

***) *R. Köhler*, *Kleinere Schriften I*, 115—116.

связана съ индивидуальнымъ творчествомъ. Исторія наукъ представляетъ не мало примѣровъ такихъ совпаденій: Ньютонъ и Лейбницъ, вѣроятно, независимо другъ отъ друга открыли дифференціальное исчисленіе. Гауссъ и Лежандръ—методъ наименьшихъ квадратовъ, Дарвинъ и Уоллэсъ (каждый изъ нихъ независимо отъ другого наблюдалъ природу тропическихъ странъ и читалъ извѣстную книгу Мальтуса)—естественный отборъ, Госсенъ и Стэнли-Джевансъ—математическую теорію обмѣна товаровъ и т. п.

Впрочемъ, связь между культурнымъ типомъ данной общественной группы и порождаемыми ею продуктами культуры получаетъ нѣсколько иное значеніе, если имѣть въ виду, что, благодаря общему группѣ состоянію сознанія, одно и то же расположеніе духа („disposition d'esprit“) сознается ея членами какъ общее, и вызываетъ однородные продукты культуры, хотя бы формы ихъ были различны. Въ только что указанномъ смыслѣ можно устанавливать нѣкое типическое соотношеніе между состояніемъ сознанія, а также характеромъ даенной группы и однородностью соотвѣтствующихъ продуктовъ культуры.

Въ основѣ ея (въ качествѣ объединяющаго ее фактора) лежитъ общее, какъ бы „сверхъ - индивидуальное настроеніе“, получающее наибольшее единство въ тѣхъ случаяхъ, когда одна идея (идеаль) и т. п. преобладаетъ надъ остальными. Въ самомъ дѣлѣ, когда множество людей испытываютъ чувства, представленія, воленія, общія всѣмъ имъ, „общее чувство, общее представленіе, общее воленіе не тождественно съ суммою отдѣльныхъ факторовъ, а содержитъ еще нѣчто, качественно отличное отъ нихъ, нѣчто такое, что мы называемъ одобреніемъ или порицаніемъ, общественнымъ мнѣніемъ, патриотизмомъ, словомъ социальнымъ настроеніемъ тѣхъ общественныхъ круговъ, которые составляютъ большинство этихъ людей“ *). Если въ такомъ общемъ настроеніи одна идея преобладаетъ надъ остальными, оно получаетъ наибольшее единство. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ, на примѣръ, въ сущности

*) *W. Lamprecht*, Was ist Kulturgeschichte, ib., S. 81.

пытался разыскать „душевную доминанту“ для каждого періода нѣмецкой исторіи; вся ея періодизація, типическая и для эволюціи другихъ народовъ, сдѣлана имъ по такимъ доминантамъ (см. выше); другой также разсуждаетъ о „домнирующихъ концепціяхъ“ (понятіяхъ) въ каждомъ періодѣ, при чемъ разумѣетъ подъ ними, главнымъ образомъ, идеалы даннаго времени; въ средніе вѣка, на примѣръ, онъ признаетъ таковыми: идеалы рыцаря и монаха, а въ періодъ развитія „классическаго духа“ (âge classique) въ образованномъ обществѣ—идеалы придворнаго и краснобая. Творческія идеи подобнаго рода оказываютъ вліяніе во всѣхъ областяхъ мысли и дѣятельности даннаго періода, но послѣ известнаго періода господства уступаютъ мѣсто новымъ идеямъ—идеаламъ, въ свою очередь вызывающимъ и соотвѣтственные продукты культуры, элементы которой, при такихъ условіяхъ, находятся въ определенной взаимозависимости *). На основаніи подобныхъ соображеній историки разбираемаго направленія приходятъ къ заключенію, что общее данной группѣ состояніе сознанія, въ особенности ея „общая воля“ ведетъ къ однородности порождаемыхъ ею культурныхъ продуктовъ; такимъ образомъ, можно объяснить, на примѣръ, религіозно-церковный ихъ характеръ въ средніе вѣка и рачіоналистическій, а также ложно-классическій ихъ характеръ въ вѣкъ просвѣщенія и т. п., или „феодальный“ характеръ средневѣковыхъ учрежденій и „государственно-полицейскій“ характеръ учрежденій періода „просвѣщеннаго абсолютизма“ и т. п.

Итакъ, на основаніи вышеуказанныхъ обобщеній при единообразіи, въ известныхъ предѣлахъ времени, даннаго культурнаго типа можно говорить о сходствѣ или объ однородности порождаемыхъ имъ продуктовъ культуры; но понимать ихъ повторяемость можно различно: или въ смыслѣ одновременно данныхъ, или въ смыслѣ послѣдовательно возникающихъ продуктовъ культуры.

*) *W. Lamprecht*, *Moderne Geschichtswissenschaft*, S. 83: cp. 119-
H. Taine, *Hist. de la littérature anglaise*, t. I (1873). Préf., p. XXXI.

Въ реалистическихъ построенияхъ психическаго типа даннаго племени или данной націи и „культурнаго“ типа, поскольку они разсматриваются, какъ сложная комбинація причинъ, порождающая соответственные продукты культуры, можно, такимъ образомъ, усмотрѣть попытку установить нѣкоторую законосообразность отношеній въ данной послѣдовательности не съ чисто психологической, а съ историко-психологической точки зрѣнія.

Впрочемъ, нельзя принимать во вниманіе только одинъ изъ типовъ—или племенной, или культурный для объясненія изъ него даннаго продукта культуры; оба вмѣстѣ, конечно, оказываютъ въ извѣстной мѣрѣ влияніе на данный продуктъ; извѣстное ученіе о расѣ, средѣ и моментѣ, въ совокупности обусловливающихъ соответственные продукты культуры, уже показываетъ, что историкъ не можетъ довольствоваться однимъ изъ вышеуказанныхъ понятій для объясненія ихъ возникновенія; съ такой точки зрѣнія изучаемый писатель, напримѣръ, Лафонтэнъ, разсматривается, какъ продуктъ не только данной національности, но и культуры даннаго времени, его произведенія признаются выраженіемъ общества даннаго періода, его настроенія, его вкусовъ, его стремленій и т. п.

При построеніи номологическихъ обобщеній историки-соціологи пользуются не только принципомъ причинно-слѣдственнойности, но и вышеуказанными понятіями консензуса и эволюціи: они говорятъ о законахъ консензуса и о законахъ эволюціи въ исторіи.

Въ силу принципа консензуса элементы данной соціальной системы признаются взаимозависящими: они стремятся къ солидарности другъ съ другомъ *). Историки-соціологи, въ сущности, разсуждаютъ именно съ такой точки зрѣнія, когда говорятъ о согласованности продуктовъ данной культуры; въ „идеальномъ человѣкѣ“ и „человѣкѣ вообще“ (*l'homme idéal et général*) они

*) См. выше сс. 128—129 и 149; понятіе объ извѣстномъ соотношеніи между „культурнымъ типомъ“ (главнымъ образомъ, въ смыслѣ общаго данной соціальной группѣ состоянія сознанія) и соответствующими продуктами культуры уже находится въ связи съ понятіемъ о нѣкоторомъ консензусѣ между ними.

усматриваютъ тотъ факторъ, дѣйствіями котораго они и объясняютъ согласованность продуктовъ культуры: одинъ и тотъ же господствующій національный или культурный типъ челоуѣка, его способности или склонности отражаются во всѣхъ продуктахъ культуры; въ такихъ случаяхъ данныя въ одномъ и томъ же сознаніи способности или склонности, подъ вліяніемъ какой либо одной изъ нихъ, господствующей надъ остальными, взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга и приходятъ въ извѣстную гармонію, отражающуюся и въ различныхъ его продуктахъ. Авторъ теоріи объ основныхъ факторахъ исторіи, „расѣ, средѣ, и моментѣ“, формулируетъ „законъ взаимозависимостей“ (*loi des dépendances mutuelles*) слѣдующимъ образомъ: культура даннаго періода во всѣхъ своихъ частяхъ представляетъ нѣчто общее, придающее соотвѣтствіе между ея проявленіями и единство ея ходу; „законъ взаимозависимостей“ комбинируется еще съ „закономъ пропорціональныхъ вліяній“, въ силу котораго ученый опредѣляетъ степень вліянія, оказываемаго основными факторами на то, что обще частямъ данной культуры, а также на степень ея оригинальности: благодаря дѣйствію вышеуказанныхъ факторовъ, общее между частями данной культуры получаетъ извѣстное своеобразие; значить, въ той мѣрѣ, въ какой оно входитъ въ составъ частей, онѣ должны измѣниться *). Съ указанной точки зрѣнія можно подмѣтить, на примѣръ, въ теченіе даннаго періода извѣстную зависимость между философіей и наукой, между науками и искусствами, между наукой и практикой, между состояніемъ цивилизаціи даннаго общества и соотвѣствующимъ ей политическимъ режимомъ и т. п.; съ той же точки зрѣнія историкъ открываетъ связь между такими продуктами культуры, которые, казалось-бы, очень далеки другъ отъ друга: онъ усматриваетъ нѣкоторый консензусъ между проявленіями культуры Возрожденія, носящими на себѣ отпечатокъ индивидуализма, на примѣръ, между тиранніей, кондотьерствомъ, образомъ мыслей писателей и художниковъ, а также характеромъ ихъ произведеній, произволомъ костюма, распущенностью нравовъ,

*) *H. Taine, Hist. de la littérature Angl., t. I. Int od., § I.*

и т. п.; или между философскимъ или богословскимъ разсужденіемъ Малбранша и аллеей въ Версали, между сентенціей Боссюэта о царствѣ Божіемъ, правиломъ стихосложенія у Буало, закономъ Кольбера о закладѣ недвижимыхъ имуществъ, и комплиментомъ, сказаннымъ въ Марли *).

Вмѣстѣ съ понятіемъ консензуса историкъ-соціологъ пользуется и понятіемъ эволюціи: оно служитъ ему для формулировки „законовъ“ историческаго развитія. Впрочемъ, можно понимать ихъ различно: или въ смыслѣ законовъ образованія эволюціонныхъ рядовъ или въ смыслѣ законовъ ихъ повторяемости.

„Законъ“ образованія ряда, т. е. законъ, по которому эволюціонный рядъ строится, иллюстрируется хотя бы на примѣрѣ развитія яйца согласно формулѣ 2^n , гдѣ n получаетъ послѣдовательныя значенія: 1, 2, 3, . . . n ; такимъ образомъ можно представить процессъ сегментации яйца на 2, на 4, 8 и т. д. частей. Историкъ-соціологъ можетъ также интересоваться процессомъ образованія ряда и съ такой точки зрѣнія формулировать его, напримѣръ, въ смыслѣ возрастающей дифференціации индивидуумовъ, т. е., главнымъ образомъ, ихъ „духовной свободы“ **).

Законъ повторенія эволюціоннаго ряда формулируется или въ видѣ повторяемости одного и того же цикла развитія, или въ видѣ спиралеобразнаго движенія, въ которомъ извѣстные моменты одного цикла оказываются сходными съ соотвѣтствующими моментами другого цикла.

Законъ повторяемости одного и того же цикла развитія признается, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если допустить, что каждая особь одного и того же вида проходитъ въ своемъ развитіи въ одномъ и томъ же порядкѣ однѣ и тѣ же стадіи эволюціи; съ менѣе строгой точки зрѣнія можно разсуждать о повторяемости филогенезиса въ онтогенезисѣ и принимать, что стадіи эволюціи, представленныя въ развитіи одного и того же дикаго

*) I. Burckhardt, Cultur der Renaissance 8-te, Aufl., B. I. s. 142 ff
H. Taine, Essais de Critique, 2 éd. Préf., pp. IX.

**) K. Lamprecht, Die Kulturhistorische Methode, S. 28.

племени, дѣйствительно происходившемъ или научно конструированномъ, повторяются въ жизни ребенка цивилизованной націи. Въ аналогичномъ смыслѣ историки-соціологи разсуждаютъ о повторяемости извѣстнаго цикла развитія, напримѣръ, о чередованіи періодовъ: органическаго и критическаго (С.-Симонъ), о повторяющейся въ исторіи разныхъ сферъ культуры смѣнѣ трехъ состояній: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго (Контъ); о послѣдовательномъ прохожденіи разными народами извѣстныхъ стадій развитія хозяйства: замкнутаго домашняго, городского и національнаго и т. п. *).

Впрочемъ, повторяемость эволюціоннаго ряда понимается иногда лишь въ томъ смыслѣ, что извѣстные моменты одного цикла развитія оказываются сходными съ соотвѣтствующими моментами другого цикла; съ такой точки зрѣнія нѣкоторые историки говорятъ, напримѣръ, о „средневѣковомъ“ періодѣ въ Греціи временъ Гомера и Гезіода, или усматриваютъ соотвѣтствіе между послѣдующими періодами греческой исторіи и новымъ, а также новѣйшимъ періодами въ развитіи романо-германскихъ народовъ **).

Законъ повторяемости ряда, въ сущности, предполагается и въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ-соціологъ старается построить общій типъ того ряда, который онъ изучаетъ, и представляетъ себѣ послѣдній въ видѣ частнаго его случая; нѣкоторые ученые придаютъ, напримѣръ, типическое значеніе эволюціи нѣмецкаго народа: она повторяется и въ исторіи другихъ народовъ; періодизація нѣмецкой исторіи даетъ схему и для періодизаціи исторіи другихъ народовъ; но такое построеніе уже близко подходит и къ типологическимъ обобщеніямъ.

Сами приверженцы подобнаго рода построеній готовы при-

*) *K. Bücher*, *Die Entstehung der Wirtschaft*, 1 Aufl., 1893; позднѣйшія изданія—съ дополненіями. Авторъ прилагаетъ свою схему къ исторіи человечества, а не отдѣльныхъ народовъ, что вызвало критику Э. Мейера и др.; Бюхеръ собственно устанавливаетъ четыре стадіи: періодъ разрозненныхъ индивидуальныхъ поисковъ за средствами существованія, далѣе періодъ замкнутаго домашняго хозяйства и т. д.; но первоначальная стадія кажется сомнительной Штейнметцу и др.

***) См. выше с. 71.

знать, однако, что ихъ трудно формулировать въ видѣ законовъ, подъ которые можно было бы непосредственно подводить историческіе факты. Впрочемъ, такое затруднительное положеніе исторической науки, по ихъ мнѣнію, не исключаетъ возможности и для исторіи стремиться, по крайней мѣрѣ, къ эмпирическимъ обобщеніямъ.

Не устанавливая логически необходимой и всеобщей причинно-слѣдственной связи, эмпирическое обобщеніе только формулируетъ нѣкое единообразіе въ послѣдовательности или въ сосуществованіи такого отношенія, которое обнаружилось во всѣхъ случаяхъ, подвергшихся нашему наблюденію; эмпирическое обобщеніе, значитъ, утверждаетъ, что въ нашемъ опытѣ за даннымъ явленіемъ *a* слѣдовало явленіе *b* или что явленіе *a* встрѣчалось въ немъ именно съ явленіемъ *b*, но, въ сущности, говоритъ лишь о вѣроятности такой же связи въ будущемъ. Впрочемъ, предположеніе о существованіи нѣкоей причинно-слѣдственной связи между элементами предшествующаго—*a* и послѣдующаго—*b*, или о существованіи нѣкоей зависимости двухъ явленій *a* и *b* отъ какой-либо общей имъ причины, породившей ихъ, включается въ понятіе объ эмпирическомъ обобщеніи; но въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ только о предположеніи, да и вопросъ о томъ, какова именно предполагаемая связь, не получаетъ отвѣта; значитъ, „на эмпирическое обобщеніе нельзя полжиться за предѣлами времени, мѣста и обстоятельствъ, въ которыхъ наблюденія производились“ *).

Такъ какъ историкъ можетъ принять пространство и связанное съ нимъ дѣйствіе физическихъ факторовъ за условія постоянныя, то при формулировкѣ эмпирическихъ обобщеній онъ имѣетъ въ виду преимущественно послѣдовательность явленій только во времени. Сторонники номотетической точки зрѣнія придаютъ имъ, однако, большое значеніе; дѣлая удареніе на словѣ „законъ“ („законы эмпирическіе“), они забываютъ, что выводъ, добытый на основаніи прошлыхъ наблюденій надъ данною послѣдовательностью, не имѣетъ характера всеобщности и необходимости, а лишь указы-

*) *J. S. Mill*, *Logic*, B. III, ch. 16; B. V, ch. VI, § 1.

ваетъ на нѣкоторую вѣроятность повторенія той же послѣдовательности и въ будущемъ. Таковы, напримѣръ, эмпирическія обобщенія въ исторіи языка (смѣна звуковъ, измѣненія въ значеніи словъ), понятіе о соціальной дифференціаціи, о смѣнѣ формъ семейной жизни (временное сожителство, полигамія и уклоненія въ сторону полиандріи, патриархаты и проч.); о преемствѣ извѣстныхъ состояній въ области культуры духовной (анимизмъ, натурализмъ, религіозная догма и церковь, религія, проистекающая изъ свободнаго индивидуальнаго чувства); или въ области исторіи культуры экономической (смѣна натурального хозяйства денежнымъ, а денежнаго кредитнымъ и т. п.); въ исторіи политической (монархія, аристократія, демократія) и проч. Впрочемъ, историки пытаются дѣлать эмпирическія обобщенія и относительно сосуществованія нѣкоторыхъ явленій; напримѣръ, они указываютъ на то, что расцвѣтъ культуры (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ) обнаруживается одновременно съ начинающимся упадкомъ „творческихъ общественныхъ силъ“ *).

Даже предполагая, что такія обобщенія сдѣланы правильно (предположеніе, далеко не всегда оправдывающееся въ дѣйствительности), можно будетъ признать ихъ законами лишь въ томъ случаѣ, если въ каждомъ изъ нихъ удастся установить логически необходимую и всеобщую причинно-слѣдственную связь между предшествующимъ и послѣдующимъ; но въ виду всего выше-сказаннаго такое отношеніе придется строить не съ чисто механической, а съ психологической точки зрѣнія; только тогда, когда комбинація психическихъ факторовъ сама будетъ подведена подъ законъ, и историческія обобщенія, при объясненіи которыхъ мы пользуемся такой комбинаціей, получаютъ характеръ законовъ. Хотя попытки подобнаго рода относительно простѣйшихъ изъ вышеуказанныхъ обобщеній (напримѣръ, относительно перегласовки въ германскихъ нарѣчійяхъ) были сдѣланы, но вообще можно сказать, что сложныхъ „законовъ исторіи“ въ строгомъ смыслѣ слова никому еще не уда-

*) *Н. Данилевскій*, Россія и Европа., сс. 175 и сл., 476. *М. Hume*, The Spanish people и проч., *Ld.*, 1901, p. 403.

лось установить: историкамъ, стремящимся къ открытію ихъ, въ лучшемъ случаѣ приходится пока довольствоваться гадательными эмпирическими обобщеніями.

§ 3. Типологическія обобщенія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ученый не можетъ формулировать ни закона въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ, ни эмпирическаго обобщенія всѣхъ наблюденныхъ имъ случаевъ, онъ принужденъ довольствоваться типологическимъ ихъ обобщеніемъ, т. е. образованіемъ типовъ, подъ которые можно было бы подводить отдѣльныя наблюденія.

Не будучи номологическимъ построеніемъ закона или даже эмпирическаго обобщенія (въ строгомъ смыслѣ), типъ вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, не оказывается и единичнымъ случаемъ; съ логической точки зрѣнія типъ есть относительно общее понятіе по преимуществу и занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между закономъ и единичнымъ случаемъ: онъ не достигаетъ всеобщности закона и даже полноты эмпирическаго обобщенія, ибо допускаетъ уклоненіе, но и не низводится до индивидуальности. Съ такой точки зрѣнія можно, пожалуй, назвать типъ „общимъ представленіемъ“; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ сторонниковъ изучаемаго направленія называютъ общимъ представленіемъ всякое представленіе, поскольку содержаніе его оказывается общимъ многимъ отдѣльнымъ предметамъ и поскольку такое представленіе сопровождается мыслью, что оно представляетъ собою цѣлую группу однородныхъ представленій (Вундтъ); но „общія представленія“ ребенка могутъ включать и случайные признаки, представляющіеся ребенку общими многимъ предметамъ, тогда какъ типъ есть научно установленное общее представленіе, которое въ такомъ именно смыслѣ можно называть и относительно общимъ понятіемъ; въ послѣднемъ смыслѣ понятіе о типѣ близко подходитъ къ понятію о „среднемъ“.

Для выясненія логической природы типологическихъ обобщеній прибѣгнемъ къ слѣдующей схемѣ.

Вообразимъ нѣсколько группъ признаковъ, каждая изъ которыхъ отличается отъ остальныхъ, и обозначимъ каждую изъ нихъ символами: $abcdef$, $a'bcdef$, $ab'cdef$, гдѣ a , a' , b , b' и т. д. — признаки; положимъ, что изучаемыя группы можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ и размѣщеніи:

$$\begin{array}{ccc} a'bcdef & & ab'cdef \\ abc'def & abcdef & abcd'ef \\ abcde'f & & abcdef'' \end{array}$$

Если мы, въ виду нашей познавательной цѣли, признаемъ, что разности: $a—a'$, $b—b'$ и т. д. малозначительны, то пренебрегая отличительнымъ признакомъ каждой группы, мы можемъ обозначить наше общее понятіе о всей совокупности изучаемыхъ предметовъ символомъ: $ABCDEF$. Если въ данной совокупности группы $abcdef$ не окажется, то и общему понятію ничто не будетъ вполнѣ соответствовать въ дѣйствительности; тогда $ABCDEF$ будетъ „идеальнымъ типомъ“; если группа $abcdef$, напротивъ, также дана, то понятію $ABCDEF$ будетъ въ дѣйствительности соответствовать только центральная группа: $abcdef$; такъ какъ она при этомъ сходна съ каждой изъ шести группъ въ пяти признакахъ, а каждая изъ окружныхъ сходна съ каждой изъ остальныхъ окружныхъ же только въ четырехъ признакахъ, то, очевидно, что центральная группа $abcdef$ представляетъ свойства общаго понятія лучше всѣхъ остальныхъ группъ, почему она и называется репрезентативнымъ типомъ: всѣ остальные группы менѣе ея соответствують общему понятію.

Это несоответствіе можетъ усилиться, если въ числѣ разновидностей $ABCDEF$ (въ другой болѣе разнообразной по своему составу совокупности) окажутся и такія: $a'b'cd'ef$, . . . $a'b'c'd'ef$ и т. п. Положимъ, что въ дѣйствительности мы встрѣчаемъ (на таблицѣ не означенныя) формы въ родѣ $a'b'c'd'ef$: въ такомъ случаѣ, однако, можетъ явиться сомнѣніе, причислять ли $a'b'c'd'ef$ къ понятію $ABCDEF$ или къ другому какому нибудь понятію: $A'B'C'D'E'F'$. Итакъ, общее понятіе $ABCDEF$ можетъ оказаться или слишкомъ широкимъ, или слишкомъ узкимъ. Указанныя затрудненія увеличиваются, когда число признаковъ: a , b , c , . . .

возрастаетъ, а различія между системами свойствъ, т. е. между $abcdef$, $ab'cdef$ и т. д. текучи и представляютъ множество переходныхъ ступеней, т. е. когда каждая группа ($a'bcdef$ и т. д.) текущимъ образомъ переходитъ въ другую ($ab'cdef$ и т. д.) и когда одна изъ этихъ совокупностей не обнаруживаетъ соединенія, исключительно отличающаго ее отъ всѣхъ остальныхъ совокупностей признаковъ и ни одна изъ нихъ не представляетъ достаточно рѣзкихъ особенностей для того, чтобы на ней можно было бы остановиться, не переходя къ слѣдующей.

Ученые давно уже пользовались понятіемъ „типа“, даже въ то время, когда теорія эволюціи еще не подорвала вѣры въ устойчивость „видовъ“, для обозначенія такихъ „текучихъ“ соотношеній (Blainville). „Естественныя группы, по словамъ одного изъ нихъ, твердо установлены, хотя и не рѣзко отграничены: онѣ даны, хотя и не обведены какою-нибудь чертою; онѣ опредѣлены даннымъ центромъ, а не извнѣ проведенною предѣльною линіею, т. е. (содержаніе ихъ выясняется) тѣмъ, что онѣ преимущественно включаютъ, а не тѣмъ, что онѣ ясно выключаютъ“ (Whewell). Въ настоящее время слово „типъ“ приобрѣло право гражданства въ наукѣ для обозначенія „видовъ“, находящихся въ текущей взаимозависимости относительно другъ друга (Erdmann).

Не останавливаясь здѣсь на изученіи общихъ принциповъ систематики, приводящей къ образованію типовъ, я только замѣчу, что мы пользуемся типологическими построеніями и въ такихъ случаяхъ, когда намъ не удается установить основныя различія между типами, т. е. когда трудно рѣшить, признавать ли устойчивые и достаточно рѣзко выдѣляющіеся признаки, пригодные такъ сказать для внѣшней характеристики изучаемой группы, вмѣстѣ съ тѣмъ и основными ея свойствами. Въ случаяхъ подобнаго рода типъ лишь вспомогательное средство, ведущее къ дальнѣйшей работѣ обобщенія.

Такимъ образомъ, пользуясь типологическимъ приѣмомъ обобщенія, историку слѣдуетъ имѣть въ виду, что типъ есть его построеніе, а не дѣйствительность; понятіе типа, если онъ идеальный, не обозначаетъ реально данной вещи; лишь репре-

зентативный типъ можетъ обозначать единичный конкретный фактъ; но и послѣдній въ отношеніи къ остальнымъ случаямъ данной группы все же будетъ только идеальнымъ. Въ такомъ случаѣ историкъ можетъ прибѣгать къ типологическимъ построениямъ для обобщенія изучаемаго имъ матеріала и разсуждать о племенныхъ типахъ, о культурно-историческихъ типахъ, о типахъ культуры, о типахъ государствъ (напримѣръ, о типѣ феодальнаго государства), о типахъ ихъ развитія и т. п. въ данныхъ предѣлахъ пространства и времени. Типологическое построеніе нельзя, однако, приравнивать къ построению закона или даже эмпирическаго обобщенія какой-либо послѣдовательности. Лишь въ томъ случаѣ, когда историкъ имѣетъ въ виду „морфогенію“, а не одну только морфологию изучаемыхъ имъ объектовъ или стремится установить, что сходство экземпляровъ одного и того же типа объясняется общностью ихъ происхожденія и построить „генеалогическій“ или „эволюціонный“ типъ, онъ уже пользуется понятіемъ о причинно-слѣдственной связи; но и въ такомъ объясненіи онъ не долженъ смѣшивать принципъ причинно-слѣдственности съ понятіемъ о той конкретной связи, которую данное сходство между членами одной и той же группы объясняется, и, въ сущности, обыкновенно довольствуется для установленія родовъ и видовъ комбинаціей достаточно устойчивыхъ внѣшнихъ признаковъ. Въ большинствѣ случаевъ историку, значить, приходится пользоваться „типами“ не для объясненія матеріала (въ номологическомъ смыслѣ), а только для его систематики. Съ послѣдней точки зрѣнія историкъ стремится типизировать не нѣкую комбинацію факторовъ, поскольку ее можно признать реальной сложной причиной соответствующаго продукта культуры, а скорѣе пытается установить типы или самихъ этихъ комбинацій, или состояній и продуктовъ культуры; въ вышеуказанномъ смыслѣ можно говорить даже о „племенномъ типѣ“, поскольку онъ представляется нѣкоторымъ результатомъ историческаго процесса, о „культурномъ типѣ“, о типахъ отдѣльныхъ продуктовъ культуры и т. п.

Такія обобщенія уже обнаруживаются, напримѣръ, въ употребленіи терминовъ „востокъ“, „классическая древность“.

„средніе вѣка“, „новое время“ и т. п.; подъ ними, очевидно, часто разумѣютъ болѣе или менѣе опредѣленные типы и подводятъ подъ нихъ нѣсколько народовъ, находившихся или продолжающихъ находиться на соотвѣтствующей стадіи развитія. Впрочемъ, систематика подобнаго рода уже сама подготавливаетъ индуктивное изученіе систематизируемыхъ объектовъ, выясненіе законовъ, которые обнаруживаются въ нихъ, и т. п.: она даетъ, на примѣръ, понятіе о типахъ обществъ, группируемыхъ по степени ихъ сходства, по степени сложности члхъ состава (Durkheim), по степени ихъ культурнаго развитія (Morgan, Sutherland) и т. п. *).

Итакъ, „типъ“—есть всегда относительное обобщеніе; послѣднее можетъ быть болѣе или менѣе широкимъ смотря по задачамъ изслѣдованія; понятіе типа, значитъ, есть понятіе растяжимое и объемъ типа можетъ быть разнымъ. Если, на примѣръ, имѣть въ виду лишь наиболѣе общіе признаки, то подъ данную типическую совокупность ихъ подойдетъ и большее число объектовъ: можно говорить, на примѣръ, о типѣ первобытнаго хозяйства, или первобытной религіи и т. п. Путемъ индивидуализированія даннаго типа можно достигнуть болѣе тонкой характеристики объектовъ, но за то въ болѣе ограниченномъ ихъ объемѣ; вмѣсто вышеуказанныхъ общихъ типовъ, на примѣръ, можно попытаться построить болѣе специализированные: типъ древне-греческаго ойкоснаго хозяйства, или типъ древне-греческаго поклоненія предкамъ и т. п.; въ аналогичномъ широкомъ смыслѣ говорятъ и о феодальныхъ отношеніяхъ у разныхъ народовъ разныхъ временъ, даже у такихъ, какъ гавайцы, зулусы, тангуты и проч.; но въ узкомъ смыслѣ объемъ понятія о феодальномъ государствѣ ограничивается лишь европейскими народами въ средніе вѣка, и даже не всѣми ими, а, преимущественно, только германо-романскими.

Впрочемъ, естественно различать нѣсколько разновидностей типологическихъ построеній, главнымъ образомъ, въ зависимости

*) *M. Steinmetz*, Classification des types sociaux et catalogue des peuples въ Сборникѣ „L'année sociologique“ за 1898—1899, Par. 1900, pp. 55 и сл., 76—77 и др.

отъ того, въ виду какой познавательной цѣли они производятся: можно, на примѣръ, изучать данную совокупность предметовъ или въ ихъ устойчивыхъ признакахъ, или нѣкоторую послѣдовательность, относительно которой нельзя еще формулировать даже эмпирическаго обобщенія.

Вообще, изучая данную совокупность предметовъ въ ихъ устойчивыхъ признакахъ, мы какъ бы накладываемъ наши представленія о предметахъ другъ на друга и получаемъ общее имъ содержаніе; тогда мы называемъ понятіе о группѣ сходныхъ между собою объектовъ (конкретныхъ предметовъ)—типомъ; сюда можно отнести, на примѣръ, типы животныхъ видовъ и расъ, національный типъ, культурный типъ и т. п.; если принимать во вниманіе лишь понятіе о группѣ формальныхъ свойствъ, т. е. не объекты цѣликомъ взятые, а только ихъ внѣшнюю форму, служащую достаточно характернымъ признакомъ для систематики, то съ такой точки зрѣнія мы можемъ получить морфологическіе типы, на примѣръ, типы кристалловъ, растений (по формѣ листьевъ) или животныхъ; типы языковъ изолирующихъ, агглютинирующихъ и флектирующихъ и т. п. Морфологическій типъ *) довольно важенъ; онъ сыгралъ замѣтную роль и въ естествознаніи, и въ языкознаніи; пользуясь тѣмъ же построеніемъ, социологи разсуждаютъ о „типахъ общественнаго строенія“, о формахъ правленія и т. п.

При изученіи данной послѣдовательности мы можемъ, наконецъ, стремиться установить и феноменологическій типъ даннаго превращенія, хотя бы внутренній ходъ его оставался намъ неизвѣстнымъ; иными словами говоря, можно типизировать данную метаморфозу въ тѣхъ ея стадіяхъ, какія наблюдаются въ данной совокупности сходныхъ случаевъ. Ученые пользуются, такимъ образомъ, на примѣръ, уже при построеніи многихъ химическихъ формулъ; въ нихъ типъ не что иное, какъ только средство придать нѣкоторое единство нашимъ знаніямъ при сравненіи между собою тѣлъ, которыя обнаруживаютъ аналогичныя разложенія или оказываются продуктами аналогичныхъ разложеній. Съ такой же

*) В. Erdmann называетъ ихъ конструктивными типами.

точки зрѣнія можно типизировать и органическіе, и соціальные процессы. Наибольшая сложность ихъ, разумѣется, обнаруживается въ длинныхъ рядахъ перемѣнъ, которыя также пытаются изучить съ типологической точки зрѣнія; въ случаяхъ подобнаго рода отъ построения типа простого превращения можно перейти къ построению генеалогическаго или эволюціоннаго типа, т. е. типическаго ряда послѣдовательныхъ стадій развитія; въ виду указанной цѣли „исторія культуры, изучающая типическія историческія явленія“, признается „основною“ исторической наукой, устанавливающей „типическія стадіи“ въ развитіи данной культуры (Лампрехтъ); впрочемъ, такую операцію нельзя еще отождествлять съ построениемъ эволюціоннаго типа, т. е. съ построениемъ типа самого ряда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Критическое разсмотрѣніе номотетическаго построенія историческаго знанія.

Научно-объединенное или обоснованное знаніе можетъ стремиться и къ обобщенію данныхъ нашего опыта, и къ ихъ индивидуализированію; смотря по познавательнымъ цѣлямъ, которыя мы себѣ ставимъ, или по той точкѣ зрѣнія, съ которой мы изучаемъ эмпирическія данныя, можно въ одной и той же вещи разыскивать или общее ей съ другими вещами, или то, что именно ее характеризуетъ, какъ таковую въ ея конкретной индивидуальности. Слѣдовательно, номотетическое построеніе, имѣющее въ виду одно только обобщеніе, не въ состояніи удовлетворить нашего интереса къ дѣйствительности: при помощи общихъ понятій оно не можетъ объять ея многообразіе и своеобразіе: слишкомъ „редуцируя“ и „стилизируя“ дѣйствительность, оно не даетъ намъ знанія ея индивидуальных особенностей; оно не можетъ установить и достаточно обоснованныхъ принциповъ или критеріевъ выбора конкретныхъ историческихъ фактовъ, имѣющихъ историческое значеніе: съ номотетической точки зрѣнія историкъ легко упускаетъ изъ виду или произвольно исключаетъ изъ круга своихъ наблюденій факты (личности, событія и т. п.), которыми исторія не можетъ пренебречь *).

Сами приверженцы номотетическаго построенія принуждены счи-

*) *A. Aulard*, *Taine—historien de la Révolution française*, Par., 1908. Авторъ приводитъ здѣсь много примѣровъ такихъ упущеній, сдѣланныхъ Тэномъ; см. pp. 174, 177, 178—180, 222; впрочемъ, общая оцѣнка Олара уже вызвала возраженія со стороны Nève'a и Cochin'a.

таться съ такими фактами, но не даютъ научнаго ихъ построе- нія: признавая, напริมѣръ, самостоятельное значеніе воздѣйствія человѣческаго сознанія на матерію, они не обращаютъ вниманія на цѣнность его индивидуальнаго характера; утверждая единич- ность всемірно-историческаго процесса, они все же готовы до- вольствоваться его типизаціей; полагая, что „одна только инди- видуальность порождаетъ новыя силы общежитія“, они не опредѣ- ляютъ именно ея значеніе для исторіи и т. п. *). Впрочемъ, помимо теоретическихъ соображеній, номотетическое построеніе оказы- вается недостаточнымъ и съ точки зрѣнія практической: оно не даетъ понятія о той совокупности реально-данныхъ условій про- странства и времени, въ которыхъ протекаетъ наша дѣятель- ность, и безъ надлежащаго знанія которыхъ человѣкъ не въ со- стояніи ни поступать правильно, ни дѣйствовать съ успѣхомъ; и въ такихъ случаяхъ сторонники разбираемаго направленія не располагаютъ принципами, на основаніи которыхъ можно было-бы подойти къ рѣшенію проблемъ, столь важныхъ въ практическомъ отношеніи **). Итакъ, можно сказать, что номотетическое, обоб- щенное знаніе не въ состояніи дать удовлетвореніе нашему интересу къ исторической дѣйствительности.

Приверженцы номотетическаго построенія историческаго знанія отрицаютъ, однако, возможность съ идиографической точки зрѣнія построить его научнымъ образомъ; они полагаютъ, что можно научно познавать только общее: наука, въ настоящемъ смыслѣ слова, должна состоять въ построеніи общихъ понятій; индивидуальное, напротивъ, не можетъ служить цѣлью познанія: оно не поддается научной обработкѣ и формулировкѣ. Впрочемъ, съ аналогичной точки зрѣнія легко было-бы допустить, что въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальное переживается, оно уже въ извѣстномъ смыслѣ познается; только оно познается въ совокуп- ности съ данными ощущеніями, чувствованіями и проч., также входящими въ составъ переживанія, и, значитъ, познаніе о немъ,

*) *W. Wundt, System der Philosophie, 1 Aufl., S. 600. K. Lamprecht, Die Kulturhistorische Methode, S. 44.*

***) Ср. ниже отд. II, гл. 2, § 1.

поскольку оно лично переживается, не может быть научно установлено и передано другому в томъ именно сложномъ сочетаніи, въ какомъ оно переживается. Можно сказать, однако, что понятіе объ индивидуальномъ есть предѣльное понятіе: хотя нашъ разумъ не въ состояніи обнять все многообразіе и своеобразіе дѣйствительности, но мы можемъ стремиться объединить наши представленія о ней путемъ образованія возможно болѣе конкретныхъ комбинацій общихъ понятій или отдѣльныхъ признаковъ, отвлекаемыхъ отъ дѣйствительности; мы можемъ подвергать содержаніе такого понятія (въ его реальномъ значеніи) анализу и съ точки зрѣнія генезиса его элементовъ (если не всей ихъ совокупности, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ), и съ точки зрѣнія вліянія „индивидуальнаго“ на окружающую среду. Хотя понятіе объ индивидуальномъ и не можетъ быть само по себѣ приведено въ логическое соотношеніе съ какимъ-либо общимъ понятіемъ, но научный его характеръ обнаруживается и изъ пріемовъ конкретно-историческаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, историкъ, занимающійся построеніями индивидуальнаго, приступаетъ къ его изученію со скепсиса; онъ знаетъ, что ему приходится имѣть дѣло со своими или съ чужими сужденіями о вещахъ, что они могутъ не соответствовать дѣйствительности, и т. д.; онъ полагаетъ, что ему можно будетъ выйти изъ своего скепсиса лишь путемъ критики, основанной на строго научномъ анализѣ своихъ и чужихъ сужденій о данныхъ фактахъ; въ своей работѣ историкъ также выдѣляетъ изъ безконечнаго многообразія дѣйствительности элементы, нужные ему для построенія своего понятія объ индивидуальномъ; если онъ и не обобщаетъ ихъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не занимался отвлеченіемъ нужныхъ ему элементовъ своихъ представленій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, стремится комбинировать эти черты, т. е. дать научное построеніе дѣйствительности. Итакъ, идиографическое построеніе исторіи можетъ имѣть научный характеръ; исторія, и не будучи наукой обобщающей, все же могла бы претендовать на научное значеніе.

Произвольно ограничивая задачу научнаго знанія, приверженцы номотетическаго построенія лишаютъ себя, однако, воз-

возможности устанавливать его разновидности по различию основных познавательных целей: они различают науки лишь по их объектам, например, по „процессам“ или по „предметам“; сь указанной точки зрѣнія, по словамъ одного изъ защитниковъ номотетической теоріи, исторія признается такою же обобщающей наукой, какъ и естествознаніе, и отличается отъ него только „другою областью изслѣдованія“ (Бартъ). Различать, однако, науки не по точкамъ зрѣнія, а только или главнымъ образомъ по объектамъ затруднительно: вѣдь разныя науки могутъ заниматься однимъ и тѣмъ же объектомъ — послѣдніе можно принимать во вниманіе при систематикѣ наукъ, но лишь въ качествѣ подчиненнаго признака, для дѣленія ихъ на болѣе мелкія группы. Аналогичное, хотя и болѣе тонкое смѣшеніе, обнаруживается и въ другихъ разсужденіяхъ представителей школы; едва ли строго различая гносеологическую проблему приложенія психологіи къ исторіи отъ психологической, нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что область наукъ о духѣ начинается тамъ, гдѣ существеннымъ „факторомъ“ даннаго явленія оказывается человекъ, какъ желающій и мыслящій субъектъ. Такія обобщенія, однако, предпосылаются нами: чужое „я“, чужія желанія и мысли, какъ таковыя, не даны въ нашемъ чувственномъ воспріятіи. Выраженія „wollendes und denkendes Subjekt“ или „denkendes und handelndes Subjekt“ (Вундтъ) не однородны, ибо „wollendes“ — примышляется, а „handelndes“ — дано въ опытѣ. Слѣдовательно, въ вышеприведенной формулѣ двѣ разныя точки зрѣнія смѣшиваются: въ основѣ всякаго историческаго построенія лежитъ, конечно, признаніе чужого одушевленія, и притомъ переносимаго на раньше бывшихъ людей; но наше заключеніе о реальномъ существованіи психическихъ „факторовъ“, порождающихъ извѣстные продукты культуры, требуетъ особаго обоснованія, а именно, обоснованія признанія реальности факторовъ чужой психики, а также причинно-слѣдственной связи между ними и соотвѣтствующими продуктами культуры. Смѣшеніе подобнаго рода легко можетъ привести къ различенію наукъ не по познавательнымъ точкамъ зрѣнія, а по объектамъ, что, въ свою очередь, облегчаетъ возможность признавать въ наукѣ вообще одну только обобщающую точку зрѣнія, различая

отрасли науки (напримѣръ, естествознаніе и исторію) лишь по „объектамъ“ изученія.

Приверженцы номотетическаго построенія дѣлають свои обобщенія, постоянно пользуясь принципомъ причинно-слѣдственности. Стремленіе установить причинно-слѣдственную связь между наблюдаемыми фактами, конечно, вполне научно, но въ немъ часто смѣшиваютъ два понятія: понятіе о логически необходимой и понятіе о фактически необходимой связи между двумя фактами: предшествующимъ и послѣдующимъ. Подъ логически необходимой связью между фактами мы разумѣемъ связь, которая мыслится нами, какъ логически необходимая и всеобщая (принципъ причинно-слѣдственности): если дано a (т. е. дано въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе его не встрѣчаетъ въ дѣйствительности противодѣйствующихъ ему условій), то за нимъ должно слѣдовать b . Подъ фактически необходимой причинно-слѣдственной связью между фактами можно разумѣть связь, которая констатируется нами, какъ конкретно-данная: дано B , вызванное A , причѣмъ A получается, благодаря „случайной“ встрѣчѣ или скрещиванію многихъ обстоятельствъ: $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Сторонники разбираемаго направленія признають причинно-слѣдственность лишь въ логическомъ смыслѣ: „индивидуальное, по словамъ одного изъ нихъ, не способно стать причиною въ научномъ смыслѣ слова“. И дѣйствительно, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ говорить о необходимости и всеобщности причинно-слѣдственной связи между a и b , лишь пользуясь принципомъ причинно-слѣдственности; только на его основаніи мы въ полной мѣрѣ можемъ построить логически необходимое и всеобщее причинно-слѣдственное отношеніе между a и b . Тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, каждому изъ насъ приходится имѣть дѣло съ фактически необходимой связью, которую мы не въ состояніи признать логически необходимой и всеобщей: такіе случаи бывають, когда мы имѣемъ дѣло съ комбинаціями причинъ, „случайно“ столкнувшихся или совпавшихъ; въ сущности, лишь исходя изъ уже вызваннаго ими сложнаго продукта, мы въ состояніи заключить о той совокупности обстоятельствъ, которая породила столь сложный результатъ (продуктъ): изъ взя-

тыхъ порознь причинъ нельзя еще вывести данной комбинаці причинъ и придать ей такимъ образомъ логически необходимый и всеобщій характеръ; значить, съ точки зрѣнія логики данность такой комбинаці—простая „случайность“. вмѣстѣ съ тѣмъ историческій „факторъ“, разложенный на его элементы (если нѣчто подобное осуществимо), уже не будетъ реально даннымъ факторомъ, именно имъ, а не другимъ; да и изъ такихъ разложенныхъ элементовъ, порознь взятыхъ, нельзя вывести даннаго продукта, поскольку онъ фактически получился въ результатъ „случайной“ (съ логической точки зрѣнія) встрѣчи множества обстоятельствъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа тѣхъ причинъ, которыя въ общей совокупности порождаютъ данный продуктъ, лишь тѣ изъ нихъ, которыя всего дальше отстоятъ отъ результата, поддаются научному анализу, на примѣръ, физическія условія, повліявшія на данную личность или группу людей, а, значить (косвенно), и на ихъ поступки или дѣятельность; но такими отдаленными причинами, отвлекаемыми отъ дѣйствительности, нѣтъ возможности удовлетворительно объяснить реально-данные продукты; надо взять непосредственно предшествующее имъ, а таковымъ придется признать весьма сложную совокупность условій, породившихъ данный результатъ. Положеніе, на примѣръ, что кислородъ обусловливаетъ жизнь животныхъ, а, значить, и жизнь людей, человѣческихъ обществъ и ихъ историческое развитіе, мало имѣетъ значенія для объясненія собственно историческаго процесса: никто не станетъ называть кислородъ историческимъ факторомъ; причинно-слѣдственное отношеніе нужно устанавливать между непосредственно предшествующимъ и слѣдующимъ такъ, чтобы предшествующее непосредственно переходило въ слѣдующее; но такой непрерывной связи между предшествующимъ фактомъ и послѣдующимъ въ области исторіи установить нельзя, не исходя изъ заранѣе даннаго фактическаго отношенія: вѣдь между элементомъ, отвлекаемымъ отъ дѣйствительности, и продуктомъ—множество посредствующихъ звеньевъ, не располагающихся въ линейный рядъ. Наконецъ, изъ такихъ соотношеній нельзя еще съ достовѣрностью предсказать, каковъ будетъ ихъ продуктъ. Итакъ, не будучи въ состоя-

ни логически построить данную совокупность причинъ и вывести изъ нея данный продуктъ въ его цѣломъ, намъ остается только исходить изъ конкретно даннаго результата и пытаться объяснить, какимъ образомъ онъ возникъ въ дѣйствительности; но разсуждать въ такихъ случаяхъ о „единичномъ законѣ“ изучаемаго процесса едва-ли цѣлесообразно *).

Послѣдовательное примѣненіе принципа причинно-слѣдственности въ области исторіи представляетъ и другія затрудненія. Сами приверженцы номотетическаго направленія признаютъ, напримѣръ, что здѣсь нельзя говорить о чисто механической связи, а приходится разсуждать о причинно-слѣдственности въ психологическомъ смыслѣ (т. е. о мотивахъ и дѣйствіяхъ); но въ такомъ построеніи нельзя говорить о количественной эквивалентности между причиной и слѣдствіемъ, а лишь о качественной зависимости. Далѣе, если бы можно было исходить изъ понятія о своего рода „механикѣ представленій“, то съ такой атомистически-психологической точки зрѣнія можно было бы устанавливать причинно-слѣдственныя отношенія между отдѣльными представленіями; но въ случаяхъ подобнаго рода субъектъ, съ его единствомъ сознанія, всегда предполагается и, можетъ быть, даже въ ассоціаціи двухъ идей каждая изъ нихъ не находится въ непосредственномъ отношеніи къ другой, а только черезъ представляющаго ихъ субъекта, что чрезвычайно осложняетъ ихъ отношеніе. Наконецъ, такое психологическое построеніе (мотивъ-дѣйствіе) легко ведетъ къ превращенію причинно-слѣдственной связи въ телеологическую (ср. Zweckmotiv Вундта). Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда мы считаемъ цѣль мотивомъ своихъ поступковъ, а послѣдніе — дѣйствіемъ ея, подъ понятіемъ о такомъ соотношеніи мы можемъ подвести и совсѣмъ иное: вѣдь цѣль можно разсматривать, какъ требованіе субъекта; нормативная оцѣнка (мотивировка) лежитъ въ основѣ наиболее цѣнныхъ нашихъ дѣйствій.

Приверженцы номотетическаго направленія стремятся миновать это затрудненіе, разсматривая всякое воленіе съ точки

*) Ср. выше с. 41.

зрѣнія его мотиваціи или ссылаясь на „законы“ статистики; но такія построенія вызываютъ новыя возраженія.

Если каждое наше дѣйствіе мотивируется и мотивація приравнивается къ причиненію его извѣстными (внѣшними) факторами, то нечего говорить и о свободѣ воли: она—простая фикція; но въ такомъ случаѣ нѣтъ различія между дѣйствіемъ, вызваннымъ стремленіемъ къ удовольствію или отвращеніемъ отъ страданія. и актомъ, совершаемымъ въ силу требованія сознанія самого дѣйствующаго лица; признавать свободу его воли можно лишь въ послѣднемъ смыслѣ: человекъ свободенъ не тогда, когда онъ—игралоце своихъ страстей, а тогда, когда онъ свободно подчиняетъ себя идеѣ должнаго, которую онъ почерпаетъ изъ собственнаго сознанія; человекъ свободенъ отъ внѣшняго давленія природы, когда онъ поступаетъ не подъ впечатлѣніемъ мгновеннаго аффекта, а на основаніи имъ самимъ предъявляемой себѣ нормы. Приверженцы номотетическаго направленія легко забываютъ о нормативномъ характерѣ нашего сознанія и смѣшиваютъ законъ природы съ закономъ въ нормативномъ смыслѣ; между тѣмъ исторія получаетъ совершенно особое, самостоятельное по отношенію къ природѣ значеніе, если разсматривать ее, какъ постоянное осуществленіе нѣкаго долженствованія; въ немъ всего ярче и обнаружится наиболѣе характерное воздѣйствіе человеческого сознанія на матерію.

Сторонники номотетической точки зрѣнія ссылаются еще на взаимное ограниченіе свободной воли отдѣльныхъ лицъ, въ итогѣ уничтожающее индивидуальныя ея колебанія, что будто-бы и можно доказать статистикой. Статистическіе выводы („законы“), однако, въ данномъ случаѣ, мало убѣдительны: статистическое среднее—научная фикція, а не дѣйствительность; даже если подъ нею разумѣть типъ и притомъ репрезентативный, за исключеніемъ одного случая (или нѣсколькихъ), онъ все же будетъ идеальнымъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, т. е. фикціею; но для того, чтобы послѣдняя имѣла нѣкоторое научное значеніе, надо, чтобы исчисляемые объекты можно было признать совершенно однородными; далѣе, чтобы слагаемыя были всѣхъ возможныхъ значеній между 0 и $\pm \infty$, иначе разности при ихъ

сложеніи взаимно не уничтожатся, т. е., чтобы число ихъ было бесконечно въ математическомъ смыслѣ, и, наконецъ, чтобы сравниваемые дѣйствія происходили одновременно. Ни одного изъ только что указанныхъ условій мы, въ сущности, не имѣемъ въ явленіяхъ, изучаемыхъ въ моральной статистикѣ. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на то, что статистическій „законъ“—просто эмпирическое обобщеніе, а выясненіе причинно-слѣдственной связи между данными послѣдовательностями измѣненій приводитъ насъ къ затрудненіямъ, уже изложеннымъ выше: объясненіе „коллективныхъ“ явленій все же сводится въ конечномъ итогѣ къ объясненію обнаруживающихся въ нихъ состояній индивидуальныхъ сознаний, а безъ установленія такой причинно-слѣдственной связи нельзя говорить и о законѣ.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ вышеуказанныхъ теоретическихъ соображеній, слѣдуетъ замѣтить съ научно-практической точки зрѣнія, что въ дѣйствительности въ сложной душевной жизни данная причина (мотивъ) можетъ очень часто встрѣчать „противодѣйствіе“ со стороны другой, и, значитъ, „законъ“ здѣсь будетъ гораздо болѣе фиктивнымъ. Въ области сложныхъ явленій подобнаго рода оговорка, неразрывно соединяемая со всякимъ естественно-научнымъ закономъ—„если нѣтъ препятствій“—повторяется гораздо чаще и въ болѣе сгущенномъ видѣ: поскольку въ душевной жизни скрещиваніе разныхъ причинъ бываетъ чаще, чѣмъ въ области „мертвой“ природы, постольку законосообразность психическихъ явленій рѣже обнаруживается. По мнѣнію нѣкоторыхъ мыслителей, за исключеніемъ области психофизическихъ изслѣдованій, въ области собственно душевной жизни, пожалуй, и не удастся установить „точныхъ всеобщихъ законовъ“ (Зигвартъ). Такимъ образомъ, уже въ психологіи конкретнаго индивидуума приходится говорить о фактически необходимой связи между субъектомъ и его продуктами.

Впрочемъ, если бы даже психологическіе законы были вполне установлены, все же „непосредственное“ перенесеніе ихъ въ область исторіи не могло бы еще дать историческихъ законовъ, ибо, подобно тому какъ разложеніе комбинаціи при-

чинъ на отдѣльныя причины уничтожаетъ самую комбинацію или факторъ въ его цѣлостности, такъ и выискиваніе психологическихъ законовъ возможно лишь при разложеніи историческаго процесса на его элементы, а отвлеченіе послѣднихъ отъ дѣйствительности упраздняетъ наличность самого процесса, поскольку онъ представляется намъ индивидуально даннымъ. Нѣкоторые изъ такихъ психолого-историческихъ законовъ, на примѣръ, „принципъ творческаго синтеза“ или „законъ гетерогоніи цѣлей“—просто принципы истолкованія соціальныхъ явленій: но въ такомъ случаѣ изъ нихъ нельзя выводить закона роста духовной энергіи; или они, въ лучшемъ случаѣ, эмпирическія обобщенія—напримѣръ, „законъ контрастовъ“,—ибо слѣдованіе одной тенденціи за другой, хотя бы между ними и существовалъ контрастъ, еще не объясняетъ, почему такое слѣдованіе имѣло мѣсто: вѣдь одна изъ нихъ сама по себѣ не въ состояніи вызвать другую; первый моментъ можетъ быть условіемъ благоприятнымъ для наступленія второго, но между ними нужно вставить посредствующія звенья. Наконецъ, нѣкоторыя изъ такихъ историческихъ законовъ, выведенныхъ психологическимъ путемъ, представляютъ изъ себя обобщенія, съ психологической точки зрѣнія скорѣе указывающія на ирраціональность историческаго процесса, на его непредвидѣнность, чѣмъ на его законосообразность; таковъ, на примѣръ, принципъ гетерогоніи цѣлей: человекъ ставитъ себѣ опредѣленную цѣль; но ему не всегда возможно рассчитать средства, вполне пригодныя для ея достиженія, и легко натолкнуться на неожиданный для него результатъ; представленіе о немъ, при положительномъ отношеніи къ нему, можетъ въ свою очередь стать цѣлью, что и приводитъ „къ гетерогоніи“ цѣлей *).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ номологическихъ обобщеній номотетической школы, которыя сводятся прежде всего къ попыткѣ усмотрѣть относительно-устойчивую комбинацію причинъ въ племенномъ или культурномъ типѣ, порождающихъ соотвѣтственные продукты.

*) *W. Wundt*, *Logik*, Bd. II, 2, 3-te Aufl., SS. 281 ff.; ср. выше с. 41, его же разсужденіе о „единичномъ законѣ“.

Построенія подобнаго рода, въ сущности, слишкомъ мало различаютъ номологическое обобщеніе отъ типологическаго и приписываютъ „типу“ значеніе реальной комбинаці факторовъ, порождающихъ соотвѣтственные продукты культуры. Между тѣмъ, всякій типъ—есть наше построеніе, а всякій продуктъ культуры—есть результатъ индивидуальной дѣятельности; но въ данной личности черты даннаго типа комбинируются съ личными, и только пренебрегая послѣдними и оставляя безъ вниманія отраженіе ихъ въ продуктѣ, можно говорить о немъ вообще, какъ о продуктѣ цѣлой группы; съ такой точки зрѣнія, однако, легко упустить изъ виду наиболѣе характерныя особенности самого продукта.

Впрочемъ, понятіе племеннаго типа имѣетъ нѣкоторое значеніе, но въ предѣлахъ даннаго времени и пространства, строго установленныхъ путемъ наблюденія; послѣднее должно выяснить, въ какихъ именно предѣлахъ можно говорить о нѣкоторой устойчивости даннаго племеннаго типа, а тогда уже можно пользоваться имъ въ вышеуказанномъ смыслѣ. Въ противномъ случаѣ, понятіе племеннаго типа можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе: вѣдь даже у ученыхъ, склонныхъ къ обобщенію въ номотетическомъ смыслѣ, оно весьма условно; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, самъ указывалъ, что соціологія—исторія, и придерживался теоріи расы; но затѣмъ онъ пришелъ къ заключенію, что „раса“—продуктъ исторіи, а не природы. По его мнѣнію, чѣмъ дальше мы углубляемся въ древность, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ сходства между народами; время устанавливаетъ между ними различія и свойства, которыя мы видимъ въ нихъ, не врожденныя, а прибрѣтенныя. Ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не отличается ни воинственностью, ни миролюбіемъ: „склонность къ миру или къ войнѣ одерживаетъ въ нихъ верхъ, смотря по тому политическому устройству, при которомъ имъ приходится жить“. Если въ настоящее время существуютъ народы, имѣющіе, повидимому, особую склонность къ тому или другому образу правленія, къ тому или другому виду дѣятельности, то этимъ они обязаны долговременному вліянію тяготящихся надъ ними вѣковъ *).

*) *Fustel de Coulanges, La Gaule romaine, pp. 8. 134—135 и др.*

Такимъ образомъ, понятіе о племенномъ типѣ суживается и само еще недостаточно для объясненія причинно-слѣдственной связи; даже въ данныхъ предѣлахъ времени и пространства племенной типъ не является причиной, постоянно дѣйствующей единообразно; онъ—скорѣе типологическое построеніе *).

Понятіе о „культурномъ типѣ“ какъ комбинаціи факторовъ, порождающихъ соотвѣтственные продукты культуры, по мнѣнію историковъ-соціологовъ, допустимо въ качествѣ предварительнаго и приближеннаго обобщенія въ области культурной исторіи; но и имъ можно пользоваться лишь въ строго ограниченныхъ предѣлахъ пространства и времени, которые далеко не всегда можно установить съ желательною точностью, а при такихъ условіяхъ легко образовать культурный типъ изъ признаковъ, характеризующихъ различные періоды, и придавать ему произвольное значеніе.

Во всякомъ случаѣ, соотношеніе между типомъ данной націи или культуры и соотвѣтственными продуктами культуры, въ виду вышеуказанныхъ соображеній, не отличается тою логическою необходимостью и всеобщностью, которая характеризуетъ понятіе закона въ строгомъ смыслѣ.

Номологическія обобщенія, опирающіяся на понятія о консензусѣ и эволюціи, въ области исторіи также оказываются недостаточными и вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Эти термины можно употреблять различно, придавая имъ или общее, или индивидуальное значеніе; но представители разбираемаго направленія упускаютъ изъ виду послѣднее: они слишкомъ мало останавливаются на понятіи о данной системѣ культуры, или о данной эволюціи, какъ о нѣкоемъ цѣломъ; они не даютъ конструкціи субъекта консензуса или эволюціи и не выясняютъ, какова логическая природа той связи, которая устанавливается между цѣлымъ и его частями, т. е. элементами культуры или звеньями эволюціи, хотя сами иногда готовы признать, что „всемирная исторія есть единичный и единственный въ своемъ

*) *J. Finot, Le préjugé des races, Par., 1905.*

родъ процессъ“ *). Вообще, стремленіе къ обобщенію сильно затрудняетъ его построеніе: не обращая вниманія на тѣ единичные конкретные факты, вліяніемъ которыхъ одинъ историческій моментъ отличается отъ другого, историкъ-соціологъ, напри- мѣръ, часто ограничивается изученіемъ исторіи съ статической точки зрѣнія: въ такомъ случаѣ онъ легко смѣшиваетъ факты, случившіеся въ разное время, и забываетъ, что, въ зависимости отъ разнаго положенія во времени, фактъ можетъ получить и разное значеніе; онъ останавливаетъ ходъ исторіи и не въ силахъ представить ее въ движеніи. Впрочемъ, и историкъ-соціологъ, казалось бы, можетъ дать о немъ надлежащее понятіе путемъ построенія эволюціонныхъ серій; но и тутъ стремленіе къ обобщенію ведетъ къ образованію отвлеченно взятыхъ, типическихъ серій, а такая конструкція можетъ удовлетворить собственно историческое пониманіе лишь при смѣшеніи логически-конструируемаго (съ номотетической точки зрѣнія) ряда съ дѣйствительнымъ историческимъ рядомъ; въ послѣднемъ нельзя элиминировать индивидуальное (лица, событія); нельзя безъ него понять: почему въ данномъ пунктѣ пространства и въ данный моментъ времени одно состояніе общества смѣнилось другимъ; нельзя подвергнуть такую связь дифференціальному изученію. Наконецъ, при построеніи понятій о прогрессѣ и регрессѣ историкъ-соціологъ встрѣчаетъ не менѣе, если не болѣе затрудненій: онъ либо отрицательно относится къ научности такихъ понятій, придавая имъ чисто субъективный характеръ, либо ставитъ въ связь понятіе о прогрессѣ съ нравственнымъ постулатомъ, соотвѣтственно измѣняя и свое понятіе о регрессѣ, и, такимъ образомъ, въ сущности, исходитъ изъ принциповъ, не находящихъ себѣ мѣста въ номотетическомъ построеніи.

Во многихъ случаяхъ приверженцы номотетическаго построенія тѣмъ не менѣе считаютъ возможнымъ разсуждать объ „историческихъ законахъ“ благодаря тому, что они этимъ терминомъ обозначаютъ лишь эмпирическія или даже типологическія обоб-

*) *K. Lamprecht*, Die kulturhistorische Methode, S. 44: „Die Weltgeschichte ist ein einzigartiger, singulärer Prozess“...

щенія. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, или слишкомъ мало различаютъ законъ отъ эмпирическаго обобщенія, или послѣднему придаютъ слишкомъ большое обобщающее значеніе; но смѣшивать законъ, устанавливающій логически необходимое и всеобщее причинно-слѣдственное отношеніе между предшествующимъ и послѣдующимъ, съ установленіемъ простой послѣдовательности ихъ, наблюденной въ опытѣ, конечно, нѣтъ никакого основанія. Попытки установить причинно-слѣдственную связь между эмпирически необходимыми послѣдовательностями производились, но такихъ случаевъ очень немного, даже въ языковеднн *).

Если не все историческія обобщенія, то, во всякомъ случаѣ, большинство ихъ представляется намъ даже не строго эмпирическими: въ дѣйствительности, отступленія отъ нихъ встрѣчаются; а потому такія обобщенія скорѣе могутъ быть названы феноменологическими или эволюціонными типами, чѣмъ настоящими эмпирическими обобщеніями; таковъ, напримѣръ, „законъ“ смѣны формъ правленія и т. п.

Съ соціологическо-исторической точки зрѣнія такія типологическія построенія можно признавать, главнымъ образомъ, подходящими техническими средствами для систематики матеріала; но болѣе широкое употребленіе ихъ можетъ вызвать цѣлый рядъ возраженій.

Нельзя забывать, напримѣръ, что исторія человѣчества, взятая въ цѣломъ, — единственная въ своемъ родѣ; между тѣмъ факторы ея играютъ роль и въ образованіи типовъ. Съ такой точки зрѣнія генезисъ ихъ самъ не имѣетъ типическаго значенія **).

Далѣе, если съ одной стороны, типъ—понятіе относительно общее, по отношенію къ тѣмъ „экземплярамъ“, которые субсмируются подъ него, то съ другой, поскольку данный типъ противопоставляется остальнымъ, онъ уже индивидуаленъ; мы приписываемъ ему, въ отличіе отъ другихъ типовъ, нѣкоторыя,

*) *W. Wundt*, *Völkerpsychologie*, Bd. I, 1, S. 413 и сл.; здѣсь авторъ дѣлаетъ попытку объяснить „законъ“ Гримма.

**) *O. Hintze*, *Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung* въ „*Hist. Zeit*“, Bd. 78 (1897), S. 67.

свойственныя ему, особенности, что и придаетъ ему индивидуаль-
ный характеръ. Построеніе „соціальныхъ типовъ“, напримѣръ,
ограничиваетъ нѣкоторыя обобщенія предѣлами даннаго типа;
съ такой точки зрѣнія можно говорить о разныхъ типахъ раз-
витія культуры и, значить, приходитъ къ заключенію, что далеко
не всѣ народы проходили однѣ и тѣ же стадіи эволюціи; но въ
случаяхъ подобнаго рода понятіе типа уже употребляется для
нѣкоторой индивидуализаціи историческихъ данныхъ. Въ своемъ
стремленіи къ обобщенію сторонники разбираемаго направленія
легко забываютъ, однако, ограниченное значеніе своихъ выво-
довъ: они произвольно распространяютъ объемъ типа за пре-
дѣлы мѣста и времени, въ которыхъ онъ только и имѣетъ зна-
ченіе, часто не различаютъ типическаго отъ случайнаго и т. п. *).

Наконецъ, приверженцы номотетическаго направленія упу-
ускаютъ изъ виду то значеніе, какое типъ получаетъ въ зависимо-
сти отъ отнесенія его къ данной цѣнности и въ качествѣ сред-
ства для индивидуализированія нашихъ историческихъ знаній.
Такіе ученые забываютъ, что можно образовывать извѣстный
типъ и не въ естественно-историческомъ смыслѣ слова: въ
естествознаніи онъ употребляется въ качествѣ относительно-
общаго понятія, обозначающаго такую совокупность экземпля-
ровъ, которую можно характеризовать общими имъ признаками;
въ исторіи типъ можетъ получить опредѣленное значеніе путемъ
отнесенія его къ извѣстной цѣнности и можетъ стать нормой;
тогда рѣчь идетъ уже не о томъ, что обще, а что должно быть
общимъ; это—типы, образуемые въ зависимости отъ понятія о
должномъ: нравственная или правовая норма, напримѣръ, не
есть типъ поведенія, а типъ должнаго поведенія. Въ номотети-
ческихъ построеніяхъ типъ иногда явно образуется путемъ отне-
сенія къ цѣнности или къ какому-либо единичному факту съ
крупнымъ историческимъ значеніемъ „маленькихъ фактовъ, имѣ-
ющихъ значеніе“ (*petits faits significatifs*); въ такихъ случаяхъ „зна-

*) *A. Aulard*, *Op. cit.*; здѣсь можно найти много примѣровъ такихъ именно
ошибочныхъ заключеній, сдѣланныхъ Тэнномъ въ его извѣстномъ трудѣ о французской
революціи: см. pp. 32, 52-53, 83, 111, 113, 125, 286-287, 296, 325-326 и др.

ченіе“ послѣднихъ, однако, уже признается, но тотъ критерій, въ силу котораго оно признается и который обуславливаетъ построение именно даннаго типа, не устанавливается *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ представители номотетическаго направленія не отбѣняютъ значенія типологическихъ обобщеній въ качествѣ средства для изученія индивидуальнаго; типъ можетъ служить какъ бы штемпелемъ, приложеніе котораго къ данной индивидуальности обнаруживаетъ, въ чемъ именно она отличается отъ типа, а такія отличія, въ свою очередь, требуютъ объясненія, что и ведетъ къ индивидуализированію даннаго случая.

Съ такой точки зрѣнія приверженцы идіографической точки зрѣнія готовы даже прямо отрицать самостоятельное значеніе типологическихъ построеній **).

Критическое разсмотрѣніе номотетическаго построения историческаго знанія уже обнаруживаетъ законность и другой точки зрѣнія на исторію—идіографической; приступимъ къ ея изученію.

*) Индивидуализмъ, наиримѣръ, (въ качествѣ типа) имѣлъ религіозное значеніе у средневѣковыхъ мистиковъ, прежде чѣмъ секуляризировался въ эпоху Возрожденія; или, положимъ, образъ жизни парижанъ во время осады столицы прусскими войсками въ декабрѣ 1870-го и въ январѣ 1871-го годовъ, въ зависимости отъ такого именно факта, можно характеризовать „маленькими фактами, имѣющими значеніе“, и т. п.

***) *O. Ritschl*, *Die Causalbetrachtung in den Geisteswissenschaften*, Bonn, 1901, S. 32: „Das typische gehört... nicht mehr in die Geschichte selbst hinein“.

Отдѣлъ второй.

Построеніе теоріи историческаго знанія съ идіографической точки зрѣнія.

При изученіи построенія теоріи историческаго знанія съ идіографической точки зрѣнія слѣдуетъ также различать его генезисъ отъ его основаній. Помимо общихъ соображеній, уже высказанныхъ въ пользу такого различенія въ предшествующемъ отдѣлѣ (с. 68), достаточно замѣтить здѣсь, что разбираемое построеніе сложилось не сразу: оно почти безсознательно примѣнялось задолго до его обоснованія и обнаружилось въ довольно разнообразныхъ попыткахъ выяснитъ значеніе нѣкоторыхъ изъ его основоположеній, прежде чѣмъ получило болѣе систематическую формулировку и стало сознательно примѣняться къ научной обработкѣ историческаго матеріала. Предварительное знакомство съ главнѣйшими изъ такихъ попытокъ нѣсколько выяснитъ разнообразныя точки зрѣнія, съ которыхъ наша проблема обсуждалась, и облегчитъ усвоеніе именно той точки зрѣнія, съ которой идіографическое пониманіе можетъ быть систематически установлено въ его примѣненіи къ задачамъ собственно историческаго знанія. Впрочемъ, такую систему нельзя еще признать окончательно установленной, что и даетъ основаніе подвергнуть ее критическому разсмотрѣнію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Главнѣйшіе моменты въ развитіи ідіографическаго построенія историческаго знанія.

Развитіе теоріи историческаго знанія, построенной съ ідіографической точки зрѣнія, можно было бы начинать съ классической древности. Древніе мыслители, много разсуждавшіе о бытіи и бываніи, правда, высказывались въ томъ смыслѣ, что наука трактуетъ только объ общемъ и что нѣтъ науки о частномъ, объ индивидуальномъ или о случайномъ; но греки умѣли постигнуть цѣнность жизни, и античная історіографія уже внесла въ ея пониманіе нѣсколько идей, оказавшихъ вліяніе и на ідіографическое ея построеніе; не задаваясь цѣлью подвергнуть ихъ всестороннему разсмотрѣнію, я ограничусь указаніемъ на двѣ изъ нихъ, тѣсно связанныя съ понятіемъ объ исторической дѣйствительности. Историки того времени уже стали сознательно сосредоточивать свой интересъ на томъ, что дѣйствительно было и, въ сущности, выбирали изъ извѣстныхъ имъ фактовъ то, что казалось имъ важнымъ для історіи преимущественно греческой цивилизаціи; естественно, что при такихъ условіяхъ элементы ідіографическаго построенія можно уже встрѣтить у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся представителей античной історіографіи (напримѣръ, у Фукидида); послѣ водворенія римскаго господства они не чуждались и универсально-исторической точки зрѣнія (напримѣръ, Поливій).

Такая универсально-историческая точка зрѣнія перешла и къ отцамъ церкви, переработавшимъ ее согласно съ христіанскимъ міросозерцаніемъ, а черезъ ихъ посредство и къ составителямъ средневѣковыхъ хроникъ (Св. Іеронимъ, св. Августинъ, Исидоръ Севильскій и др.). Съ религіозно-трансцендентной точки зрѣнія, которой придерживались христіанскіе мыслители даже позднѣйшаго времени, исторія человѣчества получала особаго рода единство: Божественный промыселъ руководить ею, „воспитываетъ“ человѣчество въ его исторіи и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ, Боговоплощеніе — центральный ея моментъ; люди предуготовляются къ нему, или пользуются его плодами (Боссюэтъ).

Послѣ паденія исключительнаго авторитета церкви и по мѣрѣ секуляризаціи человѣческой мысли, религіозно-философское вліяніе на пониманіе исторіи стало смѣняться, однако, вліяніемъ философскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ эмпиризмъ, который возникъ почти одновременно съ основаніемъ знаменитой іезуитской конгрегаціи, уже исходилъ изъ противоположныхъ ей началъ и оказалъ замѣтное вліяніе на идіографическое пониманіе исторіи; вслѣдъ за тѣмъ и другія философскія системы начали вліять на такое же пониманіе и даже (напримѣръ, въ видѣ ученія объ идеяхъ) нѣсколько отразились въ современной имъ исторіографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и интересъ къ индивидуальному вообще усилился, главнымъ образомъ, въ эпоху Возрожденія, а затѣмъ и въ эпоху романтизма; романтики уже пытались выяснитъ основанія своего интереса къ индивидуальности: они цѣнили ее преимущественно съ эстетической точки зрѣнія. Впрочемъ, нельзя упускать изъ виду, что развитіе конкретно-историческихъ построеній послѣдующаго времени находилось въ связи не только съ культурными, но и съ политическими условіями дѣйствительной жизни: отвлеченность принциповъ французской революціи и наполеоновскія войны, грозившія стереть многія націи съ лица земли, — вызвали реакцію; она обнаруживалась въ сильномъ подъемѣ національнаго духа: цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ трудовъ, главнымъ образомъ, нѣмецкой школы, написанныхъ согласно идіографическому пониманію исторіи, возникли подъ вліяніемъ такого

именно настроенія; связь подобнаго рода замѣтна и въ позднѣйшее время, время политическаго объединенія Германіи. Подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ условій понятіе объ исторической дѣйствительности получило въ новое время и новую формулировку, въ извѣстной мѣрѣ объединявшую прежнія понятія о ней: ученые стали понимать подъ историческою дѣйствительностью все важное для исторіи человѣчества: вмѣсто всемірной исторіи они стали преимущественно говорить объ исторіи всеобщей, не всегда, впрочемъ, сознавая смыслъ такой терминологической перемѣны (Ранке).

Подробное изученіе генезиса идиографическаго пониманія исторіи не входитъ, однако, въ задачи настоящаго очерка; я укажу лишь на главнѣйшіе моменты въ развитіи систематическаго построенія историческаго знанія въ новое время, т. е. на тѣ попытки, которыя характеризуются стремленіемъ выяснитъ его основанія и, опираясь на нихъ, выработать цѣлую систему историческихъ понятій.

Такія системы конструировались преимущественно съ философской точки зрѣнія; значить, главнѣйшія попытки подобнаго рода построеній естественно различать въ зависимости отъ того именно направленія въ развитіи философіи, къ которому онѣ примыкали: можно послѣдовательно остановиться на характеристикѣ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, попытокъ дать идиографическое построеніе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія эмпиризма и рационализма, далѣе, съ точки зрѣнія этического и метафизическаго идеализма, а также позитивизма и пробабелизма и, наконецъ, съ точки зрѣнія теоретико-познавательнаго идеализма.

§ 1. Идиографическое построеніе съ точки зрѣнія эмпиризма и рационализма.

Послѣ паденія исключительнаго авторитета церкви и благодаря секуляризаціи человѣческой мысли, интересъ къ наукѣ и преимущественно къ эмпирическимъ знаніямъ усилился; подѣ

его вліяніємъ, а также въ виду развитія нѣкоторыхъ эмпирическихъ наукъ, въ особенности астрономіи и естествознанія, мыслители XVII—XVIII вв. приступили и къ систематикѣ наукъ; съ такой точки зрѣнія они должны были заинтересоваться и историческимъ знаніемъ; выясняя его положеніе въ системѣ наукъ, они пришли къ эмпирическому построенію историческаго знанія въ идіографическомъ смыслѣ; исторію его можно начинать со времени появленія извѣстнаго сочиненія Баконъ: „De dignitate et augmentis scientiarum“.

Занятый мыслью улучшить то соотношеніе, какое философія устанавливаетъ между человѣческимъ умомъ и вещами, и желая выяснить взаимную связь между науками, Баконъ попытался отвести въ системѣ ихъ особое мѣсто наукамъ историческимъ.

Въ своей системѣ Баконъ исходилъ изъ извѣстнаго дѣленія „способностей человѣческой души“ (познающаго субъекта) на три главныя: разумъ, память и воображеніе (ratio, memoria, phantasia), причемъ противопоставлялъ науки, основанныя на „разумѣ“, наукамъ, пользующимся „памятью и воображеніемъ“ *). Разумъ лежитъ въ основѣ наукъ обобщающихъ, въ совокупности называемыхъ „философіей“: „философія“ пренебрегаетъ индивидуумами и понятіями, черезъ посредство которыхъ мы представляемъ только ихъ; она обнимаетъ лишь такія понятія, которыя отвлекаются (абстрагируются) отъ нихъ, и занимается тѣмъ, что соединяетъ или раздѣляетъ понятія подобнаго рода, согласно законамъ природы и очевидности самихъ вещей. „Наука“, пользующаяся памятью и воображеніемъ, противоположна „философіи“ въ томъ смыслѣ, что она интересуется не общимъ, а индивидуумами; исторія, основанная на „памяти“, въ отличіе отъ „поэзіи“, пользующейся „воображеніемъ“, есть все же эмпирическая наука; „исторія и опытъ одно и то же“; историкъ изучаетъ дѣйствительныхъ индивидуумовъ, а не воображаемыхъ, свободно строяемыхъ (художественнымъ) творчествомъ человѣка; воображеніе, напротивъ, „имѣетъ отношеніе къ поэзіи“; она—не что иное, какъ „мнимая исторія“.

*) Баконъ перечислялъ способности въ обратномъ порядкѣ (память, воображеніе, разумъ).

Такимъ образомъ, опредѣливши мѣсто, которое исторія занимаетъ въ системѣ наукъ, Законъ переходитъ далѣе къ выясненію ея содержанія. „Индивидуумы, поскольку они отграничены временемъ и пространствомъ“ — „настоящій предметъ исторіи“. Подъ такое понятіе легко подвести и „естественную исторію“ (*historia naturalis*), и „гражданскую исторію“ (*historia civilis*). Въ самомъ дѣлѣ, хотя кому-либо и можетъ показаться, что естественная исторія занимается изученіемъ „видовъ“, а не индивидуумовъ, но такое впечатлѣніе получается лишь отъ того, что подъ видомъ разумѣютъ совокупность предметовъ во многихъ отношеніяхъ сходныхъ между собою, такъ что, кто знаетъ одинъ изъ нихъ, знаетъ и всѣ остальные; тѣмъ не менѣе, и въ природѣ мы можемъ наблюдать индивидуумы. единственные въ своемъ родѣ, напримѣръ, солнце или луну, или такіе индивидуумы, которые сильно уклоняются отъ даннаго вида; съ не меньшимъ основаніемъ можно описывать ихъ въ естественной исторіи, чѣмъ и „человѣческихъ индивидуумовъ“ въ исторіи гражданской. Такимъ образомъ, къ области естественной исторіи можно отнести изученіе дѣйствій и подвиговъ природы, а къ области гражданской — дѣйствія и подвиги челоѣка.

Въ область исторіи природы должны войти три рода предметовъ. Первый отдѣлъ исторіи природы изучаетъ генезисъ тѣлъ и формъ природы (*historia generationum*), связанное съ изученіемъ самой природы вещей; сюда нужно отнести, напримѣръ, исторію небесныхъ тѣлъ, метеоровъ, въ томъ числѣ и кометъ, а также исторію вѣтровъ, дождей, бурь и т. п. (исключительныхъ, единичныхъ) феноменовъ; исторію (образованія) земли и моря, горъ, рѣкъ, приливовъ и отливовъ, песковъ, лѣсовъ, острововъ, самой конфигураціи материковъ и ихъ очертаній; исторію основныхъ элементовъ (*massae sive collegia, majores; vulgo elementa*): огня, воздуха, воды и земли, ихъ движеній, дѣйствій (*operibus*) и вліяній (*impressionibus*); исторію такихъ соединеній (*collegia sive massae minores*), которыя извѣстны подъ названіемъ „видовъ“ (*species*). Второй отдѣлъ исторіи природы составляетъ изученіе болѣе или менѣе значительныхъ уклоненій или „*ergotes*“

природы (*historia praetergenerationum*). т. е. тѣхъ произведеній природы, которыя представляютъ уклоненія отъ обычнаго ея хода; сюда можно причислить: произведенія (*productiones*), свойственныя только извѣстнымъ областямъ и мѣстностямъ, исключительныя происшествія, случившіяся въ данное время, такія событія, которыя историки иногда называютъ игрою случая; слѣдствія дѣйствія скрытыхъ силъ (*propriatum abditarum effectus*); вещи, единственныя въ своемъ родѣ, встрѣчающіяся въ природѣ. Наконецъ, третій отдѣлъ исторіи природы (*historia artium, sive mechanica experimentalis*) обнимаетъ изученіе техники, т. е. вещей, возникшихъ благодаря искусству человѣка; они отличаются отъ произведеній природы по причинамъ, вызвавшимъ ихъ, но не по существу и не по формѣ; въ такихъ случаяхъ къ дѣйствию природы прибавляется дѣйствіе человѣка; но онъ можетъ только перемѣщать тѣла природы, сближать ихъ другъ съ другомъ или удалять ихъ другъ отъ друга, а не создавать что-либо новое по существу. Исторія природы, во всѣхъ трехъ ея областяхъ, разсмотрѣнныхъ выше, должна не только рассказывать, т. е. удовлетворять потребности знать то, что было, но должна стремиться сдѣлаться индуктивной, т. е. должна готовить матеріалъ для „философіи“ и питать ее своимъ „молокомъ“.

Исторія гражданская изучаетъ дѣйствія и подвиги человѣка не вообще, а взятаго въ его индивидуальности; она стремится къ изученію специфическихъ особенностей и характера данной личности; нельзя, однако, достигнуть научнаго построенія такой дѣйствительности безъ изученія причинно-слѣдственной связи событій. Душа гражданской исторіи состоитъ въ томъ, чтобы выяснять, какія именно причины произвели данное событіе, чтобы углубиться въ изученіе „движенія вѣковъ, характера дѣятелей, свойствъ подземныхъ теченій, вызвавшихъ ихъ дѣйствія“, и истинныхъ ихъ мотивовъ, а не однихъ только внѣшнихъ, которыми они прикрывались, и т. п.; она выясняетъ принципы, которыми они руководились,—совокупности обстоятельствъ, обусловившихъ возможность совершенія ихъ дѣйствій, и т. п. Слѣдовательно, исторія „специфицируетъ“ природу народовъ, дѣйствовавшихъ въ данныхъ предѣлахъ времени и пространства,

и, такимъ образомъ, достигаетъ пониманія даннаго періода времени или какой-либо личности, какого-либо дѣйствія или подвига, достойныхъ вниманія, что возможно лишь при извѣстномъ „выборѣ фактовъ“ *).

Теорія Бакона не вполне исчезла изъ оборота европейской научной мысли. Лейбницъ, уже въ молодости ознакомившійся съ его трудомъ, относился съ сочувствіемъ къ предложенному имъ дѣленію наукъ. Баконъ оказалъ довольно сильное вліяніе и на французскую философію XVIII-го вѣка, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстная французская энциклопедія Дидро и Даламбера. Последний въ своей системѣ наукъ, въ сущности, придерживается основныхъ положеній Бакона и, подобно ему, рассуждаетъ объ исторіи, которая, по его мнѣнію, дѣлится на исторію природы (съ ея разновидностями) и исторію гражданскую.

Въ то же время, однако, подъ вліяніемъ развитія эмпирическихъ наукъ, мыслители-ученые стали яснѣе сознавать, что изъ научно-раціоналистической конструкціи нельзя еще вывести реально-даннаго міра и что всякой эмпирической наукѣ, конструирующей дѣйствительность, приходится считаться съ ея данностью, по крайней мѣрѣ, въ одинъ какой-либо моментъ ея существованія. Въ своемъ извѣстномъ введеніи къ французской энциклопедіи Даламберъ, кажется, уже выразилъ нѣчто подобное: „вселенная, по его словамъ, представлялась бы тому, кто сумѣлъ бы обнять ее съ одной точки зрѣнія, великой истиной и единымъ фактомъ“. Во всякомъ случаѣ, успѣшное приложеніе точныхъ наукъ къ разработкѣ эмпирическихъ данныхъ не давало еще ученымъ права пренебрегать дѣйствительностью: напротивъ, одинъ изъ великихъ математиковъ новаго времени, Лапласъ, приступая къ изложенію теоріи вѣроятностей, самъ призналъ, что вмѣстѣ съ знаніемъ законовъ (*les forces*) надобно еще принять данное состояніе системы тѣлъ, т. е. нѣкоторое положеніе ихъ въ пространствѣ подѣ условіемъ времени, хотя бы въ одинъ какой-либо моментъ ея существованія, для того чтобы достиг-

*) *F. Bacon*, *De dignitate et augmentis scientiarum*, Lib. II, сс. 1—12; изданіе 1605 въ дополненномъ видѣ вышло въ 1623 г. Баконъ перечислялъ „способности“ души въ иномъ порядкѣ, а именно: память, воображеніе, разумъ.

нуть полноты научнаго знанія и имѣть возможность не только понимать прошедшее, но и предсказывать будущее *).

Вышеизложенныя эмпирическія построенія не давали, однако, прочныхъ основаній для идиографическаго пониманія исторической дѣйствительности: они все еще очень мало выясняли ту теоретико-познавательную точку зрѣнія, съ которой наука можетъ интересоваться индивидуальнымъ, и скорѣе довольствовались указаніемъ на особаго рода объекты, подлежащіе такому изслѣдованію. Перемѣщеніе нашей проблемы въ область теоріи познанія совершилось не безъ нѣкотораго вліянія рационализма.

Универсальный геній „вѣка просвѣщенія“ Лейбницъ старался примирить религію съ наукой и различалъ рациональное отъ эмпирическаго, но придавалъ значеніе обоимъ; онъ попытался выяснитъ различіе между истинами логическими и фактическими и, такимъ образомъ, далъ основаніе проводить грань между философіей и исторіей, не отрицая послѣдней. Лейбницъ полагалъ, что есть два рода истинъ: „вѣчныя“ истины, основанныя на разсужденіи, и фактическія истины, представляющіяся намъ въ видѣ „дѣйствительнаго бытія существъ“. „Вѣчныя“ истины абсолютно необходимы, и понятія, имъ противоположныя, невозможны; фактическія же истины суть истины случайныя (*vérités contingentes*), и ихъ противоположность возможна **); онѣ оказываются какъ бы реальными скрещиваніями „истинъ необходимыхъ“; но нельзя вывести ихъ изъ такихъ истинъ: реальные факты никогда не проистекаютъ изъ однихъ законовъ, а всегда предполагаютъ другіе реальные факты, которыми они необходимо обусловлены, и т. д. до безконечности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лейбницъ пытался выяснитъ и значеніе индивидуальнаго. Въ своемъ разсужденіи о принципѣ индивидуальности (*Disputatio de principio individui*, 1663), облечен-

*) *J. d'Alembert*, Discours prélim. въ *Encycl. t. I*, 1751 г. *P. S. Laplace*, Oeuvres, t. VII, pp. VI—VII.

***) *G. W. Leibnitz*, Phil. Schriften, hrsg. v. C. J. Gerhardt. Bd. VI, S. 612 (*Monad.*, § 33). Монадологія сочинена въ 1714 г. (напечатана въ 1720 г.); см. *L. Davillé*, Leibniz historien, p., 1909, pp. 337 — 340; ср., впрочемъ о провиденціализмѣ Лейбница *ib.*, pp. 375, 703, 720.

номъ еще въ схоластическую форму, Лейбницъ выступилъ на защиту индивидуальнаго; онъ отвергнулъ средневѣковое ученіе о томъ, что универсальное имѣетъ высшую степень реальности, чѣмъ единичное (*singulare*): напротивъ, *individuum* есть „*ens positivum*“; его нельзя конституировать путемъ отрицанія (*negatio non potest producere accidentia individualia*)—положеніе, разумѣется, получившее дальнѣйшее развитіе въ ученіи о монадахъ. Отсюда Лейбницъ дѣлаетъ заключеніе, что міръ (*Universum*) въ его дѣйствительности есть существованіе опредѣленнаго случая общихъ истинъ; цѣль такого осуществленія (руководившая божественнымъ выборомъ) есть индивидуация; черезъ ея посредство возможно большее число всѣхъ формъ и стадій индивидуальнаго бытія получаетъ свое осуществленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя себѣ міръ въ видѣ цѣлаго, Лейбницъ указывалъ и на то, что каждый человѣкъ „долженъ понимать другого въ качествѣ какъ бы его части“ („*velut partem universi*“...).

Такія же начала Лейбницъ пытался примѣнить и къ изображенію конкретной исторіи. Въ числѣ цѣлей историческаго знанія главная, по его мнѣнію, состоитъ въ нашемъ интересѣ къ индивидуальному (*voluptas noscendi res singulares*), а при выборѣ историческихъ фактовъ слѣдуетъ отдавать преимущество тѣмъ, которые имѣютъ всеобщее значеніе; впрочемъ, въ силу „закона непрерывности“ или всеобщей связи фактовъ между собою, даже мелкій фактъ получаетъ свое значеніе въ историческомъ процессѣ*).

Подъ вліяніемъ Лейбница и Вольфъ опредѣлялъ философію, какъ науку о возможномъ, поскольку оно можетъ быть (*die Wissenschaft des Möglichen liefern es sein kann*); а возможнымъ онъ признавалъ то, что не содержитъ въ себѣ никакого противорѣчія, независимо отъ того, есть ли оно въ дѣйствительности, или нѣтъ. Философіи Вольфъ противопоставалъ знаніе истори-

*) *E. Bodeman*, Leibnizens Entwürfe zu seinen Annalen, Ham., 1885, SS. 7, 18, 26; „j'ay taché sur tout de mêler [т. е. включить въ „*Annales Imperii Occidentis Brunswicensis*“] des choses qui tirent sur l'universel et qui puissent contenter un peu la curiosité générale“.

ческое; послѣднее обнимаетъ лишь то, что случилось или есть въ дѣйствительности*). Возможно, что подъ тѣмъ же вліяніемъ Лейбница, витенбергскій профессоръ Хладеніусъ уже развилъ цѣлое ученіе объ „индивидуальныхъ понятіяхъ“, въ ихъ примѣненіи къ историческому знанію**).

Итакъ, идеалистическое обоснованіе идіографической точки зрѣнія было уже подготовлено Лейбницомъ и Вольфомъ; но Лейбницъ и Вольфъ (а отчасти еще и Кантъ), въ сущности, противоплагали раціональное—эмпирическому, съ которымъ они и отождествляли „историческое“; слѣдовательно, они смѣшивали исторію—бываніе съ исторіей—наукой. Такое построеніе не могло оставаться въ силѣ послѣ того, какъ основныя начала критической философіи, установленныя Кантомъ, получили дальнѣйшее развитіе, и тѣмъ болѣе съ того времени, когда Фихте попытался выяснитъ особенности собственно историческаго знанія.

§ 2. Идіографическое построеніе съ точки зрѣнія этического и метафизическаго идеализма.

Въ концѣ XVIII-го вѣка стремленіе приложить научную концепцію, выработанную въ естествознаніи, къ исторіи, правда, нѣсколько задержало дальнѣйшее развитіе идіографическаго построенія; но представители нѣмецкой романтической школы не замедлили высказаться противъ натуралчестическаго пониманія исторіи.

Критика Фр. Шлегеля на извѣстное сочиненіе Кондорсе можетъ послужить довольно яркой иллюстраціей такого протеста. Въ своей „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“ Кондорсе постарался возвести исторію на степень „науки“. Талантливый очеркъ Кондорсе вызвалъ глубокое сочувствіе многихъ мыслителей, и съ того времени окончательно обозначилось стремленіе ихъ съ естественно-научной точки зрѣнія по-

*) Вольфъ, впрочемъ, утверждалъ, что „essentia entis possibilitate eius absolvitur“.

**) См. выше, сс. 31—33.

строить историческую науку. Между тѣмъ, въ философскомъ журналѣ Нитгаммера за 1795 годъ уже появилась критика одного изъ извѣстныхъ представителей нѣмецкой романтической школы Фр. Шлегеля на трудъ Кондорсе. Въ своей статьѣ Фр. Шлегель выразилъ совсѣмъ иную точку зрѣнія на задачи исторіи и высказался противъ того естественно - научнаго ея пониманія, какого придерживался Кондорсе. „Постоянные свойства людей, писалъ критикъ его очерка, составляютъ предметъ чистой науки, тогда какъ задачей научной исторіи человечества должно признать изученіе переменъ, происходящихъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ цѣлой ихъ массѣ“ *). Поскольку Шлегель противопоставлялъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ общія и чистыя („*reine*“) понятія о законахъ природы человеческой, а, слѣдовательно, и о законахъ повторяющихся явленій человеческого общенія изображенію переменъ, происходящихъ въ человеческой жизни, онъ, повидимому, готовъ былъ признать, что исторія занимается изученіемъ единичныхъ фактовъ. Впрочемъ, и другіе романтики придерживались аналогичныхъ взглядовъ. Шлейермахеръ, напримѣръ, полагалъ, что „Разумъ“ („*die Vernunft*“) проникаетъ собою природу и что задача историческаго знанія состоитъ въ пониманіи единичнаго путемъ опредѣленія того положенія, какое оно занимаетъ въ цѣломъ **).

Новая точка зрѣнія установилась однако не сразу. Кантъ, напримѣръ, лишь подготовилъ ея обоснованіе, но не обратилъ на нее достаточнаго вниманія. Великій основатель „критицизма“ стремился выяснитъ рациональныя основы нашего знанія, его формы, общія понятія, законы и принципы и отличалъ ихъ отъ иррациональности того, что просто дано въ чувственномъ воспріятіи, т. е. отъ того, чего нельзя вывести изъ такихъ рациональныхъ основаній и что оказывается для нашего разума „случайнымъ“;

*) *Fr. Schlegel*, Рецензія на сочиненіе Condorcet въ „*Niethammer's Philosophisches Journal*“, 1795; Heft 10, S. 164.

***) *F. Schleiermacher*, *Geschichte der Philosophie*, Berl., 1839, S. 16; ср. *H. Mulert*, *Schleiermacher-Studien*, I: *Schleiermacher's geschichtsphilosophische Ansichten in ihrer Bedeutung für seine Theologie*, Giessen, 1907.

онъ также желалъ „раціонально отграничить ирраціональный остатокъ дѣйствительности“, но все еще слишкомъ мало принималъ въ расчетъ ея значеніе для насъ; впрочемъ, онъ уже сталъ оттѣнять ту регулятивно-телеологическую точку зрѣнія, съ которой „какъ бы“ въ виду цѣли, преслѣдуемой творческимъ разумомъ, можно объяснять себѣ единичное въ природѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ развитое ученіе о нравственномъ достоинствѣ человѣческой личности и о свободѣ ея воли, въ силу которой она самопроизвольно предписываетъ себѣ законъ, который долженъ имѣть всеобщее значеніе. Такимъ образомъ, Кантъ уже установилъ тѣ общія основанія, въ силу которыхъ можно было разсуждать о значеніи индивидуальнаго; но все же онъ еще слишкомъ мало останавливался на выясненіи теоріи собственно историческаго знанія и на логикѣ историческихъ наукъ; придавая цѣнность единичному въ исторіи лишь постольку, поскольку оно содержитъ нѣчто общее и разумное, онъ не могъ установить принципіальнаго различія между знаніемъ „естественно-научнымъ“ и знаніемъ „научно-историческимъ“. Тѣмъ не менѣе, съ Канта можно начинать новый періодъ въ развитіи идиографическаго построенія исторіи: главные методологическіе принципы критическаго идеализма легли въ основу послѣдующихъ теорій объ идиографическомъ характерѣ историческаго знанія. Самъ Кантъ указалъ также и на то, что построеніе исторіи человѣчества нуждается въ какой-либо руководящей точкѣ зрѣнія (Leitfaden) и въ какомъ-либо масштабѣ; онъ разыскивалъ ихъ въ разумной природѣ челоука, которая можетъ вполне развернуться только въ совершенномъ государствѣ; въ сущности, онъ полагалъ, что съ точки зрѣнія моральной можно построить философію исторіи, какъ цѣлесообразное осуществленіе нравственности. Въ одномъ изъ своихъ разсужденій, между прочимъ, задавая себѣ вопросъ о томъ, какимъ критеріемъ историки позднѣйшаго времени будутъ руководствоваться при выборѣ фактовъ, Кантъ отвѣчаетъ, что они, безъ сомнѣнія, будутъ интересоваться тѣми изъ нихъ, которые оказали полезное или вредное вліяніе на ходъ всемірной исторіи *).

*) *I. Kant*, Idee zu einer allgemeinen Geschichte in Weltbürgerli-

Дальнѣйшее движеніе нѣмецкой философско-исторической концепціи характеризуется, напротивъ, стремленіемъ придать цѣнность индивидуальному въ исторіи, какъ таковому. „Вмѣстѣ съ развитіемъ великаго историческаго міровоззрѣнія—идеализма интересъ къ исторіи усилился; благодаря романтизму онъ распространился среди образованныхъ круговъ общества и приобрѣлъ такую серьезность и глубину, о которыхъ ранѣе люди и не мечтали“; философамъ предстояло обосновать и развить такое настроеніе: историки были слишкомъ заняты специально-научной разработкой своего предмета въ его конкретномъ содержаніи.

Во главѣ такихъ мыслителей можно поставить Фихте; по его словамъ, онъ придерживался въ сущности „той же точки зрѣнія, что и Кантъ“; но онъ пытался вывести изъ сущности мышленія принципъ, который объединялъ бы теоретическую и практическую философію, и шель своимъ путемъ; онъ также близко сошелся съ романтиками, съ братьями Шлегелями и другими. Вообще Фихте хотѣлъ дать систему, которую справедливо называютъ „этическимъ идеализмомъ“.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти Фихте, правда, сталъ рѣзче подчеркивать пониманіе „абсолютнаго“ въ метафизическомъ, а не въ теоретико-познавательномъ смыслѣ; онъ сталъ признавать Божество или Абсолютное „Я“ единственнымъ абсолютнымъ бытіемъ, обнаруживающимся въ каждомъ эмпирическомъ „я“, въ его свободной дѣятельности и придающимъ единство множественности сознаній; съ такой точки зрѣнія, онъ представлялъ себѣ историческій процессъ—непосредственнымъ осуществленіемъ Абсолютной Цѣнности въ дѣйствительности, и пытался построить „философію исторіи“; но главное значеніе Фихте для развитія идиографическаго построенія состоитъ не въ трансцендентныхъ его предпосылкахъ, а въ томъ ученіи, которое привело его къ этическому идеализму и къ новой теоріи историческаго знанія.

Съ послѣдней точки зрѣнія Фихте исходитъ изъ телеологиче-

cher Absicht въ Werke B. IV (1838), S. 39. Вліяніе Канта уже обнаружилось въ сочиненіи *C. Fölitz'a: Geschichte der Kultur der Menschheit nach kritischen Prinzipien*, 1795.

скаго построения понятія о сознаниі, высшая цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы мыслить самого себя, т. е. изъ понятія о „чистомъ я, изначала безусловно полагающемъ свое собственное бытіе“; значить, свободная дѣятельность чистаго „я“, его актъ самосознания обусловливаетъ собою „бытіе“; наше „я“, въ качествѣ „теоретическаго я“ или познающаго субъекта, правда, опредѣляетъ себя въ отношеніи къ объекту, т. е. противопоставляетъ себя „не—я“ и такимъ образомъ ограничиваетъ себя въ каждомъ отдѣльномъ актѣ сознанія его содержаніемъ; но, въ сущности, наше „я“ становится теоретическимъ для того, чтобы быть практическимъ: вѣдь оно стремится сдѣлать чувственный міръ лишь матеріаломъ для своей свободной дѣятельности, а послѣдняя, въ качествѣ самоцѣли, можетъ быть только нравственной дѣятельностью. Ни изъ теоретическаго, ни изъ пракческаго разума нельзя, однако, вывести данность единичнаго его содержанія: наше „я“ переживаетъ послѣднее благодаря безсознательной и свободной дѣятельности представлванія; она глубже заложена въ надъиндивидуальномъ „я“, чѣмъ сознательная дѣятельность.

Такой моментъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что свободная дѣятельность нашего „я“ можетъ обнаруживаться только черезъ индивидуальное посредство: она проявляется въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, въ каждомъ въ совѣмъ новой, никогда ранѣе не бывшей формѣ („die ideale Individualität oder, wie es richtiger heisst, die Originalität“). Каждый безъ исключенія долженъ участвовать въ планомѣрномъ осуществленіи нравственной цѣли, „но въ ему одному присущемъ и ни одному другому индивидууму не доступномъ видѣ; такое соучастіе разъ навсегда развивается въ немъ такъ, какъ оно не можетъ развиваться ни въ какомъ другомъ индивидуумѣ, и обнаруживается въ постоянной дѣятельности его (духа), что и можно было бы назвать индивидуальнымъ характеромъ его высшаго опредѣленія“. Итакъ, въ силу присущей каждому „я“ свободы и его „оригинальности“, каждый человѣкъ долженъ реализовать идею долга, заложенную въ его сознаниі, лишь ему одному свойственнымъ путемъ; совѣсть повелѣваетъ: „мысли

и дѣйствуй, согласно твоему назначенію“; такимъ образомъ, нравственная свобода становится и основнымъ принципомъ индивидуальности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, понятіе объ отдѣльной личности получаетъ полноту своего значенія только въ отношеніи къ чужимъ „я“; каждое „я“ побуждается къ свободной дѣятельности подѣ условіемъ признанія такихъ же свободныхъ чужихъ „я“, въ взаимодействіи съ которыми оно только и способно реализовать себя, т. е. обнаруживать свободу своей дѣйственности въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, общество оказывается необходимымъ условіемъ осуществленія человѣческой дѣятельности и само получаетъ форму государства.

Ученіе о „нравственномъ опредѣленіи“ приводило Фихте и къ изученію логическихъ особенностей понятія объ историческомъ: самъ онъ говоритъ, что философія должна позаботиться о выясненіи „логики исторической истины“. Вмѣсто того, чтобы противопоставлять, въ сущности, рациональное (философію)—эмпирическому (исторіи-быванію), Фихте, напротивъ, стремился выяснитъ логическія особенности науки о дѣйствительности, т. е. историческаго знанія о ней или научнаго построенія осуществленія всеобщаго долженствованія (абсолютной цѣнности) въ историческомъ процессѣ; поскольку каждый долженъ мыслить и дѣйствовать согласно своему назначенію, моментъ „индивидуально-нравственнаго опредѣленія“ въ дѣйствительности становится необходимымъ; само понятіе о долженствованіи, въ вышеуказанномъ его смыслѣ, требуетъ конкретной реализаціи формально-должнаго въ дѣйствительности.

Въ той мѣрѣ, однако, въ какой конкретное содержаніе индивидуальнаго и каждое такое осуществленіе — единичное и единственное въ своемъ родѣ, оно—иррационально; его нельзя подвести подѣ общія понятія; человѣческую жизнь нельзя исчерпать ими; въ человѣческой жизни получается остатокъ, нѣчто, что должно быть непосредственно пережито. Эмпирически данное единичное должно, однако, имѣть положительный смыслъ: оно получаетъ его не путемъ рационалистической дедукціи, а съ телеологической, этической точки зрѣ-

нія, благодаря своему значенію или цѣнности; то единичное и (въ теоретико-познавательномъ смыслѣ) „случайное“, которое нельзя подвести подъ раціональные „общіе законы“, но которое само по себѣ получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе или цѣнность, благодаря его собственному самоопредѣленію, называется „свободой“ и становится историческимъ. Съ такой точки зрѣнія нельзя смѣшивать исторію-бываніе съ нашимъ построениемъ ея: исторія-бываніе—нѣчто ирраціональное; она только переживается; но поскольку она оцѣнивается нами, мы можемъ построить ее. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ „откровеніе нашего индивидуальнаго нравственнаго опредѣленія“ или осуществленіе цѣнностей совершается лишь въ конкретной дѣйствительности, то съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ признать и цѣнность конкретно-даннаго историческаго процесса. Хотя индивидуальность получаетъ цѣнность лишь въ той мѣрѣ, въ какой она представляется частью цѣннаго реальнаго цѣлаго, осуществляющею абсолютную цѣнность, но такая часть должна стать „единственнымъ въ своемъ родѣ членомъ цѣлаго“, т. е. незамѣнимымъ для него членомъ; значить, она сохраняетъ свое самостоятельное значеніе (цѣнность), поскольку она незамѣнима никакою другою. Впрочемъ, человѣческая личность дѣлается незамѣнимымъ членомъ цѣлаго лишь черезъ посредство націи; въ самомъ дѣлѣ, нація воплощаетъ въ себѣ государство; она характеризуется единствомъ и цѣлостностью, которыя реализуются въ ея индивидуальности и ея исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она получаетъ присущее ей одной значеніе въ качествѣ части еще болѣе крупнаго цѣлаго—человѣчества. Такимъ образомъ, и личности, и націи, развертывающія свою свободную дѣятельность въ виду этической цѣли, получаютъ цѣнность и становятся историческими, если онѣ дѣлаютъ свой способъ осуществленія цѣнностей длительною составною частью послѣдующаго развитія человѣчества. Этотъ процессъ, въ его цѣломъ, совершается однажды и единственный въ своемъ родѣ *).

*) *J. G. Fichte*, Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre, 1794 и сл. годовъ; *Naturrecht*, 1796; *System der Sittenlehre*, 1798 и др. въ S.

Метафизическая конструкция, къ которой Фихте склонялся въ послѣдніе годы своей жизни, не прибавила ничего особенно цѣннаго къ вышеприведенному пониманію познавательной цѣли исторической науки и главной задачи историческаго построения; тѣмъ не менѣе его метафизика оказала существенное вліяніе на послѣдующее развитіе нѣмецкаго идеализма, получившаго преимущественно метафизическій характеръ. Шеллингъ, на примѣръ, смотрѣлъ на исторію въ ея цѣломъ, какъ на непрерывное раскрытіе Абсолютнаго и въ немъ искалъ примиренія между субъективной свободой и объективной необходимостью; оно достигается въ государственномъ правопорядкѣ; но съ точки зрѣнія субъективно свободной дѣйственности человѣческаго духа Шеллингъ не могъ сочувствовать перенесенію понятія о законѣ въ механическомъ смыслѣ въ область исторіи; онъ писалъ: „возможна-ли философія исторіи? невозможна; можно-ли представить себѣ исторію часовъ, никогда не нарушающихъ своего правильнаго хода? Поэтому и человѣкъ, превратившійся въ машину (онъ ѣлъ, пилъ, былъ женатъ и умеръ), не представляетъ достойнаго объекта даже для простаго разсказа; то, что можно разсчитать а priori, что происходитъ по необходимымъ законамъ, не есть объектъ исторіи; наоборотъ, все, что составляетъ объектъ исторіи, не должно принадлежать а priori умозрѣнію“. Такимъ образомъ, Шеллингъ полагалъ, что задача историческаго знанія не состоитъ въ обобщеніи.

Дальнѣйшая эволюція идиографическаго построения стала въ нѣкоторую зависимость и отъ философіи Гегеля: въ его системѣ можно указать нѣсколько существенныхъ положеній, которыми приверженцы идиографическаго построения воспользовались.

Гегель понималъ исторію въ смыслѣ процесса, которымъ Мировой Духъ достигаетъ сознанія самого себя, а такимъ образомъ и свободы („Drang des Geistes das Absolute, d. h. Sich selbst zu finden“); эта свобода конкретно осуществляется въ государствѣ.

W, Bd. I, III u. IV. *E. Lask*, Fichtes Idealismus und die Geschichte, Tüb. 1902. *M. Wiener*, J. G. Fichtes Lehre vom Wesen und Inhalt der Geschichte, Kirchhain, 1906.

Слѣдовательно, поскольку Мировой Духъ раскрывается въ мировомъ историческомъ процессѣ, послѣдній получаетъ значеніе единого цѣлаго; но если Духъ раскрывается въ исторіи въ самой конкретной своей дѣйствительности *), то и задача исторической науки состоитъ въ изученіи дѣйствительности, какъ цѣлаго, въ которомъ каждая вещь, являясь моментомъ одного и того же процесса раскрытія идеи, не есть случайность и можетъ имѣть въ немъ только одной этой вещи присущее мѣсто; историкъ, занимающійся ея изученіемъ, долженъ раскрывать разумное, даже въ мельчайшихъ частяхъ быванія **).

Согласно ученію Гегеля, Духъ, выходя изъ стадіи чистой субъективности, на которой онъ отождествляется только съ психическимъ, противопоставляется природѣ и становится объективнымъ въ правѣ, морали и нравственности, абсолютнымъ—въ искусствѣ, религіи и философіи (ср. *Geisteswissenschaften* Гегеля съ современной *Kulturwissenschaft*): но поскольку Духъ объективировался въ „культурѣ“, она представляется цѣлымъ, имѣющимъ цѣнность. Съ такой точки зрѣнія, исходя изъ ученія Гегеля объ абсолютномъ духѣ, поскольку онъ раскрывается въ мировомъ историческомъ процессѣ, можно было придавать послѣднему цѣнность и въ его цѣлостности, и въ его частяхъ: они цѣнны и отличаются отъ „несущественнаго“, случайнаго въ той мѣрѣ, въ какой мировой духъ черезъ ихъ посредство (путемъ „отрицанія“) достигаетъ сознанія своей свободы ***). Въ самомъ дѣлѣ, Гегель признавалъ цѣнность того цѣлаго, частями котораго онъ считаетъ отдѣльныя народности: единый Мировой Духъ „въ необходимой послѣдовательности“ раскрывается въ ихъ исторіи; подобно личности, и каждый народъ есть часть, въ которой Духъ

*) *G. W. F. Hegel, Werke, Bd. IX (Philosophie der Geschichte), 3-te Aufl., S. 21. „Der Geist ist in der Weltgeschichte in seiner concretesten Wirklichkeit“.*

**) Впрочемъ, самъ Гегель различалъ „существованіе“ (Existenz) отъ дѣйствительности и строилъ свое понятіе о разумной дѣйствительности не безъ оцѣнки ея значенія; см., напримѣръ, *G. W. F. Hegel, Werke, Bd. VI, 2-te Aufl. SS. 9—10.*

***) *G. W. F. Hegel, Werke, IX, 3-te Aufl., SS. 80—81.*

обнаруживает одну из своих сторонъ; съ такой точки зрѣнія индивидуальность отдѣльныхъ народовъ получаетъ свое значеніе; культурное цѣлое представляется цѣннымъ реальнымъ цѣлымъ, части котораго — индивидуальности находятся не въ логическомъ, а въ реальномъ отношеніи къ цѣлому и тоже имѣютъ цѣнность.

Въ связи съ вышеуказанными положеніями, Гегель выдвинулъ и теорію развитія: его понятіе о „діалектическомъ“ развитіи все же получило значеніе, правда, преимущественно методологическое. „Діалектическая философія указываетъ на необходимость движенія и перехода, разрушающихъ замкнутость отвлеченныхъ понятій. Въ отрицаніи (антитезисъ) она видитъ принципъ движенія мысли и привѣтствуетъ противоположность сужденій, какъ залогъ конкретной полноты описываемыхъ опредѣленій“... Благодаря такому приему, Гегель въ своихъ извѣстныхъ курсахъ умѣлъ цѣнить конкретное въ его деталяхъ. Въ своей характеристикѣ процесса діалектическаго развитія Гегель также обратилъ вниманіе на то, что онъ совершается черезъ посредство живыхъ индивидуальныхъ силъ; вѣдь индивидуумъ данъ не въ видѣ челоуѣка вообще, а въ видѣ опредѣленнаго челоуѣка, съ присущими ему индивидуальными особенностями; такая реализація совершается, значить, черезъ посредство отдѣльныхъ людей съ свойственными имъ интересами и страстями, служащими, тѣмъ не менѣе, для раскрытія Міроваго Духа въ исторіи; изъ нихъ „великимъ“ челоуѣкомъ оказывается тотъ, воля котораго „содержитъ“ волю Міроваго Духа и который дѣйствуетъ сообразно съ ней; то же, разумѣется, слѣдуетъ сказать и о цѣлыхъ народахъ, играющихъ роль въ единомъ всемірноисторическомъ процессѣ *).

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что Гегель въ сущности цѣнилъ всеобщее (абсолютное) въ индивидуальномъ, а не послѣднее само по себѣ взятое; что онъ діалектическимъ путемъ строилъ міровой процессъ; и что, настаивая на разумности дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждая, что только то и

*) *G. W. F. Hegel, Werke, Bd. IX. SS. 29, 30, 37, 38.*

дѣйствительно, что разумно (а остальное—случайность), онъ слишкомъ мало выяснилъ ирраціональность исторіи.

Гегель имѣлъ огромное вліяніе не только въ Германіи, но и за предѣлами ея; косвенно оно отразилось и въ другихъ направленіяхъ. Ученые, принадлежавшіе къ весьма разнообразнымъ лагерямъ, считали историческій процессъ откровеніемъ абсолютно-цѣнныхъ идей. Подъ вліяніемъ вышеозначеннаго ученія историки стремились понять существенную связь событій и вообще господствующія надъ нею духовныя силы—„идеи“.

Въ числѣ мыслителей, подвергшихся обаянію нѣмецкаго идеализма, можно, кажется, указать и на Гумбольдта; нерѣдко его связывали лишь съ романтиками; но онъ, въ сущности, съ метафизической точки зрѣнія, рассуждалъ объ идеяхъ, „лежащихъ внѣ конечныхъ предѣловъ“, въ качествѣ движущихъ силъ и цѣлей исторіи, и полагалъ, что каждый человѣкъ—моментъ ихъ осуществленія; историкъ долженъ сознавать „внутреннюю духовную свободу (дѣйствующихъ лицъ)“; дѣйствительность, несмотря на ея кажущуюся случайность, все же представляется ему „связанной внутреннею необходимостью“. Историкъ, заслуживающій это названіе, долженъ изображать каждое событіе какъ часть цѣлаго или общее значеніе ея для исторіи. Съ послѣдней точки зрѣнія историкъ не можетъ разлагать данную часть на составные элементы, ибо характеръ ея въ такомъ случаѣ теряется изъ виду и нельзя опредѣлить соотношеніе ея къ цѣлому. Установленіе причинно-слѣдственной связи между фактами, хотя бы оно было принципиально возможно, не достигаетъ основной цѣли, преслѣдуемой историкомъ, и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, отдаляетъ его отъ исполненія главной его задачи: настоящія творческія силы, обнаруживающіяся въ живыхъ существахъ, не поддаются такому объясненію; оно оказывается безсильнымъ передъ явленіями, въ которыхъ не механически, а свободно дѣйствующіе импульсы получаютъ главенствующее значеніе. Это заключеніе въ особенности относится къ понятію объ индивидуумѣ; разложеніе его на элементы не даетъ понятія объ его единствѣ и глубинѣ, собственно о его существѣ: въ „индивидуальности“ лежитъ тайна всякаго суще-

ствованія“. Въ аналогичномъ смыслѣ можно говорить и объ индивидуальности цѣлыхъ народовъ. Эти индивидуальности— носители идей. „Идеи могутъ довѣряться только духовной индивидуальной силѣ“; онѣ не существуютъ сами по себѣ, а осуществляютъ въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Каждый человекъ— проявленіе, коренящееся въ идеѣ, и ясно, что она принимаетъ лишь форму индивидуума, чтобы въ немъ открыться *).

Нѣмецкій идеализмъ оказалъ вліяніе и на нѣмецкую исторіографію, а черезъ нея посредствомъ и на нѣкоторыхъ другихъ историковъ. Ранке уже находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Шеллинга и въ особенности Гумбольдта; по словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ, Гумбольдтъ— „великій теоретикъ“, а Ранке „великій практикъ“ ученія объ идеяхъ. Гервинусъ также придерживался, въ сущности, взглядовъ Гумбольдта, а Дройзенъ— склонялся къ метафизикѣ Гегеля **).

Въ нѣсколько позднѣйшее время вліяніе того же направленія отразилось и въ соціологической литературѣ, прежде всего въ русской школѣ соціологовъ. Лавровъ, по словамъ одного изъ его друзей, пытался совмѣстить „субъективизмъ“ Канта и его преемниковъ, философію Гегеля, на изученіи которой онъ особенно долго остановился, а также антропологизмъ Фейербаха и теорію Прудона о человѣческой личности, если не о прогрессѣ. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе свойства познающаго

*) *W. Humboldt*, Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers 1820—1821 въ *Gesammelte Werke*, Bd. I. Berlin. (1841), ss. 1—25. См. выше сс. 35—36; на с. 35, стр. 11 снизу вмѣсто словъ: „статью и подъ впечатлѣніемъ“... слѣдуетъ читать: „статью подъ вліяніемъ романтиковъ и, въ частности, подъ впечатлѣніемъ“...

***) *A. Winckler*, *Leopold von Ranke, Lichtstrahlen aus seiner Werken*, Berl. 1885. Впрочемъ, Ранке не далъ развитаго ученія объ идеяхъ; онъ энергически высказался противъ ученія Гегеля и не всегда выдерживалъ свою точку зрѣнія: онъ рассуждаетъ, на примѣръ, объ „allgemeine Tendenzen“ (общихъ тенденціяхъ) о „moralische Kräfte“ (моральныхъ силахъ), о „Kampf der Ideen“ (борьбѣ идей), объ „Invasion und Expansion der Ideen“ (проникновеніи и распространеніи идей) и т. п. Въ послѣднемъ выраженіи Ранке даже сходится съ Лампрехтомъ. См. еще выше сс. 35—39.

субъекта, надѣленнаго нравственнымъ сознаниемъ, и свойство изучаемыхъ явленій, особенно „поставленіе цѣлей и стремленіе къ нимъ“, Лавровъ, въ сущности, признавалъ моментъ оцѣнки въ выборѣ и въ построеніи всякаго соціального или историческаго факта; такимъ образомъ онъ и пришелъ къ извѣстному „субъективному методу“, въ силу котораго этика и психологія получаютъ существенное значеніе для постановки и разрѣшенія соціальныхъ и историческихъ проблемъ; съ той же точки зрѣнія Лавровъ настаивалъ и на значеніи цѣльной личности въ исторіи: она дѣйствуетъ на общество „на основаніи научнаго знанія необходимаго и нравственнаго убѣжденія о справедливѣйшемъ“ и оказывается „источникомъ исторіи“; вообще, исторія представляетъ процессъ, въ которомъ требуется опредѣлить послѣдовательную связь явленій, одинъ лишь разъ представляющихся исторіку въ данной совокупности, въ каждый моментъ процесса; такіе факты располагаются по ихъ „важности“, т. е. въ перспективѣ, по которой они „содѣйствовали или противодействовали нравственному идеалу“; съ той же точки зрѣнія можно построить теорію прогресса или установить смыслъ исторіи, но не ея „законъ“ *). Аналогичнаго направленія, въ сущности, придерживался и Михайловскій; подобно Лаврову, онъ стремился найти такую точку зрѣнія, съ которой „правда-истина и правда - справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя“, и прилагалъ „субъективный методъ“ къ соціологіи и исторіи, „контролируя“ имъ „объективный методъ“; послѣдній не долженъ быть совершенно удаленъ изъ области такихъ изслѣдованій **). Впрочемъ, представители русской школы

*) *П. Лавровъ*, Очеркъ вопросовъ практической философіи, отд. изд. 1860 г.; Историческія письма (1870 г.); 4-е изд., Спб., 1906 г. и др. *Х. Ратпоортъ*, Соціальная философія П. Лаврова, рус. пер., Спб., 1906 г. *Н. Русановъ*, П. Л. Лавровъ, въ жур. „Былое“ 1907 г., февраль, сс. 243—287.

**) *Н. Михайловскій*, Сочиненія, т. I, Спб., 1896 г.; ср. *Н. Каръ невъ*, О субъективизмѣ въ соціологіи въ его „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“, Спб., 1895, сс. 114—134 и выше, с. 46. *Б. Кистяковскій*, Русская соціологическая школа и проч. въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, Спб., 1902 г., сс. 297—393.

все еще смѣшивали теоретико-познавательную точку зрѣнія съ психологической, а также отнесеніе къ цѣнности съ оцѣнкой и продолжали разсуждать съ естественно-научной, психолого-этической точки зрѣнія о „возможности“ наступленія тѣхъ, а не иныхъ человѣческихъ дѣйствій; съ принятой ими точки зрѣнія они также не различали социологическихъ изслѣдованій отъ историческихъ. Позднѣйшіе представители критицизма пытаются устранить такое смѣшеніе въ своихъ социально-философскихъ построеніяхъ, существенно отличающихся отъ позитивной социологій *).

Впрочемъ, вліяніе того же идеалистическаго направленія обнаружилось и въ новой школѣ историковъ, продолжавшихъ исходить отъ Ранке: они признаютъ исторію наукой индивидуализирующей дѣйствительность и, подобно ему, отрицательно относятся къ мысли о законахъ исторіи; Мейеръ, напримѣръ, отчасти высказался въ такомъ смыслѣ уже въ введеніи къ своей древней исторіи **); къ тому же направленію можно причислить Рахфала, Белова, Сореля, Эктонна и др.; воззрѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ слагались уже и подъ вліяніемъ теоретико-познавательнаго идеализма (см. ниже).

Такимъ образомъ, въ этическомъ и метафизическомъ идеализмѣ можно усмотрѣть не мало элементовъ послѣдующаго идиографическаго построенія: безъ Фихте не могло бы возникнуть и того теоретико-познавательнаго идеализма, съ точки зрѣнія котораго идиографическое построеніе получило наиболѣе систематическое свое развитіе; Фихте, а затѣмъ и Гегель перешли, однако, въ область метафизики и все еще мало выяснили значеніе „случайности“ въ исторіи; реакція „метафизики“ не замедлила обнаружиться въ позитивизмѣ, но теорія „случайности“ еще не получила въ немъ надлежащаго мѣста; такое понятіе обратило, наконецъ, на себя вниманіе въ философской теоріи, которую можно назвать „пробабилизмомъ“.

*) *R. Stammler*, *Wirtschaft und Recht*, Lpz., 1896 г., 1-те Aufl. *P. Natorp*, *Sozialpädagogik*, Stuttgart, 1899; 3-те Aufl.; ср. ниже отд. II, гл. 2, § 4.

***) *E. Meyer*, *Geschichte des Alterthums.*, Bd. I (1884).

§ 3. Идіографическое построение съ точки зрѣнія позитивизма и пробабиллизма.

Главнѣйшіе представители позитивизма и пробабиллизма— Контъ и Курно уже придавали значеніе той познавательной точкѣ зрѣнія, съ которой можно изучать конкретно - данную историческую дѣйствительность; но ихъ теорія познанія, однако, противоположна критическому идеализму; Контъ называлъ „попытку“ Канта „призрачной“ и ограничился догматическимъ констатированіемъ самого факта относительности познанія, а Курно полагалъ, что „наши представленія устанавливаются соотвѣтственно феноменамъ (*se règlent sur les phénomènes*), а не феномены—соотвѣтственно нашимъ представленіямъ“, т. е. что „порядокъ, который имѣется въ нашихъ представленіяхъ, происходитъ отъ порядка, который есть въ феноменахъ, а не обратно“ *).

Контъ еще тѣсно примыкалъ къ французской научной философіи XVIII-го вѣка; но онъ уже различалъ два рода наукъ: 1) науки обобщающія и абстрактныя; онѣ занимаются открытіемъ законовъ явленій, приложимыхъ ко всеѣмъ возможнымъ случаямъ; 2) науки частныя и конкретныя; онѣ описываютъ факты и прилагаютъ законы (добытые науками обобщающими и абстрактными) къ объясненію исторіи дѣйствительно „существующихъ существъ“; изучать, напимѣръ, вообще законы жизни или опредѣлять способы существованія каждаго живого существа въ частности—двѣ совершенно различныя задачи **). Самъ Контъ занялся, однако, только философіей обобщающихъ, а не описательныхъ наукъ, соотвѣтственно чему и его философія исторіи есть, въ сущности философія обобщающей исторіи — соціальной динамики (ср. динамическую соціологію и т. п.).

*) *A. Cournot*, *Essai sur les fondements de nos connaissances etc.*, t. II, p. 380; самъ авторъ заявляетъ, что онъ высказываетъ такое положеніе „contrairement à l'assertion de Kant“.

**) *A. Comte*, *Cours*, t. I, 2 éd. p. 56—60.

Впрочемъ, и въ своемъ социологическомъ построении Контъ (подъ влияниемъ Паскаля) пришелъ къ пониманію историческаго процесса, какъ единого эволюціоннаго цѣлаго, части котораго получаютъ значеніе въ ихъ отношеніи къ нему. „Вся совокупность человѣческаго рода и въ его настоящемъ, и въ будущемъ“ представляется Контю въ видѣ все болѣе осуществляющейся „соціальной единицы, различные органы которой (индивидуальные или національные) постоянно связываемые внутренней и всеобщей солидарностью между собою, неизбежно содѣйствуютъ, каждый согласно опредѣленному способу и въ извѣстной степени, основному развитію человечества“ *). Такимъ образомъ, Контъ приходитъ къ заключенію, что возрастающая солидарность между элементами соціальной системы, какъ бы они ни были сложны сами по себѣ, приводитъ къ образованію „коллективнаго организма“, элементы котораго получаютъ значеніе лишь постольку, поскольку они оказываются частями даннаго цѣлаго: послѣднее пріобрѣтаетъ все болѣе индивидуальный характеръ, а, слѣдовательно, и все большее единство: оно достигается не только механическимъ процессомъ, но и сознаниемъ общей цѣли, которую преемственно слѣдующія поколѣнія достигаютъ въ человечествѣ.

Въ своемъ научно-историческомъ построении самъ Контъ, однако, сосредоточился преимущественно на историческихъ обобщеніяхъ и, отрицательно относясь къ теоріи вѣроятностей, не остановился на понятіи о случайности въ исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находилъ въ своей естественно-научной теоріи достаточно твердыхъ принциповъ для того, чтобы удовлетворить имъ же самымъ глубоко чувствуемымъ запросамъ практической философіи.

Только что указанный пробѣлъ въ теоретическомъ построении позитивизма вскорѣ былъ отчасти заполненъ: Курно попытался выяснить значеніе индивидуальнаго, главнымъ образомъ, съ научной точки зрѣнія теоріи вѣроятностей; съ такой именно

*) *A. Comte, Cours, IV, 2 éd., p. 293; ср. А. Лаппо-Данилевскій, Основные принципы социологической доктрины О. Конта въ сбор. „Проблемы идеализма“, сс. 394—490.*

точки зрѣнія оно оказывается „случайнымъ“; Курно, спеціально занимавшійся теоріей вѣроятностей, преимущественно и указывалъ не на цѣнность индивидуальнаго, а на его случайность и, въ духѣ пробабиллизма, хотѣлъ установить значеніе „случая“ въ исторіи.

Курно находился, собственно говоря, подъ вліяніемъ двухъ теченій, скрестившихся въ его сознаніи: ученія „Средней академіи“ объ относительности нашего знанія и теоріи вѣроятностей. Ученіе Средней академіи, въ особенности Карнеада, о пробабиллизмѣ нашихъ знаній и о его степеняхъ, а также о томъ, что въ практической жизни намъ приходится довольствоваться извѣстною вѣрою въ правдоподобность нашихъ представленій, возродилось благодаря аббату Фуше, шануану въ Дижонѣ; онъ также разсуждалъ о вѣроятности нашихъ знаній; во второй половинѣ XVII в. онъ пользовался нѣкоторою славою; его воззрѣнія были извѣстны ректору Дижонской академіи — Курно. Теорія вѣроятностей (Паскаль и Ферма заинтересовались ею въ 1654 г.) также не осталась безъ вліянія и на философскія теченія того времени: съ точки зрѣнія пробабиллизма уже Лейбницъ высказывалъ пониманіе исторіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичное съ тѣмъ, которое велѣдъ затѣмъ развивалъ Курно, знакомый съ ученіемъ Лейбница: въ одномъ изъ своихъ трудовъ Курно попытался выяснитъ философское значеніе понятій о случайности и вѣроятности (*chance, hasard, probabilité*), которыми онъ впоследствии широко воспользовался и въ своихъ разсужденіяхъ объ исторіи *).

Случай, по убѣжденію Курно, есть нѣчто данное въ природѣ, а не исключительно только наше построеніе. Въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ реально-данными „системами вещей“, независимыми другъ отъ друга. Пока мы остаемся въ предѣлахъ

*) *A. Cournot, Exposition de la théorie des chances et des probabilités, 1843.* Курно находился и подъ вліяніемъ Александра фонъ Гумбольдта: въ своемъ „Космосѣ“ послѣдній развивалъ ученіе о томъ, что существующій міръ въ его характерныхъ особенностяхъ нельзя вывести изъ законовъ; нѣкоторыя фактическія данныя надо принять; ср. *P. Mentré, Cournot et la Renaissance du Probabilisme au XIX sc. Par., 1908.*

одной из них, мы можем построить замкнутую серию причинно-следственных соотношений; в ней мы из первой причины выводим ее следствие, из него, поскольку оно в свою очередь получает значение причины, дальнейшее следствие и т. д. Нельзя не признать, однако, что в действительности много замкнутых рядов дано одновременно; их скрещивания нет возможности аналитически вывести из одного такого ряда; „встречи“ подобного рода также представляются нам данными в действительности, а поскольку они даны—случайными. В историческом процессе Курно усматривает постоянные случайности подобного рода; их нельзя вывести из законов образования одного из рядов. Таким образом, в истории приходится считаться с случайным: никакой закон не объяснить случайной встречи двух серий причин, не „солидарных“ между собою; такая встреча—просто факт*); случай, как бы вмешивающийся в образование изучаемого ряда, внешние „иррегулярные“ влияния, вызывающие в нем пертурбации, можно назвать „историческими данными“. Следовательно, история не может обобщать изучаемых ею явлений действительности; историк должен обращать свое внимание на индивидуальное, на частные факты с характерными их особенностями; в его науке такие частности („великие индивидуальности“, „удары судьбы“ и т. п.)—выступают даже на первый план**).

Возможно ли, однако, при таких условиях, объяснить действительность и если возможно, то в каком именно смысле? Не представляется ли исторический процесс с указанной точки

*) *A. Cournot*, *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire* (1861), t. I, p. 94: „un pur fait“.

***) *A. Cournot*, *Essai*, t. I, p. 49 и след.; в своей группировке „человеческих познаний“ автор различает три серии: теоретическую, „космологическую и историческую“ и „техническую или практическую“; но, проводя различие между социологией и историей, он не признает последнюю „наукой“; историческое знание—не наука, хотя может быть „философией“, когда занимается „этиологическими“ исследованиями (см. ниже); по приемам изображения, которого она достигает при помощи воображения, а не графическим путем, история близка к поэзии; см. *Essai*, t. II, pp. 270 и сл., 211—213.

зрѣнія, напротивъ, своего рода лотереей, въ которой событія наступаютъ совершенно случайно, безъ всякой связи другъ съ другомъ? Курно отвѣчаетъ на эти вопросы сопоставленіемъ исторической случайности не съ лотереей, а съ шахматной игрой, положимъ, между А и В. Допустимъ, что А играетъ идеально послѣдовательно. Если бы его ходы не зависѣли отъ ходовъ В, то его игру можно было бы признать замкнутою серіей ходовъ, каждый изъ которыхъ выводился бы изъ предшествующаго. Нельзя, однако, утверждать, что такое построеніе исполнимо, такъ какъ каждый послѣдующій ходъ А зависитъ не только отъ его соображеній, но и отъ хода В, который нѣтъ возможности вывести изъ игры А: каждый изъ шаговъ послѣдняго надо учитывать въ зависимости отъ соответствующаго хода В. Слѣдовательно, въ данномъ соотношеніи мы не имѣемъ дѣла съ лотереей; въ лотереѣ каждый случай не зависитъ отъ предшествующихъ ему, въ шахматной же игрѣ, напротивъ, ходъ каждаго партнера зависитъ отъ предшествующихъ ходовъ противника, отъ тѣхъ идей, которыя возникаютъ въ его умѣ при скрещиваніи его комбинацій съ комбинаціями его противника. Такимъ образомъ, слѣдуетъ отличать случайную послѣдовательность фактовъ отъ той, которая получается путемъ нѣкоего непрерывнаго „сцѣпленія случаевъ“; послѣдняя обнаруживается и въ историческомъ процессѣ *).

Изученіе его съ только что указанной точки зрѣнія вообще имѣетъ, по мнѣнію Курно, логическій интересъ: проводя различіе между „существеннымъ“ и „случайнымъ“, историкъ вырабатываетъ самое понятіе о существенномъ, въ отличіе отъ понятія о „случайномъ“; такія понятія логически зависятъ другъ отъ друга: понятіе о „существенномъ“ устанавливается подъ условіемъ понятія о „случайномъ“. Изученіе „простыхъ фактовъ“ представляетъ логическій интересъ и въ другомъ отношеніи: оно состоитъ въ переходѣ отъ частнаго къ частному, въ установленіи связи между такими фактами, данной въ дѣйствительности.

*) *A. Cournot*, Essai, t. II, pp. 201—202.

Съ такой же точки зрѣнія Курно выясняетъ и основныя задачи историческаго изученія: оно состоитъ въ исторической этиологiи. Благодаря „вмѣшательству случая“ историкъ имѣеть дѣло съ фактами, которые не поддаются выведенію: значить, онъ долженъ объяснять послѣдующій фактъ вліяніемъ предшествующаго факта, пока не дойдетъ до первоначальнаго факта, который принимается безъ объясненія его какимъ-либо предшествующимъ. Итакъ, историческая этиологiя состоитъ въ изученіи не только тѣхъ явленій, которыя совершаются въ предѣлахъ даннаго замкнутаго ряда, но и фактовъ скрещиванія его съ другими рядами; въ подобнаго рода соотношеніяхъ она исходитъ изъ понятія о законахъ явленій, но разсматриваетъ, какимъ образомъ дѣйствіе ихъ подвергается случайнымъ вліяніямъ; она стремится учесть вліяніе общихъ и вліяніе частныхъ фактовъ (*faits généraux, faits subordonnés*). Историческая этиологiя не только различаетъ необходимое отъ случайнаго, но и важное отъ незначительнаго; она устанавливаетъ не только, въ какихъ случаяхъ серіи причинъ, встрѣтившихся и произведшихъ явленіе, зависѣли отъ болѣе общей системы и были солидарны и въ какихъ онѣ были, напротивъ, дѣйствительно независимы, но отмѣчаетъ и тѣ изъ послѣдствій данной встрѣчи подобнаго рода серій, которыя сохраняютъ свое значеніе, и тѣ, которыя преходящи. Благодаря вліянію одного факта на другіе, данный фактъ можетъ породить обширныя и длительныя послѣдствія и получить столь же большее значеніе, какое приписывается и какому-либо закону. Слѣдовательно, историческимъ фактомъ мы называемъ случайный фактъ, теоретически непредвидимый, но послѣдствія котораго продолжаютъ обнаруживаться въ теченіе времени, не имѣющаго предѣла (*indéfiniment dans le temps*); напротивъ, фактъ, не оказавшій такого вліянія, позволительно, въ историческомъ отношеніи, признать незначительнымъ, могущимъ вызвать одно только „смутное любопытство“.

Впрочемъ, историкъ долженъ помнить, что нигдѣ нѣтъ въ отдѣльности ни общихъ, ни частныхъ причинъ, а существуетъ лишь смѣшеніе ихъ; онѣ осуществляются въ личностяхъ. Теоре-

тически различая причины существенныя отъ случайностей. онъ усматриваетъ дѣйствительную нераздѣльную комбинацію ихъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, воплощающихъ въ себѣ такое смѣшеніе, и лишь производитъ учетъ тѣмъ общимъ причинамъ, которыя содѣйствовали или препятствовали исполненію воли отдѣльныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, историкъ можетъ составить себѣ понятіе объ „общемъ ходѣ событій“.

Нельзя отождествлять, однако, понятіе о дѣйствительности съ понятіемъ объ исторіи. Настоящая область собственно историческихъ изслѣдованій лежитъ между до-исторической и по-исторической эпохами: въ до-исторической эпохѣ скорѣе дѣйствуютъ біологическіе законы, чѣмъ собственно историческія случайности; въ по-исторической эпохѣ—общество механизмуется и вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ „цивилизаци“, которая все болѣе и болѣе даетъ преобладаніе тому, что оказывается „общимъ“ въ человѣческой природѣ (*ce qu'il y a d'universel dans la nature humaine*); тогда исторія мало-по-малу будетъ поглощена „наукой соціальной экономіи“ *).

Итакъ, Курно попытался приложить начала пробабиллизма къ построенію теоріи историческаго знанія; но онъ все же придерживался эмпирическаго реализма и не принялъ во вниманіе цѣнности индивидуальнаго, въ сущности, разсуждая только о его случайности.

Вліяніе Курно на своихъ современниковъ было очень ограничено; для примѣра можно, пожалуй, указать на извѣстнаго соціолога—Тарда; подобно Курно, произведенія котораго ему были извѣстны, онъ разсуждалъ объ историческихъ фактахъ: факты „новые“ и единичныя онъ называлъ историческими по преиму-

*) Самъ Курно, впрочемъ, въ реалистическомъ духѣ дѣлалъ типологическія построенія, напримѣръ, въ своихъ разсужденіяхъ о соответствіи между протестантскимъ типомъ христіанства и англосаксонскимъ темпераментомъ, или между католическимъ типомъ и темпераментомъ латинскихъ расъ, или въ своихъ замѣчаніяхъ объ общемъ ходѣ политическаго развитія, поскольку оно обнаруживается въ „политической морфологіи“: но такія разсужденія не характеризуютъ его основной точки зрѣнія собственно на исторію; см. *A. Cournot, Traité, t. II, p. 196.*

ществу *). Впрочемъ, можно сказать, что въ настоящее время вышеизложенное ученіе обращаетъ на себя все большее вниманіе.

§ 4. Идіографическое построеніе съ точки зрѣнія теоретико-познавательнаго идеализма.

Нѣмецкій идеализмъ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка преимущественно выдвинулъ понятіе о той абсолютной цѣнности, въ отношеніи къ которой историческая дѣйствительность получаетъ значеніе, а французскій пробабиллизмъ въ особенности настаивалъ на значеніи случайности въ историческомъ процесѣ; но оба направленія, въ сущности, отличались метафизическимъ характеромъ: абсолютная цѣнность понималась въ смыслѣ Божества или Мірового Духа, а случайность представлялась реально данной въ дѣйствительности.

Критика подобнаго рода построеній съ теоретико-познавательной точки зрѣнія наступила, однако, не сразу. Временное увлеченіе естествознаніемъ и его новѣйшими открытіями въ области трансформизма породило во многихъ стремленіе всецѣло примѣнить естественно-научную точку зрѣнія къ исторіи; но и такое стремленіе, въ свою очередь, вызвало протестъ и призывъ къ построенію „критики историческаго разума“, въ духѣ того философскаго критицизма, который отошелъ на задній планъ въ построеніяхъ позднѣйшихъ идеалистовъ и пробабилистовъ.

Въ новѣйшихъ попыткахъ ідіографическаго построенія историческаго знанія теоретико-познавательная точка зрѣнія, дѣйствительно, получила преобладаніе надъ остальными. Въ 1870-хъ годахъ Сигвартъ уже попытался установить тѣ принципы познанія, которые обуславливаютъ правильность дискурсивнаго мышленія, а также обратилъ вниманіе на ту зависимость, въ какой его методы находятся отъ объектовъ нашего изученія; съ той-же точки зрѣнія онъ подошелъ и къ выясненію

*) *G. Tarde, Les Lois de l'imitation, 2 éd. (1895), p. 14; ср. еще его же Fragment d'histoire future, 2 éd.*

особенностей историческаго познанія *). Такое направленіе не осталось безъ продолжателей: Дильтей, извѣстный біографъ Шлейермахера, высказался противъ смѣшенія познавательныхъ принциповъ естествознанія съ познавательными принципами „наукъ о духѣ“: „условія познанія“ природы далеко не тождественны съ условіями познанія тѣхъ явленій, которыя изучаются въ „наукахъ о духѣ“; да и объектъ послѣднихъ „понимается еще прежде, чѣмъ онъ познанъ“, и переживается нашимъ сознаниемъ во всей цѣлостности нашего духа; въ наукахъ подобнаго рода „фактъ, законъ, чувство оцѣнки и правило“ стоятъ въ особой внутренней связи. Съ такой гносеологической точки зрѣнія Дильтей проводилъ рѣзкое различіе между науками о природѣ и „науками о духѣ“, имѣющими цѣлью „познаніе исторически-соціальной дѣйствительности“ въ ея цѣломъ (die geschichtlich-gesellschaftliche Wirklichkeit); слѣдовательно, та соціологія, которая стремится изучать ее съ естественно-научной точки зрѣнія, ошибочна и, преслѣдуя такую цѣль, впадаетъ въ логическое противорѣчіе съ ею же употребляемыми средствами; и соціологическія, и историко-философскія теоріи, усматривающія въ единичномъ одинъ только сырой матеріалъ для своихъ обобщеній, заблуждаются; исторія, хотя и пользуется общими понятіями для объясненія дѣйствительности, должна, однако, „устремлять свои взоры не на то, что оказывается общимъ разнымъ эпохамъ, а на то, что отличаетъ изучаемую эпоху отъ остальныхъ, на единичное“, ибо въ сознаниі историка, отображающемъ въ себѣ весь историческій міръ, однажды случающееся и единичное имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ во внѣшней природѣ. Съ такой точки зрѣнія историкъ изучаетъ человѣка, воздѣйствующаго на природу, сообразно имъ же самимъ свободно полагаемымъ себѣ цѣлямъ, и стремится изобразить „историческій міръ, въ которомъ надъ объективною необходимостью природы во многихъ его пунктахъ сверкаетъ свобода“ **).

*) См. выше сс. 42—44.

**) *W. Dilthey*, Einleitung in die Geisteswissenschaften, Bd. I, Lpz. 1883; на с. 147 самъ авторъ указываетъ на значеніе Сигварта, а въ своей полемикѣ противъ соціологіи имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Конта и Миля. Съ 1905 года

Такимъ образомъ, Дильтей уже намѣтилъ, правда, лишь въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, ту „критику историческаго разума“, разработка которой стояла на очереди; но самъ онъ все еще слишкомъ мало различалъ логическую противоположность познавательныхъ точекъ зрѣнія отъ противопоставленія объектовъ научнаго изслѣдованія и послѣднее ставилъ въ основу своей группировки наукъ, въ которой „науки о духѣ“ сливаются съ исторіей.

Впрочемъ, за нѣсколько лѣтъ до появленія вышеназваннаго труда, берлинскій профессоръ Гармсъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно близко стоявшій къ Фихте, выступилъ съ болѣе яснымъ дѣленіемъ „частей философіи“: съ теоретико-познавательной точки зрѣнія онъ различалъ не науки о природѣ и „науки о духѣ“, а науки естественныя и историческія („Naturwissenschaften“ и „geschichtliche“ Wissenschaften) по дѣйствительному различію „между формами и методами ихъ познанія“; въ отличіе отъ обобщающаго естествознанія, признающаго индивидуумы только экземплярами, историческія науки имѣютъ дѣло съ индивидуальными и личными отличіями; то же самое, что мы понимаемъ какъ природу, можно понимать и какъ „исторію“; она можетъ избрать своимъ объектомъ хотя бы „цѣлый міръ“. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что Гармсъ ставилъ „форму познанія“ въ тѣсную зависимость отъ его „содержанія“; онъ полагалъ, что каждая наука обладаетъ истиной лишь въ согласованности (Uebereinstimmung) формы познанія съ его „предметомъ“; онъ различалъ „содержаніе природы“ отъ „содержанія исторіи“ и противоплагалъ „природѣ“ — „исторію“ *).

Дильтей сталъ печатать статьи, служація какъ бы продолженіемъ названнаго труда; впрочемъ, отбѣняя значеніе описанія „психической структуры“, онъ уже находится подъ вліяніемъ Гуссерля; см. *W. Dilthey, Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften in Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1905 г. и сл.*

*) *O. Harms, Geschichte der Psychologie, 1878*; указаніе на сходство взглядовъ Гармса съ ученіемъ Виндельбанда принадлежитъ Г. Ительсону, см. *D. Koigen. Jahresbericht über die Literatur zur Metaphysik in Arch. für System. Phil. Bd. XIV, 1908 г., SS. 555, 560—564.*

Въ дальнѣйшемъ развитіи того-же направленія, представители котораго уже строже придерживались теоретико-познавательной точки зрѣнія, можно различать нѣсколько оттѣнковъ. Навилль, на примѣръ, выступившій вскорѣ послѣ Дильтея съ трудомъ по классификаціи наукъ, еще находился скорѣе подъ вліяніемъ рационализма и пробабиллизма, чѣмъ критицизма; Виндельбандъ и Риккертъ, напротивъ, исходятъ изъ его началъ и принимаютъ во вниманіе этической идеализмъ; наконецъ, Ксенополь придерживается довольно смѣшанныхъ воззрѣній, въ которыхъ эмпирической реализмъ играетъ не послѣднюю роль. Въ дальнѣйшемъ изложеніи главнѣйшихъ основаній разбираемаго построенія мнѣ придется часто имѣть въ виду ихъ ученія, почему я и ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими краткими указа-ніями.

Въ своемъ разсужденіи „о новой классификаціи наукъ“*) Навилль заявляетъ, что оно болѣе похоже на извѣстный трактатъ „De dignitate et augmentis scientiarum“, чѣмъ на „Novum Organon“, и обращаетъ вниманіе на дѣленіе наукъ въ зависимости отъ познавательной точки зрѣнія, уже предложенной Контомъ (науки абстрактныя, конкретныя и прикладныя) и Курно (три серіи наукъ—теоретическая, историческая и техническая); но у Навилля, пожалуй, можно еще замѣтить слѣды стариннаго противоположенія рациональнаго эмпирическому.

Навилль, въ сущности, съ идиографической точки зрѣнія, разсуждаетъ объ историческихъ наукахъ: исторія, по его мнѣнію, изучаетъ не то, что можетъ быть, а то, что есть (или было) въ дѣйствительности. Вопросы о томъ, „что можетъ быть“, рѣшаются „теорематическими“ науками (математикой, физикой, біологіей, психологіей, соціологіей) путемъ формулированія законовъ, „противоположное которымъ признается невозможнымъ“; законы высказываются въ видѣ теоремъ; многія изъ нихъ устанавливаютъ „необходимыя отношенія между возмож-

*) *A. Naville*, De la classification des sciences въ журналѣ „Critique philosophique“ Ренувье 1888 г. и отдѣльно; 2-е, значительно измѣненное изданіе: „Nouvelle classification des sciences“, Par. 1901.

ностями“. Вопросы о томъ, что дѣйствительно есть (или было), рѣшаются историческими науками (минералогіей [описательной], астрономіей, геологіей, исторіей); онѣ изучаютъ „реальныя существа или такія же событія, занимающія извѣстное положеніе во времени и въ пространствѣ, совокупность ихъ особенностей и ихъ превращенія. Впрочемъ, то-же различіе можно формулировать и съ точки зрѣнія формальной логики: науки теорематическія высказываютъ сужденія условныя и всеобщія; науки же историческія—сужденія категорическія и частныя. Возьмемъ, на примѣръ, открытіе пшеничныхъ зеренъ въ египетскихъ саркофагахъ и испытаніе ихъ способности произрастанія. Относительно указаннаго факта можно поставить два вопроса, а именно: 1) могутъ ли зерна пшеницы сохранять такую способность въ теченіе 2000 лѣтъ; 2) правда ли, что зерна пшеницы, найденныя въ египетскихъ саркофагахъ, дѣйствительно дали ростки и породили новые колосья? Или относительно процесса централизаціи управленія можно также поставить два вопроса: 1) какіе результаты могла-бы произвести централизація управленія у народа, который былъ бы такого, а не иного характера, находился бы на извѣстной стадіи развитія культуры и т. п.; 2) какіе результаты дѣйствительно произвела централизація управленія во Франціи въ XVII—XVIII вв.? Отвѣты на перваго рода вопросы даются теорематическими науками, а отвѣты на втораго рода вопросы—историческими; слѣдовательно, исторія по самому существу той познавательной точки зрѣнія, которой она придерживается, не задается цѣлью формулировать законы. Тѣмъ не менѣ Навилль признаетъ исторію наукой лишь въ той мѣрѣ, въ какой она образуетъ относительно общія понятія (о дѣйствительности), подводитъ фактъ подъ приближенныя обобщенія, среднія, типы и т. п.

Такимъ образомъ, Навилль стоитъ уже на познавательной точкѣ зрѣнія; но онъ не вполне выяснилъ ее: подъ вліяніемъ, можетъ быть, противоположенія раціональнаго эмпирическому, онъ едва ли достаточно ясно различаетъ вопросъ о томъ, что должно мыслить, отъ вопроса о томъ, что, можетъ быть, и еще не выясняетъ того критерія, съ точки зрѣнія котораго опредѣляется

то, что заслуживает исторических изысканий: изучение „возможностей, которые хорошо было бы реализовать“, принадлежит совершенно особой группѣ наукъ объ „идеальныхъ правилахъ дѣйствования“ (sapientie); въ области же историческихъ изысканий онъ считаетъ возможнымъ ограничиться другимъ признакомъ; важнымъ оказывается то, что повторяется; но такой критерій нельзя признать достаточнымъ (см. ниже).

Новѣйшіе приверженцы теоретико-познавательной точки зрѣнія исходятъ изъ болѣе строго выдержанной системы трансцендентальнаго идеализма; подъ вліяніемъ Канта и Фихте, они пытаются объединить теоретическую философію съ практической, въ отношеніи къ проблемамъ познанія и вводятъ въ идіографическое построение учение объ абсолютныхъ цѣнностяхъ въ теоретико-познавательномъ смыслѣ *).

Въ живомъ и общедоступномъ изложеніи Виндельбандъ пользуется такими именно понятіями для построения своей теоріи. Въ чисто „теоретическомъ“ отношеніи слѣдуетъ различать то, что соединяется на практикѣ, и обратно. Познавательное значеніе естественныхъ и историческихъ наукъ различно: „формальный характеръ познавательныхъ цѣлей“ естественныхъ наукъ принципиально отличается отъ такихъ же цѣлей историческихъ наукъ; хотя и тѣ и другія, въ противоположность „раціональнымъ“ наукамъ (философіи и математикѣ), стремятся къ эмпирическому знанію, но каждая группа пользуется имъ различно: естественныя науки—съ номотетической точки зрѣнія, историческія—съ точки зрѣнія идіографической; одна имѣетъ въ виду какъ бы обобщеніе нашего опыта путемъ отвлеченія, другая какъ бы его индивидуализацію.

Въ силу номотетической точки зрѣнія, естественныя науки стремятся къ познанію отвлеченныхъ законовъ быванія (Gesetze des Geschehens); въ силу идіографической точки зрѣнія, историческія науки, напротивъ, пытаются „яснымъ и исчерпывающимъ обра-

*) Теорія цѣнности (Werttheorie), но не въ чисто познавательномъ смыслѣ была систематически развита Мейнонгомъ (1894), Эренфельсомъ (1887, 1897—1898 гг.) и другими учеными, напримѣръ, Урбаномъ (Urban, 1909 г.).

зомъ изобразить единичное болѣе или менѣе отграниченное въ пространствѣ бваніе или перемѣну однажды случающейся и ограниченной во времени дѣйствительности“; иными словами говоря, историческое познаніе имѣеть въ виду воспроизведеніе и пониманіе даннаго факта въ его дѣйствительности. Итакъ, принципъ дѣленія вышеуказанныхъ группъ наукъ долженъ имѣть гносеологическій характеръ: естественныя науки построаютъ общія, аподиктическія сужденія; историческія науки—сужденія частныя (singuläre) и ассерторическія *). Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что историкъ интересуется индивидуальнымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣеть цѣнность; значить, въ сущности, этика лежитъ въ основѣ исторіи.

Теорія Виндельбанда требовала пересмотра и развитія, чѣмъ и занялся его талантливый ученикъ—Риккертъ.

Риккертъ строго различаетъ теорію познанія и логику отъ психологіи, форму отъ содержанія: свое понятіе о сознаніи вообще, „не могущимъ быть объектомъ“, онъ противопоставляетъ всему эмпирически данному бытію; послѣднее и есть то содержаніе сознанія, которому мы приписываемъ реальность и которое мы признаемъ эмпирическою дѣйствительностью; но наше познаніе или наши сужденія о ней, въ сущности всегда утвердительныя или отрицательныя, истинны, или ложны, смотря по тому, соотвѣтствуютъ ли они тому „логическому идеалу“ сужденія, къ достиженію котораго оно должно стремиться для того, чтобы получить значеніе истиннаго, или не соотвѣтствуютъ. Съ такой точки зрѣнія, наши сужденія о дѣйствительности имѣють познавательный смыслъ лишь въ отношеніи къ цѣнности; вѣдь сужденіе наше получаетъ характеръ безусловной необходимости, если мы сознаемъ, что мы „должны“ судить такъ, а не иначе. Съ такой точки зрѣнія, Риккертъ приходитъ къ заключенію, что „признаніе трансцендентныхъ нормъ“ „долженствованіе“, или

*) *W. Windelband, Geschichte und Naturwissenschaft (Rectoratsrede der Un. Strassburg) 1894; 2-te Aufl. 1900 (безъ перемѣнъ); рус. переводъ въ „Прелюдіяхъ“.* Ср. еще его докладъ на Женевскомъ конгрессѣ; фр. переводъ: „La science et l'histoire devant la logique contemporaine въ Rev. de Synth. hist., 1904.

„понятіе долга“ лежитъ въ основѣ тѣхъ сужденій о дѣйствительности, которыя мы считаемъ истинными, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя „должны быть“ отклонены въ качествѣ ложныхъ *). Дѣйствительность представляется намъ, однако, въ экстенсивномъ и интенсивномъ многообразіи чертъ; естествознаніе и исторія изучаютъ ее съ принципиально различныхъ, противоположныхъ познавательныхъ точекъ зрѣнія или цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, естествознаніе есть „генерализирующее пониманіе дѣйствительности“, а историческая наука—„индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности“. Естествознаніе стремится къ научному ея познанію „въ отношеніи къ общему“; оно вырабатываетъ понятія, выражающія то общее, что множество раздѣльныхъ вещей заключаетъ въ себѣ; логическое содержаніе каждаго изъ такихъ понятій характеризуется его опредѣленностью и общезначимостью; такое общезначимое понятіе, въ сущности, состоитъ изъ сужденій, выражающихъ какой либо законъ природы; благодаря вышеуказаннымъ свойствамъ естественно-научныхъ понятій, естествознаніе приводитъ ихъ въ систему, т. е. образуетъ систему общихъ понятій, въ которой представленіе о любой вещи или любомъ процессѣ находитъ себѣ соотвѣтственное мѣсто. Исторія, напротивъ, стремится удовлетворить нашъ интересъ къ дѣйствительности въ ея индивидуальныхъ особенностяхъ; она есть „наука объ индивидуальномъ, о томъ, что происходитъ только одинъ разъ“; она не стремится изучить то, что происходитъ всюду и всегда, а только точно изобразить частное, поскольку оно дѣйствительно существуетъ, съ его индивидуальными чертами въ различныхъ точкахъ пространства и различныхъ моментахъ времени. Всякое индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности возможно, однако, лишь подъ условіемъ отнесенія къ цѣнности; понятіе объ „историческомъ индивидуумѣ“ также образуется въ зависимости отъ отнесенія его къ извѣстной цѣнности; историкъ упрощаетъ безконечно разнообразное содержаніе данныхъ своего историческаго опыта и долженъ имѣть критерій для такого упрощенія; послѣдній находится въ

*) *H. Rickert*, *Der Gegenstand der Erkenntniss*, 2 Aufl.; особенно Kap. III.

связи съ отнесеніемъ индивидуальнаго къ общеобязательной цѣнности; лишь то индивидуальное, своеобразная единичность котораго признается цѣнной, получаетъ всеобщее значеніе, т. е. „значеніе для всѣхъ“; „культура“ и представляетъ въ исторіи „ту цѣнность, по отношенію къ которой вещи получаютъ свое индивидуальное значеніе“. Впрочемъ, историкъ пользуется, конечно, и общими понятіями (законами и проч.), вырабатываемыми обобщающими науками, напримѣръ, антропологіей, психологіей и соціологіей, но, въ сущности, только для объясненія индивидуальнаго, для построенія индивидуальной причинно-слѣдственной связи между историческими фактами и т. п. *). Вообще, хотя „при разработкѣ одного и того-же матеріала различные методы бывають тѣсно сплетены между собою“, но все же, принимая во вниманіе конечную цѣль историческаго знанія, можно сказать, что исторія есть „индивидуализирующая наука о культурѣ“.

Въ цѣльномъ міровоззрѣніи, характеризованномъ мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, Риккертъ имѣетъ въ виду однако преимущественно философію, а не историческую науку, и интересуется лишь формой нашихъ понятій, а не ихъ содержаніемъ, хотя, въ рѣдкихъ случаяхъ, рассуждаетъ и о содержаніи историческихъ понятій, а именно о націи. Въ сущности, сводя философію къ теоріи познанія, онъ основанія ея усматриваетъ въ цѣнности истины: но, отождествляя понятіе о „требованіи“ или нормативности сознанія съ „понятіемъ долга“, онъ приходитъ къ заключенію, что „цѣнность истины основана на понятіи долга“, и, такимъ образомъ, склоняется къ признанію этическихъ основаній нашихъ сужденій о дѣйствительности и о ея историче-

*) *H. Rickert, Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung (eine logische Einleitung in die historische Wissenschaft) Tüb. und Lpz. 1902 г., русскій переводъ Водена. Краткое изложеніе тѣхъ же основположеній см. также въ статьѣ: „Les quatre modes de l'universal“ въ Rev. de Synth. hist., 1901, II, № 2, и особенно въ статьѣ. Geschichtsphilosophie; она была напечатана въ сборникѣ: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts“, Bd. II, (1905), ss. 51—136; 2-е доп. изд. 1907; пер. С. Гессена, СПб., 1908 г.; тамъ-же указанія на литературу ss. 149—154.*

скомъ значеніи. Въ своихъ разсужденіяхъ объ индивидуальномъ, получающемъ значеніе въ отношеніи къ цѣнности, Риккертъ едва ли достаточно останавливается на выясненіи индивидуальнаго, въ смыслѣ индивидуальнаго положенія чего-либо даннаго, хотя бы, на примѣръ, матеріальной точки, и въ ученіи объ отнесеніи къ культурнымъ или къ общепризнаннымъ цѣностямъ, можетъ быть, не всегда достаточно различаетъ между отнесеніемъ къ абсолютной или обоснованной цѣнности и отнесеніемъ къ общепризнанной цѣнности. Нельзя не замѣтить, что и понятіе объ историческомъ значеніи Риккертъ устанавливаетъ въ зависимости отъ одного только понятія о цѣнности индивидуальнаго; но собственно историческое значеніе цѣнной своеобразной единичности тѣсно связано и съ понятіемъ о дѣйственности индивидуальнаго, въ его реальномъ отношеніи, какъ части къ историческому цѣлому.

Въ числѣ новѣйшихъ мыслителей, на разсужденіяхъ которыхъ новое ученіе уже оказало нѣкоторое вліяніе, можно указать на Зиммеля; въ первомъ изданіи своего труда онъ еще не вполне придерживался идиографической точки зрѣнія; во второмъ—теоретико-познавательное построеніе, въ духѣ теоретико-познавательнаго идеализма и идиографическаго направленія, уже оттѣснило прежній психологизмъ на задній планъ; но и въ такомъ видѣ авторъ не выработалъ еще полной системы; онъ не выясняетъ конечныхъ ея основаній и не дѣлаетъ изъ нея послѣднихъ выводовъ. Задача сочиненія: выяснить, какимъ образомъ нашъ разумъ достигаетъ того теоретическаго построенія непосредственно переживаемой нами дѣйствительности, которое мы называемъ исторіей. Зиммель пытается установить тѣ апріорныя понятія (признаніе чужого одушевленія, объясняемое имъ и съ генетической точки зрѣнія), которыми историкъ пользуется, и степень ихъ апріорности, а также и понятіе объ исторіи, какъ „наукъ о дѣйствительномъ“ и „установленіи“ индивидуальнаго; самое осуществленіе закона въ данномъ мѣстѣ и въ данное время— есть историческій фактъ. Лишь такіе факты, которые представляютъ интересъ, подлежатъ историческому изученію. Впрочемъ, построеніе Зиммеля нельзя признать чисто-идиографическимъ;

онъ, напрымѣрь, разсуждаетъ о приближенныхъ обобщеніяхъ исторіи и о нѣкоторыхъ философско-историческихъ законахъ; послѣдніе представляются ему особаго рода „познавательными формами“ того направленія, въ какомъ, положимъ, духъ или нравственность, раскрывается въ міровомъ цѣломъ *).

Вліяніе того же идіографическаго построенія стало обнаруживаться и въ области новѣйшей историографіи, но не безъ нѣкоторыхъ колебаній. Мейеръ, напрымѣрь, готовъ признать задачей исторической науки—индивидуальное, но его значеніе онъ опредѣляетъ главнымъ образомъ тѣмъ, продолжаетъ ли данный фактъ дѣйствовать и въ послѣдующее время **). Другой историкъ, спеціально занявшійся „теоріей исторіи“,—Ксенополь, питаетъ нѣкоторую склонность къ метафизическому гипостазированію законовъ, что видно, напрымѣрь, изъ его разсужденій о времени и о „силахъ эволюціи“, и еще менѣе выясняетъ свою теоретико-познавательную точку зрѣнія; хотя въ принципіальномъ отношеніи Ксенополь отчасти примыкаетъ къ ученію Виндельбанда, но онъ отклоняетъ его ученіе о цѣнности примѣнительно къ исторіи; полагая возможнымъ замѣнить понятіе о ней понятіемъ объ „исторической серіи“, онъ готовъ перейти прямо къ эмпирическому реализму: исторія, по его мнѣнію, изучаетъ данный процессъ, реальность котораго онъ, въ сущности, безсознательно принимаетъ. Главнѣйшія положенія Ксенополя слѣдующія: въ дѣйствительности существуютъ два рода явленій: явленія повторяющіяся и явленія, слѣдующія другъ за другомъ (единичныя); „мы разсматриваемъ это различіе между явленіями сосуществованія и преемства, какъ данное самими явленіями, а не тою точкою зрѣнія, съ которой мы ихъ изучаемъ“. Отсюда два ряда наукъ: естествознаніе, изучающее явленія повторяющіяся, и историческія науки, объектомъ которыхъ служитъ послѣдовательная смѣна единичныхъ явленій, изучаемыхъ въ ихъ причино-слѣдственной

*) *G. Simmel*, Die Probleme der Geschichtsphilosophie, Lpz. 1892; 3 Aufl., Lpz. 1907.

***) *E. Meyer*, Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Halle, 1902; ср. выше сс. 51—52: еще *Ch. Seignobos*, La méthode historique appliquée aux sciences sociales, Par., 1901.

зависимости. Вообще можно сказать, что достоинство работ Ксенополя, особенно его главного труда, состоитъ въ обиліи библиографическихъ данныхъ и въ подборѣ историческихъ примѣровъ, но обоснованіе его взглядовъ въ теоретико-познавательномъ отношеніи представляется мнѣ довольно слабымъ *).

Вышеизложенныя теории показываютъ, что философія и наука стремились обосновать нашъ интересъ къ конкретной дѣйствительности; но для того, чтобы выяснитъ принципы, которые съ идіографической точки зрѣнія полагаются въ основу научнаго ея построенія, слѣдуетъ болѣе внимательно остановиться на систематическомъ ихъ разсмотрѣніи.

*) *A. D. Xénopol*, *Les principes fondamentaux de l'histoire*. Par., 1889; ср. еще нѣсколько его статей, преимущественно въ журналахъ: *Revue Philosophique* и *Rev. de Synth. hist.*, подготовившихъ и новое, переработанное изданіе его книги подъ заглавіемъ: „*La théorie de l'histoire*“. Par., 1908.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основанія ідіографическаго построенія историческаго знанія.

Идіографическое построеніе стремится къ объединенію нашихъ историческихъ знаній, съ той познавательной точки зрѣнія, которая обнаруживается въ нашемъ „интересѣ“ къ конкретной дѣйствительности. Въ виду такой именно познавательной цѣли, историкъ не можетъ довольствоваться обобщеніемъ и образуетъ особаго рода индивидуальныя понятія. Во главѣ ихъ можно, конечно, поставить понятія объ индивидуальномъ и его историческомъ значеніи; благодаря имъ, множество представленій объ отдѣльныхъ чертахъ дѣйствительности уже получаетъ нѣкоторое единство. Этихъ понятій, однако, недостаточно для того, чтобы установить реальное отношеніе между историческими фактами: оно конструируется при помощи понятія о фактически необходимой причиннослѣдственной связи между ними. Впрочемъ, и послѣднее понятіе слишкомъ мало охватываетъ сложную историческую дѣйствительность: въ сущности, лишь понимая ее какъ цѣлое, въ которомъ отдѣльные факты получаютъ значеніе частей и занимаютъ опредѣленное положеніе, можно достигнуть высшей степени объединенія изучаемыхъ нами историческихъ данныхъ.

§ 1. Основная задача ідіографическаго построенія.

Въ обыденномъ мышленіи легко вскрыть тотъ интересъ, удовлетвореніе котораго мы стремимся достигнуть путемъ ідіо-

графическаго построения: человекъ интересуется не одними только научными обобщениями; самъ будучи индивидуальностью, онъ питаетъ интересъ и къ конкретной дѣйствительности. Правда, человекъ цѣнитъ не всякаго рода дѣйствительность, а только ту, которой онъ придаетъ какое-либо значеніе; но если бы онъ не могъ признать дѣйствительность того, чему онъ же придаетъ значеніе, то и смыслъ послѣдняго измѣнился бы для него; онъ могъ бы цѣнить лишь свои идеи; а между тѣмъ всякому извѣстно, что многія идеи получаютъ интересъ или пріобрѣтаютъ особаго рода интересъ, лишь подѣ условіемъ мыслить дѣйствительное существованіе ихъ содержанія; напримѣръ: иное дѣло сознать, что слушаешь сказку, и иное дѣло принимать рассказъ за изложеніе дѣйствительно бывшаго; между тѣмъ, послѣдній и называется „историческимъ“. Итакъ, можно сказать, что познавательная цѣль идиографическаго построения уже обнаруживается въ нашемъ интересѣ къ конкретной дѣйствительности; „настоящій“ историкъ лишь ярче другихъ переживаетъ такое настроеніе: онъ „вообще долженъ испытывать непосредственное участіе и радость къ единичному, самому по себѣ взятому; онъ долженъ чувствовать влеченіе къ живымъ проявленіямъ каждаго отдѣльнаго человека и, даже безъ всякаго отношенія къ ходу вещей, радуется тому, какъ человекъ во всякое время пытался жить...“ *).

Въ виду нашего интереса къ конкретной дѣйствительности, мы и стремимся къ научному ея познанію: оно имѣетъ для насъ и теоретическое, и практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, съ теоретической точки зрѣнія мы придаемъ значеніе идиографическому построению прежде всего въ той мѣрѣ, въ какой оно вообще объединяетъ наше знаніе; нельзя объединить совокупность нашихъ знаній, хотя бы объ одномъ данномъ объектѣ, при помощи принциповъ одного только номотетическаго построения: вѣдь въ составъ такой совокупности мы должны включить знаніе индивидуальныхъ особенностей даннаго объекта. Далѣе, если признать, что безъ данности исходнаго момента научнаго

*) *L. v. Ranke, Weltgeschichte, Bd. IX, Abt. II, (1888) Vorw., S. IX ff*

построенія дѣйствительности, эмпирическія науки не мыслимы, то и такой моментъ, т. е. конкретно данная, хотя бы въ одинъ извѣстный моментъ, дѣйствительность требуетъ самостоятельнаго обслѣдованія. Наконецъ, легко замѣтить, что мы интересуемся не только закономъ, но и его осуществленіемъ въ зависимости отъ дѣйствительности: лишь идиографическое построеніе, однако, можетъ отвѣтить на вопросъ о томъ, гдѣ именно и когда именно онъ осуществлялся. Съ практической точки зрѣнія мы также испытываемъ потребность не въ одномъ только обобщающемъ знаніи, но и въ его коррективѣ, каковымъ можно признать знаніе „историческое“ въ идиографическомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если придавать категорическому императиву ту индивидуализирующую форму, которая уже была установлена основателемъ идиографическаго построенія, то и осуществленіе ея предполагаетъ наличность такого же индивидуализирующаго знанія и не только въ качествѣ логическаго требованія, но и нравственнаго постулата. Съ такой точки зрѣнія этика находитъ существенную поддержку въ исторіи, занимающейся построеніемъ понятій съ индивидуальнымъ содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, при выработкѣ этики съ вышеуказанной точки зрѣнія, нельзя довольствоваться формальными свойствами долженствованія вообще; она должна опредѣлять должное въ отношеніи его къ человеку, какъ индивидуальности въ ея соціально-историческомъ значеніи. Сказать: поступи такъ, какъ должно, — слишкомъ мало; надо еще добавить: „если ты хочешь поступать хорошо, ты долженъ исполнить то, что, въ силу твоей индивидуальности и условій мѣста и времени, т. е. того опредѣленнаго положенія, какое ты занимаешь въ дѣйствительности, ты одинъ только въ состояніи исполнить“ *). Впрочемъ, такое же знаніе получаетъ значеніе и въ чисто утилитарномъ смыслѣ: вся наша практическая дѣятельность, въ сущности, сводится къ совершенію опредѣленныхъ дѣйствій въ данное время и въ данномъ мѣстѣ; слѣдовательно, она требуетъ знанія тѣхъ именно условій пространства и времени, въ которыхъ мы дѣйствуемъ: съ такой

*) *H. Rickert*, Grenzen, SS. 716—717; ср. выше сс. 192—193.

точки зрѣнія. безъ точнаго знанія, на примѣръ, того, а не иного распредѣленія минераловъ, растений, животныхъ, человѣческихъ обществъ и ихъ учрежденій, а также степени ихъ развитія во времени, нѣтъ возможности дѣйствовать съ наименьшей затратой силъ и съ надеждой на успѣхъ. И такъ, въ совокупность нашего знанія мы должны (и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія) включать знаніе индивидуальнаго; но для такого именно знанія номотетической точки зрѣнія недостаточно: надо прибѣгнуть къ идиографическому построению; оно должно дать научное удовлетвореніе нашему интересу къ конкретной дѣйствительности.

Познавательная цѣль, уже обнаруживающаяся въ нашемъ интересѣ къ конкретной дѣйствительности, еще яснѣе опредѣляется при научномъ его удовлетвореніи.

Въ противоположность номотетическому построению, которое все болѣе отдаляетъ насъ отъ дѣйствительности, идиографическое построение стремится возможно болѣе приблизиться къ ней: оно изучаетъ объекты, какъ таковые; тогда какъ во всякомъ номотетическомъ построеніи ученый отвлекаетъ отъ объекта черты, общія ему съ другими объектами, и, значить, не имѣетъ въ виду изучать его въ его индивидуальности, а пользуется имъ лишь въ качествѣ матеріала, пригоднаго для обобщенія, историкъ, въ своемъ идиографическомъ построеніи, признаетъ индивидуальное цѣлью своего изученія. Слѣдовательно, идиографическая (или историческая въ идиографическомъ смыслѣ) точка зрѣнія тѣмъ и отличается отъ номотетической, что, съ идиографической точки зрѣнія, ученый интересуется индивидуальнымъ цѣлымъ или единичными составными частями дѣйствительности не какъ познавательными средствами, а какъ такими ея частями, каждая изъ которыхъ сама по себѣ уже заслуживаетъ вниманія въ качествѣ объекта познанія *).

Такимъ образомъ, идиографическое построение ставитъ себѣ особаго рода познавательную цѣль, а не особаго рода объекты

*) *G. Simmel*, Probleme. . . . S. 139 ff; *M. Weber*, Kritische Studien и проч. въ „Arch. für Sozial-Wiss.“, Bd. XXII, S. 162.

изслѣдованія; напротивъ, одинъ и тотъ же объектъ можно разсматривать не только съ номотетической точки зрѣнія, но и съ идиографической. Значить, въ случаѣ, если нашъ интересъ направленъ именно къ данному объекту, не посколькѣ у него есть общія съ другими объектами свойства, а посколькѣ сама его индивидуальность представляетъ интересъ, естественно прибѣгнуть и къ особаго рода построению—идиографическому; оно должно получить преобладающее значеніе и предопредѣлять собою весь характеръ изслѣдованія, предпринимаемаго для того, чтобы удовлетворить интересъ подобнаго рода.

Научное удовлетвореніе нашего интереса къ конкретной дѣйствительности и дается особаго рода науками: науками историческими въ широкомъ смыслѣ слова. Съ логической точки зрѣнія можно говорить даже объ исторіи физическихъ процессовъ: напримѣръ, объ исторіи свѣта, о томъ, всегда ли былъ свѣтъ; когда и гдѣ онъ впервые появился, сколько существуетъ очаговъ свѣта и въ какихъ мѣстахъ они существуютъ и т. п.; то же можно сказать и относительно исторіи химическихъ элементовъ (ср. генетическое значеніе періодизаціи элементовъ), а также небесныхъ тѣлъ и земли (космогонія, геологія), органическихъ тѣлъ (біогенетическія изслѣдованія, происхожденіе видовъ и проч.), и, наконецъ, человѣчества, т. е. его культуры *).

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что, посколькѣ дѣйствительность намъ дана, она представляется намъ конкретно данной. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительность всегда представляется намъ въ данной намъ конкретности; значить, если исторія занимается научнымъ построениемъ дѣйствительности, она должна заниматься такимъ построениемъ ея въ ея конкретности: „только частное и есть то, что дѣйствительно происходитъ“. Слѣдовательно, исторію, въ такомъ именно смыслѣ, можно назвать наукой о дѣйствительности, разсматривающей ее въ отношеніи ея къ конкретному **).

Если, однако, основная задача историческаго знанія состоитъ въ научномъ знаніи дѣйствительности въ ея конкретно-

*) *H. Rickert*, Grenzen 274 и др. Ср. ограничительныя замѣчанія. *F. Gottl'я*: Die Grenzen der Geschichte, Lpz., 1904; особенно SS. 16—29.

***) *H. Rickert*, Grenzen, SS. 250—251, 255, 277.

сти, то историкъ не можетъ довольствоваться не только обобщеніемъ фактовъ, но и отвлеченіемъ отъ нея такихъ фактовъ; онъ не можетъ ограничиваться изученіемъ однородныхъ серій явленій. Съ такой точки зрѣнія, „исторія“ элементовъ и т. п. есть уже своего рода абстракція. То же можно сказать и относительно исторіи въ узкомъ смыслѣ; историкъ человечества не можетъ ограничиваться изученіемъ, напримѣръ, исторіи хозяйства или исторіи идей, исторіи нравовъ, учреждений и т. п.: вѣдь каждая изъ такихъ серій—абстракція; въ дѣйствительности—нѣтъ отдѣльныхъ серій, а только сплетенія ихъ. Мало того: реальную связь ихъ надо искать въ реальныхъ людяхъ, т. е. въ индивидуумахъ, каждый изъ которыхъ, однако, обладаетъ еще своею индивидуальностью, или въ событіяхъ, про которыя можно сказать то же самое; принимая во вниманіе такія „индивидуальности“, можно говорить и о конкретно-данной исторической дѣйствительности.

Вышеуказанная познавательная цѣль идіографическаго построенія обнаруживается и въ томъ значеніи, какое историкъ-идіографъ приписываетъ обобщенію: въ виду научнаго удовлетворенія нашего интереса къ конкретной дѣйствительности, онъ стремится возможно больше воспользоваться выводами обобщающихъ наукъ для научнаго ея пониманія; нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ построеніяхъ онъ пользуется и номологическими, и типологическими обобщеніями; но ихъ установленіе не составляетъ цѣли историческаго знанія: историкъ прибѣгаетъ къ готовымъ обобщеніямъ въ качествѣ средствъ, пригодныхъ для пониманія конкретно данной ему дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, „тотъ фактъ, что всякая наука нуждается въ общихъ понятіяхъ, еще не доказываетъ, что каждая наука одинаково должна стремиться къ построенію системы общихъ понятій“. Хотя естествознаніе и исторія нуждаются въ общихъ понятіяхъ, но они дѣлаютъ изъ нихъ разное употребленіе. Для естествознанія — образованіе общихъ понятій есть цѣль, для исторіи они служатъ средствомъ, а цѣлью оказывается пониманіе индивидуальнаго. Исторія достигаетъ такой цѣли обходнымъ путемъ, сообразуясь съ требованіями нашего мышленія и нашего

языка; вѣдь и въ послѣднемъ мы постоянно пользуемся общими терминами для изображенія индивидуальнаго; въ исторіи они также употребляются для обозначенія дѣйствительно бывшаго*). Съ такой точки зрѣнія, историкъ широко пользуется законами и въ особенности „законами душевной жизни“, поскольку таковыя дѣйствительно установлены **). Законами ритма историкъ объясняетъ, на примѣръ, производство и организацію хозяйственныхъ работъ у древнихъ египтянъ (Бюхеръ); законами ассоціаціи (положимъ, ассоціаціи идеи движенія съ идеей одушевленія)—анимизмъ первобытныхъ вѣрованій даннаго древне-германскаго или древне-славянскаго племени (Тейлоръ) и т. п.; историкъ можетъ пользоваться общими законами психической мотиваціи и для объясненія дѣйствій опредѣленныхъ историческихъ дѣятелей, на примѣръ, Петра Великаго, Наполеона и т. п.; или, принимая во вниманіе психологію толпы, объяснять отдѣльные эпизоды изъ французской революціи, революціи 1848 г. (напр., послѣдствія выстрѣла на дворцовой площади въ Берлинѣ...) и т. п.

Въ аналогичномъ смыслѣ историкъ можетъ пользоваться и типологическими обобщеніями.

Какая-нибудь программа уроковъ, дающая понятіе о томъ, чему и какъ канторъ XII-го вѣка училъ своихъ воспитанниковъ, или какойнибудь кухонный счетъ XIV-го вѣка сами по себѣ, положимъ, не оказали существеннаго вліянія на историческій процессъ; но, поскольку они могутъ служить для познавательныхъ цѣлей, такіе типическіе для даннаго времени факты (если они типичны), получаютъ значеніе и съ идиографической точки зрѣнія; можно пользоваться знаніемъ такихъ „типовъ“ для истолкованія индивидуальныхъ фактовъ, характеризующихъ позднее средневѣковье, о чемъ иногда забываютъ даже привер-

*) *H. Rickert*, Les quatre modes de l'universel въ *Rév. de S. N.*, 1901, II, № 2, 124—126; ср. его книгу: *Die Grenzen*, S. 340 ff.

**) *W. Windelband*, *Nat-w und Gesch.-w.*, S. 23; авторъ, однако, сомнѣвается въ полезности для историка подобныхъ знаній, по крайней мѣрѣ, до нынѣшняго времени; онъ также сомнѣвается въ научности большинства такъ называемыхъ законовъ душевной жизни и возлагаетъ, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно, много надеждъ на интуицію историковъ. Ср. выше отд. I, гл. II, сс. 112—161.

женцы изучаемаго пониманія исторіи. Возьмемъ еще одинъ примѣръ, на которомъ легче показать различіе между познавательнымъ значеніемъ типа и реальнымъ значеніемъ конкретного факта. Положимъ, напримѣръ, что при изученіи возникновенія государства у Тлинкитовъ и Ирокезовъ, мы обнаружимъ такіе процессы возникновенія государства изъ родового устройства, которые имѣютъ репрезентативно-тишическое значеніе. Такое ихъ значеніе нельзя, однако, смѣшивать съ реальнымъ значеніемъ типизируемыхъ фактовъ, поскольку они важны съ причино-слѣдственной точки зрѣнія: факту возникновенія выше-названныхъ государствъ, процессу ихъ образованія нельзя приписывать „почти всемірно историческое значеніе“, такъ какъ они въ дѣйствительности оказали очень мало вліянія на всемірно историческое развитіе человѣчества: вѣдь они существенно не повліяли на позднѣйшую культурную или политическую исторію человѣчества, т. е. въ качествѣ причины, фактора — не играли въ ней замѣтной роли. Слѣдовательно, познавательное значеніе подобнаго рода фактовъ нельзя смѣшивать съ реально-историческимъ вліяніемъ ихъ: факты, подобные вышеприведеннымъ, очевидно, важны для познанія хода образованія государствъ, т. е. тѣхъ процессовъ, путемъ которыхъ они вообще возникаютъ; ихъ познаніе, независимо отъ общаго ученія о государствѣ, можетъ весьма пригодиться и для историка, поскольку онъ будетъ пользоваться имъ для истолкованія конкретно-даннаго случая возникновенія извѣстнаго государства; слѣдовательно, такое знаніе можетъ имѣть для него познавательное значеніе, но не играетъ роли реального основанія (т. е. причины), которымъ съ причино-слѣдственной точки зрѣнія объяснялось бы возникновеніе другого государства, напримѣръ, Съверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ. Съ точки зрѣнія реального значенія несравненно большее (собственно историческое) значеніе можно приписать, напримѣръ, хотя бы извѣстному рѣшеніюThemistocles, дѣйствительно повліявшему не только на ходъ древне-греческой исторіи, но (черезъ ея посредство) и на развитіе всемірной исторіи *).

*) *K. Breysig*, Die Entstehung des Staates bei Tlinkit und Iroke-

Итакъ, историкъ можетъ пользоваться понятіемъ „типа“, въ только что указанномъ познавательномъ его значеніи и съ ідіографической точки зрѣнія. Историкъ принимаетъ его, напримѣръ, во вниманіе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ употребляетъ „типъ“, какъ своего рода критерій для установленія степени уклоненія отъ него данной индивидуальности, что, въ свою очередь, указываетъ ему и дальнѣйшую задачу: выяснить, почему въ данномъ конкретномъ случаѣ такіа уклоненія дѣйствительности имѣли мѣсто. Съ только что указанной точки зрѣнія, пользуясь, напримѣръ, понятіемъ о типѣ, положимъ, французскаго солдата революціонной эпохи, онъ съ большею легкостью отмѣтитъ индивидуальныя особенности Гоша (Hoch) или Наполеона. Въ аналогичномъ смыслѣ можно примѣнять научно установленный для даннаго періода типъ матеріальной или духовной культуры (типы хозяйства, религіи и т. п.), общественнаго строя, учреждений и т. п., для выясненія индивидуальных особенностей культуры даннаго народа въ тотъ же (или иной соотвѣтственный) періодъ времени. Въ средневѣковой Германіи, напримѣръ, сословный ландтагъ обыкновенно состоялъ изъ прелатовъ рыцарей и горожанъ (типъ); но на вюртембергскихъ ландтагахъ рыцарей не оказывается *); такой фактъ самъ по себѣ (съ историко-ідіографической точки зрѣнія) требуетъ объясненія, а объясняя его, историкъ лучше входитъ и въ изученіе тѣхъ индивидуальных особенностей соціально-политическаго устройства, которыя именно для Вюртемберга и характерны.

Всякій разъ, однако, когда историкъ имѣетъ дѣло съ какимъ либо общимъ комплексомъ, съ „средою“ или коллективнымъ существомъ, онъ, казалось бы, долженъ прибѣгать къ образованію общихъ понятій, обнимающихъ ихъ общее содержаніе (а не только значеніе); въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы признавать раздѣльные элементы подобнаго рода комплексовъ экземплярами, представленія о которыхъ обобщаются имъ въ понятіе

sen in Schmollers Jahrb. 1904 г. S. 483 f.; ср. *M. Weber*, Op. cit. Arch. für Sozialw., Bd. XXII, S. 159—160

*) *G. r. Below*. Territorium und Stadt. Münch. 1900, SS. 214, 278—282.

о самомъ комплексѣ. Если, однако, историкъ разсматриваетъ каждый изъ такихъ элементовъ, какъ индивидуальную (въ историческомъ смыслѣ) часть даннаго цѣлаго, то, очевидно, онъ не выходитъ изъ идиографическаго построенія, и, въ сущности, не оперируетъ надъ общими понятіями; правда, не всѣ элементы, взятые порознь, могутъ и должны обращать на себя вниманіе историка, почему онъ и располагаетъ ихъ по группамъ, образующимъ данное цѣлое, но каждой группѣ онъ приписываетъ индивидуальное значеніе, какъ особой части цѣлаго комплекса.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе объ этихъ группахъ имѣетъ для историка лишь относительно общее значеніе; сравнивая относительно общее понятіе съ болѣе общимъ понятіемъ, мы, въ сущности, тѣмъ самымъ получаемъ понятіе о нѣкоемъ индивидуальномъ объектѣ, т. е., по отношенію къ болѣе общему, можемъ разсматривать его, поскольку оно своими относительно индивидуальными чертами отличается отъ послѣдняго: сравнительно съ общими понятіями естествознанія, вышеуказанное понятіе о группѣ, занимающей опредѣленное мѣсто въ пространствѣ и времени, уже можно считать частнымъ. Выше было уже указано и на то, что въ идиографическомъ построеніи такое понятіе употребляется съ цѣлью выразить индивидуальность самой группы, а не общую природу вида, т. е. съ цѣлью выяснить ея значеніе, какъ части даннаго цѣлаго, занимающей опредѣленное положеніе, по отношенію къ остальнымъ частямъ даннаго комплекса; слѣдовательно, понятіе о данномъ государствѣ, народѣ, обществѣ, городѣ и т. п. группахъ можетъ получить, смотря по точкѣ зрѣнія, не только относительно общее, но и относительно индивидуальное значеніе. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ то, что важно для данной группы (т. е. имѣетъ общее значеніе), совпадаетъ съ тѣмъ, что встрѣчается во всѣхъ элементахъ данной группы (т. е. съ тѣмъ, что имѣетъ общее содержаніе; ср. ниже). Въ такихъ случаяхъ, понятіе о группѣ можетъ получить общее содержаніе; но совпаденія подобнаго рода съ логической точки зрѣнія должно признать простою случайностью: они не вызваны сознательнымъ стремленіемъ историка къ образованію общихъ понятій, а тѣмъ паче къ построенію цѣлой ихъ системы.

Такимъ образомъ, и историкъ, придерживающійся идиографической точки зрѣнія, постоянно обращается къ общимъ понятіямъ; но онъ пользуется ими не для обобщенія, а для индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности.

Итакъ, основная задача исторической науки въ идиографическомъ смыслѣ состоитъ въ томъ, чтобы съ индивидуализирующей точки зрѣнія достигнуть научнаго пониманія конкретно-данной намъ дѣйствительности: исторія, хотя и пользуется общими понятіями, но стремится изучить не то, что происходитъ всюду и всегда, а индивидуальное; она желаетъ дать научное построеніе данныхъ въ различныхъ точкахъ пространства и различныхъ моментахъ времени „индивидуальностей“, въ ихъ реально-индивидуальномъ отношеніи къ цѣлостной исторической дѣйствительности, и такимъ образомъ пытается конструировать понятіе объ историческомъ цѣломъ.

§ 2. Понятіе объ индивидуальномъ и его историческомъ значеніи.

Научное удовлетвореніе нашего интереса къ конкретной дѣйствительности достигается прежде всего путемъ образованія индивидуальных понятій, объединяющихъ наше знаніе о ней.

Каждое изъ такихъ понятій есть понятіе, содержаніе котораго разсматривается съ точки зрѣнія его отличія отъ содержанія другихъ понятій, и признается единичнымъ; значитъ, такое понятіе характеризуется ограниченностью своего объема: въ предѣльномъ смыслѣ можно сказать, что каждое индивидуальное понятіе годится лишь для обозначенія одного объекта.

Понятіе объ индивидуальномъ, однако, шире понятія объ индивидуальности: вѣдь подъ понятіемъ объ индивидуальномъ можно разумѣть и понятіе объ индивидуальномъ положеніи, и понятіе объ индивидуальности, занимающей такое положеніе. Данная матеріальная точка, напримѣръ, можетъ занимать индивидуальное положеніе въ данной системѣ, опредѣляемое методомъ координатъ; но, взятая сама по себѣ, не въ отношеніи (по ея положенію) ко всѣмъ остальнымъ элементамъ той же совокупности,

она можетъ быть замѣнена любой другой матеріальною же точкой, также самой по себѣ взятой, и, значить, не представляется намъ индивидуальностью; субъектъ, занимающій определенное положеніе въ обществѣ, напротивъ, признается нами индивидуальностью въ той мѣрѣ, въ какой онъ, въ силу присущаго ему своеобразія, не замѣнимъ другимъ субъектомъ, и долженъ занять то, а не иное положеніе въ цѣломъ. Съ такой точки зрѣнія понятіе объ индивидуальности уже связывается и съ понятіемъ о ея значеніи.

Дѣйствительно, можно сказать, что понятіе объ индивидуальности—есть понятіе о нѣкоемъ единствѣ своеобразія, характеризующемъ извѣстною совокупностью признаковъ и, значить, незамѣнимымъ другимъ какимъ-либо комплексомъ въ его значеніи; слѣдовательно, оно есть наше построеніе, производимое нами съ точки зрѣнія того значенія, какое мы приписываемъ данной индивидуальности; въ такомъ же смыслѣ можно сказать, что историческая индивидуальность конструируется съ точки зрѣнія ея историческаго значенія.

Впрочемъ, и подъ индивидуальностью можно разумѣть или понятіе о цѣломъ, поскольку его содержаніе единично, или понятіе о части цѣлаго, незамѣнимой никакой другой его частью; въ послѣднемъ смыслѣ можно также разсуждать о значеніи индивидуальности въ ея отношеніи къ цѣлому и соотвѣтственно формулировать понятіе о ея историческомъ значеніи (см. ниже).

Понятіе объ индивидуальности характеризуется богатствомъ своего содержанія и ограниченностью своего объема: оно содержитъ множество представленій о разнообразныхъ элементахъ конкретной дѣйствительности, объединяемыхъ въ одну совокупность, что отражается и въ словоупотребленіи *): подъ индивидуальностью, въ болѣе частномъ значеніи слова, можно разумѣть и личность, и событіе, и социальную группу, и народъ, въ той мѣрѣ, въ какой они отличаются отъ другихъ личностей,

*) *M. S. Newcomb*, L'univers comme organisme. Rev. Scient. 1903, Mars 14, p. 323: „Parmi les milliers d'étoiles qui ont été examinées spectroscopiquement il n'y en a pas deux, pour lesquelles ont ait trouvé absolument la même constitution physique“.

событій, соціальныхъ группъ, народовъ и т. п. Человѣческое сознание, однако, не въ состояніи обнять всю множественность конкретно данныхъ элементовъ: сама по себѣ конкретная дѣйствительность настолько многосложна, что исчерпать ее до дна нѣтъ возможности. Вѣдь каждая мельчайшая частица даннаго тѣла, поскольку она занимаетъ опредѣленное мѣсто въ немъ и непроницаема для другой, представляется намъ уже частью, матеріальной точкой данной массы; но представить себѣ реальную совокупность такого безчисленнаго множества мельчайшихъ частицъ и, такимъ образомъ, воспроизвести данную массу въ ея конкретности, нѣтъ возможности; съ указанной точки зрѣнія нельзя представить себѣ матеріальной массы во всей ея конкретности: мы затерялись бы въ ней. То же заключеніе, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, можно сдѣлать, если обратиться къ изученію даннаго цѣлаго съ качественно разнородными частями. Положеніе изслѣдователя оказалось бы безвыходнымъ, если бы онъ, въ виду своихъ познавательныхъ цѣлей, не имѣлъ возможности упрощать, т. е. схематизировать содержаніе дѣйствительности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно разсматривается не съ количественной, а съ качественной точки зрѣнія.

Итакъ, дѣйствительность слишкомъ разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полнотѣ ея индивидуальныхъ чертъ; то же, разумѣется съ тѣмъ большимъ основаніемъ, можно сказать и о той дѣйствительности, которую мы называемъ психической. Даже ограничивая свои наблюденія какою-нибудь мелкою частью человѣческаго рода, историкъ принужденъ сознаться, что содержаніе ея все же слишкомъ разнообразно для того, чтобы онъ былъ въ состояніи выразить всѣ входящія въ ея составъ индивидуальныя черты; при изображеніи историческихъ личностей и событій, онъ, въ сущности, долженъ отказаться отъ полнаго воспроизведенія индивидуальнаго во всей его совокупности и пользуется нѣкоторымъ отвлеченіемъ для упрощенія дѣйствительности: какое-нибудь сраженіе или осада представляются ему только въ сокращенномъ видѣ, въ основныхъ своихъ чертахъ; иной разъ онъ даже довольствуется простымъ регистраваніемъ даннаго факта (въ такомъ то году происходила

такая то война и т. п.), не входя въ подробное его описаніе *). Слѣдовательно, историкъ, подобно естествовѣду, очевидно, нуждается въ упрощеніи конкретнаго содержанія данныхъ своего историческаго опыта; онъ образуетъ своего рода „историческія понятія“; онъ не беретъ, напримѣръ, всѣхъ людей или событій со всѣми индивидуальными чертами, а принимаетъ во вниманіе лишь нѣкоторыхъ людей и нѣкоторыя событія въ ихъ индивидуальности. Впрочемъ, и послѣднюю онъ представляетъ не въ совокупности всѣхъ ея чертъ, а выбираетъ изъ нихъ извѣстныя черты, которыя онъ и соединяетъ въ индивидуальный образъ.

Итакъ, построеніе дѣйствительности уже обнаруживается въ процессѣ ея упрощенія. Нельзя, однако, признать всякое упрощеніе чувственно воспринятаго особенно характернымъ процессомъ научнаго знанія; вѣдь такимъ же стремленіемъ характеризуется и вся наша дѣятельность, и даже, пожалуй, въ еще большей мѣрѣ практическая, чѣмъ теоретическая; безъ него мы не могли бы дѣйствовать. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разсуждать не объ упрощеніи вообще, а о научномъ упрощеніи, т. е. квалифицировать процессъ: научный характеръ построенія дѣйствительности зависитъ не столько отъ упрощенія ея, сколько отъ научно-критическаго обоснованія той точки зрѣнія, съ которой оно производится.

На какомъ же основаніи историкъ „упрощаетъ“ дѣйствительность и признаетъ, что одно событіе имѣетъ историческое значеніе, а другое его не имѣетъ?

Вообще, для того, чтобы распознать въ данной многосложности тѣ индивидуальныя состоянія, событія, комплексы или серіи, которые должны быть признаны существенными, историкъ нуждается въ критеріи, съ помощью котораго онъ могъ бы выбирать изъ многосложной дѣйствительности то, что имѣетъ историческое значеніе. Такъ какъ научное построеніе исторіи, условіемъ котораго оказывается такой принципъ, должно быть принято всѣми, то послѣдній не можетъ имѣть индивидуальнаго характера; надобно, чтобы онъ былъ одинаково признаваемъ „всѣми“ и въ такомъ смыслѣ отличался бы общимъ значеніемъ.

*) *G. W. F. Hegel, Werke, IX, 3—te Aufl, S. 8.*

Правда, что и естествознание нуждается въ принципѣ выбора; но здѣсь принципомъ подобнаго рода служить общее содержание образуемаго понятія; съ такой точки зрѣнія объекты разсматриваются лишь постольку, поскольку они содержатъ общія между собою черты. Указанный принципъ пригоденъ для соціологическихъ изслѣдованій, но не для идіографическаго построения исторіи. Вѣдь исторія въ идіографическомъ смыслѣ придаетъ значеніе не тому, что въ данномъ объектѣ оказывается у него общимъ съ другими, а самому объекту, поскольку онъ представляетъ особенности ему одному свойственныя, и поскольку, съ телеологической точки зрѣнія, для сохраненія его индивидуальности (въ цѣломъ ея видѣ принимаемой въ расчетъ), ее должно признать единственною въ своемъ родѣ. Съ такой индивидуализирующей точки зрѣнія, объектъ, разсматриваемый, поскольку онъ имѣетъ индивидуальный характеръ, а не общее съ другими содержаніе, тѣмъ не менѣе можетъ получить всеобщее значеніе; мало того: по мѣрѣ возрастанія индивидуальнаго характера объекта, особенностей, отличающихъ его отъ остальныхъ и лишающихъ историка возможности замѣнить его другимъ объектомъ, всеобщее значеніе его возрастаетъ.

Слѣдовательно, различая понятіе объ общемъ содержаніи отъ понятія о всеобщемъ значеніи, можно сказать, что съ историко-идіографической точки зрѣнія, общность содержанія даннаго объекта не можетъ еще служить критеріемъ для историческаго выбора: историкъ долженъ принимать во вниманіе индивидуальный характеръ изучаемыхъ имъ объектовъ; между тѣмъ, если онъ будетъ придавать значеніе общему съ другими содержанію объекта, онъ именно лишенъ будетъ возможности съ такой точки зрѣнія придавать значеніе самому объекту въ его индивидуальности.

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ критерій „общности содержанія“ и имѣя въ виду лишь всеобщее значеніе даннаго объекта, можно еще попытаться судить о немъ по объективно-данному признаку, а именно: по числу вызванныхъ даннымъ фактомъ послѣдствій. Положимъ, что чѣмъ больше (въ количественномъ смыслѣ) данный фактъ вызоветъ послѣдствій, тѣмъ онъ будетъ имѣть большее значеніе. Можно ли съ идіографической точки зрѣ-

нія принять такой количественный критерій всеобщаго значенія факта по числу его послѣдствій?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что историкъ можетъ или исходить изъ даннаго факта и выяснять его послѣдствія, или, наоборотъ, начинать съ изученія его послѣдствій и восходить къ тому факту, вліяніемъ котораго они были вызваны.

Если исходить изъ факта (причины), то уже надо имѣть критерій для выбора того, а не иного факта; разъ историкъ остановился на одномъ изъ нихъ, значитъ онъ уже выбралъ его (хотя бы гипотетически), по его (предполагаемому) значенію для всей общественной группы, которая имъ изучается. Съ указанной точки зрѣнія историкъ принимаетъ во вниманіе не всякій фактъ, а такой, который, по его мнѣнію, самъ по себѣ уже имѣетъ значеніе и могъ оказать реальное вліяніе на данную общественную группу, и только провѣряетъ свою гипотезу путемъ индуктивнаго наблюденія надъ численностью послѣдствій; но въ такомъ случаѣ критерій численности послѣдствій не опредѣляетъ всеобщаго значенія даннаго факта, а играетъ только контролирующую роль при установленіи его историческаго значенія. Слѣдовательно, критерій по числу послѣдствій не даетъ еще основанія для историческаго выбора даннаго факта, если исходить изъ него при выясненіи его значенія. Нельзя примѣнять его и въ томъ случаѣ, когда на основаніи всеобщаго значенія какого нибудь „выдающагося“ факта предпринимаются разысканія такихъ его послѣдствій, которыя сами по себѣ, въ качественномъ отношеніи, могутъ быть малозначительны и ускользаютъ отъ вниманія историка; иными словами говоря, иногда ему удобнѣе исходить изъ ярко-бросающагося въ глаза факта, чѣмъ изъ его послѣдствій, часто разсыпанныхъ по разнымъ періодамъ и какъ бы затерянныхъ въ многообразіи дѣйствительности; но и въ данномъ случаѣ онъ уже признаетъ его значеніе и пользуется такимъ понятіемъ для того, чтобы разыскать и выяснить его послѣдствія.

Если историкъ исходитъ не изъ даннаго факта, а изъ его послѣдствій, то все же на основаніи числа ихъ онъ не достиг-

нетъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, приступая къ изученію такихъ послѣдствій, онъ уже дѣлаетъ предпосылку: съ идиографической точки зрѣнія онъ долженъ принимать во вниманіе послѣдствія такого факта (предполагаемаго), который (въ смыслѣ логическаго предѣла) оказывается единственнымъ въ своемъ родѣ, а потому и получаетъ особое значеніе; но въ такомъ случаѣ послѣднее должно обнаруживаться и въ его послѣдствіяхъ; иначе самая связь между даннымъ фактомъ (въ его индивидуальной цѣлостности) и его послѣдствіями утрачивается и послѣднія становятся обособленными фактами, по которымъ нельзя судить о ихъ причинѣ, поскольку ея характерныя особенности отразились на ея послѣдствіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что каждый фактъ—причина, въ сущности порождаетъ безпредѣльное число послѣдствій; Аустерлицкое сраженіе, на примѣръ, вызвало массу сотрясеній воздуха; каждая новая волна воздуха являлась однимъ изъ слѣдствій, порожденныхъ выстрѣлами; историкъ не принимаетъ, однако, во вниманіе этихъ послѣдствій: онъ интересуется Аустерлицкимъ сраженіемъ съ точки зрѣнія его вліянія на судьбу священной Римской Имперіи, на паденіе политическаго значенія Австріи, на русско-французскія отношенія и т. п., словомъ онъ выбираетъ изъ безчисленнаго множества слѣдствій даннаго факта тѣ, которыя уже имѣютъ (или имѣли), по его мнѣнію, всеобщее значеніе; а для такого выбора онъ, очевидно, уже долженъ пользоваться нѣкоторымъ критеріемъ. Если же онъ будетъ выбирать слѣдствія по ихъ качественному значенію, то онъ уже выйдетъ за предѣлы количественной ихъ оцѣнки: или поскольку она даетъ ему возможность выяснитъ всеобщее значеніе вызвавшаго ихъ факта, или поскольку онъ каждому изъ такихъ послѣдствій будетъ придавать всеобщее значеніе для новой группы результатовъ. Итакъ, въ томъ случаѣ, если историкъ будетъ исходить изъ послѣдствій даннаго факта, онъ не окажется въ состояніи, пользуясь однимъ только критеріемъ численности (объема) послѣдствій, построить историческую дѣйствительность. Наконецъ, при опредѣленіи всеобщаго значенія даннаго факта по числу его слѣдствій, всегда будетъ возникать вопросъ о томъ, какое именно число ихъ при-

знать достаточнымъ для того, чтобы данный фактъ причислить къ тѣмъ, которые имѣютъ всеобщее значеніе; но трудно подыскать объективный критерій для такого опредѣленія. Вѣдь можно признавать „всеобщее значеніе“ за такимъ фактомъ, который имѣлъ относительно меньшее число послѣдствій, если только они были важны; „важность“ послѣдствій, однако, уже предполагаетъ качественную ихъ оцѣнку. Въ сраженіи при Лютценѣ, на примѣръ, шведы одержали побѣду надъ нѣмцами; тѣмъ не менѣе „Валленштейнъ былъ доволенъ исходомъ дня, потому что, хотя ему пришлось отступить, но Густава Адольфа уже больше не было въ живыхъ, и онъ считалъ, что теперь никто не можетъ помѣряться съ его арміей“.

Итакъ, всеобщее значеніе факта нельзя установить съ точки зрѣнія количественнаго критерія—численности его послѣдствій; надобно принять во вниманіе качественный критерій: данный фактъ приобретаетъ всеобщее значеніе, когда „важность“ его должна быть признана или одинаково признается всѣми; а историческое значеніе онъ получаетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ не только всеобщее, но и дѣйствительное значеніе, т. е. если онъ въ своихъ характерныхъ особенностяхъ оказалъ дѣйствительное вліяніе на развитіе человѣчества.

Съ только что указанной точки зрѣнія нельзя смѣшивать два разныхъ понятія, а именно: цѣнность индивидуальности и ея историческое значеніе. Личность, на примѣръ, получаетъ значеніе въ исторіи не только какъ цѣнная сама по себѣ, но и съ причино-слѣдственной точки зрѣнія, поскольку она становится факторомъ историческаго процесса; данная личность можетъ имѣть очень большую цѣнность, но въ то же время можетъ быть совсѣмъ лишена или почти лишена историческаго значенія. Слѣдовательно, личность получаетъ значеніе въ исторіи не во всей полнотѣ ея содержанія, а въ тѣхъ ея проявленіяхъ (дѣйствіяхъ), которыя фактически оказывали вліяніе на историческій процессъ; то же можно сказать, конечно, и относительно событій. Лишь комбинируя понятія о цѣнности и о дѣйственности индивидуальнаго, историкъ получаетъ основаніе признать за нимъ исто-

рическое значеніе; такое сочетаніе и служить ему въ качествѣ критерія выбора историческихъ фактовъ.

Итакъ, для того, чтобы признать всеобщее значеніе даннаго факта, надобно, прежде всего, признать его цѣнность; но такое признаніе получаетъ разный смыслъ въ зависимости отъ того, придерживаться ли теоретико-познавательной или психологической точки зрѣнія.

Съ теоретико-познавательной точки зрѣнія мы называемъ „цѣнностью“ то значеніе, которое сознаніе вообще приписываетъ данному переживанію. Нельзя не замѣтить, что сознаніе вообще опознаетъ такія состоянія, которыя сами по себѣ имѣютъ для него опредѣляющее его значеніе и характеризуются моментомъ нѣкоего требованія, предъявляемаго нашимъ „я“ къ собственному сознанію; такія „цѣнности“ имѣютъ для него абсолютное значеніе и, смотря по характеру требованія, оказываются или познавательными, или этическими, или эстетическими. Въ зависимости, однако, отъ соблюденія или нарушенія подобнаго рода требованій или общезначимыхъ нормъ и ихъ характера мы образуемъ понятія, имѣющія положительное или противоположное ему отрицательное значеніе: истину, добро красоту; или ложь, зло, безобразіе; мы, конечно, легко переносимъ понятія подобнаго рода на самыя объекты, которые и получаютъ въ нашихъ глазахъ соотвѣтствующее значеніе; въ такомъ смыслѣ, т. е. путемъ отнесенія къ цѣнности мы и признаемъ за ними положительное или отрицательное значеніе.

Съ психологической точки зрѣнія мы, въ сущности, разсуждаемъ объ оцѣнкѣ. Простое переживаніе эмоціальныхъ состояній нельзя еще назвать оцѣнкою вызывающаго ихъ объекта или самихъ этихъ состояній въ качествѣ объектовъ: вѣдь оцѣнка вообще характеризуется волевымъ отношеніемъ нашего „я“ къ данному объекту; въ такомъ случаѣ субъектъ испытываетъ нѣкоторое влеченіе къ объекту или обратно; онъ сознаетъ, что данный объектъ нравится или противенъ ему, что онъ его хочетъ или не хочетъ, что онъ хочетъ своего хотѣнія или не хочетъ его. Волевой характеръ оцѣнки обнаруживается и въ главнѣйшихъ ея видахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ евдемонической

оцѣнки всегда лежитъ цѣлеполаганіе; при оцѣнкѣ подобнаго рода, субъектъ всегда цѣнитъ данный объектъ съ телеологической точки зрѣнія, какъ средство для достиженія удовольствія или пользы. Въ основѣ нормативной оцѣнки, т. е. оцѣнки, производимой на основаніи какой либо нормы, всегда лежитъ признаніе нормы, какъ высшей цѣли; само признаніе нормы, какъ чего то должнаго, предполагаетъ волевой актъ, направленный на осуществленіе долженствующаго быть.

Уже изъ вышеприведенныхъ положеній легко вывести, что аксіологическое сужденіе нельзя смѣшивать съ обобщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ оцѣночнымъ сужденіемъ надо разумѣть не субсумированіе подъ какое либо общее понятіе (напримѣръ, понятія: государство, религія, искусство и т. п.), а опредѣленное отношеніе моего „я“ къ опредѣленному объекту, взятому въ его конкретности; основаніемъ такого моего отношенія, моей оцѣночной точки зрѣнія оказывается не общее понятіе, а понятіе о цѣнности въ качествѣ критерія оцѣнки. Общія цѣнности, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются и общими понятіями; но для историка общія цѣнности, какъ, напримѣръ, государство и т. п., не имѣютъ значенія такихъ общихъ понятій, которыя содержали бы то, что обще индивидуальнымъ цѣностямъ и не придавали бы значенія индивидуальнымъ объектамъ: историкъ лишь относитъ къ цѣностямъ индивидуальные объекты для выясненія того, какое значеніе приписать имъ, въ силу именно ихъ индивидуальности, признать ли ихъ существенными или нѣтъ и т. п. Съ такой точки зрѣнія и слѣдуетъ различать подведеніе подъ общее понятіе или подъ законъ (безъ всякаго отношенія къ цѣнности) отъ „подведенія“ подъ общую цѣнность, путемъ отнесенія къ ней индивидуальнаго объекта: послѣднее лучше называть просто отнесеніемъ къ общей цѣнности *); оно, очевидно, служить не для того, чтобы отвлечь отъ объекта черты общія ему съ другими объектами, а для того, чтобы, напротивъ, построить его индивидуальность, т. е. ту именно комбинацію его особенностей, которая и получаетъ цѣнность.

*) *H. Rickert*, *Geschichtsphil.*, SS. 80—81.

Самая законность приложенія аксіологическихъ сужденій къ научному построенію дѣйствительности можетъ вызвать нѣкоторыя сомнѣнія *); но большинство приверженцевъ идиографическаго построенія исторіи указываетъ на то, что понятіе цѣнности вообще лежитъ въ основѣ науки. Уже сама истина, какъ таковая (т. е. независимо отъ практическаго ея значенія) представляется намъ чѣмъ то цѣннымъ; слѣдовательно, моментъ отнесенія къ цѣнности есть и въ естествознаніи, и въ исторіи. Впрочемъ оно примѣняется въ естествознаніи лишь къ конечной его цѣли, а не къ объектамъ изученія и не получаетъ значенія критерія для выбора матеріала, т. е. не кладется въ основу научнаго изслѣдованія, что, напротивъ, имѣетъ мѣсто въ исторіи; въ самомъ дѣлѣ естествознаніе вовсе не подвергаетъ самихъ реально данныхъ объектовъ своего изученія, какъ таковыхъ, — отнесенію къ цѣнности; оно цѣнитъ объектъ своего знанія лишь въ качествѣ матеріала, пригоднаго или непригоднаго для своей цѣнной въ познавательномъ отношеніи задачи, состоящей въ обобщеніи; исторія, напротивъ, стремится опредѣлить цѣнность самаго объекта для цѣлаго, и только такіе объекты и подвергаетъ дальнѣйшему собственно-историческому изученію. Далѣе, отнесеніе къ цѣнности не знанія объ объектахъ, а самихъ объектовъ, представляющихся субъекту реально данными въ ихъ конкретной индивидуальности, допускаетъ со стороны историка признаніе ихъ цѣнности не съ одной только познавательной, но и съ другихъ точекъ зрѣнія; такая операція и производится путемъ отнесенія даннаго объекта къ познавательнымъ, этическимъ и эстетическимъ цѣностямъ, и т. п. Наконецъ, историкъ, въ узкомъ смыслѣ слова, имѣетъ дѣло (въ отличіе отъ естествоиспытателя) съ такими индивидуальными объектами, которые онъ признаетъ одновременно и субъектами, способными опознавать цѣнности, въ отношеніи къ которымъ данный фактъ получаетъ свое значеніе.

Установленіе цѣнностей или ихъ обоснованіе, въ сущности,

*) *A. Xénopol*, Op. cit., pp. 102 и сл.; ср. La notion de „valeur“ en histoire Rev. de S. H. t. XI (1905) и сл.; авторъ отрицательно относится къ включенію понятія объ отнесеніи къ цѣнности въ историческую конструкцію, но безъ достаточно убѣдительной аргументаціи.

есть дѣло философіи (въ частности философіи исторіи), а не собственно научно-историческаго построения. Дѣйствительно, философское размышленіе стремится опознать критерій цѣнностей и обосновать ихъ путемъ нормативныхъ оцѣнокъ: оно вырабатываетъ систему абсолютныхъ цѣнностей, т. е. съ логической, этической или эстетической точки зрѣнія признаетъ абсолютную цѣнность истины, добра и красоты; полагая ихъ въ основу, оно можетъ указать, какое значеніе (положительное или отрицательное) данныя въ сознаніи людей извѣстнаго времени цѣнности имѣютъ по отношенію къ такой системѣ, какое мѣсто онѣ должны занимать въ ней и т. п. Поскольку философъ-исторіи или историкъ-философъ, напримѣръ, признаетъ цѣнность научнаго знанія, онъ будетъ признавать и цѣнность свободной мысли, „свободы совѣсти“, „свободы печати“ и т. п. и съ такой точки зрѣнія оцѣниваетъ государство; поскольку онъ опирается на абсолютную цѣнность нравственнаго начала, онъ съ этической точки зрѣнія можетъ обосновать положительную цѣнность (идеальнаго) государства: послѣднее становится въ его глазахъ наилучшимъ формально - политическимъ условіемъ для осуществленія нравственности въ человѣческомъ обществѣ; съ такой же точки зрѣнія онъ будетъ придавать отрицательное значеніе общественно-политической дезорганизации и т. п. *); поскольку онъ цѣнитъ „облагораживающее“ значеніе искусства, онъ будетъ соотвѣтственно разсуждать и о функціяхъ государства и т. п.

Въ такихъ случаяхъ историкъ-философъ прибѣгаетъ къ операціи, которую можно назвать аксіологическимъ анализомъ: онъ стремится прежде всего выяснить, къ какой именно цѣнности онъ можетъ отнести изучаемый имъ объектъ, въ отношеніи къ какой изъ цѣнностей его индивидуальность получаетъ наибольшее значеніе. Возьмемъ примѣръ изъ области аксіологиче-

*) Виндельбандъ и другіе идутъ еще дальше, когда утверждаютъ, что „этика составляетъ теорію историческаго знанія“, что она должна проводить анализъ принциповъ, безъ которыхъ историческое разысканіе шагу ступить не можетъ для того, чтобы разобратся въ выборѣ фактовъ изъ среды того множества ихъ, которые случаются въ дѣйствительности.

скихъ сужденій хотя бы о „Полтавѣ“ Пушкина: можно изучать ее не съ какой-либо обобщающей точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія цѣнности даннаго единственнаго въ своемъ родѣ продукта культуры. Слѣдуетъ замѣтить, что цѣнность его связана съ его единственностью въ своемъ родѣ т. е. съ его индивидуальностью; что такая его цѣнность служитъ и основаніемъ для того, чтобы данный фактъ сталъ достойнымъ для насъ предметомъ размышленія и истолкованія. Последнее можетъ прежде всего состоять въ опознаніи тѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ данный объектъ представляется цѣнностью, расчлененіемъ ихъ и т. п.; при чтеніи „Полтавы“, напримѣръ, мы переживаемъ извѣстныя впечатлѣнія, но темно и неясно; задача истолкованія можетъ состоять просто въ томъ, чтобы выяснитъ такое переживаемое нами или другими настроеніе, разъяснить его и опознать критеріи оцѣнки; въ такомъ истолкованіи мы не имѣемъ въ виду придумывать какіе-либо новые критеріи или точки зрѣнія, съ которыхъ можно было-бы судить о фактѣ; они только констатируются путемъ анализа; на основаніи его можно, напримѣръ въ вышеприведенномъ случаѣ, смотря по принятой нами точкѣ зрѣнія, отнести „Полтаву“ или къ логической (правда художественнаго изображенія дѣйствительности), или къ этической, или къ эстетической цѣнности; но лишь съ послѣдней точки зрѣнія индивидуальный ея характеръ получаетъ наибольшее значеніе. Такимъ образомъ, установивъ аксіологической критерій, можно вслѣдъ за тѣмъ выяснитъ степень цѣнности изучаемаго объекта, напримѣръ, степень художественной цѣнности даннаго продукта культуры и т. п.

Такой аксіологическій анализъ не направленъ ни на установленіе причинно-слѣдственной связи между даннымъ фактомъ и другими, ни на выясненіе его реальнаго значанія для исторіи человѣчества; слѣдовательно, аксіологическій анализъ, занимающійся истолкованіемъ цѣнности для насъ данныхъ объектовъ, рассматриваетъ ихъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ спеціально историческое изслѣдованіе; правда, аксіологическій анализъ для пониманія цѣнности, приписываемой нами объекту, долженъ обращаться къ историческому его изученію; но послѣднее слу-

жить лишь средствомъ для аксіологическаго анализа. Съ такой точки зрѣнія переживаніе и пониманіе цѣнности объекта становится необходимой предпосылкой всякаго историческаго объясненія и построенія; путемъ аксіологическаго анализа мы и опредѣляемъ, какіе именно объекты подлежатъ научно-историческому объясненію и построенію.

Итакъ историкъ-ученый въ спеціальныхъ своихъ изслѣдованіяхъ не занимается обоснованіемъ цѣнностей: онъ признаетъ, положимъ, цѣнность государства—обоснованною, и только относитъ къ такой „культурной цѣнности“ отдѣльные факты; каждый изъ нихъ получаетъ большее или меньшее значеніе (положительное или отрицательное) въ его отношеніи къ подобнаго рода культурной цѣнности; само индивидуальное нельзя признать существеннымъ внѣ отношенія его къ какой либо цѣнности: чѣмъ, напри- мѣръ, человекъ приноситъ больше пользы или больше вреда го- сударству (понятіе, которое, разумѣется, слѣдуетъ отличать отъ понятія о правительствѣ), тѣмъ онъ, въ глазахъ историка, при- нимающаго цѣнность государства, получаетъ большее положи- тельное или отрицательное значеніе; значить, исторія изучаетъ человѣка, поскольку онъ содѣйствуетъ (или препятствуетъ) ре- ализации соціальныхъ, политическихъ цѣнностей и т. п.; то же самое можно сказать и про событіе.

Такимъ образомъ, въ отнесеніи даннаго факта къ данной ему культурной цѣнности историкъ-ученый получаетъ критерій для выбора тѣхъ, а не иныхъ фактовъ изъ многосложной дѣйствительности: онъ оцѣниваетъ объектъ путемъ отнесенія его къ такимъ культурнымъ цѣностямъ, какъ наука, нравствен- ность, и искусство, церковь и государство, соціальная органи- зація и политическій строй и т. п. Въ частности, признавая, напри- мѣръ, цѣнность государства, онъ, смотря по значенію для него (т. е. государства) данной индивидуальности, придаетъ ей соотвѣтствующую цѣнность, но не подвергаетъ самой индвиду- альности, взятой внѣ такого соотношенія, (какъ таковую) одо- бренію или порицанію и т. п.

Самая обоснованность культурныхъ цѣнностей можетъ, од- нако, не быть для историка данной. Само собою разумѣется,

что культурныя цѣнности, обоснованіе которыхъ принимается историкомъ-ученымъ въ качествѣ уже даннаго, на самомъ дѣлѣ могутъ оказаться еще не обоснованными; тогда и отнесеніе къ нимъ фактовъ будетъ также не обоснованнымъ, а только гипотетическимъ или относительнымъ. Въ такихъ случаяхъ или историкъ принимается за обоснованіе тѣхъ культурныхъ цѣнностей, къ которымъ онъ будетъ относить отдѣльные факты, т. е. самъ занимается задачей философской, логически отличной отъ простаго отнесенія къ принятой уже культурной цѣнности, производимаго историкомъ-ученымъ; или, не пускаясь въ ея обоснованіе, онъ просто ограничивается констатированіемъ относительной цѣнности, т. е. той культурной цѣнности, которую данная общественная группа признавала тогда то и тамъ то (напримѣръ, цѣнность венеціанскаго государственнаго устройства въ XVI — XVII вв.), и занимается отнесеніемъ къ ней изучаемыхъ фактовъ съ точки зрѣнія людей того времени; но подобнаго рода историческую работу нельзя, конечно, признать окончательной.

Впрочемъ, если бы историкъ даже располагалъ обоснованными цѣнностями, то все же, путемъ отнесенія къ нимъ изучаемыхъ фактовъ, онъ еще не могъ бы достигнуть научнаго построенія исторической дѣйствительности: съ точки зрѣнія принимаемаго имъ критерія онъ выдергивалъ бы изъ нея извѣстные факты. Историкъ, пользующійся обоснованными цѣнностями, долженъ, кромѣ того, выяснить, въ какой мѣрѣ онѣ стали историческою дѣйствительностью, т. е. въ какой мѣрѣ онѣ дѣйствительно признавались той общественной группой, которую онъ изучаетъ. Слѣдовательно, даже при обоснованности принимаемыхъ имъ культурныхъ цѣнностей, историкъ не можетъ устраниваться и отъ отнесенія изучаемыхъ имъ фактовъ къ общепризнаннымъ цѣностямъ: лишь съ послѣдней точки зрѣнія онъ будетъ въ правѣ говорить о реализаціи данныхъ цѣнностей въ дѣйствительности. Реализація ихъ получаетъ, однако, своеобразный характеръ, если принять во вниманіе, что объекты историческаго изслѣдованія оказываются одновременно субъектами, которые могутъ сами признавать нѣкія цѣнности, и что

последнія, значить, объективно даны историку въ психикѣ изучаемой имъ соціальной группы; въ отношеніи къ нимъ онъ можетъ придавать значеніе и тѣмъ, а не инымъ фактамъ. Съ такой точки зрѣнія ему приходится отличать вышеуказанные виды отнесенія къ обоснованной цѣнности отъ отнесенія къ общепризнанной цѣнности: отнесеніе къ обоснованной цѣнности требуетъ обоснованія той производной цѣнности, въ отношеніи къ которой отдѣльнымъ фактамъ приписывается извѣстное значеніе, а отнесеніе къ общепризнанной даннымъ обществомъ цѣнности предполагаетъ только наличность ея признанія въ той самой общественной группѣ, которая изучается историкомъ; общепризнанная цѣнность, значить, можетъ не совпадать съ обоснованной и въ такомъ смыслѣ признается лишь относительной.

Во всякомъ случаѣ, если самъ историкъ не устанавливаетъ цѣнности цѣлей и не обосновываетъ ее, а принимаетъ ихъ за цѣнные, поскольку цѣнность ихъ уже дана въ сознаніи людей, дѣйствующихъ изъ за ихъ достиженія, онъ въ такомъ случаѣ судить о значеніи фактовъ въ ихъ отношеніи къ уже даннымъ ему, специалисту — историку, цѣностямъ, поскольку онѣ признаются данными людьми. Такимъ образомъ, „дѣйствительность становится исторіей“, когда мы разсматриваемъ ее съ точки зрѣнія того значенія, какое частное получаетъ благодаря своей единичности для существъ, надѣленныхъ волей и способныхъ къ дѣйствию *). Понятіе объ общепризнанной цѣнности легко разъяснить хотя бы на слѣдующемъ примѣрѣ. Возьмемъ одинъ изъ крупныхъ фактовъ новѣйшей политической исторіи: объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Можно оцѣнивать самую цѣль этого объединенія и признавать „важнымъ“ или „неважнымъ“ вытѣсненіе Австріи изъ Германіи, на что Бисмаркъ и рѣшился; но можно не входить въ оцѣнку данной цѣли, а принимать ее во вниманіе, поскольку она представлялась цѣнной нѣмцамъ 1860-хъ годовъ, и только изучать, было ли рѣшеніе Пруссіи объявить войну Австріи въ тотъ именно моментъ пригоднымъ средствомъ для достиженія вышеуказанной цѣли,

*) *H. Rickert, Grenzen...* S. 349, 355, 359, 372.

т. е. для объединенія Германіи, и если исторія отвѣтитъ на такой вопросъ утвердительно, то почему это рѣшеніе дѣйствительно оказалось такимъ средствомъ. Съ послѣдней точки зрѣнія историкъ и будетъ выбирать данный фактъ (положимъ, рѣшеніе Бисмарка касательно разрыва съ Австріей) путемъ отнесенія его къ общепризнанной цѣнности (т. е. къ объединенію Германіи).

Итакъ, отнесеніе къ общепризнанной данной общественной группой цѣнности сводится прежде всего къ психологическому анализу тѣхъ критеріевъ оцѣнки, которыми данное общество дѣйствительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснитъ, какой изъ нихъ оказывался общепризнаннымъ или въ большей или меньшей мѣрѣ признаннымъ *). По выясненіи той именно цѣнности, которая оказывается въ данной общественной группѣ общепризнанной, историкъ и будетъ выбирать факты, путемъ отнесенія ихъ къ такой цѣнности, эмпирически данной, т. е. къ цѣнности, которую вообще люди признавали въ данное время. Словомъ, историкъ будетъ пользоваться найденнымъ такимъ образомъ критеріемъ для того, чтобы съ точки зрѣнія самаго общества судить о значеніи фактовъ, его касающихся.

Слѣдуетъ замѣтитъ, однако, что историкъ не можетъ ограничиться изученіемъ однѣхъ общепризнанныхъ цѣнностей, хотя онѣ однѣ, казалось бы, имѣютъ объективное значеніе. Безъ обоснованія ихъ, такія цѣнности все же оказываются результатами субъективной оцѣнки, только съ тѣмъ различіемъ, что она произведена цѣлою группой, а не отдѣльною личностью; но коллективная оцѣнка можетъ быть гораздо болѣе субъективной, чѣмъ личная: психическій уровень массы часто бываетъ ниже средняго, особенно въ области отвлеченной мысли; безъ обоснованія ихъ такія цѣнности, въ сущности, становятся, значить, проявленіями психики данной общественной группы, т. е. психическими фактами; а для выбора изъ нихъ историкъ все же будетъ нуждаться въ критеріи, на основаніи котораго онъ могъ бы признать ихъ зна-

*) Ср. *W. Dilthey*, Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie in Sitz.—Ber. der Ber. Akad. d. Wiss. 1894.

ченіе и который, очевидно, онъ не можетъ почерпнуть изъ самихъ фактовъ. Слѣдовательно, историкъ-идіографъ отказывается отъ установленія какой либо связи между обоснованными и общепризнанными цѣнностями лишь въ томъ случаѣ, если фактически лишенъ возможности приступить къ такой работѣ и принужденъ, въ качествѣ критерія, довольствоваться относительной по своему значенію общепризнанной цѣнностью.

Впрочемъ, различіе между отнесеніемъ къ обоснованной цѣнности и отнесеніемъ къ общепризнанной цѣнности можетъ сглаживаться. Если исходить изъ того положенія, что сознаніе человѣческое способно опознавать абсолютныя цѣнности, то можно допустить и такіе случаи, когда критерій нормативной оцѣнки у историка и у той общественной группы, которую онъ изучаетъ, окажется общимъ. Люди не только подлежатъ отнесенію къ цѣнности въ индивидуальномъ значеніи каждаго изъ нихъ, но и сами могутъ становиться въ опредѣленное отношеніе къ той именно цѣнности, съ точки зрѣнія которой они и получаютъ значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя историкъ-ученый не занимается обоснованіемъ цѣнностей и признаетъ ихъ даными, но онъ все же опирается на абсолютную цѣнность, по отношенію къ которой данная культура (положимъ, государство) и получаетъ (производную) цѣнность, а если та же цѣнность признается (или признавалась) и общественной группой, изучаемой историкомъ, то принимаемая имъ обоснованная цѣнность можетъ совпасть съ объективно-данною, и, слѣдовательно, сама будучи обоснованной, вмѣстѣ съ тѣмъ становится объективной и общепризнанной.

Въ такомъ совпаденіи слѣдуетъ различать по крайней мѣрѣ два вида. Въ извѣстныхъ случаяхъ обоснованный критерій историка можетъ совпасть съ общепризнанною цѣнностью; въ такомъ случаѣ данный историческій дѣятель (личность, группа и т. п.) не сознаетъ или, можетъ быть лучше сказать, смутно сознаетъ связь между нѣкоей абсолютной цѣнностью и общепризнанной, но не обосновываетъ ее: припомнимъ, на примѣръ, хотя бы борьбу грековъ съ персами; или объединеніе Германіи, въ смыслѣ процессовъ, нужныхъ для сохраненія и развитія общечеловѣческой культуры. Возможно, однако, представить себѣ, что обо-

снованный критерій историка совпадаетъ съ такимъ же обоснованнымъ критеріемъ историческаго дѣятеля; для примѣра можно указать, положимъ, на исторію Гусса или Галилея, на борьбу французовъ съ коалиціей изъ за общечеловѣческихъ началъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ всегда отличать отнесеніе къ цѣнности отъ субъективной оцѣнки фактовъ, производимой самимъ историкомъ; послѣдняя отличается тѣмъ, что ея критерій не обоснованъ, и тѣмъ, что онъ не научно эмпирическаго характера, поскольку онъ дѣйствительно признается „всеми“. Въ субъективно исторической оцѣнкѣ критерій обыкновенно берется подъ вліяніемъ какой либо субъективно-индивидуальной точки зрѣнія — національной, сословной, научно-цеховой (съ точки зрѣнія даннаго ученаго направленія, школы) и т. п..

Такимъ образомъ, историкъ получаетъ возможность установить всеобщее значеніе индивидуальнаго, путемъ отнесенія его къ цѣнности, которая получаетъ наибольшее объективное значеніе въ томъ случаѣ, если она можетъ быть обоснована; впрочемъ, и общепризнанная цѣнность, въ качествѣ относительной, можетъ служить для предварительнаго выбора фактовъ; какъ бы то ни было, отнесеніе къ цѣнности слѣдуетъ строго отличать отъ субъективно-индивидуальной оцѣнки; тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности отнесеніе къ цѣнности и субъективная оцѣнка, разумѣется, часто смѣшиваются въ одномъ и томъ же субъектѣ — историкѣ.

Понятіе объ историческомъ значеніи индивидуальнаго нельзя, однако, ограничивать понятіемъ о его цѣнности; вѣдь понятіе объ общепризнанной цѣнности уже находится въ тѣсной связи съ понятіемъ о дѣйственности индивидуальнаго: историкъ интересуется внѣвременной цѣнностью въ процессѣ ея реализаціи; а цѣнность тѣмъ полнѣе реализуется, чѣмъ болѣе фактъ, въ которомъ она воплотилась, имѣетъ послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, если безъ признанія индивидуальнаго — имѣющимъ значеніе въ его отношеніи къ данной культурной цѣнности, „настоящій“ историкъ не примется за его изученіе, ибо, въ противномъ случаѣ, выборъ фактовъ будетъ имѣть слу-

чайный характер, то и безъ наличности реальныхъ послѣдствій такого факта для развитія человѣчества (данной группы его и т. п.), онъ не станетъ изучать его; индивидуальность, сама по себѣ очень цѣнная, но не оказавшая, въ качествѣ таковой, фактическаго воздѣйствія на данный процессъ, въ сущности, лишена полноты своего значенія и во всякомъ случаѣ еще не имѣетъ того значенія, которое можно назвать собственно „историческимъ“ *). Фактъ, самъ по себѣ важный, но не имѣвшій никакихъ историческихъ послѣдствій, можетъ, конечно, получить познавательное значеніе и въ глазахъ историка, но поскольку онъ, благодаря такому его значенію, обратитъ вниманіе не на него самого, а на значеніе вызвавшихъ его причинъ; даже въ томъ случаѣ, если этотъ фактъ самъ по себѣ имѣетъ обоснованную цѣнность, историкъ еще не будетъ имѣть достаточныхъ основаній для того, чтобы признать въ полной мѣрѣ его реально-историческое значеніе. Лишь въ томъ случаѣ, если фактъ окажетъ реальное дѣйствіе на развитіе человѣчества, и его послѣдствія (путемъ отнесенія къ данной культурной цѣнности) будутъ признаны имѣющими нѣкоторую цѣнность, онъ получитъ и собственно историческое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если данный фактъ не имѣлъ замѣтныхъ историческихъ послѣдствій, то, даже при самой высокой его цѣнности, нѣтъ возможности вставить его въ основной эволюціонный рядъ, и такимъ образомъ выяснитъ его реальное значеніе для всего цѣлаго; и чѣмъ выше его цѣнность, тѣмъ вѣроятнѣе, что при отсутствіи дальнѣйшихъ историческихъ слѣдствій, вызванныхъ имъ, эволюція, приведшая къ нему, есть особая боковая отрасль основнаго эволюціоннаго ряда. Наоборотъ, если фактъ представляется историку не только слѣдствіемъ, (но съ другой точки зрѣнія) и причиной новыхъ результатовъ, онъ можетъ такъ или иначе вставить его въ основной эволюціонный рядъ; а такое его значеніе онъ устанавливаетъ лишь путемъ историческаго изслѣдованія его дѣйственности; оно можетъ получить даже соціологическій характеръ, поскольку историкъ бу-

*) Ср., напримѣръ, характеристику ученаго Ментелли у *Th. Ribot*, *La psychologie des sentiments*, pp. 364—365.

детъ задаваться изученіемъ объединяющаго и уравнивающаго вліянія даннаго факта на послѣдующія поколѣнія.

Нельзя, однако, назвать фактъ историческимъ, принимая во вниманіе лишь то, что онъ имѣлъ вообще какія-нибудь послѣдствія: сотрясенія воздуха, производимыя при представленіи въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время извѣстной трагедіи Шекспира на сценѣ, напримѣръ, тоже своего рода послѣдствія его; но фактъ, уже признанный цѣннымъ, поскольку онъ, какъ таковой, имѣлъ послѣдствія, получаетъ особаго рода историческое значеніе, именно благодаря своимъ послѣдствіямъ; послѣдствія чтенія или представленія трагедіи Шекспира, если они послѣдствія ея, какъ таковой, въ виду признанія ея цѣнности, также признаются цѣнными и оказываются производными цѣнностями: историческое изслѣдованіе устанавливаетъ лишь дѣйствительность и объемъ такого вліянія и его дальнѣйшіе результаты *).

Понятіе о дѣйственности индивидуальнаго съ послѣдній точки зрѣнія уже обусловлено понятіемъ о человѣческомъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣнная индивидуальность получаетъ историческое значеніе только подъ условіемъ ея дѣйственности; но послѣдняя мыслима лишь въ обществѣ, ибо специфическій характеръ такого дѣйствованія, также цѣннаго, можетъ обнаружиться только въ томъ случаѣ, когда оно будетъ обращено на среду, способную воспринимать его въ его специфичности, что въ свою очередь предполагаетъ наличность нѣкоего общества.

Съ точки зрѣнія соціальной сферы вліянія индивидуаль-

**) *E. Meyer*, *Geschichte des Altertums*, 2 Aufl. Bd. I, Einl., S. 186: „historisch ist derjenige Vorgang der Vergangenheit, dessen Wirksamkeit sich nicht in dem Moment seines Eintretens erschöpft, sondern auf die folgende Zeit weiter wirkt und in dieser neue Vorgänge erzeugt“; нельзя, однако, согласиться съ авторомъ, что достаточно дѣйственности факта для того, чтобы признать его „историческимъ“. Ср. еще разсужденія Карлейля, Зибея, Готейна и др. объ „успѣхѣ“ (Erfolg) или успѣшности послѣдствій, какъ критеріи историческаго значенія факта; въ такихъ разсужденіяхъ они едва ли не смѣшиваютъ понятія о цѣнности съ понятіемъ о дѣйственности факта; см. также изложеніе ихъ ученій о прогрессѣ и т. п. въ соч. *A. Grotenfelt*, *Geschichtliche Wertmasstäbe*. и проч., Lpz., 1905, SS. 170—178.

наго и индивидуальное его положеніе получаетъ значеніе. Историкъ долженъ принимать во вниманіе такое положеніе, т. е. мѣстныя и временныя условія дѣйствованія. Личность сама по себѣ и не особенно цѣнная, но, благодаря даннымъ обстоятельствамъ, оказавшаяся въ извѣстномъ положеніи, обнаруживаетъ большую дѣйственность и получаетъ иногда сравнительно большее историческое значеніе (напримѣръ, Робеспьеръ, если принять характеристику его, сдѣланную Сорелемъ). Историческій фактъ также имѣетъ тѣмъ большее историческое значеніе, чѣмъ сфера его дѣйствованія больше; вотъ почему въ исторіи даннаго періода фактъ, самъ по себѣ важный (напримѣръ, открытіе дифференціального исчисленія Ньютономъ не позднѣе 1665 г.), тѣмъ не менѣе можетъ занять относительно менѣе видное мѣсто, чѣмъ другой фактъ, сфера вліянія котораго въ данное время оказалась гораздо шире (напримѣръ, англійская революція 1688 г.).

Коррективомъ къ только что указанному понятію о сферѣ дѣйствованія можно признать понятіе о длительности послѣдствій. Съ такой точки зрѣнія, напримѣръ, открытіе дифференціального исчисленія (и притомъ скорѣе въ той формѣ обозначенія, какая принадлежитъ Лейбницу, открывшему самый методъ, повидимому, независимо отъ Ньютона) можетъ получить весьма важное значеніе.

Съ той же точки зрѣнія, индивидуальность или фактъ, своевременно не оказавшіе дѣйствія, могутъ тѣмъ не менѣе начать вліять или сильно вліять на людей позднѣйшаго времени и, слѣдовательно, тогда и получаютъ или пріобрѣтаютъ новое историческое значеніе. Такое явленіе можно назвать зарожденіемъ или возрожденіемъ дѣйственности данной индивидуальности или факта. Подъ понятіе о зарожденіи или возрожденіи дѣйственности даннаго продукта можно подвести и такіе случаи, когда нѣкая цѣнность становится общепризнанной не въ то время, или не только въ то время когда она возникла, а и въ послѣдующее время. Извѣстно, напримѣръ, что цѣлый періодъ европейской исторіи получилъ названіе „Возрожденія“ именно потому, что въ немъ указанный процессъ возрожденія

дѣйственности данной индивидуальности (т. е. античной культуры въ частности, положимъ, вліяніе философіи Платона) обнаружился очень рельефно.

Такимъ образомъ, историкъ судить объ историческомъ значеніи индивидуальнаго не только по цѣнному его содержанію, но и по его дѣйственности, т. е. по объему его вліянія: принимая во вниманіе реализацію цѣнности въ дѣйствительности, онъ получаетъ возможность разсматривать внѣвременную цѣнность въ данныхъ условіяхъ пространства и времени. Историкъ, въ узкомъ смыслѣ слова, изучаетъ, однако, лишь часть вселенной—человѣчество; значитъ, онъ всегда можетъ понимать вліяніе индивидуальнаго, въ смыслѣ, воздѣйствія части на цѣлое; съ послѣдней точки зрѣнія, интересуясь сферой вліянія индивидуальнаго, онъ долженъ имѣть въ виду и общее содержаніе элементовъ даннаго цѣлага или той группы, которая испытываетъ на себѣ данное дѣйствіе: это содержаніе становится объективно-даннымъ критеріемъ дѣйственности индивидуальнаго. Въ той мѣрѣ, на примѣръ, въ которой человѣческое сознаніе (человѣчество) вліяетъ на исторію міра, въ немъ есть нѣчто общее; въ той мѣрѣ, въ какой данная индивидуальность,—личность или событіе, оказываетъ вліяніе на соціальную группу, въ ней оказывается общее ея членамъ содержаніе; а въ такомъ содержаніи историкъ находитъ объективно данный критерій для того, чтобы судить о дѣйственности индивидуальнаго.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что понятіе объ историческомъ значеніи индивидуальнаго, выясненное выше, служитъ не только для упрощенія, но и для объединенія нашихъ представленій объ исторической дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, историкъ образуетъ свое понятіе объ исторической индивидуальности въ ея отношеніи къ ея историческому значенію; такимъ образомъ онъ достигаетъ „обозримости“ или нѣкотораго объединенія своихъ представленій о разрозненныхъ ея чертахъ; съ той же точки зрѣнія историкъ устанавливаетъ и тѣ важнѣйшіе центральные факты, съ высоты которыхъ онъ можетъ усмотрѣть группы и ряды второстепенныхъ фактовъ и размѣстить ихъ вокругъ главныхъ.

Слѣдовательно, можно сказать, что понятіе объ историческомъ значеніи индивидуальнаго уже служитъ для объединенія нашихъ знаній объ эмпирически данной дѣйствительности и обусловливаетъ возможность научно-историческаго ея построенія; но для достиженія такой цѣли историкъ нуждается и въ другихъ понятіяхъ; перейдемъ къ разсмотрѣнію одного изъ нихъ, тѣсно связаннаго съ только что установленнымъ: я разумѣю понятіе объ исторической связи.

§ 3. Понятіе объ исторической связи.

Понятіе объ историческомъ значеніи индивидуальнаго, въ сущности, легко комбинировать съ понятіемъ объ исторической связи. Въ самомъ дѣлѣ отнесеніе къ цѣнности нисколько не устраняетъ изученіе тѣхъ именно фактовъ, которые путемъ такого отнесенія признаны нами цѣнными, съ точки зрѣнія связи ихъ съ вызвавшими ихъ причинами или порожденными тѣми же фактами слѣдствіями. Отнесеніе къ цѣнности лишь даетъ основаніе выбрать изъ многообразія дѣйствительности тѣ факты, которые за тѣмъ подлежатъ изученію съ причино-слѣдственной точки зрѣнія; признавая данныя цѣли цѣнными, историкъ-ученый можетъ выяснять и причины, почему данныя средства (дѣйствія и т. п.) привели или не привели къ осуществленію такихъ цѣлей. Изученіе дѣйственности данной индивидуальности, длительности ея послѣдствій и возрожденія ея дѣйственности также приводитъ историка къ изученію причино-слѣдственной связи между историческими фактами; лишь понявши, почему изучаемый фактъ оказался въ данномъ мѣстѣ и случился въ данное время, можно объяснить себѣ, почему онъ, въ качествѣ части, получилъ такое, а не иное реальное значеніе для даннаго цѣлаго: вѣдь одинъ и тотъ же фактъ можетъ имѣть разныя значенія, въ зависимости отъ его индивидуальнаго положенія, т. е. въ зависимости отъ мѣста, гдѣ онъ возникъ, и времени, когда онъ произошелъ; и только представивши его въ опредѣленномъ индивидуальномъ положеніи въ пространствѣ и во времени, можно

судить о его реальномъ значеніи для того цѣлаго, частью котораго онъ оказывается.

Понятіе объ исторической связи тѣмъ не менѣе заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія: оно имѣетъ большое объединяющее значеніе; благодаря ему, мы связываемъ между собою историческіе факты и получаемъ возможность представить себѣ непрерывность историческаго процесса.

Въ виду познавательной цѣли идіографическаго построенія, историкъ не можетъ, однако, ограничиться вышеуказаннымъ понятіемъ о причинно-слѣдственномъ отношеніи *); вѣдь онъ долженъ объяснить, съ причинно-слѣдственной точки зрѣнія, не то, что у даннаго объекта оказывается общимъ съ другими объектами и обусловлено общими ему съ ними условіями, а то, что именно характеризуетъ его и что можетъ быть объяснено только тою именно комбинаціей условій въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, благодаря которой возникновеніе даннаго индивидуальнаго объекта въ такомъ именно его индивидуальномъ положеніи и становится понятнымъ; слѣдовательно, онъ интересуется не обобщеніемъ отвлеченно взятыхъ и дифференціально изученныхъ причинно-слѣдственныхъ отношеній, а данною въ дѣйствительности индивидуальною связью между сложнымъ комплексомъ условій и ихъ результатомъ; онъ не можетъ значить, удовлетвориться общимъ сужденіемъ въ родѣ: „если a дано, то, при отсутствіи противодѣйствующихъ условій, b должно слѣдовать за нимъ (во времени)“, а стремится опредѣлить, какова именно та совокупность условій и обстоятельствъ a_1, a_2, \dots, a_n , которая вызвала данный конкретный результатъ b_x ; но онъ не въ состояніи ни заключать о немъ по каждой изъ причинъ, взятыхъ въ отдѣльности, ни логически вывести фактическое ихъ соотношеніе и такую же связь съ даннымъ конкретнымъ результатомъ; словомъ, онъ долженъ принимать во вниманіе данность ихъ встрѣчи въ ихъ отношеніи къ результату, уже данному въ дѣйствительности.

*) Ср. выше сс. 114—128; объ „исторической причинности“, кромѣ сочиненій Курно и Риккерта, см. еще написанные подъ его влияніемъ „этюды“ С. Гессена: *S. Hessen, Individuelle Kausalität*, Berl., 1909.

Съ такой точки зрѣнія понятіе объ исторической связи тѣсно связано съ понятіемъ о „случаѣ“ *); но послѣднее можетъ имѣть разныя значенія: понятіе о случаѣ въ метафизическомъ смыслѣ нельзя смѣшивать съ понятіемъ о случаѣ въ теоретико-познавательномъ смыслѣ.

Съ метафизической точки зрѣнія можно рассуждать о дѣйствительности, ничѣмъ не вызванной, и называть ее абсолютной случайностью; разумѣется, съ такимъ понятіемъ о случаѣ въ наукѣ не приходится имѣть дѣло.

Съ теоретико-познавательной точки зрѣнія мы вообще называемъ случаемъ то, причину чего мы не знаемъ; но такое утвержденіе можно понимать двояко: въ абсолютномъ и относительномъ смыслѣ.

Въ теоретико-познавательномъ смыслѣ мы говоримъ объ „абсолютномъ“ случаѣ, когда утверждаемъ абсолютную невозможность для нашего разума установить причинно-слѣдственную связь, что имѣетъ мѣсто, напримѣръ, если такая предпосылка принимается въ числѣ самихъ условій заданія: въ теоріи вѣроятностей мы принципиально считаемъ невозможнымъ познать причины уклоненій; они признаются нами абсолютно-случайными и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше вѣроятность взаимнаго уничтоженія такихъ уклоненій въ конечномъ итогѣ.

Въ теоретико-познавательномъ смыслѣ можно, однако, рассуждать и объ „относительномъ случаѣ“ или объ относительно-случайномъ съ причинно-слѣдственной точки зрѣнія: если ученый не можетъ на основаніи принципа причинно-слѣдственности логически вывести изъ предшествующаго послѣдующее и построить совокупность причинъ только какъ данную въ отношеніи ихъ къ уже данному результату, онъ пользуется понятіемъ объ относительномъ случаѣ. Подобно тому, какъ изъ свойствъ данной прямой линіи, напримѣръ, можно вывести, что, если она будетъ продолжена, то она пересѣчетъ извѣстную точку, но нельзя вывести, что она будетъ пересѣчена другою линіей, и, значитъ, съ такой (относительной) точки зрѣнія, исходя изъ

*) *W. Windelband*, Die Lehren vom Zufall, Berl. 1870.

свойствъ одной прямой линіи, приходится признать это пересѣченіе ея другой (въ дѣйствительности) случаемъ, такъ и фактъ пересѣченія дѣйствія одной причины другой — представляется нашему разуму относительно случайнымъ; а между тѣмъ его надо принимать въ расчетъ для объясненія даннаго результата.

Идіографическая теорія знанія принимаетъ во вниманіе понятіе объ „относительной случайности“ въ теоретико-познавательномъ смыслѣ слова при объясненіи историческихъ фактовъ; его я и буду имѣть въ виду, при изложеніи ученія объ объясненіи дѣйствительности съ идіографической точки зрѣнія.

Иногда съ понятіемъ о случайности (въ причино-слѣдственномъ смыслѣ) смѣшиваютъ, однако, понятіе о маловажности даннаго факта; или, различая понятіе о случайности въ причино-слѣдственномъ смыслѣ отъ понятія о случайности въ телеологическомъ смыслѣ, послѣднее приравниваютъ къ понятію о маловажности. При образованіи, на примѣръ, въ виду данной познавательной цѣли, какого-либо понятія, когда намъ приходится отъ существенныхъ составныхъ частей дѣйствительности различать части или признаки не существенные, послѣдніе мы называемъ „случайными“. Такое словоупотребленіе примѣняется и въ практическомъ отношеніи: при обсужденіи средствъ, пригодныхъ для осуществленія данной цѣли, извѣстныя вещи или свойства вещей, безразличныя въ практическомъ отношеніи, называются въ указанномъ смыслѣ случайными. Во избѣжаніе недоразумѣній, я, однако, не стану называть такихъ „несущественныхъ“ или „безразличныхъ“ фактовъ „случайными“. Вѣдь они признаются нами „случайными“ или безразличными съ какой-либо аксіологической точки зрѣнія; ихъ лучше называть маловажными, причемъ они могутъ оказаться таковыми или въ теоретическомъ, или въ практическомъ отношеніи (см. выше).

Итакъ, вышеставленный вопросъ сводится къ вопросу о томъ, каково познавательное значеніе понятія объ относительномъ случаѣ для историка, желающаго объяснить дѣйствительность. Попытаемся выяснить, въ какомъ смыслѣ онъ все же можетъ стремиться къ ея объясненію, не смотря на то, что признаетъ относительную случайность конкретныхъ фактовъ.

Если бы въ концѣ концовъ намъ и удалось возвести къ единому міровому цѣлому данныя замкнутыя „системы вещей“, его реальность все же представлялась бы нашему разуму данной и въ такомъ смыслѣ относительно случайной; да и самое направление движенія его частей, поскольку оно дано, признавалось бы нами относительно случайнымъ: теорія происхожденія нашей планетной системы уже принимаетъ въ качествѣ даннаго—направление, въ которомъ родившая ее туманность вращалась; мало того: наша наука, въ сущности, имѣетъ дѣло не съ мировымъ цѣлымъ, а съ разрозненными его частями, дѣйствія которыхъ скрещиваются. Такое понятіе о данномъ скрещиваніи замкнутыхъ рядовъ причинно-слѣдственныхъ соотношеній, представляющемся нашему разуму относительно случайнымъ, и видимо затрудняетъ научное объясненіе исторической дѣйствительности.

Для того, чтобы лучше выяснитъ себѣ такое понятіе, вообразимъ, что данный шаръ A (масса), получивши толчекъ, съ извѣстною скоростью (и въ однородной средѣ) движется по плоскости; тогда, зная въ какой-либо моментъ движенія шара его положеніе, а также скорость его движенія и принимая во вниманіе треніе и т. п. условія, можно будетъ вывести опредѣленіе того мѣста, которое въ извѣстный моментъ шаръ занималъ или займетъ на плоскости, а также соотвѣтственную его скорость, вплоть до того момента, когда онъ окажется въ состояніи покоя, и, такимъ образомъ, дѣйствіемъ данной причины объяснить ея результатъ (слѣдствіе); но если въ скорости или въ направленіи движенія произошло видоизмѣненіе, вызванное, положимъ, столкновеніемъ шара A съ шаромъ B , двигающимся по линіи, пересѣкающей линію, по которой шаръ A слѣдуетъ, то видоизмѣненіе въ скорости и направленіи движенія послѣдняго, очевидно, нельзя вывести изъ закона его собственнаго движенія; если фактъ столкновенія между шарами A и B , оказавшій вліяніе на послѣдующее движеніе A (движеніе B , само по себѣ взятое, можно оставить безъ вниманія), нельзя возвести къ какой-либо общей причинѣ, объясняющей его возникновеніе, и обратно, изъ нея вывести этотъ фактъ, то послѣдній и представляется намъ относительно случайнымъ: движеніе каждаго шара

по известной линии можно вывести независимо отъ движенія другого, но интересующія насъ измѣненія въ ихъ движеніи можно объяснить, лишь принимая данность обоихъ и ихъ столкновенія, притомъ въ точно опредѣленномъ смыслѣ. Если, однако, нельзя предвидѣть дѣйствительнаго наступленія ихъ встрѣчи (хотя бы вѣроятность ея и можно было установить), то реальный фактъ такой встрѣчи представится намъ относительно случайнымъ. Въ такомъ случаѣ пересѣченіе причинъ, дѣйствующихъ независимо другъ отъ друга, придется признать относительно случайнымъ; а такъ какъ сама встрѣча подобнаго рода въ свою очередь оказывается однимъ изъ условій, вліяющихъ на дальнѣйшую „исторію“ шара *A* (и шара *B*), то послѣдняя (въ качествѣ слѣдствій результата встрѣчи *A* съ *B*) представится намъ относительно случайной. Возьмемъ другой примѣръ: кирпичъ, отвалившійся отъ карниза высокаго дома, падаетъ на голову проходящаго мимо человѣка и пробиваетъ ему черепъ. Можно установить причины, вызвавшія паденіе кирпича: плохая кладка карниза, вліяніе бури, расшатавшей кладку и т. п., положимъ, обусловили паденіе кирпича. Можно установить причины, вызвавшія то, что человѣкъ пересѣкъ линію паденія кирпича: ему нужно было пройти по данной улицѣ, положимъ, потому, что онъ привыкъ проходить по ней, когда идетъ въ университетъ, и т. п. Можно, наконецъ, установить причины, вызвавшія при „встрѣчѣ“ кирпича съ черепомъ человѣка его пораненіе. Сколько бы мы, однако, ни восходили въ каждомъ рядѣ причинъ отъ ближайшихъ къ болѣе отдаленнымъ причинамъ, вызвавшимъ паденіе кирпича (въ отдѣльности взятомъ), мы не будемъ въ состояніи вывести изъ нихъ тотъ фактъ, что онъ долженъ былъ ранить именно даннаго человѣка, и изъ причинъ, вызвавшихъ его прохожденіе мимо даннаго мѣста, — что данный кирпичъ долженъ былъ упасть именно на него. Словомъ, ни изъ одного ряда, въ отдѣльности взятаго, нельзя вывести, что именно этотъ кирпичъ долженъ былъ ранить именно этого человѣка. Поскольку и кирпичъ, и человѣкъ даны въ ихъ конкретной индивидуальности, поскольку направленія ихъ движеній даны, постольку дано и пересѣченіе ихъ въ данномъ мѣстѣ, въ данное время; дан-

ность совокупности подобного рода условий представляется намъ относительно случайной: таковою мы и считаемъ дѣйствительно происшедшую встрѣчу *). А между тѣмъ послѣдняя (напримѣръ, если проходившій—геніальный ученый) могла повлечь за собою (въ случаѣ его смерти) весьма „важныя“ послѣдствія для исторіи человѣческой культуры. Съ формальной точки зрѣнія подобное же разсужденіе можно примѣнить и въ томъ случаѣ, если говорить о реальномъ соотношеніи двухъ индивидуумовъ: I_1 и I_2 . Положимъ, что I_1 надѣленъ настолько развитымъ разумомъ и характеромъ, что изъ нихъ можно было бы вывести рядъ его дѣйствій; послѣднія зависятъ, однако, не только отъ его психическихъ свойствъ, но и отъ встрѣчи его съ дѣйствіями I_2 , I_3 ; поскольку нельзя предвидѣть наступленіе конкретно-данной ихъ встрѣчи въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, встрѣча съ ними, оказывающая вліяніе на послѣдующую дѣятельность I_1 , представляется намъ относительно случайной.

Между тѣмъ, „встрѣчи“ подобного рода и должны быть, въ сущности, признаны тѣми историческими событіями, которыя оказываютъ вліяніе на ходъ исторіи, иногда весьма существенное, и которыя, значитъ, нельзя выбросить изъ ея научнаго построенія. „Встрѣчу“ двухъ или большаго числа причинно-слѣдственныхъ рядовъ—„относительный случай“ мы называемъ событіемъ. Политическая исторія и занимается, главнымъ образомъ, событіями; ихъ нельзя исключить изъ историческаго построенія, ибо они оказываютъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторіи. Съ такой точки зрѣнія историку приходится считаться, напри- мѣръ, съ фактами, что Рафаэль и Шиллеръ рано умерли, а Микель-Анджело и Гете достигли глубокой старости; что Александръ Великій или императоръ Фридрихъ III—умерли отъ болѣзни въ цвѣтъ лѣтъ; что въ обѣихъ вѣтвяхъ Габсбургскаго дома мужская линія быстро прекратилась; что семейство Лотаря вымерло и что то срединное царство, которое составляло какъ бы переходъ отъ Франціи къ Германіи, упразднилось, а исчезновеніе такого царства оказало рѣшительное вліяніе на образованіе

*) *E. Meyer*, Op. cit. S. 18 и сл.

двух обособленных наций: французской и немецкой; что посягательства на жизнь Вильгельма I и Бисмарка не удались, а посягательства на жизнь Филиппа Македонского, Цезаря и Александра II—удались, и т. п.

Для выяснения понятия об исторической случайности не мѣшает указать на отличие его отъ понятія о свободѣ воли, тѣмъ болѣе, что такія понятія иногда смѣшиваются. Съ идиографической точки зрѣнія нѣтъ нужды прибѣгать къ отождествленію свободной воли человѣка съ обусловленной ею ирраціональностью дѣйствій. Только сумасшедшій отличается специфическою непредвидѣнностью своихъ дѣйствій, столь же впрочемъ, большой (но не большей), какъ и непредвидѣнность „слѣпыхъ силъ природы“. Каждый изъ насъ, напротивъ, испытываетъ наибольшее чувство свободы, при совершеніи тѣхъ именно дѣйствій, которыя представляются нашему сознанію раціональными, т. е. исполненными не подъ вліяніемъ физическаго и психическаго „принужденія“, страстныхъ аффектовъ или „случайно“ замутившихся сужденій, а въ виду ясно сознанной „цѣли“, которую мы преслѣдуемъ, примѣняя къ тому наиболѣе адекватныя средства. Если бы наукѣ исторіи приходилось имѣть дѣло лишь съ „раціональнымъ“ и въ такомъ именно смыслѣ „свободнымъ“ дѣйствіемъ, то задача ея была бы значительно облегчена: она могла бы по средствамъ, примѣненнымъ даннымъ дѣятелемъ, заключить о его цѣли, о „максимѣ“ или о мотивѣ дѣйствующаго лица. Такъ какъ всякое строго телеологическое дѣйствіе есть примѣненіе правилъ, добытыхъ путемъ опыта и указывающихъ на наиболѣе пригодныя средства для достиженія данной цѣли, то исторія (т. е. реально протекающій процессъ) была бы ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ такихъ правилъ *). Итакъ, нельзя смѣшивать понятіе о случайности съ понятіемъ о свободѣ воли, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно только что употреблялось. Вообще, можно сказать, что, поскольку исторіи исходитъ изъ дѣйствительности, онъ не можетъ не принимать во вниманіе и волевого воздѣйствія

*) *M. Weber*, Op. cit. въ *Arch. für Soziol.*, Bd. XXII S. 153.

даннаго индивидуума на возникновеніе какого либо факта, но и такія явленія онъ можетъ разсматривать съ точки зрѣнія относительно случайной „встрѣчи“ данныхъ условій и обстоятельствъ съ волей даннаго индивидуума. Даже въ томъ случаѣ, если бы историку удалось доказать, что данный фактъ могъ возникнуть безъ такого воздѣйствія, нельзя отрицать, что въ дѣйствительности онъ „случился“ при наличности этого воздѣйствія; оно, значить, должно быть включено въ число причинъ, случайная встрѣча которыхъ породила данный фактъ. Въ такомъ смыслѣ историкъ и разсуждаетъ, говоря, напримѣръ, что вторая пуническая война разразилась благодаря рѣшенію Ганнибала, семилѣтняя война—благодаря рѣшенію Фридриха Великаго, австро-прусская 1866 г.—благодаря рѣшенію Бисмарка. Съ такой же точки зрѣнія можно разсуждать и о „случайной“ встрѣчѣ данныхъ обстоятельствъ съ нравственною волей лица, которое, при наличности этихъ условій, признало за должное поступать соотвѣтствующимъ образомъ, что въ совокупности и повело къ извѣстнымъ результатамъ; припомнимъ хотя бы появленіе Іоанна Гусса на Констанцкомъ соборѣ или Лютера на Вормскомъ сеймѣ.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, уже можно придти къ заключенію, что историкъ долженъ исходить изъ конкретно-данной дѣйствительности, поскольку она дана ему въ его чувственномъ воспріятіи или переживается имъ; значить, историкъ не предсказываетъ фактъ, а исходитъ изъ совершившагося уже факта; но онъ пытается возможно дальше углубить анализъ фактовъ въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ: онъ стремится выяснить, какого рода причины встрѣтились въ данномъ мѣстѣ и въ данное время и какія послѣдствія имѣла данная встрѣча. Иными словами говоря, историкъ даетъ научное объясненіе дѣйствительности, поскольку онъ объясняетъ соотношеніе элементовъ, въ совокупности вызвавшихъ данный результатъ.

Такое объясненіе сводится прежде всего къ тому, что историкъ долженъ опредѣлить, какія изъ причинъ, въ совокупности породившихъ данный фактъ, зависятъ отъ болѣе общей или другъ

отъ друга и какія, напротивъ, не могутъ быть поставлены имъ въ такую зависимость и, значить, представляются ему данными независимо отъ другихъ; къ числу послѣднихъ можно относить, на примѣръ, и самый фактъ скрещиванія или встрѣчи дѣйствія одной причины (или нѣсколькихъ) съ другой (или нѣсколькими), поскольку она не выводится изъ какого либо закона и просто признается данной въ дѣйствительности. Съ такой точки зрѣнія естественно, на примѣръ, различать общія условія и причины, долженствовавшія вызвать извѣстный фактъ, при наличности подходящей индивидуальности, и данность послѣдней въ данномъ мѣстѣ и въ данное время; встрѣча обѣихъ группъ обстоятельствъ и ведетъ къ тому результату, возникновеніе котораго объясняется.

Если историку удалось въ данной совокупности обстоятельствъ различить зависимыя отъ независимыхъ, то онъ можетъ пойти еще далѣе и попытаться выяснитъ значеніе въ данной группѣ причинъ тѣхъ изъ нихъ, которыя онъ назвалъ случайными. Въ дѣйствительности вся совокупность условій съ фактической необходимостью вызвала, конечно, данный фактъ и только; но историкъ можетъ пользоваться категоріей возможности при взвѣшиваніи относительнаго значенія данной исторической причины, въ совокупности съ другими породившей данный результатъ. Съ такой точки зрѣнія онъ можетъ задаваться, на примѣръ, вопросомъ, что было бы, если бы данной причины не было или если бы она была замѣнена другою, т. е. могла ли бы она быть замѣнена другой, равнозначимой или нѣтъ, измѣнился ли бы при такихъ условіяхъ результатъ или, точнѣе, собственно то его значеніе, которое мы признаемъ историческимъ и т. п. Лишь въ послѣднемъ смыслѣ данная причина пріобрѣтаетъ чисто историческій характеръ. Категорія возможности можетъ, значить, служить своего рода критеріемъ для опредѣленія значенія, причинъ, вызвавшихъ интересующій насъ результатъ; такимъ путемъ можно выяснитъ, въ какой мѣрѣ данное обстоятельство было дѣйствительно исторической причиной даннаго событія и т. п. Отвѣтъ на вопросъ подобнаго рода можно дать, однако, лишь пользуясь отвлеченіемъ и обобщеніемъ историческаго матеріала: отвлекая дан-

ную причину, или отвлеchenно разсматривая другую, мы, на основаніи общихъ понятій, установленныхъ антропологіей, психологіей, соціологіей и т. п., разсуждаемъ о томъ, какое дѣйствіе она могла бы имѣть.

Такимъ образомъ, историкъ можетъ обсуждать степень вѣроятности историческаго событія, поскольку отвлеchenно разсматриваемыя условія вообще признаются въ большей или меньшей степени благопріятными для ожиданія наступленія извѣстнаго (а не даннаго единичнаго) событія. Вообще, если событіе y порождено совокупностью (x, w) , причемъ x сложное и не зависитъ отъ w , а w можно замѣнить и другимъ обстоятельствомъ, то x уже можно считать совокупностью условій, въ значительной степени благопріятствующихъ наступленію y . Если при присоединеніи къ x какого либо условія (w или другого) намъ представляется, что вѣроятность иного по его историческому значенію результата, чѣмъ y , очень ограничена или мала, то такое причиненіе y можно назвать адекватнымъ; и обратно, если бы безъ w результатъ (въ историческомъ смыслѣ) получился бы другой, то причиненіе, поскольку оно уже прямо зависитъ и отъ w , можно назвать „случайнымъ“. Смотра по тому, на примѣръ, какое изъ вышеуказанныхъ значеній приписывать двумъ выстрѣламъ передъ замкомъ, въ совокупности съ другими условіями, вызвавшимъ мартовскую революцію въ Берлинѣ, придется и наступленіе ея признать результатомъ адекватнаго или „случайнаго“ причиненія *).

Уже въ вышеприведенныхъ операціяхъ историкъ постоянно пользуется понятіемъ о причинно-слѣдственной связи для выясненія того комплекса причинъ, который породилъ данный результатъ; но онъ можетъ попытаться уразумѣть и ту связь, которая обнаруживается между такимъ комплексомъ и его результатомъ. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о причинно-слѣдственной связи (но не о законѣ въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ) и объ относительно-случайной встрѣчѣ двухъ (или нѣсколькихъ) фактовъ, изъ которыхъ одинъ оказалъ реальное вліяніе на другой,—соединимы

*) *M. Weber*, Op. cit въ Arch. für Soz. XXII, 203.

между собою, поскольку мы пытаемся объяснить фактически необходимую причинно-слѣдственную связь между такими фактами. Для достиженія указанной цѣли, историкъ обращается къ анализу своего понятія объ индивидуальномъ объектѣ, который представляется ему фактически необходимымъ послѣдствіемъ дѣйствія на него другого индивидуальнаго объекта; онъ разлагаетъ такое понятіе на его элементы, всегда остающіеся общими; далѣе онъ совершаетъ подобную же операцію относительно индивидуальной причины и, наконецъ, устанавливаетъ связь между общими элементами своего понятія объ индивидуальномъ объектѣ—слѣдствіи и соотвѣтствующими такими же элементами своего понятія объ индивидуальномъ объектѣ—причинѣ. Если историку удастся совершить рядъ такихъ операцій, онъ затѣмъ снова соединяетъ общіе элементы своего понятія о причинѣ въ одно понятіе, представляющее ему индивидуальность этой причины, и такимъ образомъ, какъ бы обходнымъ путемъ, достигаетъ научнаго пониманія той фактически необходимой связи, въ какой данная индивидуальная причина находится съ порожденнымъ ею индивидуальнымъ объектомъ—слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, историкъ выясняетъ, какого рода обстоятельства совпали и въ совокупности произвели данный результатъ; самое стеченіе такихъ, а не иныхъ обстоятельствъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время остается для него относительно случайнымъ, но онъ можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ возникъ тотъ, а не иной результатъ.

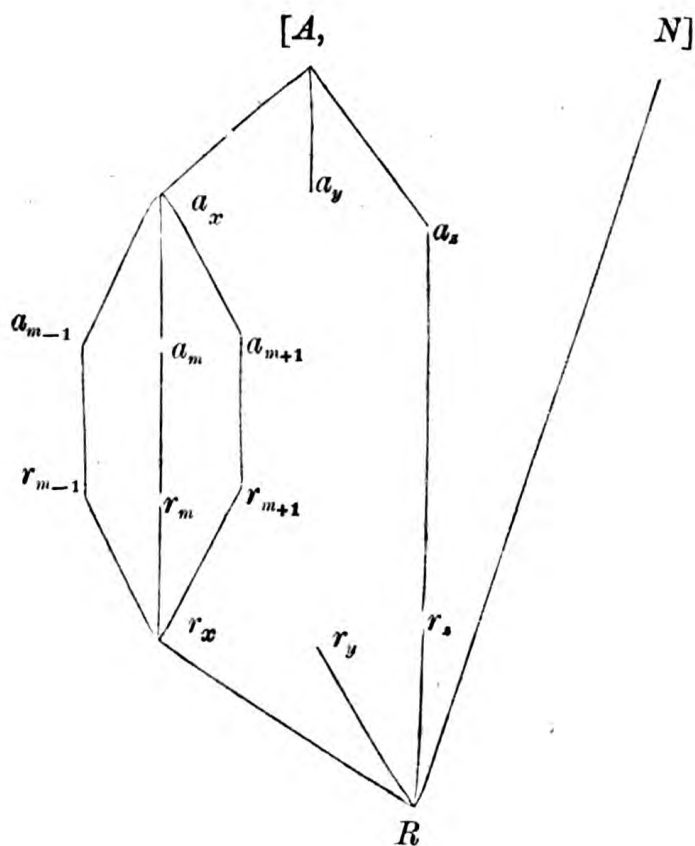
Само собою разумѣется, что идеальная цѣль, преслѣдуемая путемъ подобнаго рода изслѣдованій, можетъ и не быть достигнута въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, историку обыкновенно приходится констатировать въ изучаемомъ имъ результатѣ такой остатокъ, который онъ не можетъ разложить на элементы и, путемъ логической конструкціи, возвести къ соотвѣтствующимъ элементамъ причины *).

Вышеизложенную операцію можно представить себѣ въ видѣ слѣдующей схемы, гдѣ $[A, N]$ индивидуальная сложная

*) *H. Rickert*, *Geschichtsphilosophie*. S. 73.

причина (данное стечение обстоятельств, а не только стечение данных обстоятельств), а R —находящийся съ нею въ связи сложный результатъ.

Вообще разыскивая, какія обстоятельства вызвали R , и найдя $[A, N]$, историкъ мысленно разлагаетъ R и $[A, N]$ на состав-

ные ихъ элементы и пытается порознь установить связь между ними; различая зависимость R отъ A и отъ N , которое не зависитъ отъ A , онъ стремится выяснить зависимость R отъ A и зависимость R отъ N , каждую въ отдѣльности. Положимъ, что, восходя отъ R къ A , изслѣдователь сразу усматриваетъ, соотношение между r_z и a_z ; но такъ какъ онъ не можетъ сдѣ-

лать того же относительно r_x и a_x , то подвергнувъ ихъ дальнѣйшему разложению и получивъ такимъ образомъ r_{m-1} , r_m , r_{m+1} и a_{m-1} , a_m , a_{m+1} , онъ устанавливаетъ между ними искомое соотношение и т. п.; очевидно, что въ вышеприведенной схемѣ причинно-слѣдственное соотношение между r_y и a_y совсѣмъ не удалось установить. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, историкъ констатируетъ, что R зависитъ не отъ одного только A , но и отъ N , причемъ строить такую комбинацію $[A, N]$ въ отношеніи къ уже данному въ дѣйствительности результату R .

Итакъ этиологическое изслѣдованіе начинается съ R ; отъ него историкъ послѣдовательно восходитъ къ $[A, N]$, поскольку и R , и $[A, N]$ его понятія, разлагаемыя на ихъ элементы; а затѣмъ онъ снова идетъ отъ $[A, N]$ къ R , что и объясняетъ ему причино-слѣдственную зависимость между $[A, N]$ и R . Такое построеніе, разумѣется, далеко не всегда удается сдѣлать въ полной мѣрѣ.

Всякое историческое объясненіе и состоитъ въ томъ, чтобы возможно далѣе прослѣдить историческую связь послѣдующаго факта съ предшествующимъ, послѣдняго съ его предшествующимъ и т. д., пока историкъ не дойдетъ до первоначальнаго факта, который принимается, въ качествѣ даннаго, безъ объясненія его вліяніемъ какого либо предшествующаго факта.

Для наглядной иллюстраціи вышеуказаннаго хода мыслей, возьмемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, при разборѣ которыхъ можно будетъ высказать и нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, касательно существа дѣла.

Открытія, представляющіяся съ перваго взгляда актами индивидуальнаго творчества, тѣмъ не менѣе могутъ подлежать нѣкоторому объясненію. Открытіе закона тяготѣнія, на примѣръ, сдѣлано въ сущности послѣдовательными работами двухъ рядовъ ученыхъ: „система небесной геометріи“ была создана Коперникомъ, Тихо-Браге, Кеплеромъ и Ньютономъ; а математическая теорія движенія, вполнѣдствіи приложенная и къ движенію небесныхъ тѣлъ, — Галилеемъ, Гюйгенсомъ и Ньютономъ. Оба ряда работъ привели Ньютона къ открытію закона тяготѣнія; но при изученіи исторіи открытія закона тяготѣнія, очевидно, нельзя не принять въ расчетъ самаго Ньютона; между тѣмъ Ньютона, какъ Ньютона, во всей полнотѣ его творческой индивидуальности, конечно, нельзя логически вывести изъ вышеуказанныхъ отдѣльно взятыхъ рядовъ. Такимъ образомъ, при разложеніи понятія о полученномъ имъ результатѣ (т. е. закона тяготѣнія) историкъ замѣчаетъ, что онъ включаетъ въ себя два понятія: систему небесной геометріи и математическую теорію движенія и что оба понятія встрѣтились и взаимно оплодотворили другъ друга въ творческомъ умѣ Ньютона. Аналогичное

разсужденіе можно примѣнить и къ другимъ проявленіямъ творческой мысли человѣка. Большинство сложныхъ изобрѣтеній имѣли свою длинную исторію, въ созиданіи которой многіе участвовали. Авторъ исторіи паровой машины (R. Thurston) пришелъ, на примѣръ, къ слѣдующему заключенію: „великія изобрѣтенія никогда не являются созданіемъ одного человѣка; они—результатъ накопленныхъ усилій цѣлаго ряда работниковъ“. Обыкновенная машина не есть результатъ размысленій одного человѣка; многіе изслѣдователи содѣйствовали ея построенію: каждый изъ нихъ приносилъ свой камень для постройки общаго зданія, на примѣръ: Frey, Dufay, Wilke, Canton, Franklin“; но каждый изъ нихъ являлся творческою индивидуальностью, комбиниравшею предшествующія теченія мысли; ее, значить, также надо принимать во вниманіе, при объясненіи уже даннаго въ дѣйствительности результата.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ изъ другой области: положимъ, что историкъ встрѣчается съ фактомъ „декларациі правъ человѣка и гражданина“, сдѣланной французскимъ учредительнымъ собраніемъ 26 августа 1789 года (дальнѣйшія ссылки—на §§ декларациі). Для объясненія факта „декларациі“, историкъ исходитъ изъ нея, какъ изъ даннаго факта; онъ подвергаетъ свое понятіе о немъ анализу и добытые такимъ образомъ элементы онъ старается поставить въ связь съ соотвѣтствующими элементами своего понятія о той сложной совокупности факторовъ, которая породила декларацию. Историкъ обращаетъ вниманіе, на примѣръ на наиболѣе общія черты, характеризующія декларацию: на ея рационализмъ и естественно-правовую конструкцію (§ 2 и др.), на ея индивидуализмъ и эгалитаризмъ (§§ 1, 2, 7, 17), на выдвинутое ею понятіе о народномъ суверенитетѣ и теорію „общей воли“ (§§ 3, 6 и др.), а отчасти также на упоминаемое въ ней ученіе о представительствѣ (§ 6) и о раздѣленіи властей (§ 16). Перечисленные общіе элементы онъ пытается поставить въ связь съ такими же факторами, объясняющими ихъ наличность въ декларациі, на примѣръ: съ картезіанскою философіей, съ взглядами и дѣятельностью „философовъ вѣка просвѣщенія“, съ появленіемъ извѣстной французской

энциклопедии и т. п.; съ распространениемъ учений Гроція, Локка, Руссо и другихъ о естественномъ правѣ среди французскаго общества; съ увлечениемъ многихъ изъ его членовъ извѣстными политическими теоріями Монтескье, Руссо, Мабли и другихъ писателей и т. п. Нельзя, однако, признать такое объясненіе факта „декларациі“ достаточнымъ; историкъ долженъ принять во вниманіе и болѣе частныя его особенности; онъ долженъ объяснить, почему данный фактъ произошелъ именно во Франціи XVIII-го вѣка, а не въ другой странѣ и въ другое время; кромѣ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше обстоятельствъ, онъ замѣчаетъ, на примѣръ, что сама декларациа говоритъ о „презрѣніи правъ человѣка“ (въ связи съ „незнаніемъ“ и „забвеніемъ“ ихъ), какъ о причинѣ „общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ“; это утвержденіе онъ ставитъ въ связь съ социальнымъ и политическимъ строемъ „старога режима“ и съ признаніемъ декларацией права человѣка „сопротивляться угнетенію“ (§ 2); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ въ расчетъ и то вліяніе, которое недавно возникшая американская конституція, частныя „declarations of rights“ и проч. оказывали на французовъ того времени. Тѣмъ не менѣе и такого объясненія будетъ еще недостаточно для пониманія того, почему „декларациа“ состоялась именно въ данномъ мѣстѣ и въ данный моментъ французской жизни XVIII-го вѣка: для полнаго его историческаго пониманія, историку нужно еще будетъ выяснить, какимъ образомъ всѣ вышеуказанные факторы реализовались въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, т. е. какимъ образомъ они, въ совокупности, встрѣтились съ людьми, реально синтезировавшими ихъ въ себѣ, что и повело къ самому факту декларациі. Съ такой точки зрѣнія историкъ припоминаетъ, на примѣръ, что Парижъ былъ центромъ Франціи, въ которомъ вся политическая жизнь страны была сосредоточена, что нѣкоторые указы 1789 года требовали провозглашенія „декларациі“, что опредѣленные члены собранія: Сійесъ, составитель проекта декларациі, Лафайэтъ, увлекавшійся декларацией 1776 г., и другіе, встрѣчались въ національномъ собраніи, произносили тамъ рѣчи или участвовали въ преніяхъ, словомъ, что они способствовали осуществленію того самого

факта, который называется „декларацией правъ челоуѣка и гражданина“, и т. п. И только послѣ такого изслѣдованія, дальнѣйшія подробности котораго можно оставить здѣсь безъ разсмотрѣнія, объявленіе ея въ французскомъ учредительномъ собраніи 26 августа 1789 года станетъ понятнымъ для историка.

Такимъ образомъ, при объясненіи исторической связи историкъ исходитъ изъ конкретнаго факта, интересующаго его въ виду его историческаго значенія, и отъ него восходитъ къ той конкретной совокупности условій и обстоятельствъ, которыми, въ такой именно комбинаціи, онъ затѣмъ и объясняетъ уже данный въ дѣйствительности результатъ, т. е. тотъ самый индивидуальный фактъ, который его интересуеть.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что вышеуказанная операція, состоящая въ расчлененіи нашихъ понятій о сложномъ комплексѣ причинъ и элементовъ результата для того, чтобы, по возможности, усмотрѣть законосообразность связи между порознь взятыми причинослѣдственными отношеніями, не можетъ еще удовлетворить идиографическое пониманіе дѣйствительности: выясняя генезисъ явленія, т. е. то, какимъ образомъ данный фактъ возникъ, почему онъ оказался на данномъ мѣстѣ и появился въ данное время, она еще не даетъ построенія даннаго факта въ его конкретности; а безъ такого построенія нельзя разсуждать и о вліяніи его, въ его цѣлостности, на окружающую его дѣйствительность; лишь благодаря научному построенію факта въ его цѣлостности, а не одному только объясненію его съ точки зрѣнія причинно-слѣдственной связи, можно достигнуть пониманія его вліянія на данный процессъ, его послѣдствій и его „историческаго“ значенія для даннаго цѣлага.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько ни разлагать фактъ на составные его элементы, путемъ такого анализа, нельзя еще установить его въ его цѣлостности. Какъ бы ни былъ совершенъ, на примѣръ, историческій анализъ Сикстинской Мадонны, какъ бы ни объясняли ея возникновенія изъ общихъ условій культуры того времени, въ частности изъ религіознаго настроенія рафаэлевской эпохи и самаго Рафаэля, изъ художественной школы, къ которой онъ принадлежалъ, изъ его художественнаго разви-

тія и т. д., все же такой анализъ не замѣнить „Сикстинской Мадонны“ въ ея цѣлостности, да и не объяснить того вліянія, которое она, именно въ ея цѣлостности, оказываетъ на зрителя. Какъ бы совершенно не были объяснены причины, вызвавшія сраженія при Марафонѣ или при Ватерло, эти факты должны быть приняты во вниманіе въ ихъ цѣлостности, поскольку одинъ оказалъ вліяніе на послѣдующее возвышеніе Аѳинъ и на развитіе античной греческой культуры, а другой повліялъ на образованіе германской имперіи и породилъ другія политическія послѣдствія. Слѣдуетъ также замѣтить, что и практически, обыкновенно, нѣтъ возможности въ полной мѣрѣ провести такой анализъ до конца и получить чисто научный синтезъ добытыхъ элементовъ.

Такимъ образомъ, при изученіи дѣйствительности, историкъ не можетъ ограничиться ея разложеніемъ: для воспроизведенія ея въ ея цѣлостности, поскольку послѣднее имѣетъ историческое значеніе, историкъ долженъ научно построить ее путемъ синтеза, совершаемаго съ извѣстной, критически установленной точки зрѣнія и зависящаго отъ данности въ дѣйствительности того, по отношенію къ чему онъ производится. Поскольку задача исторической науки состоитъ въ научномъ построеніи дѣйствительности, историкъ не можетъ ограничиться тѣмъ, что онъ исходитъ изъ дѣйствительности и путемъ анализа разлагаетъ ее на тѣ составные элементы, изъ которыхъ она образовалась; историкъ не только исходитъ изъ дѣйствительности, но онъ стремится возвратиться къ ней: разложивъ ее на элементы, онъ пытается представить ихъ себѣ въ извѣстномъ синтезѣ.

Понятіе объ исторической связи между смежными фактами уже даетъ, однако, возможность производить такой синтезъ, т. е. объединять множество представленій о разрозненныхъ элементахъ дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, сложная совокупность многихъ условій и обстоятельствъ получаетъ нѣкоторое единство въ отношеніи къ уже данному въ дѣйствительности конкретному результату; но, даже если разсматривать послѣдній какъ своего рода „случайный взрывъ“, все же можно изучать его послѣдствія: въ отно-

шеніи къ нему совокупность ихъ также получаетъ нѣкоторое единство.

Вообще для того, чтобы съ исторической точки зрѣнія разсуждать о встрѣчѣ двухъ или нѣсколькихъ причинно-слѣдственныхъ рядовъ и о послѣдующемъ вліяніи ея на нихъ, нужно признать реальность такой встрѣчи; значить, надобно, чтобы она предварительно реализировалась въ дѣйствительности, т. е. въ данномъ индивидуумѣ или въ данномъ „событіи“. Въ только что указанномъ смыслѣ значеніе индивидуума состоитъ въ томъ, что онъ является реализаціей элементовъ „встрѣчи“, признаваемыхъ нами за дѣйствительность. Въ сущности, можно уже самый индивидуумъ назвать своего рода событіемъ, поскольку каждый индивидуумъ представляется нашему разуму относительно случайной встрѣчей множества причинно-слѣдственныхъ рядовъ, реальнымъ центромъ скрещиванія между собой нѣсколькихъ серій, каждая изъ которыхъ можетъ быть построена согласно закону въ причинно-слѣдственномъ смыслѣ. Мало того: благодаря своему волевому воздѣйствію на внѣшній міръ (ср. выше), личность можетъ соединить воедино данныя, но разрозненныя условія, и, такимъ образомъ, породивъ ихъ встрѣчу, вызвать новое событіе, которое, въ свою очередь, можетъ повести къ новымъ результатамъ. Въ такомъ смыслѣ, на примѣръ, Юлій Цезарь, Лютеръ, Петръ Великій, Наполеонъ оказывали вліяніе на ходъ исторіи. Люди, даже тѣ, которые называются „великими“, правда реализируютъ въ себѣ въ значительной степени лишь синтезъ уже данныхъ соціальныхъ силъ; но подборъ соціальныхъ силъ, да и самый синтезъ ихъ можетъ быть произведенъ весьма различными способами; пользование того, а не иного изъ нихъ въ дѣйствительности зависитъ отъ той индивидуальности, въ которой онъ получить осуществленіе; сама индивидуальность, въ качествѣ таковой, обладаетъ ей одной присущими свойствами; введенная въ совокупность данныхъ условій, она содѣйствуетъ образованію того синтеза, который происходитъ чрезъ ея посредство и благодаря ей.

Въ качествѣ иллюстраціи къ положенію, высказанному выше, возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи наукъ. Всѣ условія и факторы синтезируются въ актѣ индивидуальнаго творчества,

привносящаго отъ себя нѣчто новое, объединяющее и оживотворяющее ихъ совокупность. Въ дѣйствительности факторы производятъ данный результатъ всѣ вмѣстѣ, а не каждый порознь; реальный синтезъ ихъ получается въ индивидуальности или, точнѣе, въ самомъ актѣ индивидуальнаго творчества. Всякая научная теорія, открытіе или изобрѣтеніе, можетъ возникнуть лишь путемъ индивидуальнаго научнаго творчества; нельзя учесть всѣ факторы послѣдняго если не имѣть научнаго, т. е. вполне точнаго понятія о данномъ и единомъ міровомъ цѣломъ; нельзя, напр., логически вывести Ньютона изъ окружавшей его среды; да если бы и можно было это сдѣлать, нельзя было бы не говорить о Ньютонѣ; фактически приходится считаться съ индивидуальностью Ньютона и признавать индивидуальность его научнаго творчества. Само собою разумѣется, что чѣмъ выше индивидуальное творчество, тѣмъ менѣе оно зависитъ отъ обстоятельствъ и тѣмъ больше масса нуждается въ немъ, а не оно въ ней. Нельзя, напримѣръ, замѣнить Дарвина нѣкоторымъ количествомъ второстепенныхъ естествоиспытателей; изъ суммы ихъ индивидуальныхъ творчествъ мы не получимъ индивидуальнаго творчества Дарвина, ибо индивидуальности не экземпляры, которые поддаются подсчету, а сама индивидуальность не есть простая сумма элементовъ; послѣдняя не дастъ еще единичной комбинаціи, извѣстной намъ изъ исторіи. Данная индивидуальность и проистекающій изъ ея существа актъ научнаго творчества—есть фактъ, данный въ дѣйствительности; нѣкоторые изъ его элементовъ, разъ онъ данъ, можно объяснить и вывести изъ окружающихъ условій; общія послѣдствія такого факта можно также предвидѣть, если имѣть понятіе о свойствахъ среды, въ которой онъ имѣлъ мѣсто; но историкъ не можетъ предсказать появленіе въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ данной, именно этой, а не иной ученой индивидуальности или даннаго ея акта индивидуальнаго научнаго творчества, а, значить, и его послѣдствій въ данномъ мѣстѣ и въ данный моментъ. Существо вышеизложеннаго разсужденія не измѣнится, если примѣнить его не къ гениальнымъ ученымъ, а къ среднимъ людямъ науки; правда, въ посредственномъ ученомъ всегда больше элементовъ, общихъ

у него съ другими посредственными учеными, но комбинація всѣхъ элементовъ, представляемая данною личностью, фактически все же остается единственной въ своемъ родѣ. Замѣтимъ еще, что индивидуальное творчество обнаруживается уже въ той именно комбинаціи, для которой ученый изъ массы элементовъ производитъ выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; эта масса все возрастаетъ; тѣмъ больше творчества нужно въ самомъ выборѣ ихъ; и тутъ есть творчество: только характеръ и направленіе его измѣнились. Если, однако, въ исторіи науки индивидуальное творчество всегда будетъ имѣть значеніе, и логическое раскрытіе существа ея въ дѣйствительности будетъ зависѣть отъ такого творчества, то и наука должна будетъ имѣть свое реальное, а не одно только логическое развитіе, причемъ реальное ея развитіе далеко не всегда будетъ совпадать съ логическимъ уже потому одному, что оно будетъ зависѣть отъ всѣхъ „случайностей“, которымъ подвергнуто индивидуальное его осуществленіе.

Въ аналогичномъ смыслѣ можно разсуждать и о цѣлыхъ народахъ, поскольку они въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время выступали дѣятелями въ исторіи: напримѣръ, о грекахъ (въ частности аѳинянахъ) въ эпоху греко-персидскихъ войнъ; о французахъ въ эпоху великой революціи и т. п.

Историкъ приходится, однако, обыкновенно имѣть дѣло не съ относительно случайной встрѣчей обстоятельство, поскольку она стоитъ въ связи съ появленіемъ данной индивидуальности, или встрѣчей данныхъ обстоятельствъ съ данною индивидуальностью, а съ встрѣчей нѣсколькихъ данныхъ индивидуальностей (или точнѣе ихъ дѣйствій), что онъ и называетъ событіемъ въ болѣе узкомъ, историческомъ смыслѣ слова; подъ „событіемъ“ можно, слѣдовательно, разумѣть, индивидуальное понятіе, объединяющее множество представленій о разнородныхъ фактахъ, образующихъ конкретное сцѣпленіе, въ составъ котораго входитъ встрѣча послѣдняго рода, причемъ совокупность ихъ дѣйствительно дана и дѣйствительно вліяетъ (или вліяла) на ходъ развитія человѣчества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данною и, значитъ, относительно случайною, она и называется событіемъ въ узкомъ смыслѣ слова.

Итакъ, синтетическое построение действительности прежде всего сводится къ установленію реализаціи встрѣчи данныхъ элементовъ въ данной индивидуальности (личности, событіи). Подобно индивидуальности, и „событіе“, въ качествѣ такового, можетъ оказывать вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторіи, т. е. на послѣдующее развитіе каждой изъ тѣхъ серій, которыя сплелись въ немъ. Данное событіе, напримѣръ, переселеніе, открытіе или изобрѣтеніе, война, революція, — вліяетъ на людей: они, всѣ вмѣстѣ, подвергаются вліянію такого событія; оно становится общою причиною перемѣнъ, происходящихъ въ специальныхъ эволюціяхъ разнородныхъ серій явленій и становится какъ бы связывающимъ ихъ узломъ. Изобрѣтеніе паровой машины, напримѣръ, оказало вліяніе на развитіе хозяйства (примѣненіе ея въ разныхъ отрасляхъ фабричной промышленности, быстрое обращеніе товаровъ и проч.), на развитіе просвѣщенія (легкое передвиженіе и общеніе людей другъ съ другомъ, распространеніе извѣстій, корреспонденціи и проч.), на политическое развитіе (стратегическое значеніе желѣзныхъ дорогъ и т. п.); или французская революція оказала вліяніе на подъемъ національнаго духа французовъ (ср. войны изъ за „естественныхъ границъ“), на соціально-политическій строй (а въ связи съ нимъ и на нѣкоторыя другія стороны культуры) во Франціи, на территориальные захваты, произведенные нѣкоторыми другими державами во время революціонныхъ войнъ, на послѣдующую исторію ихъ политики и т. д.

„Всеобщая“ исторія и занимается, главнымъ образомъ, изученіемъ событій, оказавшихъ вліяніе на развитіе человѣчества, и его результатами. Съ указанной точки зрѣнія, „политическая“ исторія получаетъ особаго рода смыслъ: вѣдь она стремится выяснитъ значеніе воздѣйствія индивидуумовъ на общій ходъ развитія и событій, отразившихся на жизни всѣхъ людей (данной группы, народа, человѣчества) и на разныхъ проявленіяхъ ихъ жизни, т. е. событій, касавшихся массы населенія и видоизмѣнившихъ ея жизнь.

Такимъ образомъ, понятіе объ исторической связи между смежными фактами уже служитъ для объединенія нашихъ пред-

ставленій о дѣйствительности; вмѣстѣ съ тѣмъ оно, въ сущности, лежитъ въ основѣ понятія о непрерывности историческаго процесса: помимо взаимозависимости фактовъ между собою въ данномъ состояніи культуры, историкъ получаетъ возможность пользоваться имъ для установленія непрерывной связи между фактами, слѣдующими во времени: лишь принимая во вниманіе историческую связь между индивидуальными событіями и развитіемъ культуры, можно представить себѣ непрерывную цѣпь соотношеній; въ противномъ случаѣ между ея звеньями оказывается разрывъ, который остается реально не заполненнымъ. Такая связь часто обнаруживается, напримѣръ, между исторіей учреждений и событіями „внѣшней исторіи“; случаи подобнаго рода можно припомнить и изъ древней, и изъ новой исторіи. По словамъ одного изъ древнихъ мыслителей-политиковъ, „Саламинская побѣда, виновникомъ которой былъ народъ, служившій на корабляхъ, доставила Аѳинамъ гегемонію и, вмѣстѣ съ развитіемъ морскаго могущества государства, усилила въ немъ демократическій элементъ“; и наоборотъ, „въ Аргосѣ знатные граждане, прославившись битвой съ Лакедемонянами при Мантинеѣ, тотчасъ приступили къ ослабленію національной демократіи...“ и т. п.; или исторія французскихъ политическихъ учреждений времени революціи не можетъ быть надлежащимъ образомъ построена въ видѣ непрерывнаго процесса, если не принять во вниманіе вліяніе на нихъ европейской коалиціи, и т. п. *). Итакъ, не пользуясь понятіемъ объ исторической связи въ вышеуказанномъ смыслѣ, историкъ не можетъ установить и понятіе о непрерывности историческаго процесса; но понятіе объ исторической связи получаетъ еще болѣе широкое значеніе для объединенія историческихъ данныхъ, при комбинаціи его съ понятіемъ объ историческомъ цѣломъ.

§ 4. Понятіе объ историческомъ цѣломъ.

Нельзя достигнуть научно-историческаго построенія конкретной дѣйствительности, путемъ одного только ея объясненія съ точки

*) Aristot., Pol., l. VIII, с. з. *A. Aulard*, Op. cit., pp. 170, 174, 177.

зрѣнія исторической связи между смежными ея элементами. Хотя такое объясненіе есть уже своего рода построеніе, объединяющее наше знаніе о ней, но оно еще не даетъ возможности охватить ее во всей ея цѣлостности, т. е. по возможности достигнуть того предѣла, къ которому идиографическое знаніе стремится, а не отъ котораго оно удаляется, подобно номотетическому; для того, чтобы приблизиться къ такому предѣлу, историкъ пытается образовать понятіе о цѣломъ: онъ признаетъ, что каждый отдѣльно взятый исторической объектъ входитъ въ одно цѣлое, вмѣстѣ съ другими такими же объектами, и что каждый изъ нихъ тѣмъ самымъ опредѣляется въ своей индивидуальности, какъ незамѣнимая часть цѣлаго.

Въ сущности понятіе о цѣломъ, т. е. о нѣкоторомъ реальномъ единствѣ многообразія, тѣсно связано съ понятіемъ объ индивидуальномъ: вѣдь своеобразное цѣлое есть уже нѣчто индивидуальное, а съ исторической точки зрѣнія въ узкомъ смыслѣ слова его единство существуетъ лишь въ данной индивидуальности, въ субъектѣ консензуса или эволюціи: онъ полагаетъ себѣ цѣль, общую для всѣхъ по своему значенію, обладаетъ общей волей и самоопредѣляется въ объединенной дѣятельности членовъ цѣлаго; но такое понятіе все же получаетъ особаго рода смыслъ, если разсматривать данное цѣлое не въ отношеніи его къ другимъ цѣлымъ, а въ отношеніи его къ своимъ частямъ, только въ немъ приобретающимъ полноту своего значенія. Съ послѣдней точки зрѣнія можно разсуждать о томъ, въ какой мѣрѣ понятіе о цѣломъ обуславливаетъ собою понятіе объ индивидуальномъ характерѣ его частей.

Предѣльное понятіе о цѣломъ, т. е. о такомъ цѣломъ, которое уже не мыслится въ качествѣ части другого болѣе обширнаго цѣлаго, заключаетъ всѣ эмпирически данныя намъ представленія въ качествѣ его частей; оно есть понятіе о міровомъ цѣломъ; оно представляется намъ цѣлостною дѣйствительностью, части которой, однако, мы можемъ, въ свою очередь, называть относительными цѣлыми; мы называемъ ихъ относительными въ томъ смыслѣ, что мы или не въ силахъ довести объемъ нашего понятія до конечнаго предѣла, и довольствуемся его

частями въ качествѣ своего рода цѣлыхъ, или, въ виду цѣли даннаго изслѣдованія, считаемъ возможнымъ пренебречь значеніемъ даннаго комплекса, въ качествѣ части вселенной, а беремъ его въ качествѣ цѣлаго. Наша солнечная система, на примѣръ, есть цѣлое въ отношеніи къ образующимъ ее планетамъ; человечество есть цѣлое въ отношеніи къ составляющимъ его народамъ и т. п. Съ такой точки зрѣнія, чѣмъ часть дробнѣе и чѣмъ она менѣе разсматривается въ отношеніи къ цѣлому, тѣмъ она оказывается болѣе отвлеченной и можно сказать, что отдѣльно взятый индивидуумъ—есть абстракція. Въ исторической дѣйствительности, на примѣръ, (понимая ее въ узкомъ смыслѣ), каждый индивидуумъ (поскольку онъ признается именно индивидуумомъ), — есть часть нѣкоего цѣлаго: онъ житель данной страны, членъ семьи, общества, государства, человечества. То же самое можно сказать и про событіе; и оно представляется намъ въ полнотѣ его реальности, лишь если вставить его въ дѣйствительность, частью которой оно оказывается.

Выше мы, правда, признали какъ бы нѣкоторую общность между историческими объектами данной реальной совокупности, поскольку всѣ они входятъ въ составъ ея одной; съ такой точки зрѣнія можно было бы замѣтить, что включеніе индивидуальности въ данное цѣлое грозитъ уничтоженіемъ ея особенностей; но тутъ слѣдуетъ различать отношеніе между экземпляромъ и общимъ понятіемъ отъ отношенія между частью и цѣлымъ, ее обнимающимъ. Смѣшеніе между такими отношеніями ведетъ къ ошибкѣ, извѣстной въ логикѣ подъ названіемъ *quaternio terminum*. Въ самомъ дѣлѣ, представленіе о каждомъ экземплярѣ, мыслимомъ независимо отъ остальныхъ, субсумируется подъ общее понятіе объ ихъ совокупности, тогда какъ каждая изъ частей даннаго цѣлаго въ своемъ реальномъ положеніи зависитъ также отъ остальныхъ и занимаетъ опредѣленное мѣсто въ данномъ цѣломъ; изъ того, что историкъ вставляетъ индивидуальный объектъ, въ качествѣ части цѣлаго въ такое цѣлое также индивидуальное, вовсе не слѣдуетъ, что онъ подчиняетъ представленіе объ этомъ индивидуальномъ объектѣ общему понятію; историкъ не выдѣляетъ мысленно свойства или процессы изучаемыхъ имъ объек-

товъ, а, напротивъ, разсматриваетъ послѣднія, какъ индивидуальныя части даннаго цѣлаго; каждая изъ нихъ становится именно частью даннаго цѣлаго лишь въ той мѣрѣ, въ какой она незамѣнима другой, и, слѣдовательно, получаетъ въ немъ свое индивидуальное значеніе.

Легко было бы, конечно, возразить, что едва ли каждый индивидуумъ имѣетъ настолько значенія въ обществѣ, чтобы быть признаннымъ особою самостоятельною частью этого общества, какъ цѣлаго; но такое возраженіе, въ сущности, касается не формальныхъ признаковъ понятія о части, а только его содержанія. Дѣйствительно, въ понятіе части можно включать группу изъ нѣсколькихъ индивидуумовъ, приблизительно одинаковыхъ по своему значенію для даннаго цѣлаго. Тѣмъ не менѣе, сравнивая „группу“ съ тѣмъ цѣлымъ, въ составъ котораго она входитъ, историкъ придаетъ понятію о ней индивидуальный характеръ; онъ пользуется относительно общимъ содержаніемъ своего понятія о группѣ только для того, чтобы представить индивидуальный характеръ данной группы, отличающій ее отъ остальныхъ группъ, какъ частей даннаго цѣлаго.

Вообще можно сказать, что идиографическое объединеніе нашего знанія стоитъ въ тѣсной связи съ его индивидуализированіемъ: составной элементъ даннаго цѣлаго мы признаемъ частью его тѣмъ съ большимъ основаніемъ, чѣмъ въ меньшей мѣрѣ можно замѣнить его другимъ элементомъ, т. е. чѣмъ въ большей степени онъ обладаетъ индивидуальнымъ характеромъ.

Съ такой точки зрѣнія историкъ, напримѣръ, можетъ изучать все (культурное) человѣчество, какъ единственное въ своемъ родѣ цѣлое, частями котораго онъ признаетъ отдѣльные (историческіе) народы; данный народъ—государство, съ его культурой, общественными слоями, провинціями, городами и т. п., каждый или каждая изъ которыхъ представляется ему частью даннаго цѣлаго; или данный городъ, въ индивидуальномъ обликѣ котораго онъ также различаетъ отдѣльныя его части и т. п. Впрочемъ, тоже самое можно сказать и объ эволюціонныхъ серіяхъ. Каждая изъ историческихъ серій представляется историку въ видѣ части единой эволюціи человѣчества и въ такомъ

смыслъ также получаетъ наибольшее значеніе при наибольшей степени ея индивидуализаціи, какъ части, незамѣнимой никакой другой частью данной эволюціи.

На основаніи только что сдѣланныхъ замѣчаній, естественно придти къ заключенію, что подь „цѣлымъ“ можно разумѣть два разныхъ понятія: за отсутствіемъ лучшихъ терминовъ, я назову одно—коэкзистенціальнымъ цѣлымъ, а другое — эволюціоннымъ цѣлымъ. Подь понятіемъ о коэкзистенціальномъ цѣломъ я разумѣю такое понятіе, которое строится съ статической точки зрѣнія: оно относится къ устойчивой системѣ элементовъ, каждый изъ которыхъ занимаетъ опредѣленное положеніе въ пространствѣ, т. е. мѣсто въ топографическихъ предѣлахъ даннаго цѣлаго. Подь понятіемъ объ эволюціонномъ цѣломъ я разумѣю такое понятіе, которое строится съ динамической точки зрѣнія; оно относится къ послѣдовательной смѣнѣ элементовъ, каждый изъ которыхъ занимаетъ опредѣленное положеніе во времени, т. е. моментъ въ хронологическихъ предѣлахъ даннаго цѣлаго. Реальное соотношеніе частей въ каждомъ изъ такихъ цѣлыхъ понимается различно. Положимъ, что нѣкое цѣлое S имѣетъ значеніе S_k въ качествѣ коэкзистенціального цѣлаго, и значеніе S_e въ качествѣ эволюціоннаго цѣлаго; и что $S_k = \Sigma_k (A, B, C, D...)$ и $S_e = \Sigma_e (A, B, C, D...)$. Тогда объясненіе реального соотношенія $A, B, C, D...$ въ S_k и S_e будетъ разнымъ: въ S_k элементы $A, B, C, D...$, какъ данные, мыслятся независимо другъ отъ друга; въ S_e — тѣ же элементы мыслятся, напротивъ, въ не-обратимой зависимости другъ отъ друга. Въ S_k достаточно выяснить причины, вызывающія $A, B, C, D...$ порознь, а также взаимное вліяніе A на $B, C, D...$, B на $A, C, D...$ и т. п. и обратно ($S_k - A$) на A , ($S_k - B$) на B и т. д. Здѣсь, хотя $A, B, C, D...$ приводятся въ зависимость другъ отъ друга, но, поскольку каждый изъ нихъ мыслится независимо другъ отъ друга, и зависимость ихъ обратима. Въ S_e соотношеніе элементовъ иное. Здѣсь, въ числѣ причинъ, вызвавшихъ B , приходится имѣть въ виду и предшествовавшее ему во времени A ; въ числѣ причинъ, вызвавшихъ C , предшествовавшее ему во времени B , а, можетъ быть, и A и т. д.; такимъ образомъ, элементы системы

S_e , предшествующіе данному, могутъ вліять на него, что ведетъ къ изученію зависимости между B и [S_e —(B, C, D, \dots)], между C и [S_e —(C, D, \dots)] и т. п. *) Достаточно принять во вниманіе только что указанное различіе между коэкзистенціальнымъ цѣлымъ S_k и эволюціоннымъ цѣлымъ S_e , чтобы придти къ заключенію, что изученіе реального соотношенія между частью и цѣлымъ будетъ различнымъ, смотря по тому, какое значеніе приписывать самому цѣлому: строить ли его въ видѣ коэкзистенціального или эволюціоннаго цѣлаго.

При образованіи понятій объ одномъ изъ такихъ цѣлыхъ историкъ пользуется, конечно, вышерассмотрѣнными принципами консензуса и эволюціи, но съ идиографической, а не съ номотетической точки зрѣнія *): онъ не упускаетъ изъ виду ни понятія о субъектѣ, ни понятія объ индивидуальной цѣлостности консензуса или эволюціи, благодаря которымъ совокупность элементовъ каждаго изъ нихъ и получаетъ наибольшее свое единство и значеніе, а понятіе о ней—наилучшее приложеніе къ построенію исторической дѣйствительности; впрочемъ, интересъ собственно историческаго построенія сосредоточивается, главнымъ образомъ, на установленіи понятія объ эволюціонномъ цѣломъ.

Понятіе объ эволюціонномъ цѣломъ, разумѣется, находится въ тѣсной связи съ понятіемъ о развитіи; какъ указано было выше, послѣднее конструируется не безъ помощи телеологическаго принципа, но только въ регулятивномъ его значеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о развитіи строится ученымъ подъ условіемъ понятія о нѣкоемъ телеологическомъ единствѣ; въ его формальномъ значеніи, оно оказывается и для историка логическимъ *primum*, подъ условіемъ котораго онъ устанавливаетъ причинно-слѣдственную связь между звеньями, и располагаетъ ихъ въ необратимый рядъ; части этого цѣлаго онъ представляетъ себѣ въ качествѣ причинно-связанныхъ между собою и непрерывно смѣняющихся во времени стадій даннаго процесса, какъ бы на-

*) См. выше сс. 128—135 и с. 277.

правленнаго къ осуществленію извѣстной цѣли; съ собственно исторической точки зрѣнія, онъ признаетъ, однако, такой данный въ дѣйствительности процессъ единичнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Понятіе о развитіи, какъ видно, связывается съ понятіемъ объ общемъ направленіи или „общей тенденціи“, которая въ немъ предполагается; всякій рядъ представляетъ извѣстную планомѣрность; значить, между его звеньями можно установить нѣчто общее, поскольку данная тенденція обнаруживается въ нихъ и какъ бы сводится къ достиженію нѣкоего общаго результата; тѣмъ не менѣе, въ историческомъ развитіи каждая изъ такихъ стадій сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, поскольку она въ ея реальномъ отношеніи къ цѣлому незамѣнима никакой другой и способствуетъ реализаціи въ регулятивномъ смыслѣ приписываемой ему цѣли.

Общее понятіе о развитіи можно, конечно, вообще прилагать къ дѣйствительности, поскольку она измѣняется; но понятіе объ индивидуальномъ историческомъ развитіи уже содержитъ понятіе о фактахъ съ историческимъ значеніемъ; кромѣ того, такое развитіе само представляется историку цѣннымъ, поскольку онъ относитъ его цѣль къ цѣнности, а, значить, и процессу ея реализаціи также придаетъ историческое значеніе.

Понятіе объ историческомъ развитіи, напримѣръ, о развитіи человѣчества, служитъ историку для объединенія своего знанія объ отдѣльныхъ фактахъ (хотя и не для обобщенія ихъ): изучая, какимъ образомъ то, что есть, стало именно тѣмъ, что оно есть, онъ размѣцаетъ факты, по ихъ историческому значенію и въ ихъ реальной связи, въ данномъ эволюціонномъ цѣломъ; но онъ можетъ понимать историческую эволюцію и въ качествѣ цѣлаго, въ составъ котораго частныя эволюціи входятъ въ видѣ частей; тогда послѣднія представляются ему какъ бы продольными разрѣзами или нитями,

*) *B. Pascal*, *Pensées*, éd. 1843, p. 68: „Toute la suite des hommes, pendant le cours de tant de siècles, doit être considérée comme un même homme qui subsiste toujours et apprend continuellement“; о разныхъ понятіяхъ историческаго развитія см. еще *H. Rickert*, *Grenzen*, SS. 436—480. и с. 281.

изъ которыхъ сплелась общая эволюція. Съ такой точки зрѣнія историкъ можетъ изучать, напимѣръ, исторію религіи, исторію хозяйства, исторію учрежденій, и т. п., хотя и знаетъ, что ни одна изъ такихъ „исторій“ сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, не существуетъ въ дѣйствительности. Понятіе о частной эволюціи, иногда называемое „исторической серіей“, служитъ для такихъ же познавательныхъ цѣлей, какъ и понятіе объ общей эволюціи человѣчества (или данной общественной группы и т. п.), но разумѣется, примѣнительно къ болѣе узкой области историческаго матеріала.

Въ такихъ разсужденіяхъ, однако, легко преступить границы, за которыми теоретико-познавательное построеніе превращается въ метафизическое: гипостазируя цѣль историческаго развитія, историкъ уже признаетъ ее объективно-данной въ дѣйствительности цѣнностью. Впрочемъ, понятіе о прогрессѣ образуется не безъ нѣкотораго субъективизма и въ томъ случаѣ, если оно связывается съ понятіемъ о непрерывномъ возрастаніи цѣнности; придерживаясь такого пониманія, историкъ, въ сущности, забываетъ объ эволюціонномъ цѣломъ, состоящемъ изъ частей, и обезличиваетъ стадіи эволюціи: онъ придаетъ имъ значеніе однихъ только средствъ для достиженія цѣннаго результата и считаетъ каждую послѣдующую стадію болѣе цѣнной, чѣмъ предшествующую, такъ какъ она по времени своего возникновенія ближе къ конечной цѣли, и т. п. Понятіе о регрессѣ, строяемое съ такой же субъективной, но соотвѣтственно обратной точки зрѣнія, вызываетъ тѣ-же замѣчанія. Въ зависимости отъ степени субъективности избраннаго историкомъ критерія оцѣнки, значеніе такихъ понятій о непрерывномъ совершенствованіи или упадкѣ, улучшеніи или ухудшеніи для объединенія историческихъ фактовъ въ серіи, конечно, умалывается: оно можетъ оказаться совсѣмъ непригоднымъ для научнаго построенія исторической дѣйствительности.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній можно придти къ заключенію, что историкъ интересуется, главнымъ образомъ, не индивидуальнымъ, самымъ по себѣ взятымъ, а индивидуальнымъ, какъ цѣлымъ или индивидуальнымъ, какъ частью: исто-

рикъ въ узкомъ смыслѣ слова, сосредоточиваетъ свое вниманіе лишь на той части мірового цѣлаго, которую мы называемъ человѣчествомъ, и преимущественно изучаетъ ее въ качествѣ относительнаго эволюціоннаго цѣлаго, выясняя какое именно реальное значеніе каждая его часть имѣла или имѣетъ въ историческомъ процессѣ его образованія.

Въ такихъ построеніяхъ историкъ замѣняетъ обобщающее понятіе о законѣ объединяющимъ понятіемъ объ историческомъ развитіи, хотя бы оно было понятіемъ о единичномъ и единственномъ въ своемъ родѣ процессѣ (напримѣръ, о развитіи человѣчества). Съ эволюціонной точки зрѣнія онъ, конечно, въ состояніи будетъ указать на то общее направленіе, которое примутъ факты, но онъ не можетъ говорить о его реализаціи въ дѣйствительности (т. е. именно объ исторіи осуществленія такого направленія) прежде, чѣмъ факты дѣйствительно не наступятъ и прежде, чѣмъ предполагаемое общее направленіе, которое безъ нихъ будетъ голой схемой, не осуществится въ дѣйствительности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Критическое разсмотрѣніе идіографическаго построенія историческаго знанія.

Въ предшествующемъ отдѣлѣ я попытался систематически изложить то построеніе теоріи историческаго знанія, которое получается, если придерживаться идіографической точки зрѣнія; мнѣ казалось желательнымъ развить систему основныхъ ея принциповъ въ томъ видѣ, въ какомъ я понимаю ихъ, не стѣсняя себя ни изложеніемъ одного какого либо построенія, предложеннаго даннымъ мыслителемъ, ни критикой его выводовъ. Теперь не мѣшаетъ, однако, войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеній, вызывающихъ разногласіе даже среди самихъ приверженцевъ идіографическаго построенія исторіи.

Сами основатели разбираемой теоріи, напримѣръ, слишкомъ мало обращаютъ вниманія на то общее, что оказывается между знаніемъ въ номотетическомъ смыслѣ и знаніемъ въ идіографическомъ смыслѣ. Выше мнѣ уже пришлось замѣтить, что научное знаніе стремится къ объединенію разрозненныхъ эмпирическихъ данныхъ, и что такая задача должна быть общей для обоихъ видовъ нашего знанія, хотя и достигается нами разными путями. Приверженцы идіографическаго направленія, однако, слишкомъ увлекшись логическимъ противоположеніемъ „естествознанія“ — исторіи, преимущественно настаиваютъ на различіи тѣхъ познавательныхъ задачъ и точекъ зрѣнія, съ которыхъ такое объединеніе производится.

Въ теоріи задача, преслѣдуемая научнымъ знаніемъ вообще, и общая обѣимъ его областямъ, остается въ тѣни, что уже даетъ не совсѣмъ правильное пониманіе собственно идиографическаго построения: увлеченіе тѣмъ же противоположеніемъ оттѣсняетъ на задній планъ и ту объединительную функцію, которую исторія должна отправлять съ идиографической точки зрѣнія, а пренебреженіе ею ведетъ и къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если исторія въ идиографическомъ смыслѣ объединяетъ наше знаніе о дѣйствительности, то, поскольку она научно построяетъ не только цѣлое, но и реальное соотношеніе между частью и цѣлымъ, она должна представлять себѣ послѣднее въ видѣ такой индивидуальности которая вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ изъ частей; историкъ, значить, долженъ научно устанавливать ихъ значеніе для индивидуальнаго цѣлаго, принимаемаго имъ въ качествѣ даннаго. Съ послѣдней точки зрѣнія, если бы историкъ сталъ разсматривать хотя бы весь міръ или весь мировой процессъ, какъ данное индивидуальное цѣлое, онъ долженъ былъ-бы признать своей задачей, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и изученіе реального соотношенія между частями и такимъ цѣлымъ; само собою разумѣется, что ту же точку зрѣнія онъ можетъ примѣнять и къ болѣе узкому содержанію, напримѣръ, къ исторіи человѣчества и т. п.

Въ только что указанномъ, чисто формальномъ смыслѣ все же можно, пожалуй, сказать, что исторія занимается изученіемъ „индивидуальнаго“: вѣдь связь между частями и цѣлымъ въ извѣстномъ смыслѣ также признается „индивидуальнымъ“. Не слѣдуетъ забывать, однако, что, упуская изъ виду объединительную функцію историческаго знанія, легко придать понятію „индивидуальнаго“ гораздо болѣе узкое значеніе, отчасти уже поставленное въ зависимость отъ его содержанія: подъ индивидуальнымъ въ послѣднемъ смыслѣ можно разумѣть конкретно данныя въ дѣйствительности индивидуальности, т. е. личности и событія; но уже на основаніи вышеприведенныхъ соображеній естественно придти къ заключенію, что, за исключеніемъ развѣ предѣльнаго случая, нельзя ограничивать область исторіи изученіемъ такихъ „индивидуальностей“ (т. е. личностей и событій), отдѣльно взятыхъ,

внѣ ихъ отношенія къ данному цѣлому. Вышеприведенныя соображенія, однако, не всегда достаточно принимаются во вниманіе приверженцами идиографической теоріи; напротивъ, они слишкомъ мало настаиваютъ на томъ, что само цѣлое представляется историку такою индивидуальностью, которая мыслится въ качествѣ состоящаго изъ частей цѣлага, и что съ послѣдней точки зрѣнія задача исторіи — науки и состоитъ въ объясненіи того реально-индивидуальнаго отношенія, которое обнаруживается между частями и даннымъ историческимъ цѣлымъ.

Въ связи съ только что приведенными разсужденіями можно разсмотрѣть и другое положеніе основателей теоріи: въ задачу исторіи-науки они включаютъ „изображеніе единичнаго“, или „изображеніе индивидуальнаго“ и т. п.; но мнѣ не разъ приходилось уже указывать на то, что исторія - наука занимается прежде всего научнымъ построеніемъ конкретной дѣйствительности, а не ея „изображеніемъ“. Научное ея построеніе обнаруживается, напримѣръ, и въ установленіи историческаго значенія фактовъ, и въ аналитическомъ изученіи ея съ точки зрѣнія причинно-слѣдственной связи, и въ синтетической ея конструкціи, хотя бы положимъ, въ образованіи понятія объ историческомъ цѣломъ. Итакъ, лучше отличать научно-историческое построеніе отъ изображенія дѣйствительности, легко смѣшиваемаго съ художественнымъ воспроизведеніемъ ея съ чисто эстетической точки зрѣнія.

Въ сущности, сводя понятія о требованіяхъ сознанія вообще и о системѣ абсолютныхъ цѣнностей въ области историческихъ построеній къ понятію объ этической цѣнности, основатели идиографической теоріи полагаютъ, что самое установленіе системы абсолютныхъ цѣнностей, не входитъ въ специально-историческое изученіе, что историкъ исходитъ изъ „даннаго ему“ (и, значитъ, не чисто личнаго) „интереса“ къ той дѣйствительности, которую онъ изучаетъ, и что самый процессъ ея изученія производится путемъ научно-историческаго метода, который (въ специально-научномъ его значеніи) можно примѣнять къ какому угодно объекту; слѣдовательно, историкъ можетъ выбрать его и путемъ отнесенія его къ одной только общепризнанной цѣнности, объективно-данной

ему въ опытѣ. Такое положеніе, однако, нисколько не устраняетъ необходимости и для того, кто занимается исторической работой, сознательно различать отнесеніе даннаго объекта къ обоснованной цѣнности отъ отнесенія его къ цѣнности общепризнанной, а не довольствоваться лишь простою интуиціей. Въдь въ случаѣ отнесенія объекта къ цѣнности, безъ ея обоснованія, историкъ будетъ признавать общепризнанную цѣнность только фактомъ, критерій выбора котораго нельзя почерпнуть изъ него самого; такой фактъ можно подвергать лишь „психологическому анализу“. Итакъ, вышеприведенная конструкція, въ сущности, предполагаетъ опознаніе со стороны историка абсолютныхъ цѣнностей, съ точки зрѣнія которыхъ онъ могъ бы обосновать цѣнность общепризнанную. Слишкомъ мало оставиваясь на выясненіи этой связи, представители разбираемаго направленія также мало обращаютъ вниманія и на совпаденіе между отнесеніемъ къ обоснованной цѣнности и отнесеніемъ къ общепризнанной цѣнности.

Не достаточно отгвѣняя только что указанное положеніе, основатели идиографической теоріи также пренебрегаютъ различіемъ между всеобщимъ значеніемъ данной индивидуальности (личности, событія) и ея историческимъ значеніемъ; послѣднее связано съ вышеуказаннымъ понятіемъ о дѣйственности индивидуальнаго, и, значить, съ понятіями о численности и о длительности его послѣдствій. Исторія, дѣйствительно, должна считаться съ индивидуальнымъ; она должна научно построить его, т. е. объяснить, какимъ образомъ изъ общаго возникло частное; но историкъ не можетъ остановиться на такой стадіи своей работы. Индивидуальное получаетъ историческое значеніе въ его глазахъ, поскольку оно становится „общимъ достояніемъ“, слѣдовательно, поскольку оно отпечатлѣвается, или повторяется въ другихъ индивидуумахъ. И чѣмъ число такихъ повтореній больше, тѣмъ и „всеобщее значеніе“ факта, уже за нимъ признанное, становится важнѣе (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ) и въ историческомъ отношеніи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія дѣйственности индивидуальнаго, слѣдуетъ признать, что объективный признакъ общаго значенія даннаго конкретнаго факта,

отнесеннаго къ цѣнности состоитъ въ общемъ содержаніи данной общественной группы, поскольку оно характеризуется именно этимъ фактомъ.

Вообще, нѣсколько упуская изъ виду понятія о численности и длительности послѣдствій, основатели идиографической теоріи не могутъ отмѣтить и связь между этими понятіями и понятіями о консензусѣ и объ эволюціи; они также едва ли достаточно заботятся о томъ, чтобы въ понятіе свое объ историческомъ развитіи включить понятіе объ историческомъ значеніи звеньевъ даннаго необратимаго эволюціоннаго ряда, мыслимыхъ, какъ части одного эволюціоннаго цѣлаго, да и слишкомъ мало останавливаются на выясненіи того, какимъ образомъ понятіе о человѣческомъ развитіи конструируется въ зависимости отъ такого именно его значенія.

При оцѣнкѣ разбираемой теоріи слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что она мало интересуется свойствами объектовъ, изучаемыхъ исторіей. Въ самомъ дѣлѣ, съ чисто логической точки зрѣнія, изъ нашего научнаго знанія легко выдѣлится цѣлая группа историческихъ наукъ, занимающихся изученіемъ конкретно данной дѣйствительности; но съ такой точки зрѣнія, въ противоположность „естествознанію“, включающему и психологію, и соціологію, къ группѣ историческихъ наукъ придется причислить, на примѣръ, и геологію, и исторію культуры. Дѣленіе наукъ, производимое съ указанной точки зрѣнія, вовсе не считается со свойствами изучаемаго объекта: принимая его во вниманіе можно, сказать, однако, что соціологія, на примѣръ, все же ближе къ исторіи, чѣмъ геологія и т. п.: геологъ можетъ свободно игнорировать принципъ чужого одушевленія; соціологъ и историкъ, напротивъ, исходятъ изъ такого принципа въ своихъ построеніяхъ, что обуславливаетъ и сходство въ нѣкоторыхъ методахъ ихъ изслѣдованія; геологъ пользуется исключительно законами физики (въ широкомъ смыслѣ), а соціологъ и историкъ — въ значительной степени законами психики для научнаго построенія дѣйствительности.

Такія перекрестныя соотношенія часто слишкомъ мало принимаются во вниманіе основателями идиографическаго построенія: рѣзко различая „естествознаніе“ отъ исторической науки, они

забываютъ, что нѣкоторыя отрасли „естествознанія“ пользуются принципами, общими съ тѣми, которыя употребляются историками, не говоря о томъ, что вышеуказанная терминологія („естествознаніе“ и „исторія - наука“) представляется во многихъ отношеніяхъ искусственной.

Въ виду только что указаннаго перекрестнаго соотношенія между науками, изучающими болѣе или менѣе общіе имъ объекты, логическое противоположеніе между общимъ и частнымъ трудно осуществить на практикѣ въ полной его исключительности: вѣдь термины естествознаніе и исторія давно уже ассоціировались съ фактическимъ содержаніемъ сложившихся наукъ, каждая изъ которыхъ фактически занимается частью обобщеніемъ, частью индивидуализированіемъ, и, значить, по своему содержанію, не можетъ быть рѣзко противопоставлена другой, а характеризуется развѣ только преобладаніемъ одной изъ такихъ точекъ зрѣнія. Слѣдовательно, принимая во вниманіе фактическое содержаніе наукъ, можно сказать, что исторія, подобно естествознанію, въ сущности, можетъ имѣть дѣло съ относительными обобщеніями, хотя бы потому, что историкъ, за отсутствіемъ нужныхъ ему относительно общихъ понятій, самъ вырабатываетъ ихъ, примѣнительно къ изучаемымъ имъ объектамъ и въ зависимости отъ тѣхъ именно познавательныхъ цѣлей, которыя онъ преслѣдуетъ.

Понятіе о процессѣ образованія „группы“, на примѣръ, представляется историку относительно общимъ, поскольку онъ изучаетъ возникновеніе ея путемъ установленія общихъ между ея элементами чертъ, хотя бы, на примѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ слѣдитъ за повтореніемъ въ сознаніяхъ индивидуумовъ данной группы одного и того же индивидуальнаго факта, открытія, изобрѣтенія за его постепеннымъ распространеніемъ въ данной общественной средѣ и т. п.

Историкъ можетъ также образовывать относительно общія понятія, поскольку онъ разсуждаетъ о чемъ то общемъ между частями одного и того же цѣлаго (коэксистенціального или эволюціоннаго).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такія же понятія съ относительно

общимъ содержаніемъ историкъ можетъ конструировать и съ чисто эволюціонной точки зрѣнія. Трудно представить себѣ возможность построенія эволюціоннаго ряда, обыкновенно предполагающаго извѣстную степень отвлеченія, безъ „закона“ образованія такого ряда (см. выше); каждое изъ звеньевъ его можетъ отличаться отъ остальныхъ, и тѣмъ не менѣе, въ процессѣ образованія ихъ, одного изъ другого, должно оказаться нѣчто общее, нѣкая „общая тенденція“, обнаруживающаяся въ данномъ рядѣ. Далѣе изученіе совпаденія логическаго построенія нѣкоторыхъ рядовъ съ объективно-данною послѣдовательностью историческихъ фактовъ (напримѣръ, въ исторіи наукъ) тоже можетъ выяснитъ то общее, что въ данномъ рядѣ заключается, хотя бы онъ въ дѣйствительности и былъ извѣстенъ намъ лишь по одному данному случаю. Наконецъ, самое понятіе непрерывнаго развитія даннаго ряда предполагаетъ построеніе относительно общаго понятія о повторяемости даннаго культурнаго фонда въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Такимъ образомъ, фактически историкъ можетъ самъ выработать и относительно общія историческія понятія. Въ логическомъ отношеніи сознательно различая номотетическую точку зрѣнія отъ идиографической, онъ, конечно, не долженъ смѣшивать ихъ, но въ дѣйствительности онъ можетъ соединять ихъ въ своей исторической работѣ.

Само собою разумѣется, что практическія условія такой работы надъ сырымъ матеріаломъ (напр., трата времени и силъ, сопряженная съ изученіемъ его, совершенно раздѣльно съ каждой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія разными изслѣдователями и т. п.) естественно приводятъ къ тому, что одинъ и тотъ же изслѣдователь обрабатываетъ его и съ номотетической, и съ идиографической точекъ зрѣнія.

Впрочемъ, теорія историческаго знанія, построенная съ идиографической точки зрѣнія, ничего не имѣетъ противъ такой фактической комбинаціи; но она не должна приводить къ смѣшенію двухъ принципиально разныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ одинъ и тотъ же ученый можетъ изучать эмпирически данную ему дѣйствительность.

Примѣчаніе. Отдѣлъ третій—объ объектѣ историческаго познанія (не читанный въ нынѣшнемъ академическомъ году) будетъ напечатанъ во второмъ выпускѣ курса.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3—59
§ 1. Понятіе о методологіи исторіи и ея значеніе	3—14
§ 2. Теорія историческаго знанія и методы историческаго изученія	15—17
§ 3. Краткій очеркъ развитія методологіи исторіи въ прошлой и современной литературѣ	17—59
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Главнѣйшія направленія въ теоріи историческаго знанія	63—67
<i>Отдѣль первый: Построеніе теоріи историческаго знанія съ номотетической точки зрѣнія</i>	68—177
ГЛАВА ПЕРВАЯ: Главнѣйшіе моменты въ развитіи номотетическаго построенія историческаго знанія	69—111
§ 1. Развитіе понятія о законосообразности историческихъ явленій	69—91
§ 2. Развитіе понятія о законосообразности историческихъ явленій въ психологическомъ смыслѣ	91—111
ГЛАВА ВТОРАЯ: Основанія номотетическаго построенія историческаго знанія	112—161
§ 1. Основные принципы номотетическаго построенія историческаго знанія	113—136
§ 2. Номологическія обобщенія	136—155
§ 3. Типологическія обобщенія	155—161
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Критическое разсмотрѣніе номотетическаго построенія историческаго знанія	162—177
<i>Отдѣль второй: Построеніе теоріи историческаго знанія съ идиографической точки зрѣнія</i>	178—292
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Главнѣйшіе моменты въ развитіи идиографическаго построенія историческаго знанія	179—220
§ 1. Идиографическое построеніе съ точки зрѣнія эмпиризма и рационализма	181—188
§ 2. Идиографическое построеніе съ точки зрѣнія этическаго и метафизическаго идеализма	188—201
§ 3. Идиографическое построеніе съ точки зрѣнія позитивизма и пробабиллизма	202—209
§ 4. Идиографическое построеніе съ точки зрѣнія теоретико-познавательнаго идеализма	209—220
ГЛАВА ВТОРАЯ: Основанія идиографическаго построенія историческаго знанія	221—284
§ 1. Основная задача идиографическаго построенія	221—231
§ 2. Понятіе объ индивидуальномъ и его историческомъ значеніи	231—254
§ 3. Понятіе объ исторической связи	254—276
§ 4. Понятіе объ историческомъ цѣломъ	276—284
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Критическое разсмотрѣніе идиографическаго построенія историческаго знанія	285—291